

Великая окопная война. Позиционная бойня Первой мировой

Первая мировая была еще и первой позиционной, окопной войной. После стабилизации фронта осенью 1914 года боевые действия выродились в беспощадную и бессмысленную бойню, не имевшую аналогов в мировой истории, когда за каждый метр продвижения вперед приходилось платить тысячами жизней – все попытки перейти в наступление захлебывались в крови и грязи, атакующие цепи выкашивались пулеметами и ураганным артиллерийским огнем, войска все глубже зарывались в землю... Но бойня продолжалась и под землей, где команды саперов прокладывали галереи и контргалереи, пытаясь подорвать целые участки фронта, и на поверхности, где среди кольев, надолбов и миллионов километров колючей проволоки схватывались штурмовые группы, вооруженные огнеметами, пистолетами-пулеметами и специальными траншейными ножами...

Эта книга – первое в отечественной литературе исследование Великой Окопной войны 1914–1918 гг., чудовищная жестокость которой не только обошлась Европе в миллионы жизней, но и сломала судьбу европейской цивилизации, став первым актом трагедии XX века.

Великая забытая война

Алексей Ардашев

Великая Окопная война. Позиционная бойня Первой мировой

Моим сыновьям Максиму, Денису и Ивану и внукам Даниилу и Георгию посвящается эта книга

Предисловие

«Самая последняя» из войн – чтобы наступил вечный мир!

Война может иметь хорошие последствия у дикарей, способствуя отбору наиболее сильных и стойких, но на цивилизованные народы влияние ее обыкновенно самое пагубное: она ведет к взаимоистреблению самых лучших и самых храбрых.
Фурье

Война четырнадцатого года... Эта война имеет множество имен. Ее называли четырехлетней, просто Большой, а также Великой и Великой Европейской, Первой мировой, а затем и просто WW1; в нашей стране – Второй Отечественной и Великой Отечественной, Германской и Империалистической, а ныне часто и жаргонно – 1МВ или ПМВ. А еще – траншейной, окопной и позиционной. Любопытно, что по какому-то странному недоразумению накануне войны в Европе было принято считать, что это «самая последняя» из войн – чтобы наступил вечный мир! Как же все ошибались...

Название Первая мировая война (28 июля 1914 – 11 ноября 1918) утвердилось в историографии только после начала Второй мировой в 1939 году. У междоусобицы в Европе широко употреблялся термин «Великая война» (англ. The Great War, фр. La Grande guerre). Она стала переломным моментом европейской цивилизации, ознаменовавшим конец XIX века – эпохи консерватизма, просвещения и стабильности и начало XX века – периода великих революций и мировых войн, массового террора и стремительного научного и технического развития. В результате войны распались и исчезли с карты мира несколько великих империй: Российская, Германская, Австро-Венгерская империи, ушли в прошлое «старая добрая» Англия и «прекрасная» Франция. Эту войну современники охарактеризовали как конец XIX века. Сегодня можно сказать, что она знаменовала собой начало конца нашей цивилизации, эта война стала подлинным началом XX века.

Великая Европейская открыла новую эпоху: глобализация событий, войн, экономик, открытий. Это был один из самых широкомасштабных военных конфликтов в истории человечества. Но мясорубка Первой мировой оказалась как бы в тени последующей за ней Второй мировой войны, которая своими ужасами закрыла от нашего внимания Первую мировую бойню. А ведь Великая война является одним из ключевых событий мировой истории, она определила мировую эволюцию всего последующего времени, оказала огромное влияние на события XX века: дала импульс научно-технической революции и сделала насилие привычным орудием разрешения международных споров. За четыре военных года произошла революция в экономике, коммуникациях,

национальной организации, в социальной системе мира. Война оставила после себя невиданное озлобление народов, выплеснувшееся в кровавую драму Второй мировой.

Общеввропейская драка подстегнула разработку новых вооружений и средств ведения боя. Впервые в истории всех войн нашли широкое применение танки, авиация (как дирижабли, так и самолеты), пулеметы, пистолеты-пулеметы, огнеметы, подводные лодки, торпедные катера, зенитные и противотанковые орудия, минометы, гранатометы, бомбометы, сверхтяжелая и сверхдальнобойная артиллерия, ручные гранаты, химические и дымовые снаряды, боевые отравляющие вещества и противогазы.

Появление в начале XX века нового стрелкового вооружения, точного и скорострельного, привело к застою в европейской военной мысли среди воюющих держав. Результатом стала затяжная окопная война. Армии не могли продвигаться перед подавляющей огневой мощью противника. Конечный же результат заключался в тупике – на всех фронтах воюющих держав. Окопная война рушила все предвоенные планы. Противоборствующие армии окопались по обе стороны линии фронта – сначала западного, а затем и восточного. Это означало продолжительную, кровавую, бессмысленную борьбу до истощения – позиционную оборонительную войну. Особенно ярко это проявилось на западе Европы. В течение более чем двух лет линия западного фронта сдвинулась лишь на каких-нибудь десять миль. Широкое применение автоматического оружия, траншеи и проволочные заграждения создали патовую ситуацию. Появилась «окопная тактика» ведения войны с целью изматывания противника и истощения его экономики, работающей на снабжение фронта.

А ведь война была начата из самых лучших побуждений – считалось, что это была «война, чтобы завершить все войны!».

Часть I

Последняя битва империй. Сила против силы

Все ищут и не находят причину, по которой началась война. Их поиски тщетны, причину эту они не найдут. Война началась не по какой-то одной причине, война началась по всем причинам сразу.

Томас Вудро Вильсон

Уже с конца XIX столетия европейских политиков не покидало ощущение надвигающейся катастрофы. Мир сотрясали то англо-бурская, то испано-американская, затем Русско-японская, итало-турецкая и бесконечные Балканские войны, но в большую войну не перерастали. А уж политическим кризисам, будоражившим Европу, можно было потерять счет.

Против кого дружить будем?

В 1905 году Германия заключила союзный договор с Россией (Бьеркский договор), но он так и не вступил в силу. К 1914 году уже оформились два мощных военно-политических блока. Старый Свет разделился на два враждующих между собой лагеря – Тройственный союз и Антанту. Столкновение между этими группировками казалось неизбежным, но вряд ли кто мог тогда представить, к каким катастрофическим последствиям оно приведет. Двадцать миллионов убитых, сотни миллионов покалеченных, сровненные с землей некогда цветущие города и села – таков был результат Первой мировой войны...

К мировой войне готовились все крупные государства планеты еще с 1880-х годов. Где-то в начале второго десятилетия XX века подготовка к Большой войне была в целом завершена, то есть в европейских государствах было накоплено громадное количество вооружений, воинского снаряжения, создана нацеленная на войну инфраструктура. Осталось только найти подходящий повод. И его нашли. 28 июня 1914 года в Сараево сербский патриот Гаврила Принцип убил австрийского эрцгерцога франца Фердинанда, наследника престола династии Габсбургов, заместителя главнокомандующего армией империи. И все крупные державы посчитали необходимым начать войну. И война началась. Террористический акт был лишь поводом, которого все ждали.

Задолго до этого в Европе нарастал клубок противоречий между великими державами – Германией, Австро-Венгрией, Францией, Великобританией, а также Россией. Нарастающая экономическая мощь Германии требовала перераспределения мировых рынков, чему противостояла Великобритания. Французские и германские интересы сталкивались в спорных пограничных областях, которые в течение веков переходили из рук в руки, – Эльзас и Лотарингия. На Ближнем Востоке сталкивались интересы практически всех держав, стремившихся успеть к разделу разваливающейся Османской империи.

Блок Антанта (оформился после англо-русского союза в 1907 году):
Российская империя, Великобритания, Франция.

Блок Тройственный союз:

Германия, Австро-Венгрия, Италия.

Однако в ходе войны произошли некоторые рокировки и замены: Италия вступила в войну в 1915 году на стороне Антанты, а к Германии и Австро-Венгрии присоединились Турция и Болгария, образовав Четверной союз (или блок Центральных держав).

Центральные державы:

Германия, Австро-Венгрия, Османская империя (Турция), Болгария.

Союзники Антанты:

Япония, Италия, Сербия, США, Румыния.

Друзья Антанты (поддержали Антанту в войне):

Черногория, Бельгия, Греция, Бразилия, Китай, Афганистан, Куба, Никарагуа, Сиам, Гаити, Либерия, Панама, Гондурас, Коста-Рика.

Очень много странностей в лагере Антанты случилось из-за того, что в ее составе были Россия и Франция... Франция – союзница России; союзница Франции – Великобритания. Вечный противник Великобритании становится союзницей России. Союзница Великобритании... Япония! В итоге недавний враг – Япония становится союзницей России.

С другой стороны, явная вражда между Турцией и Россией привела к тому, что эта страна, находившаяся под сильным английским влиянием, оказалась союзницей Германии. Италия, входившая в Тройственный союз и долгие годы считавшаяся естественной союзницей Германии, в итоге оказалась в лагере стран Антанты.

Мешанина. Киш-миш по-турецки.

Хронология объявления войны

В итоге в войне участвовали 38 государств, в которых проживало 70 % населения земного шара. Силы Антанты во главе с Францией, Россией, Великобританией, с 1915 года с Италией, и с 1917 года с Соединенными Штатами победили государства Четверного союза (также известные как Центральные государства) во главе с Австро-Венгрией, Германией, Османской империей и Болгарией.

В августе 1914 года мир еще не знал, насколько грандиозной и катастрофической станет объявленная в первый день последнего летнего месяца война. Никому еще не было ведомо, какие неисчислимы жертвы, бедствия и потрясения принесет она человечеству и какой неизгладимый след оставит в его истории. В результате войны армии стран-участниц потеряли около 10 млн солдат убитыми и 22 млн ранеными. И именно тем страшным четверем годам Первой мировой было суждено невзирая на календари стать подлинным началом века XX.

В сентябре 1914 года произошла первая битва на Марне. Война разворачивалась на двух основных театрах военных действий – в Западной и Восточной Европе, а также на Балканах и в Северной Италии, в колониях – в Африке, в Китае, в Океании. Очень скоро после начала войны стало ясно, что столкновение примет затяжной характер. Несогласованные действия стран Антанты, обладавших заметным превосходством, позволяли Германии – основной военной силе Тройственного союза – вести войну на равных.

Несмотря на ожесточенное сопротивление к 1917 году стало ясно, что победа достанется Антанте Италия еще в 1915 году объявила войну Австро-Венгрии. На стороне Антанты выступили США (после знаменитой «телеграммы Циммермана»). В августе 1916 года к Антанте присоединилась также долго колебавшаяся Румыния, но получилось весьма неудачно; вскоре ее территория была оккупирована странами германского блока (значительно позже относительно надежности Румынии в качестве союзника А. Гитлер говорил: «Если Румыния закончила войну на той же стороне, что и начала, – значит, она перебежала два раза!»).

Внутренняя ситуация привела к Февральской революции в России, а позже и к Октябрьской революции, в результате которой Россия сепаратно вышла из войны на крайне невыгодных условиях (был заключен капитулянтский Брестский мир – «похабный мир», по выражению В. И. Ленина), так как к 1917 году Россия уже не была в состоянии вести какие бы то ни было боевые действия. Это позволило Германии продолжить войну еще год.

После провала очередного наступления на Западном фронте в ноябре 1918 года в Германии тоже началась революция (закончившаяся 9 ноября свержением кайзера Вильгельма и установлением Веймарской республики).

11 ноября 1918 года германское и союзное командование заключили перемирие в Компьене, завершившее Первую мировую войну. В том же месяце прекратила существование Австро-Венгрия, распавшаяся на несколько государств; монархия в

ней была свергнута.

Крах империй

Результатом Первой мировой войны стал распад и ликвидация четырех империй: Германской, Российской, Австро-Венгерской и Османской (Оттоманской), причем две последние были разделены, а Германия и Россия, перестав быть монархиями, были урезаны территориально и ослаблены экономически. Германия потеряла свои колониальные территории. Получили независимость Чехословакия, Эстония, Финляндия, Латвия, Литва, Польша и Югославия. Война подготовила почву для будущего распада Британской империи.

Первая мировая война определила конец старого мирового порядка, который сложился после Наполеоновских войн. Результат конфликта оказался важным фактором для начала Второй мировой войны. Именно реваншистские настроения в Германии фактически привели ко Второй мировой.

Помимо этого, мировая война стала одной из главных причин, перевернувших жизнь России революций – февральской и Октябрьской. Старая Европа, на протяжении столетий сохранявшая ведущие позиции в политической, экономической и культурной жизни, начала утрачивать лидирующее положение, уступая его нарождающемуся новому лидеру – Соединенным Штатам Америки (или САСШ – Североамериканским Соединенным Штатам, как было принято называть эту страну в то время).

Эта война по-новому поставила вопрос о дальнейшем сосуществовании различных народов и государств. Да и в человеческом измерении цена ее оказалась небывало высока – великие державы, входившие в состав противоборствующих блоков и принявшие на себя основную тяжесть боевых действий, потеряли значительную часть своего генофонда. Историческое сознание народов оказалось настолько отравленным, что надолго отрезало пути к примирению тем из них, которые выступали в роли противников на полях сражений. Прошедших же ее горнило и выживших мировая война «наградила» постоянно напоминавшим о себе ожесточением. Была серьезно подорвана вера людей в надежность и разумность существовавшего миропорядка.

Краткая предыстория

На рубеже XIX–XX веков соотношение сил на международной арене резко изменилось. Геополитические устремления великих держав: Великобритании, Франции и России, с одной стороны, Германии с Австро-Венгрией – с другой – привели к необычайно острому соперничеству.

В последней трети XIX века геополитическая картина мира выглядела так: США и Германия по темпам экономического роста стали опережать и вытеснять на мировом рынке «старые» великие державы – Великобританию и Францию, одновременно претендуя на их колониальные владения. В этой связи крайне обострились отношения между Германией и Великобританией в борьбе как за колонии, так и за господство на океанских просторах. В тот же период образовались два недружественных блока стран, окончательно размежевавших отношения между ними. Началось все с австро-германского союза, образованного в 1879 году по инициативе канцлера Отто фон Бисмарка. Впоследствии к этому альянсу присоединились Болгария и Турция. Несколько позже сложился так называемый Четверной союз, или Центральный блок, который положил начало серии международных договоров, приведших к созданию в 1891–1893 годах противостоящего русско-французского блока.

Стрелковая цепь. Перед перебежкой

В 1904 году Великобритания подписала три конвенции с Францией, которые означали установление англо-французского «Сердечного согласия» – «Entente cordiale» (Антантой этот блок стал называться позже, когда в противоречивых отношениях этих двух стран наметилось непродолжительное сближение). В 1907 году с целью урегулирования колониальных вопросов относительно Тибета, Афганистана и Ирана был заключен русско-английский договор, который фактически означал включение России в состав Антанты, или «Тройственного соглашения». В нараставшем соперничестве каждая из великих держав преследовала собственные интересы.

Российская империя, осознавая необходимость сдерживания экспансии Германии и Австро-Венгрии на Балканах и упрочения там собственных позиций, рассчитывала на отвоевание у Австро-Венгрии Галиции, не исключая при этом установления контроля над находящимися во владении Турции черноморскими проливами Босфор и Дарданеллы.

Британская империя ставила целью устранить главного конкурента – Германию и

упрочить собственное положение ведущей державы, сохраняя господство на море. Одновременно Британия планировала ослабить и подчинить своему внешнеполитическому курсу союзников – Россию и Францию. Последняя жаждала реванша за поражение, понесенное в ходе франко-прусской войны, а главное – хотела возвратить утраченные в 1871 году провинции Эльзас и Лотарингию.

Германия намеревалась нанести поражение Великобритании, чтобы захватить у нее богатые сырьевыми ресурсами колонии, разгромить Францию и закрепить за собой пограничные провинции Эльзас и Лотарингию. Кроме того, Германия стремилась овладеть обширными колониями, принадлежавшими Бельгии и Голландии, на востоке ее геополитические интересы простирались к владениям России – Польше, Украине и Прибалтике, а еще она рассчитывала подчинить своему влиянию Османскую империю (ныне Турцию) и Болгарию, после чего совместно с Австро-Венгрией установить контроль на Балканах. Нацелившись на скорейшее достижение своих целей, германское руководство всячески искало повод для развязывания военных действий, и он в конечном итоге нашелся в Сараево...

«О, что за чудесная война!»

Военная эйфория, охватившая европейские страны, постепенно переходила в военный психоз. В день начала боевых действий император Франц Иосиф обнародовал манифест, в котором в числе прочего содержалась знаменитая фраза: «Я все взвесил, я все обдумал»... В тот же день состоялось заседание российского Совета министров. Военное руководство страны считало необходимым провести всеобщую мобилизацию, призвав в армию 5,5 млн человек. Военный министр В. А. Сухомлинов и начальник Генерального штаба Н. Н. Янушкевич настаивали на этом в надежде на быструю (продолжительностью 4–6 месяцев) войну. Германия предъявила России ультиматум с требованием прекращения всеобщей мобилизации в течение 12 часов – до 12.00 1 августа 1914 года. Срок ультиматума истек, и Россия оказалась в состоянии войны с Германией.

Дальнейшие события развивались стремительно и неотвратимо. 2 августа Германия вступила в войну с Бельгией, 3 августа – с Францией, а 4 августа в Берлине было получено официальное уведомление о начале военных действий против нее Великобританией. Таким образом, дипломатические баталии в Европе сменились кровавыми сражениями на поле боя.

Русские трехдюймовки на военном смотре

Вероятно, высшее руководство Германии и Австро-Венгрии не представляло себе, к каким катастрофическим последствиям приведут их действия, но именно политическая недалекость Берлина и Вены сделала возможным столь роковое развитие событий. В условиях, когда еще оставалась возможность разрешения кризиса мирным путем, ни в Германии, ни в Австро-Венгрии не нашлось ни одного политика, который бы выступил с подобной инициативой.

Интересно, что между Германией и Россией к началу XX столетия не было таких непреодолимых противоречий, которые неизбежно должны были перерасти в столь масштабное военное противостояние. Однако было очевидно стремление Германской империи к европейскому и мировому господству. Схожими амбициями руководствовалась и Габсбургская империя. В условиях усиления их военно-политической мощи ни Россия, ни Франция, ни тем более Великобритания не могли позволить себе оказаться на вторых ролях. Как заметил по этому поводу российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов, в случае бездействия пришлось бы «не только отказаться от вековой роли России как защитницы балканских народов, но и признать, что воля Австрии и стоящей за ее спиной Германии является законом для Европы».

«Война до победного конца!»

К началу августа 1914 года перспектива «большой европейской войны» была налицо. Главные державы противоборствующих союзов – Антанты и Центрального блока – начали приводить свои вооруженные силы в боевую готовность. Миллионные армии выходили на исходные боевые позиции, а их военное командование уже предвкушало скорую победу. Тогда мало кто мог предположить, насколько она недостижима...

В том, что дальнейшие события августа 1914-го развернулись по тому сценарию, которого никто не мог и предположить, на первый взгляд не было никакой логики. В действительности же такой их поворот был предопределен целым рядом обстоятельств, факторов и тенденций.

8 августа представители большинства политических партий и объединений выразили на заседании российской Государственной думы верноподданнические чувства императору, а также веру в правоту его действий и готовность, отложив внутренние разногласия, поддержать солдат и офицеров, оказавшихся на фронтах.

Общенациональный лозунг «Война до победного конца!» был подхвачен даже либерально настроенными оппозиционерами, которые еще совсем недавно ратовали за сдержанность и осторожность России во внешнеполитических решениях.

После объявления Высочайшего манифеста о войне со всех уголков страны, из всех губерний в Санкт-Петербург хлынули заверения в верноподданнических чувствах. Через неделю пришли ответные телеграммы: «Благодарю население губернии за его преданность и готовность послужить Мне и Родине. Николай».

Часть 2

Великие армии. «Веет ветром от шага полков»

Следует знать, что война всеобща!

Гераклит Эфесский

Накануне войны все противоборствующие стороны не увеличивали резко численность своих армии. Основное внимание было уделено совершенствованию системы мобилизации населения и увеличению стратегических мобилизационных запасов.

Состояние мобилизованных вооруженных сил противоборствующих сторон на начало войны

Английская пехота поднимается в атаку

С началом мобилизации стороны начали переброску войск в районы развертывания. Германское командование развернуло против Франции 7 армий и 4 кавалерийских корпуса, до 5000 орудий, всего группировка германских войск насчитывала 1 600 000 человек. Германское командование планировало нанести сокрушительный удар по Франции через территорию Бельгии. Однако несмотря на то, что все основное внимание германского командования было приковано к вторжению в Бельгию, германцы принимали все меры для того, чтобы не дать французской армии, наступавшей в Эльзас-Лотарингии, захватить этот регион.

Русская артиллерия на позиции

Германским войскам противостояли французские, бельгийские и британские войска. Французская армия была развернута в составе пяти армий и одного кавалерийского корпуса, при 4000 орудиях. Численность французских войск составляла 1 300 000 человек. В связи с наступлением германской армии через территорию Бельгии на Париж французскому командованию пришлось отказаться от предусмотренного перед войной «плана № 17», который предполагал захват Эльзаса и Лотарингии. В связи с этим окончательные районы расположения французских армий и их состав в конце августа значительно отличались от намеченных мобилизационным «планом № 17».

Бельгийская армия была развернута в составе шести пехотных и одной кавалерийской дивизий, при 312 орудиях. Численность бельгийских войск составила 117 тыс. человек.

Британские войска высаживались во французских портах в составе двух пехотных корпусов и одной кавалерийской дивизии. Лишь к 20 августа английские войска численностью 87 000 человек, при 328 орудиях сосредоточились в районе Мобеж, Ле-Като. Стоит отметить, что у союзных войск не было единого командования, что самым отрицательным образом сказывалось на действиях войск Антанты.

К концу развертывания силы сторон численно были примерно равны (1 600 000 германских войск против 1 562 000 войск союзников). Однако стратегическая инициатива была на стороне германцев. Их развернутые войска представляли почти сомкнутую сосредоточенную силу. Войска же союзников имели неудачное расположение. Линия фронта французских войск загибалась от Вердена на северо-запад вдоль французо-бельгийской границы и обрывалась у Ирсона. В районе Мобежа развертывались британские войска, бельгийская армия имела свой собственный район развертывания.

Как видим, Антанта изначально имела военный потенциал, заметно превосходящий потенциал Центральных держав, как демографический, – так и в области вооружений (кроме тяжелой артиллерии, где огромное преимущество имела Германия). В ходе войны ресурсы Тройственно-Четверного союза лишь истощались, в то время как ресурсы Антанты постоянно возобновлялись.

Часть 3

«Свежая и веселая» война. Кровавый тупик

Война возникает по всякому поводу, если того желает один из противников.
Маршал Фош

Накануне войны все рассчитывали на быструю и «веселую» войну, которая «освежит застоявшуюся кровь» Старого Света. Предполагалось коллективное поигрывание мускулами и легкое кровопускание друг другу. Однако весь ход этой войны оказался абсолютно непредсказуемым и непредвиденным для всех политиков и военных.

Продолжительность войны

«Война – это скучно, если длится долго».
Наполеон

Участники войны рассчитывали на завершение боевых действий в течение нескольких месяцев. Все были глубоко убеждены в ее непродолжительности – никто не предвидел четырехлетнюю кровавую бойню. Вступившие в нее страны пусть и по-разному, но готовились к войне скоротечной и маневренной. Если французы, например, уповали на «наступательный дух», то германская пехота основательно готовилась к «продвижению» огня – отработывая стрелковую подготовку подразделений, передвижения редкими цепями с постепенным их усилением, окапывание.

Во Франции некоторые энтузиасты, подбодренные накачивающейся массой русской армии (так называемым «русским паровым катком»), видели себя уже через три недели в Берлине.

Российский Генеральный штаб также рассчитывал на быстротечную войну – продолжительностью 4–6 месяцев.

Особенно уверены были в скорой победе германские генералы, разработавшие план «молниеносной войны». Германия планировала провести свой первый в XX веке «блицкриг» за 6–8 недель! После молниеносного разгрома Франции Германия рассчитывала столь же быстро победить и Российскую империю. Германский кайзер Вильгельм II, обращаясь к войскам, направлявшимся на фронт, заявил: «Солдаты, прежде чем листья падут с этих лип, вы вернетесь домой с победой». Кайзер и не подозревал, что через четыре года в побежденной Германии произойдет революция, а он сам еле унесет ноги от восставших рабочих и солдат, чтобы спастись в нейтральной Голландии...

В итоге все противники планировали воевать от 2 до 6 месяцев, в худшем случае – до 12. Но даже эти планы военных ведомств никак не согласовывались с действиями министерств финансов, торговли и промышленности, да и просто с состоянием национальной экономики. Результат оказался весьма плачевным.

«Русский паровой каток»

В Европе в своих надеждах на победу в войне больше всего уповали именно на пресловутый «русский паровой каток» и «бесчисленные азиатские орды»! Русский колосс оказывал волшебное действие на Европу. На шахматной доске военного планирования огромные размеры и людские резервы этой страны имели самый большой вес. Несмотря на ее неудачи в японской войне, мысль о «русском паровом катке» утешала и ободряла Францию и Англию.

Ближний разрыв

Кавалерийская лавина казаков производила такое сильное впечатление на европейские умы, что многие газетные художники рисовали ее с подробнейшими деталями, находясь за тысячу километров от русского фронта. Казаки и неутомимые миллионы упорных, терпеливых русских мужиков, готовых умереть, создавали стереотип русской армии. Ее численность вызвала ужас: 1 423 000 человек в

мирное время, еще 3 115 000 при мобилизации составляли вместе с 2 000 000 территориальных войск и рекрутов 6 500 000 человек.

Русская армия представлялась гигантской массой, пребывающей в летаргическом сне, но, пробужденная и пришедшая в движение, она неудержимо покатится вперед, волна за волной, невзирая на потери, заполняя ряды павших новыми силами. Усилия, предпринятые после войны с Японией для устранения некомпетентности и коррупции в армии, привели, как думали в Европе, к некоторому улучшению положения. «Каждый французский политик находился под огромным впечатлением от растущей силы России, ее огромных ресурсов, потенциальной мощи и богатства», – писал сэр Эдуард Грей в апреле 1914 года в Париже, где он вел переговоры по вопросу заключения морского соглашения с русскими. Он и сам придерживался тех же взглядов. «Русские ресурсы настолько велики, – сказал он как-то президенту Пуанкаре, – что в конечном итоге Германия будет истощена даже без нашей помощи России».

«Война заводов» и «война ресурсов»

С началом «траншейного сидения» быстро стало ясно, что в затяжной позиционной войне выиграет не тот, кто был сильнее к началу войны, а тот, у кого, в конце концов, окажется больше ресурсов – войск, вооружения, боеприпасов, продовольствия, нефти, угля, металла. Война быстро превратилась из «войны армий» в «войну ресурсов». И в этих условиях последующая блокада Германии союзниками сыграла важную роль в их грядущей победе. В то время, когда союзников подпитывали не только их колонии, но и практически весь мир, Германия медленно задыхалась в тисках континентальной блокады.

«Винтовочный голод»

«Винтовки сейчас дороже золота».
Военный министр генерал Поливанов

Катастрофа в отношении вооружения, понесенная армиями в эту войну, первоначально зависела не от качества оружия, а от его количества. Уже через несколько месяцев в русских войсках стало не хватать винтовок. Вследствие напряженности и непрерывности боев и массовости потерь убыль винтовок оказалась громадной: она во много раз превысила все расчеты мирного времени. Маршевые пополнения, отправлявшиеся на фронт для укомплектования полков, шли лишь частично вооруженными, имея винтовок на половину или даже четверть личного состава, а вскоре и совсем без оружия, в надежде получить его на фронте из числа исправляемого в передовых оружейных мастерских. Были пехотные полки, в которых в 1915 году находилось всего 25 % полагающегося им по штату оружия. В прифронтовой полосе в запасных батальонах было громадное количество безоружных солдат.

До июля 1914 года ежемесячную потребность исчисляли в 52 000 винтовок и 50 млн патронов, с 1 января 1916 года – уже в 200 000 винтовок и 200 млн патронов, т. е. вчетверо больше. Запланированной производительности в 60 000 винтовок в месяц три русских оружейных завода достигли лишь в июне 1915 года невероятным напряжением сил и затратой средств.

«В поисках оружия» – именно так обозначил В. Г. Федоров многочисленные заботы «по добыванию» оружия для русской армии, которые охватили большинство офицеров и чиновников. России катастрофически не хватало всего, что было необходимо для войны. В русской армии запасы оружия и боеприпасов никак не отвечали военным условиям. Но, так или иначе, но к концу 1916 года ценой титанических усилий «винтовочный голод» был почти утолен.

Что же касается союзников и противников России, то их возможности по мобилизации национальной промышленности оказались куда более значительными. Франция подготовилась к войне хоть и не лучше, но французская промышленность сумела быстро развернуть производство оружия. Германия к середине 1916 года поставила его массовое производство на поток с привлечением не только частной оружейной, но и гражданской промышленности, подняв выпуск одних только винтовок в 10 раз. Таким образом, Первая мировая оказалась не просто войной машинного периода, но и первой «войной заводов».

Устаревшее и трофейное оружие использовали все армии; немцы, например, слали на фронт винтовки Маузера 1871–1884 годов, переделывали трофейные русские трехлинейки.

Во всей остроте встал перед Россией и Западом вопрос военного оснащения гигантских людских масс России. Русской армии были необходимы миллионы винтовок и тысячи пушек. Сменивший Сухомлинова на посту военного министра генерал Поливанов записывает в дневнике: «Винтовки сейчас дороже золота». Для того чтобы

западная помощь была эффективной, следовало, во-первых, определить нужды России. Во-вторых, закупки в Британии и Соединенных Штатах требовали жесткой централизации: они требовали единоначалия. Китченер попросил великого князя Николая Николаевича прислать в Англию артиллерийского специалиста с «диктаторскими» в отношении закупок полномочиями.

8 марта 1915 года Китченер заказал для русской армии в США у фирмы «Вестингауз» один миллион винтовок, а у фирмы «Бетлехем стил» пять миллионов трехдюймовых снарядов. Зияющим местом русско-западных отношений стал провал с выполнением русского заказа британской компании «Виккерс». Эта фирма задолго до 1914 года заняла совершенно особое место в военном оснащении России, получив фактическую монополию на производство орудий для русской армии. В 1911 году она активно участвовала в создании военно-морской базы в Николаеве, а двумя годами позже помогла в создании Царицынского артиллерийского завода. Русское правительство официально определило «Виккерс» как «единственную фирму, способную дать совет и осуществить руководство в создании русской индустрии вооружений от начала до конца». Но даже масштабного приложения ресурсов этой крупной фирмы оказалось недостаточно для подготовки многолетней войны на выживание. Следовало думать о мобилизации собственных возможностей.

В начале 1915 года под руководством великого князя Сергея Михайловича (бывшего генерального инспектора артиллерии) была создана Особая распределительная комиссия по артиллерийской части. Перед ней официально была поставлена задача: покончить с неэффективностью работы промышленности и «ликвидировать конфликт» между фронтом и тылом. Обстановка в комиссии была почти панической. Из заказанного Китченером миллиона винтовок первая половина должна была поступить в Россию лишь к маю 1916 года. Не дала результата и попытка найти «диктатора снарядов». Генерал Тимченко-Рубай, посланный в Лондон, с одной стороны, имел ограниченные полномочия, а с другой – не проявил необходимой твердости характера и расторопности.

Обратившись к «Виккерсу», Китченер убедился, что фирма находится на грани перенапряжения. Требования к ней превосходили ее возможности. Она снабжала быстро растущую британскую армию, и выполнение заказа восточного союзника было для нее в данной ситуации за пределами возможного. Во второй половине марта великий князь Сергей Михайлович окончательно пришел к выводу, что нужно покупать на Западе производственные мощности – то есть сами заводы – и производить вооружение в самой России. Реализация этой идеи была возложена на генерал Маниковского, ставшего в июне 1915 года руководителем Главного артиллерийского управления.

«Снарядный голод»

Все воюющие стороны накопили накануне войны достаточные, как предполагалось, стратегические запасы артиллерийских снарядов, которых должно было хватить на всю войну, а именно 1000–1300 снарядов на орудие. В ходе войны при интенсивной артподготовке одно орудие расстреливало такое количество снарядов за 2 дня!

Один из русских военачальников писал: «Мы начали войну, имея максимальное число заготовленных снарядов на орудие 1300, в то время как Германия – 980, Австро-Венгрия – 600. Уже в сентябре 1914 года во Франции и Германии ощущался недостаток снарядов. Но в то время, когда наши враги и наши союзники сделали из этого надлежащий вывод – мы продолжали роскошествовать, ничем не увеличивая пополнения».

Выяснилось, что траншейная война требует чудовищного расходования снарядов атакующей стороной.

Тяжелая артиллерия должна была выбросить совершенно апокалиптическое количество чугуна, для того чтобы разрушить неприятельские заграждения и, внеся сумятицу в неприятельские окопы, подготовить условия для атаки. Например, в сражении на Сомме осенью 1916 года французы накопили 6 млн снарядов – столько, сколько Франция израсходовала за весь 1914 год. На каждый погонный метр Западного фронта в сутки выбрасывалась тонна стали!

Сразу после начала войны русская армия стала испытывать острый снарядный голод. По довоенным расчетам, на месяц войны необходимо было 0,5 млн 3-дм (76-мм) снарядов, а к концу августа 1914 года израсходовали уже 1,5 млн штук. Примерно в таком же положении оказались и французы, гораздо быстрее мобилизовавшие промышленность для выполнения военных заказов. Были срочно разработаны упрощенные образцы боеприпасов, пригодные для массового производства на срочно приспособленных гражданских заводах.

В России поставка 76-мм снарядов почти весь первый год войны удовлетворяла лишь около 1/15 потребности армии. При таких условиях естественна была невозможность осуществления сколько-нибудь широких оперативных замыслов. Благодаря затишью на

фронтах с переходом к позиционной войне и усилившемуся поступлению снарядов русская армия лишь к третьему году войны стала довольно богата выстрелами к 76-мм пушкам. К февралю 1916 года на фронтах (кроме Кавказского) состояло в среднем по 1250 выстрелов на каждое 76-мм орудие; к концу же года – в декабре – запас достиг до 2700 патронов на 76-мм пушку. В связи с накоплением запаса 76-мм патронов расход их чрезвычайно увеличился в период интенсивных боевых операций первой половины 1916 года.

Во время брусилковского наступления на Юго-Западном фронте при прорыве укрепленной полосы у деревни Сопанов одна из батарей ударной группы за два дня боя, 22 и 23 мая, выпустила свыше 3000 снарядов. По сравнению с тратой снарядов французской и германской артиллерии этот расход – по 250 снарядов на пушку в день боя – вовсе не является чрезмерным. Боевых припасов в русской артиллерии хватало лишь для единичных подобных случаев. Уже 25 мая, при развитии дальнейших действий прорыва у деревни Сопанов по овладению соседним участком неприятельской позиции, артиллерия была сильно ограничена боевыми припасами. Результатом подобных вынужденных действий артиллерии явились огромные жертвы со стороны ведущих атаку частей 35-й пехотной дивизии...

На Западе надежды перемежались с почти паническим восприятием происходящего. С одной стороны, в войну против Центральных держав 23 мая 1915 года вступила Италия. С другой стороны, союзники с тревогой наблюдали за кризисом на Востоке, где собственно территории России впервые после Наполеона стал угрожать противник. Запад не был просто наблюдающей стороной. Так, производство снарядов в России зависело от деталей, поставляемых британскими фирмами, а задержка этих поставок ослабляла русское сопротивление. К примеру, в марте Петроград запросил 5 миллионов трехдюймовых снарядов, но британская фирма «Виккерс» не сумела выполнить контракт. Возможно, официальный, правительственный Лондон не сумел вовремя подстегнуть основных военных производителей из-за того, что посол Бьюкенен сообщал (24 февраля), что русская армия будет готова к наступлению лишь через несколько месяцев – именно тогда ей и понадобятся британские снаряды. Острее других чувствовал грядущую беду Ллойд Джордж. В начале марта 1915 года он потребовал создания специальной союзной организации, координирующей всю военную промышленность Запада.

Немалые усилия привели к тому, что ежедневное производство снарядов достигло 35 000. Русские заводы стали производить в месяц 67 000 винтовок, заграничные поставки составляли 16 000 единиц в месяц – общее число 83 000. А немцы между тем усиливали давление на фронте. Если «Виккерс» не поставит снаряды в марте, писал великий князь Китченеру, русская армия не сможет устоять летом 1915 года. Дефицит вооружений пришелся на период самого жесткого напряжения на русско-германском фронте.

«Патронный голод»

С запасом патронов в России дело обстояло не лучше. Даже по заниженным нормам винтовочных патронов требовалось 3 млрд 346 млн штук, запланировали же около 3 млрд, но вот заготовить успели только 2 млрд 446 млн штук. При этом умудрялись еще и передавать оружие за границу. Так, в 1912 году отпустили Болгарии 50 000 трехлинеек и 25 000 берданок, в 1913-м – Монголии 10 000 трехлинеек и 9 млн патронов, перед самой войной – Сербии 120 000 трехлинеек и 200 млн патронов, да еще Черногории 21 млн патронов.

Характерен следующий диалог:

- Вы работаете над автоматической винтовкой?
- Да, Ваше Величество.
- Я против ее введения в войска.
- Осмелюсь спросить, Ваше Величество, почему?
- Да для нее не хватит патронов...

Такая беседа состоялась 21 февраля 1912 года в аудитории Михайловского артиллерийского училища между полковником В. Г. Федоровым и императором Николаем II. Вопрос касался самой актуальной тогда темы – оснащения армии автоматическим оружием и связанной с этой проблемой задачи обеспечения патронами, которых и так не хватало.

«Гранатный голод»

Как и в случае с винтовками, главной проблемой были не боевые качества гранат, а их недостаточное количество в войсках. Запасы арсеналов были израсходованы в первые месяцы войны, промышленность была не в состоянии производить достаточное количество этих боеприпасов. Налицо был «гранатный голод». К началу 1915 года войска получили около 400 000 ручных гранат, а только ежемесячная потребность

Ardashev_Aleksej_-_Velikaya_okopnaya_vojna_Pozicio.fb2
армии в гранатах оценивалась в 1 800 000 штук.

Французская траншея после отбития немецкой атаки

Оценки современников

Окончательно снятый со своего поста военный министр Сухомлинов дал показания Особой комиссии, открывшие неприглядную картину неготовности России к продолжительной войне. Министр оказался в Петропавловской крепости (откуда его без лишнего шума царь освободил – по просьбе царицы – в 1916 году). Зинаида Гиппиус видела корень всех бед в «темных массах народа, который не понимает, куда его гонят, который способен лишь выполнять приказы свыше, подчиняясь слепой инерции». Генерал Нокс беседует с русским солдатом: «Мы отступим до Урала, и армия преследователей сократится до одного немца и одного австрийца. Австрийца, как заведено, возьмем в плен, а немца убьем».

Выступая на заседании Совета министров, военный министр генерал Поливанов сказал в начале августа, что верит «в необозримые пространства, непролазную грязь и милость Святого Николая Чудотворца, покровителя Святой Руси». Страшным для страны обстоятельством становится то, что крестьянин, мужик, впервые начинает изменять вековой привычке бестрепетно сражаться за царя и отечество. Американский историк сделал аналогичный вывод: «Впервые в русской истории ее солдаты-крестьяне лишились желания сражаться за царя и страну, которые не давали им ничего взамен. Жизнь на фронте больше не приносила славы – она означала лишь смерть». Обеспокоенный этой ситуацией Янушкевич пишет из ставки царю: необходимо пообещать каждому солдату-крестьянину шестнадцать акров земли за верную службу. «Я прошу простить мою назойливость, но, как утопающий хватается за соломинку, я пытаюсь найти любые способы выхода из сложившегося положения».

Кошмар позиционного тупика

«Облагораживать войну – все равно, что облагораживать преисподнюю!»
Сэр Джон Фишер

Блицкриг, как идея решения стратегических проблем оперативными инструментами, не был плодом военной мысли военных теоретиков рейхсвера и вермахта – на самом деле он был недостижимой мечтой всех Генеральных штабов европейских государств с XIX века, с момента выхода на поля сражений многомиллионных призывных армий. Достичь искомого результата, победы в войне, путем одной-единственной операции – мечталось каждому мало-мальски серьезному политику и военному; главным образом, из-за катастрофического размера издержек на существование массовых армий.

Поскольку целью войны все военные теоретики Европы, начиная с Клаузевица, полагали решение политических задач, то теория блицкрига стала абсолютно естественным ответом военной науки на вызовы времени. Вся стратегия Мольтке-старшего, например, сводилась к планированию первой операции, после завершения которой противник должен быть разбит. Это требование – разгром противника в первой операции – стало базисом для всех последующих титанов военной теории. На этой основе строился и план Шлиффена, и французская идея «элана», наступления до полного истощения сил, и собственно теория блицкрига, появившаяся уже в следующую, послевоенную эпоху.

Позиции после артподготовки

Первая мировая война, увы, разрушила теоретические построения военных мыслителей – главным образом, технически; пулеметы и проволочные заграждения вкуче с миллионными армиями на ограниченных театрах военных действий поставили жирный крест на идее «быстрой войны». Но уже весной 1918 года и немцы, и союзники нашли противоядие от «позиционного тупика» – причем каждый свое. Германская армия создала штурмовые группы, англо-французы – танки. И тот, и другой инструмент был тактическим способом взлома позиционной обороны, но уже «План 19» Фуллера предполагал использование масс танков, сопровождаемых пехотой и кавалерией, для решения оперативных и даже стратегических задач. Правда, Первая мировая закончилась до того, как этот план начал приводиться в действие, – но решение позиционной проблемы уже витало в воздухе. Посему нет

ничего удивительного в том, что чуть позже «молодые полковники» (Гудериан в Германии и де Голль во Франции) почти одновременно пришли к идее «молниеносной войны» с использованием ранее исключительно тактического вида оружия, танков – но по абсолютно различным причинам.

Всеми сторонами в будущей всеевропейской войне планировались маневренные действия, широкие стратегические охваты, стремительные окружения и быстрый разгром противника в пограничных сражениях. И для всех ее участников оказалась большим сюрпризом невозможность преодоления огня вражеской обороны.

Но к началу 1915 года и на Западе, и на Востоке установились позиционные формы войны. То, что в Русско-японскую войну показалось случайностью, теперь стало постоянным кошмаром длиной в 4 года. Сплошные линии траншей с ходами сообщения и укрытиями, опоясанные несколькими рядами колючей проволоки, ошетилившиеся пулеметами и прикрытые артиллерийским огнем, образовывали укрепленные полосы, оказались неуязвимыми для пехотных атак. Властвуя на поле боя и «прячась» от артобстрелов, пулеметы срывали любые атаки.

Позиционный кризис заключался не только в невозможности прорыва оборонительных линий, но и в невозможности закрепления этого успеха. Проблема состояла в том, что коммуникации наступающей армии проходили через разрушенную вдребезги зону неприятельской обороны. Даже если эти коммуникации не попадали под огонь с флангов, доставка через месиво разрушенных окопов боепитания и подкреплений вызывала серьезные сложности. Пока атакующая сторона тащила через разрушенную прорывом местность артиллерию, боеприпасы и пехотные подкрепления, обороняющаяся сторона, опираясь на неразрушенные линии снабжения, успевала организовать новые оборонительные линии. По сути дела, шла безнадежная гонка: наступающие пытались протолкнуть свои резервы через «бутылочное горлышко» зоны прорыва, в то время как обороняющийся подвозил свои резервы к участку боев по нетронутым железным и шоссейным дорогам. Естественно, вскоре силы сторон уравнивались и наступление прекращалось. Затем готовилась еще одна серия бессмысленных военных операций, в результате которых можно было отвоевать лишь несколько километров болотной грязи.

Кавалерия после нескольких шрапнелей

В итоге темпы развития наступления были меньше, чем темпы маневра резервами у обороняющегося. Это как долбить тараном в стену замка, когда с той стороны ее достраивают быстрее, чем таран разрушает. Понятно, что шансы ворваться внутрь крепости при этом крайне невелики. Разве что кирпичи у защитников кончатся раньше, чем расколется таран. То есть стороны неизбежно приходили к «войне ресурсов».

Генералы еще не знали, что преодолеть позиционную войну они не в состоянии, так как войска были лишены достаточной подвижности. Развитие военной техники на тот период не позволяло широко использовать механический транспорт на местности, перекопанной окопами и разрушаемой артогнем. Лишь через десятилетия были созданы образцы танков и самолетов, способных справиться с теми трудностями, которые сковывали войска во время Первой мировой, загоняя их в кровавый тупик.

Провал германского плана Шлиффена в августе 1914 года, вместе с увеличением дальнбойности и точности стрелкового оружия и пулеметов, поставил европейские армии в безвыходное положение равного противостояния. Родилась «траншейная война». Армии не могли продвинуться вперед, подавляемые огнем противника. В итоге обе стороны закапывались в землю на всем протяжении фронта.

Вот как это определяет военная энциклопедия: Позиционная война – война, в которой вооруженная борьба ведется в основном на сплошных, относительно стабильных фронтах с глубоко эшелонированной обороной. Как правило, характеризуется высокой плотностью войск и развитым инженерным обеспечением позиций. Во время ведения позиционной войны военно-политическая и стратегическая обстановка остаются стабильными в течение длительного времени. Военные действия с обеих сторон методичны и малорезультативны, наступательные операции неэффективны, и даже при благоприятном завершении приводят к ограниченным результатам. Стратегической целью позиционной войны становится демографическое и экономическое истощение противника.

Главным фактором, оказавшим кардинальное влияние на общую ситуацию, сложившуюся в Европе к исходу августа 1914-го, было непредвиденное изменение самого характера боевых действий. Согласно сложившимся стереотипам и правилам войн XVIII и особенно XIX веков, враждующие стороны рассчитывали одним генеральным сражением определить исход всей войны. С этой целью с обеих сторон были задуманы широкомасштабные стратегические наступательные операции, способные в самое

короткое время разгромить основные силы противника. Однако надежды высшего верховного командования обоих враждующих блоков на скоротечную войну не сбылись.

Согласно планам высшего военного командования Антанты и Германии, стратегические задачи развернувшейся войны должны были решиться во второй половине августа в так называемом Пограничном сражении между англо-французскими и немецкими силами. Однако битва эта, пришедшаяся на 21–25 августа, также не оправдала возлагаемых на нее надежд. Ее итогом явилось не только стратегическое отступление всей северной группировки англо-французских войск, но и фиаско Германии. Немецкое командование так и не смогло достичь поставленной перед своими войсками цели – охвата и разгрома главных сил противника. Задача быстрого достижения успеха, положенная в основу германского плана, оказалась невыполненной.

В новых условиях генеральные штабы как Германии, так и Антанты должны были коренным образом пересмотреть прежние планы, а это повлекло за собой необходимость накапливания новых людских резервов и материальных сил для продолжения дальнейшего вооруженного противоборства. Кратковременный маневренный этап закончился, наступил длительный позиционный период.

Воюющие страны оказались в западне, созданной ими же самими в течение первых ничего не решивших тридцати дней почти непрерывных сражений, в западне, откуда не было и не могло быть выхода. После своего неожиданного поражения немцы вынуждены были отойти к реке Эна и окопались там. Вялые попытки выдохшихся союзников выбить их с укрепленных позиций успеха не принесли, и к середине сентября воюющие стороны решили взять передышку.

Лишь 16 сентября развернулись встречные бои и сражения с целью взаимного обхода открытых флангов. Начался знаменитый «бег к морю», который продлился целый месяц. Противники, пытаясь упредить друг друга, двигались фактически параллельным курсом. Всякий раз, когда одна сторона предпринимала попытку атаковать, другая успешно отбивала атаку. В конце концов в середине октября «забег» завершился ничейным результатом – к Ла-Маншу и те и другие подошли одновременно. Флангов больше не было! Не желая все же расставаться с идеей быстрой победы, немцы попытались проделать брешь в не очень плотных порядках союзников.

Местом для очередного сражения они выбрали район города Ипр. В течение трех недель немцы отчаянно штурмовали линию обороны союзников. Однажды в приступе отчаяния германские командиры отправили в бой совсем юных, плохо обученных добровольцев. Они могли наступать лишь плечом к плечу, и их волнами косили английские пулеметчики. Впоследствии сами немцы назвали этот бой «избиением младенцев». Британская оборона выстояла, но с большим трудом. Ее потери оказались столь значительными, что фактически под Ипром была похоронена регулярная британская армия – здесь полегло четыре пятых всего экспедиционного корпуса. Сражение показало, что решающую роль в победе оборонявшихся сыграли пулеметы и магазинные винтовки. Наступающие по открытой местности немцы оказались в крайне невыгодном положении по сравнению с окопавшимися англичанами. Сражение под Ипром стало последней попыткой германского командования одержать быструю победу на Западном фронте. Было решено перейти к обороне.

Обе воюющие стороны к исходу 1914 года были морально подавлены, истощены и начали усиленно окапываться. Понятие «окопной войны» не было в тот момент уяснено противниками. Осенью 1914 года они стремились к образованию сплошного взаимно-неподвижного фронта, воспринимая его как меньшее зло. Немцам необходимо было выиграть время для пополнения сил после Марны. Союзники, пережив в августе приступ отчаяния, думали прежде всего о том, как создать прочную оборону против неизбежной следующей волны «тевтонского нашествия». То есть обе стороны считали позиционный фронт явлением искусственным и, несомненно, временным.

В итоге от Швейцарии до Северного моря протянулась непрерывная цепь траншей. На самом севере находились остатки бельгийской армии и несколько французских соединений, затем располагались англичане, а далее, справа от них, – основные французские части. Так началась окопная война. Западный фронт начал напоминать гангренозную рану, принявшую вид бесконечных траншей, заполненных грязью и человеческими телами, как мертвыми, так и живыми. Война постепенно превратилась в безумие.

Ход военных действий в кампании 1914 года показал крушение стратегических расчетов противников. Война развивалась совсем не так, как это представляли себе правительства и военное руководство воюющих государств. Теперь воюющие стороны обязаны были учитывать следующие реалии: надежды на скоротечную войну рухнули. Следовало готовиться к длительным боевым действиям. Союзники получили возможность использовать против Германии и Австро-Венгрии экономическую мощь всего остального мира, что обеспечивало им победу даже при крушении Западного

фронта; людские резервы союзников также во много раз превосходили германские. Тем самым Германия и Австро-Венгрия не имели шансов на реальный успех. Но если Германия и ее союзники уже проиграли войну, то Антанта еще не выиграла ее. Ведь экономическое и численное превосходство – не более чем предпосылки победы, но отнюдь не сама победа.

Немецкая траншея

Если бы конструкторам воюющих стран не удалось решить принципиальные технические вопросы в области боевой наступательной техники, то вряд ли бы человечеству еще раз захотелось повторить опыт окопного безумия. Можно сказать, что именно танки и самолеты, ставшие намного совершеннее своих первых образцов, позже и соблазнили некоторых военных стратегов Германии во второй раз попробовать осуществить идею блицкрига.

Противники к концу 1914 года на всех фронтах засели друг против друга в траншеи, опутались колючей проволокой, неспособные к движению вперед. Германия вынуждена была от наступления перейти к обороне. Это было важнейшим результатом кампании 1914 года и таило в себе залог будущего поражения Германии.

Л. Д. Троцкий в 1915 году писал: «Сколько раз говорилось, что новейшая техника доведет войну до абсурда и тем сделает ее невозможной. Этого не случилось. Война оказалась чудовищной, но не «абсурдной», т. е. не невозможной технически, наоборот – почти банальной. Старые правила тактики и стратегии отнюдь не оказались опрокинутыми...

Воспитанное на так называемых чудесах техники, на X-лучах и излучении радия, воображение ждало таких приемов, которые сразу обратили бы в ничто тяжелые массы чугуна и свинца. Но нет, все сводится именно к весу. Действительно новых, революционных принципов нет».

Часть 4

Траншея победила крепость

В статье под таким названием, опубликованной в самый разгар войны, Л. Д. Троцкий сделал вывод о конце эры крепостей. Ведь военное искусство является, с одной стороны, крайне революционным фактором, с другой – крайне консервативным. Наиболее радикально Первая мировая поставила вопрос о судьбе крепостей. Ведь под крепостью понимается что-то очень «прочное». Между тем оказалось, что крепости, десятилетиями воздвигавшиеся и укреплявшиеся, рушатся, словно картонный домик в течение нескольких дней боев или просто покидаются гарнизоном, как опасные ловушки. Это происходило в Бельгии и Северной Франции, в Польше и в Западной России. «Люди быстро привыкают ко всему, – писал «Journal de Geneve», – в том числе и к падению крепостей».

Принцип крепости вытекает из необходимости противопоставить в нужных местах, через которые вынужден пройти неприятель, как можно больше препятствий к его передвижению и «заставить искать решение в другом месте». Поединок тяжелого орудия и железобетона закончился полной победой артиллерии. Новейшая по тому времени тяжелая артиллерия уничтожила принцип крепости, она в течение нескольких дней, если не часов, обращала форты в груды обломков. Государства оградили себя высокими валами и фортами, но несчастливую судьбу этих укреплений можно было видеть во всей Европе. Но там же появились новые укрепленные позиции – траншеи, которые держались с обеих сторон в течение нескольких лет.

В итоге траншея победила крепость. Господствовавшая система фортификации была ликвидирована. Но именно траншея с неожиданной силой обнаружила значение укрепленных позиций. Все операции на Западном фронте имеют характер крепостной или осадной войны. Здесь появилась такая система укреплений, которая не спасовала перед тяжелой артиллерией противника. В этой войне вышла победительницей траншея – канава в земле с колючей проволокой перед ней. Торжество траншеи в то время было столь очевидно, что один швейцарский специалист даже пришел к мысли, что войны можно упразднить, если укрепить государственные границы постоянными траншеями и оградить электрифицированными заграждениями (очередное абсолютное оружие, правда, в данном случае – оружие обороны).

Крепостная война

«За высоким забором и сосед добрее».
Английская пословица

К 1914 году территория европейских государств, много лет и систематически готовившихся к неминуемому мировому пожару, была основательно подготовлена к защите от вторжения вероятных врагов наличием не только достаточного количества штыков, но и крепких пунктов – крепостей.

Стратегический план войны включал подготовку обороны собственной страны, заставляя прочно укреплять известные пункты и районы своей территории, с целью или предотвратить вторжение противника, или облегчить собственные наступательные операции. При подготовке обороны страны принимается во внимание географическое и политическое ее положение относительно соседних государств, протяжение и форма границ, населенность, экономическое состояние, состояние армии, ее численность и вооружение и прогнозируемый рост ее в будущем.

Количество крепостей и укрепленных пунктов в Германии, Австрии, Франции и России по состоянию на август 1914 г.

Крепости Германии. На французском фронте Германия имела крепости по Рейну: Кельн, Кобленц, Майнц, Страсбург и передовую активную базу в укрепленном районе Мец-Тионвиль, на самой границе Франции. Находясь в стратегическом пункте, этот район оберегал Эльзас-Лотарингию от вторжения, угрожая французам вторжением германских полчищ в первые же дни войны. Все они оказались по ходу операций вне досягаемости вражеских армий. Но оборонного значения эти крепости не имели, поскольку с первых же дней войны германское командование планировало вторжение на территорию противника. Они выполнили ту роль, какая им предназначалась по оперативным планам войны германского генерального штаба, т. к. они послужили базами наступательных операций германских армий.

Крепости Германии

Крепости Австрии. На Восточном фронте была подготовлена к обороне равнинная часть Галиции (крепости Краков и Львов и укрепления по Днестру), а также Перемышль. Другие австрийские крепости были расположены по границам с Румынией, Сербией и Италией.

Крепости Австро-Венгрии

Крепости Франции. На 250-километровом протяжении франко-германской границы находилась система французских крепостей, которые имели большое стратегическое значение. Главными опорными пунктами этой системы являлись мощные крепости Верден, Туль, Эпиналь и Бельфор. Западнее этой линии находилась еще одна полоса укреплений, в районе Дижона, Реймса, Лиона. В центре страны находился укрепленный лагерь Парижа. Также имелись еще крепости на пути от Парижа до бельгийской границы, но они были устаревшими и не играли большой стратегической роли.

К французским укреплениям на франко-германской границе германское командование относилось очень серьезно, еще в 1905 году Шлиффен писал: «Францию следует рассматривать как большую крепость. Во внешнем поясе укреплений участок Бельфор – Верден почти неприступен...»

Укрепления северной границы Франции

Операционное направление Мец-Париж было кратчайшим, но не «удобнейшим», ибо преграждалось оборонительной завесой (Rideau defensif) Вогезского хребта и Маасских высот, защищенных крепостями Верден, Туль, Эпиналь и Бельфор и рядом фортов-застав между ними. Не менее надежно была укреплена и северная граница Франции: после 1870 года была организована между реками Самброй, Шельдой и Скарпом прочная центральная позиция, усиленная крепостями Мобеж, Конде,

Валансьен, Мод (Maulde), Флин (Flines) и Лилль. Была создана как западная «оборонительная завеса», так и северная, по границе с Бельгией и Люксембургом.

Крепости России. Германия на Русском сухопутном фронте имела 7 больших и 15 малых крепостей разного типа; Австрия – 8 больших и 6 малых, а всего против русской европейской границы стояло 36 укрепленных пунктов, в том числе 15 больших крепостей. Этим 36 укрепленным пунктам наших противников было противопоставлено на границе лишь 11 русских, включая и такие старые укрепления, как Киев и т. п.

Еще в 1873 году на совещании у императора Александра II фельдмаршал граф Берг заявил, что при беззащитности наших западных пределов, в случае наступления противника, германцев и австрийцев, мы вынуждены будем быстро очистить Царство Польское. Печальна роль, сыгранная русскими крепостями. В планах о роли, значении и выполнении ими стратегических оперативных задач был полный сумбур. В итоге своих задач они не выполнили.

Укрепления западной границы Российской империи

Крепости Бельгии. Маленькая нейтральная страна имела немногочисленные крепости, рассчитанные исключительно на оборону и защиту ее нейтралитета – крепости Антверпен, Льеж и Намюр, которые имели большое стратегическое значение.

Крепости Бельгии

Банкротство крепости

Вместе с падением крепостей падала и вера в них. На западе политики раньше военных объявили о «банкротстве крепости». Но принцип особо укрепленных постоянных позиций не может обанкротиться, ибо он вытекает из самой «природы вещей» в военном деле. Другое дело – техническое разрешение задачи. Та система постоянных укреплений, которая была господствующей до войны, несомненно, капитулировала. Изолированные фортовые крепости, за немногими исключениями (преграждение узкостей, удержание в своих руках изолированных участков территории страны), по мнению военных специалистов, стали бесполезны. «Время укрепленных лагерей прошло!»

Параллельно с развитием оружия и средств вооруженной борьбы менялись и взгляды на фортификацию и ее роль в обороне страны в целом. Классическая крепостная система в XIX веке развилась в комплекс фортов, которые, в свою очередь – в «ансамбли» (например, французская линия Мажино), т. е. комплекс фортсооружений, связанных подземными туннелями в единое целое.

Франция. Крепостная артиллерийская бронебашня

Французская артиллерийская бронебашня в русской крепости Осовец

В конце XIX века начала складываться новая фортификационная система, получившая впоследствии название крепостного укрепленного района. Уже после Великой войны стала развиваться концепция «фортификационной пыли», т. е. системы многочисленных небольших огневых сооружений, объединенных в единый боевой комплекс – укрепрайон. В целом развитие фортификационных сооружений шло от большого (крепости) к малому (ДОТ), точнее – от единичных крупных сооружений к большим комплексам малых.

Наступал период строительства развитых пограничных укрепленных линий и укрепрайонов, основанный на многочисленных долговременных сооружениях, располагаемых на местности по правилам полевой фортификации.

Камень преткновения для врага. В Первую мировую пулемет стал ключевой точкой всей системы обороны. Один пулемет мог остановить атаку целой роты. Поэтому он стал основной целью для противника. Чтобы поразить противника, необходимо прежде всего сделать так, чтобы он нас в этом отношении не опередил. Значит, надо сделать пулеметное гнездо неуязвимым для ружейно-пулеметного огня и артиллерии.

Появляются «блиндированные пулеметные гнезда»: пулемет сначала просто ограждают со всех сторон мешками с землей, потом начали делать над ним бревенчатые перекрытия со слоем земли для защиты от шрапнельных пуль. Практика показала, что «защищенный пулемет» очень эффективен на поле боя. Венцом развития защищенных огневых точек стали казематированные сооружения из бетона и стали. Так родился его величество ДОТ. Но это было уже после войны...

Полевая фортификация
«Пот сохраняет кровь»

Устройство полевых укреплений так же старо, как и существование армий.
Ф. Энгельс

Вначале

Траншеи характерны для войн почти с тех пор, как существовали войска. Они были частью войны изначально, при осаде позволяли осаждающему приблизиться к стенам, несмотря на стрелы, пращи и катапульты осажденных. Однако именно с появлением огнестрельного оружия их применение стало более распространенным. Траншея позволяла солдату встать и применить свое оружие под ее защитой. Она позволяла меньшим числом солдат выдерживать атаку более сильного противника. Еще до появления пулемета хорошо оборудованные траншеи приводили к высоким потерям атакующих.

С улучшением конструкции винтовки, артиллерии, появлением пулемета использование траншей становится все более распространенным явлением. Траншеи играли важную роль в Русско-японской и Русско-турецкой войнах.

Система полевой фортификации. Траншея и ход сообщения

По Уставам и Наставлениям того времени стрелковые окопы представляли боевую позицию, имеющую целью предоставить обороняющемуся:

- удобство действия огнестрельным оружием;
- закрытие от огня во время стрельбы из окопа;
- закрытие от огня во время сообщения вдоль фронта позиции.

К ним предъявлялись высокие требования расположения на местности:

- самое тщательное применение к местности и самая совершенная маскировка (малозаметность окопа);
- возможная недоступность для противника непосредственного наблюдения окопов первой линии, а главное – второй и последующих линий и ходов сообщения, соединяющих их с первой линией;
- наличие изломов в начертании линии огня, прямой огонь с которых фланкирует искусственные препятствия и местность впереди соседних окопов;
- фронтальный обстрел без мертвых пространств не менее 200 шагов и обзор не менее 1000 шагов;
- и так далее.

Траншея с креплением крутостей, оснащенная противогранатными сетками

На Западном фронте пехота укрывалась от тяжелых вражеских снарядов в глубоких укрытиях, называемых «лисьими норами», которые являлись наилучшей защитой против губительного артиллерийского огня. Солдаты, укрывающиеся в них, брали с собой свой шанцевый инструмент, чтобы в случае обвала освободить выход. Такие укрытия могли поражаться только прямым попаданием тяжелого снаряда. Но это мало утешало: при той плотности длительных артподготовок, практикуемых на Западном фронте, вероятность прямого попадания была практически стопроцентной.

Великая война

Позиционный тупик и концентрация пулеметов и артиллерии больших калибров на фронте привели к качественному скачку в развитии полевой фортификации. Защита от обстрела являлась жизненно важной для пехотинца. Ветераны говорили: «Пот сохраняет кровь. Десять метров окопов лучше, чем один метр могилы». Основу

обороны составляли три основных элемента укрепления нового образца: рвы, проволока и пулеметы.

Окапывание залегшей под огнем противника пехоты

В ходе войны конструкция траншеи последовательно развивалась: от простой канавы она постепенно превращалась в сложную оборонительную систему. В них начали устанавливать противогранатные сетки, противошрапнельные козырьки, затем стали выполнять полностью крытые траншеи. Получили большое распространение укрытия для пехоты глубокого заложения – так называемые «лисы норы».

Для обороны ближних подступов к траншее за ее бруствером сначала выполнялись вынесенные вперед стрелковые ячейки, а затем – пулеметные гнезда.

Так как близкий взрыв крупного снаряда обрушивал целые участки траншей, их крутости укрепляли всеми доступными подручными средствами – досками, мелкими бревнами, плетнем, листовым железом, мешками с землей. На стабильных участках фронта обделку крутостей траншей выполняли даже из железобетона.

Устройство бойницы в бруствере траншеи

Зима на Западном фронте 1914/15 года оказалась на редкость сырой. Поэтому одной из основных задач являлось сохранение окопов от затопления. Немцы старались устроиться поудобнее. Командиры союзных соединений, полагая, что их долг – с началом весны перейти в наступление и прогнать захватчиков, опасались, что слишком удобная зимовка приведет к утрате бойцами наступательного духа. Поэтому система окопов и укреплений союзников носила более примитивный характер.

Восточный фронт

Австро-немецкие укрепления представляли собой три полосы, находящиеся на расстоянии 3–5 км друг от друга. Каждая полоса представляла собой две-три линии окопов полного профиля с убежищами. Существовала хорошо развитая система ходов сообщения, а все подходы к позициям были прикрыты минными полями, фугасами и колючей проволокой.

Бойницы в бруствере с внешней ставней

Русские укрепления часто состояли лишь из 2 линии траншей и нескольких рядов колючей проволоки. В ходе войны стрелковый окоп претерпел существенные изменения, обусловленные широким применением артиллерии, и прежде всего появлением минометов. Подтверждение этому тезису можно найти в наставлениях времен Первой мировой. Штабом Верховного Главнокомандующего в 1916 году были изданы «Указания по укреплению позиций».

Размещение бойца в подбрустверной нише

Боец в глубокой подбрустверной нише

Пехотное укрытие глубокого заложения

Траншеи со стрелковой ступенькой, бойницей в бруствере и козырьком

В ноябре 1915 года на Восточном фронте окончательно установилась боевая линия. Обе стороны спешно ее укрепляли, немцы усиленно оплетались колючей проволокой, мы, вследствие малых запасов таковой, пользовались зимним временем, лишившим врага охоты к дальнейшему наступлению, и если укреплялись, то только в меру необходимости – иногда до смешного слабо (например, против немецких 9–12 рядов кольев с толстой колючей проволокой у наших окопов торчал забор из одного ряда

натыканных в снег и мерзлую землю кольшков с 2-3 проволоками, представлявший меньше препятствий даже, чем простая изгородь).

Блиндированное пулеметное гнездо

Сценка из русской окопной жизни – наблюдатели контролируют нейтральную полосу с помощью траншейного перископа, бойцы отдыхают в подбрустверных нишах

Вместо отсутствующей колючей проволоки натягивали сплошь и рядом телеграфную, гладкую. Неприхотливые солдаты сидели и мерзли в окопах, имевших вид простых канав, строя для защиты от стужи землянки, вовсе не предохранявшие от неприятельских снарядов даже полевой артиллерии. Оборона основывалась почти исключительно на маскировке – невидимости наших сооружений.

Тяжелое подземное сооружение для бомбомета или миномета

Появилась возможность приступить к приведению в порядок боевой позиции и к укреплению ее второй линии. Исходя из имевшегося уже опыта позиционной войны было решено обратить главное внимание на выбор и укрепление последней позиции как не подверженной непосредственному поражению артиллерийским огнем противника.

Проводился принцип: первая боевая линия является линией сторожевого охранения; оборонять ее упорно, зачастую по местным условиям, невозможно, а при той силе артиллерийского огня противника, могущего срыть до основания, обращать в какие-нибудь полчаса любой участок укреплений во вспаханное поле – нет оснований. Весь центр тяжести обороны сосредоточивается во второй линии, а далее, при ее прорыве, на второй полосе. Эти линии укреплялись в наибольшем размере.

Миномет на подземной позиции

Западный фронт

При переходе войск к обороне первыми оборонительными сооружениями были простые окопы, рекомендовавшиеся довоенными уставами. Но за короткое время их успевали сильно развить и усовершенствовать. Фох отмечает, что уже к концу 1914 года перед французской армией «стояла грозно организованная оборона». Далее он пишет: «Время позволило обороняющемуся противнику еще усилить оборону проволочными заграждениями, бетонированными закрытиями для фланкирующих пулеметов и орудий, подземными или блиндированными ходами сообщения».

Английские солдаты готовы к отражению германской атаки

Передовой медпункт

Переход к позиционной обороне вызвал необходимость изменить структуру оборонительных позиций и порядок размещения на них войск. Если по довоенным уставам для обороны отрывали одну траншею и в тылу укрытия для резервов, то при переходе к обороне в 1914 году пришлось отказаться от этой системы. Как отмечает фалькенгайн, чтобы обезопасить себя против прорыва передовой линии, было принято решение возводить несколько связанных друг с другом линий, составляющих целую оборонительную систему, несколько находящихся друг за другом позиций. Во избежание потерь от артиллерийского огня передовые линии обороны занимали небольшие силы.

Бойцы в траншее первой линии

Объяснение причин перехода к позиционной обороне будет неполным, если не привести здесь мнение известного советского полководца и теоретика М. В. Фрунзе, который писал так: «Позиционность создавалась на почве бессилия столкнувшихся друг с другом сторон найти решение прямым массовым ударом. С другой стороны, объективные условия в лице ограниченной территории и богатейшей техники позволяли каждой стороне, отказавшись от скорого решения, перейти к обороне на неподвижных позициях. Результатом этих двух моментов и была позиционная тактика с характеризующей ее неподвижностью и устойчивостью линии фронта».

Оборона строила свою силу в 1914 году на огне стрелковой цепи расположенных за ней батарей. Если противнику удавалось прорвать линию огня, то положение стремились восстановить контратакой резервов. При этой системе оборона имела резко очерченную первую линию, которая должна была сломить огнем атаку врага. Эта линия с небольшими промежутками тянулась непрерывно по всему фронту обороны.

«Лисья нора» – подземное укрепление с двойным входом

По мере усиления артиллерийских средств атакующего к лету 1915 года на Западном фронте и к зиме – и в России оборона приобрела иные формы. В борьбе с артиллерией обороняющийся использовал фортификацию, создавая прежде всего прочные убежища непробиваемые огнем врага, и проволочные сети, которые должны были задержать атакующего непосредственно перед стрелковой линией и дать время обороняющемуся расстрелять атаку. Кроме этого, оборона, не надеясь на способность первой линии отразить врага, стала создавать 2-ю и 3-ю линии на расстоянии пушечного выстрела (4–6 км) одна от другой, соединяя их поперечными линиями с тем, чтобы при прорыве врага на одном участке можно было бы остановить его развитие в стороны на хорошо подготовленных линиях. Такой системы обороны придерживались в сражениях 1915–1916 годов под Верденом и на Сомме; такова была оборона австро-германцев против наступления Брусилова.

Кухня в «лисей норе»

Опыт этих боев принес сознание необходимости не только развивать оборону в глубину, но и маскировать ее от наземного и воздушного наблюдения врага, которое стало во всех деталях обследовать тыл обороны, расположение артиллерии, резервов, тыловых позиций и т. п. Поэтому особое внимание стали уделять, во-первых, маскировке, а во-вторых, устройству так называемого передового поля. Передовым полем в боях 1917–1918 годов называлась полоса местности впереди той линии, на которой было решено оказать сопротивление, так называемой главной линии сопротивления, занятой небольшими частями пехоты, которая должна была сдерживать наступление врага, если оно шло без подготовки артогнем, оповещать защитников 1-й линии о начале серьезной атаки и замедлять наступление врага.

Траншеи на Западном и итальянском фронтах были чрезвычайно разнообразны по своему устройству в зависимости от того, когда и где они были построены. На ранних стадиях траншеи, как правило, очень часто рылись в большой спешке и под огнем. Английская пехота во время боев в районе Монсе в 1914 году отчаянно окапывалась с помощью штыков и даже голыми руками. Как правило, это были очень разрозненные мелкие траншеи чуть выше колена, которые мало защищали солдат от огня противника. Такие траншеи не могут быть заняты в течение длительного времени. Не связанные между собой окопы не обеспечивали связь между собой и эвакуацию раненых, что приходилось делать под огнем противника.

По мере хода войны траншеи стали больше и более сложные по устройству и начертанию. Появились развитые брустверы, землянки. Откосы траншеи крепились с помощью деревянных конструкций и мешков с землей. Кабели для полевых телефонов были натянута вдоль стен траншей (хотя британцы рекомендовали «наилучшую практику» – укладывать их в специальные огнестойкие кожухи или закапывать в грунт).

Немцы создали особенно удачные глубокие убежища для пехоты. Передняя линия траншей сообщалась с окопами в тылу. Любопытно, что особенно тщательно скрывали места расположения уборных в главной траншее, т. к. они часто являлись основным объектом для огня противника (там всегда было скопление солдат).

Степень сложности планировки траншеи очень зависит, как правило, от конкретного

участка фронта, на котором она расположена. На тихих участках фронта, где обе стороны применяли принцип «живи и дай жить другим», солдаты часто устраивали себе в траншеях максимальный комфорт, который был возможен. Еда могла готовиться прямо в траншее вместо того, чтобы доставляться из тыла в ведрах и зачастую прибывать уже в холодном состоянии (на более активных участках дым из печи мог вызвать немедленный мощный огонь одной или нескольких батарей).

Вход в глубокое подземное убежище

Комфорт мог повышаться бесконечно (по крайней мере, один британский офицер хвастался в своей землянке диваном, обеденным столом и пианино). На более активных участках любое движение или земляные работы могли вызвать минометный или артиллерийский огонь, поэтому траншеи были выполнены более грубо. Неоднократный обстрел может превратить хорошо построенную траншейную линию в неглубокий кювет.

Несмотря на все усилия их обитателей в траншее может быть холодно, мокро зимой и жарко и зловонно летом. Они были часто заражены крысами и неприятными насекомыми-паразитами. Санитария почти отсутствовала, и трупы павших часто хоронили в стенах траншеи. Заболевания, вызванные постоянно мокрыми и холодными ногами, а также вшами, были широко распространены, если войска слишком долго находились в окопах. Болезни не различали национальностей, и обе стороны страдали в равной степени. С большим трудом были предотвращены эпидемии болезней.

Подземные города под Западным фронтом

В битве, бушевавшей на полях Фландрии, британские солдаты спасались от ужасов войны в «подземных городах». Город Ипр был ареной одной из самых страшных боёв Первой мировой. За четыре года боевых действий город был почти полностью разрушен и 500 000 солдат и мирных жителей погибли на территории чуть более девяти квадратных миль.

В соответствии с английским проектом под землей были построены больницы, столовые, часовни, кухни, мастерские, кузницы и казармы – причем значительно ниже грунтовых вод. «Это были в основном подземные деревни и в некоторых случаях даже небольшие города. В помещениях, соединенных коридорами высотой 1,8 м и шириной 1,2 м, были установлены водные насосы (когда после окончания войны войска покинули туннели, тоннели постепенно были затоплены в течение недели).

Сооружения находились под землей на глубине до 15 м. Каждая казарма с двухъярусными кроватями позволяла разместиться 60 бойцам. Подземный комплекс, построенный в основном силами бывших шахтеров, выдерживал взрыв самых крупных немецких снарядов.

Часть 5

Инженерные заграждения

В условиях позиционной войны инженерные заграждения играли первенствующую роль. Вся колоссальная машина войны споткнулась о колючую проволоку. Это был поистине звездный час «колючки». Позиционная война дала огромный опыт применения всех мыслимых и немыслимых невзрывных заграждений.

Армии за колючей проволокой

Действительно новых, революционных принципов нет. Например, колючая проволока. Эта незамысловатая вещь играла в траншейной войне колоссальную роль. Немцы стали первыми без конца наматывать ее вдоль своего фронта. Противник боролся против немецкой проволоки при помощи ножниц и артиллерии. Целую нацию оцепили невысокой путаной изгородью из проволоочных шипов, – и эта многомиллионная, стоящая на высоте технической культуры, нация не могла ничего выдвинуть против обычной проволоки, кроме простых ножниц, которые приходилось пускать в ход, ползая на животе. Не менее грубым, хотя и более действенным является способ разрушения металлических нитей при помощи артиллерии, которая градом снарядов взрывает всю почву, выворачивает деревянные столбики и тем уничтожает колючую изгородь,

расходуя на это необъятное количество металла и приводя огражденное проволокой пространство в такое состояние, которое чрезвычайно затрудняет движение вперед.

Типы колючей проволоки и заграждений из нее

Перед проволокой и ножницами, как важнейшими факторами нынешней войны, озадаченно останавливались огромные армии. «Это война, которая ничего не изобретает, – жалуется известный писатель-художник Пьер Амп, – а попросту подбирает все средства нападения и защиты, существовавшие с того времени, как люди начали воевать. Это простая сумма орудий смерти. Означает ли это, что наша цивилизация духовно исчерпала себя, что она способна далее только повторять себя, ибо, несмотря на свою науку, она возвращается к борьбе при помощи ножа первобытных эпох! И это чудовищное разрушение, которое она учиняет себе самой, не есть ли доказательство того, что она на ущербе и что с нею вместе кончается мировая эпоха?».

Одинарная колючая проволока

Разрушать железную нить на деревянных столбиках при помощи чудовищного чугунного потока, где на метр проволоки приходится десятки и сотни пудов металла, этот способ особенно ярко обнаружил свою несостоятельность в грандиозных боях Шампани. Когда были разрушены и захвачены укрепления первой линии, и, для того чтобы прорвать немецкий фронт, нужно было только непрерывно продолжать наступление, французская артиллерия вдруг замолчала перед немецкими траншеями второй линии, очистить которые уже готовились немецкие войска. Оказывается, пушечные стволы до такой степени разогрелись от непрерывной стрельбы по колючей изгороди, что дальнейшее продолжение стрельбы – там, где прежде всего требовалась непрерывность атаки, – оказалось невозможным. Это и была одна из причин, которые свели победоносное наступление в Шампани на нет.

В Первую мировую применялись 20 и даже 30-рядные проволочные заграждения! При этом немецкие окопы на Восточном фронте были опутаны такой прочной проволокой, которую часто не брали наши ножницы! Для разрушения вражеских заграждений русские умельцы предложили мортирку, которая стреляла по проволочным заграждениям якорьком с тросом. Зацепившись за проволоку, можно было из укрытия, не подставляя себя под выстрелы, растаскивать проволочные заграждения.

История создания

Изобретение колючей проволоки, безусловно, изменило мир, хотя, вероятно, и не в лучшую сторону. Во второй половине XIX века в США началось активное освоение юго-западных Великих равнин. У поселенцев возникла необходимость огораживать выгоны, чтобы защитить пастбища от «чужого» скота. Проволочная изгородь была самым дешевым решением, но мчащиеся стада рогатого скота практически «не замечали» ее на своем пути.

Фермер Джозеф Глидден из штата Иллинойс в 1873 году стал экспериментировать с короткими проволочными колючками, обернутыми вокруг длинной проволоки (для ускорения этого процесса он применил старую кофемолку). Чтобы закрепить колючки на своих местах, Глидден использовал вторую проволочную нить, обернутую вокруг первой. Конструкция оказалась настолько удачной, что торговец скобяными изделиями Эллууд предложил изобретателю деловое партнерство.

Лесопромышленник Хейш запатентовал свою конструкцию и основал компанию по ее производству. В 1874 году Глидден получил патент. Тогда же компаньоны основали «Компанию колючей проволоки» (Barb Fence Company). До окончания 1874 года они продали 5 т колючей проволоки, а за весь следующий год – 300 т.

Двойная колючая проволока

Бум спроса породил большое количество патентов – около 600, и патентные битвы продолжались много лет. Победителем и «отцом колючей проволоки» был признан Джозеф Глидден. Он был не первым и не последним изобретателем, просто его конструкция оказалась самой удачной.

В 1876 году фермер-изобретатель продал свою долю массачусетской компании

Washburn and Moen, получив в качестве компенсации \$60 000 и лицензионные отчисления по 50 центов с каждых 100 кг проданной в будущем проволоки. Эти деньги сделали его к моменту смерти в 1906 году одним из самых богатых людей в США.

Колючая проволока и проволочные заграждения

Она могла появиться только с развитием промышленности и массовым внедрением различных механических волочильных станков, т. е. тогда, когда стало возможным массовое производство проволоки вообще. Заграждения из колючей проволоки упоминаются как элемент периметра германских фортов уже в конце XIX века. Ее появление и внедрение в боевую практику можно датировать периодом 1860–1875 годов. В войнах конца XIX – начала XX века колючая проволока стала находить все большее применение. Например, осада крепости Порт-Артур в Русско-японскую войну 1904–1905 годов.

«Звездным часом» колючей проволоки явилась Первая мировая война, когда после короткого периода маневренной войны фронты зарылись в землю и началась долгая изнурительная позиционная война. Массовый оборонительный артиллерийский и пулеметный огонь в сочетании с многорядными, тянущимися на десятки и сотни километров проволочными заграждениями срывали любые атаки. Миллионы снарядов расходовались на то, чтобы пробить бреши в заграждениях. Расход снарядов доходил до 120–150 штук на один проход в пятирядном проволочном заграждении. Кавалерия сникла перед сочетанием пулеметов и проволочных заграждений. Пехота беспомощно топталась перед проволочными заборами, пытаясь различными способами прогрызть путь к окопам противника. Ручные гранаты, забытые с XVIII века, обязаны своим вторым рождением именно колючей проволоке. Про них вспомнили в процессе поисков средства преодоления проволочных заграждений. Большинство образцов ручных гранат Первой мировой часто снабжались тремя-шестью специальными шнурками с крючками на концах. Граната бросалась на заграждение, цеплялась крючком и повисала. Взрыв повреждал несколько прядей проволоки.

И только танк, появившийся во второй половине войны, заставил колючую проволоку начать сдавать свои позиции. Его предшественник – бронеавтомобиль был бессилен перед многорядным проволочным забором. Танк своим появлением на свет обязан в том числе и колючей проволоке. Его основное назначение видели в прокладывании коридора для пехоты в проволочных заборах. компоновка (гусеницы огибают весь корпус танка, передняя часть высоко поднята вверх) первого в мире английского танка Mk-1 была выбрана именно исходя из необходимости давить, прорывать проволочные заборы, подминать под себя спирали Бруно. Пулеметы предназначались для флангового прикрытия пехоты, устремившейся в проделанный танком проход. Для таких целей танку не требовались ни большая скорость, ни мощная броня, ни пушечное вооружение. То, что танк способен на гораздо большее, выявилось несколько позднее, уже в ходе первых танковых атак.

Колючая проволока представляет собой стальную не оцинкованную или оцинкованную проволоку овального или квадратного сечения, вписывающуюся в диаметр около 3–4 мм, на которую надеты отрезки этой же проволоки, свитые в форме двух пружин, продетых друг в друга. Такие сдвоенные отрезки (колючки) размещаются через каждые 30–40 см. Виды колючей проволоки: однопрядная овального сечения; однопрядная круглого сечения; двухпрядная круглого сечения.

Установка проволочного заграждения

Существует множество вариантов противопехотных заграждений из колючей проволоки. При их создании все зависит от решаемых задач, наличия материалов, времени, рабочей силы, характера местности, действий противника.

Но во всех случаях при их использовании и применении следует учитывать, что само по себе заграждение не может остановить противника и заставить его отказаться от движения на этом участке. Заграждение может лишь задержать противника, сорвать заданный темп наступления, спутать его боевые порядки, заставить противника перед заграждением свертываться в колонну, а после прохождения зоны заграждения вновь разворачиваться в боевой порядок, заставить расходовать время, силы и средства, предназначенные для решения иных задач, создать благоприятные условия для уничтожения пехоты противника огнем артиллерии и стрелкового оружия, затруднить действия разведчиков противника.

Следовательно, заграждение должно быть:

1) по возможности замаскировано, хотя бы в той степени, чтобы создавать у противника впечатление, что заграждение менее серьезно, чем это есть на самом

деле;

2) полностью простреливаться огнем стрелкового оружия, пулеметов, противопехотных гранатометов; прикрываться огнем минометов и пушек;

3) размещено на местности так, чтобы его дальний край находился в пределах действительного огня стрелкового оружия, а ближний край на дальности, превышающей дальность броска ручной гранаты (с тем, чтобы солдаты противника, находящиеся в зоне заграждений, не имели бы возможности забрасывать траншеи гранатами, а собственные гранаты не повреждали бы заграждение).

Применялись следующие заграждения из колючей проволоки:

Проволочный забор. Собственно противопехотным заграждением такой забор с тремя нитями проволоки назвать трудно. Он может задержать противника секунд на 20–30. Такой забор применяется там, где у солдат нет желания его преодолеть, т. е. против собственных войск (ограждение минных полей, запретных и опасных зон, охраняемых часовыми объектов и т. п.). Он нужен особенно ночью и в условиях плохой видимости.

Проволочный забор «в три проволоки»

Усиленный проволочный забор. Отличается от простого забора тем, что имеет не три, а четыре горизонтальных ряда проволоки. Кроме того, каждый кол имеет растяжки. Такой забор задерживает солдат на 1–5 мин.

Усиленный проволочный забор

3-рядная проволочная сеть на высоких кольях. Состоит из трех рядов простого проволочного забора. Расстояние между рядами 1,5 метра, т. е. общая глубина заграждения 3 метра. Промежутки между соседними кольями смежных рядов заделываются проволокой так же, как и между кольями в ряду. Это уже серьезное противопехотное невзрывное заграждение. Преодоление без использования специального инструмента или приспособлений (ножниц для резки проволоки, рогулек, матов, щитов и т. п.) невозможно. Задержка у заграждения, даже при наличии инструментов и приспособлений, составляет от 8 до 20 минут.

Трехрядная проволочная сеть на высоких кольях

Проволочная спираль. Также известна под названием «Спираль Бруно». Общая высота заграждения получается 1–1,2 м и в глубину 3,2–3,6 м. Этот вид заграждения часто более предпочтителен, нежели проволочный забор.

Проволочная «спираль Бруно»

Во-первых, при заблаговременной заготовке спиралей объем работ сокращается более чем в два с половиной раза;

во-вторых, при нарушении целостности кольев задерживающая способность заграждения практически не изменяется;

в-третьих, можно сокращать число кольев и даже вовсе обходиться без них, ограничиваясь небольшим количеством низких кольев;

в-четвертых, заграждение достаточно легко снимается и может использоваться повторно в другом месте;

в-пятых, после снегопада заграждение можно извлечь из снега и установить его поверх снежного покрова (колья при этом не используются).

Недостатком заграждения является то, что при перекусывании одной пряди спираль легко раздвинуть и обеспечить проход солдат с любым вооружением (т. е. для проделывания прохода в трехрядном заграждении достаточно перекусить проволоку всего в трех местах).

Иногда третий ряд спирали укладывается поверх первых двух. В этом случае высота заграждения увеличивается до 2 метров.

Двухъярусная «Спираль Бруно»

Проволочная сеть на низких кольях. На армейском жаргоне этот вид заграждения именуется «спотыкач». Представляет собой 4–6 рядов кольев высотой 25–30 см с прикрепленной к верхушкам кольев колючей проволокой. Проволока между кольями протягивается в две–три нити и не натягивается, а висит свободно, причем одна или две нити протягиваются так, что образуют петли. Общая глубина заграждения составляет от 4,5 м и более. Основное предназначение «спотыкача» состоит в замедлении движения пехоты противника с одновременным лишением солдат противника возможности наблюдения за полем боя и ведения прицельного огня.

Проволочная сеть на низких кольях

Переносной проволочный еж. Ведет свое происхождение от рогаток, известных еще с XIII–XIV веков. Разница лишь в том, что между концами кольев натянута колючая проволока. Они соединяются между собой колючей проволокой, образуя единое заграждение. Основное предназначение – быстрое закрытие проходов между другими заграждениями, проходов в заграждениях; восстановление заграждений, поврежденных вследствие воздействий противника (обстрелы, траление), закрытие прорех. Ежи, соединенные между собой, представляют собой серьезное противопехотное заграждение, не уступающее проволочной спирали или трехрядной сети на высоких кольях.

Переносной проволочный еж «спотыкач»

Переносная проволочная рогатка. Это вариант известной с XIII–XIV веков рогатки, но на рога кольев натянута колючая проволока, аналогично забору из колючей проволоки. Общая длина рогатки 3 м, высота около 1,2 м. Предназначена для быстрого закрытия проходов в заграждениях, промежутков между заграждениями, проходов между естественными препятствиями. Особенно удобно применение рогаток при устройстве противопехотных заграждений в населенных пунктах (перекрытие улиц, подступов к опорным пунктам и т. п.).

Переносная проволочная рогатка

Решетки-барьеры Нищенского. Русским войскам 5-й армии приказом от 10 мая 1915 года были рекомендованы к применению поднимающиеся решетки и объявлена благодарность их автору штабс-капитану Нищенскому. Решетки – рамы, сколоченные из жердей и обтянутые сеткой из колючей проволоки, устанавливались перед огневыми позициями и обычно находились в горизонтальном положении. Когда противник, переходя в атаку, приближался к ним, они поднимались из траншей канатами.

«Цель решетки, – говорится в приказе, – 1) задержать противника неожиданно для него в последний, самый решительный момент атаки, то есть тогда, когда неприятель приблизится к линии огня на расстояние штыкового удара и когда он меньше всего ожидает встретить какое-либо препятствие, 2) устранить существующую ныне зависимость обороняющегося от своих же искусственных препятствий (рогаток, ежей), которые стесняют свободу действий в случае перехода обороняющегося в атаку».

Решетка-барьер Нищенского

Решетка Ощевского. Применялась для закрытия подступов к капонирам и рвам в крепостях (например, в крепости Осовец). Эта решетка была капитальным сооружением, жестко крепилась на месте. Сама же решетка была весьма полезным изобретением, поскольку разведанное, благодаря своей заметности проволочное заграждение уже не в достаточной мере выполняло свое назначение, так как перед вражеской атакой значительно повреждалось целенаправленным огнем артиллерии противника. Более того, зная расположение проволочных заграждений, противник мог заблаговременно предусмотреть пути обхода и порядок преодоления заграждений,

огневое прикрытие пехоты во время их преодоления. Саперы противника под покровом темноты могли проделать проходы в проволоке, и тогда она вовсе не выполняла своей роли. Огневое прикрытие, конечно же, было, но далеко не всегда оно давало желаемый эффект, а минирование заграждений пребывало в зачаточном состоянии. Да и при наступлении преодоление проволочных заграждений у подготовленного противника, да еще и под прикрытием огневого вала, занимало считанные минуты!

Поднимаемая решетка была малозаметна, а значит, применение ее приводило к резкому снижению темпа атаки, перед препятствием противник вынужден был остановиться и, скучившись, представлял отличную цель для огня обороняющихся.

Противопехотные шипы и капканы

Эти устройства были не столько средством смертоубийства, сколько разнообразностью инженерного заграждения, известного еще в Древнем Риме. В течение Первой мировой войны конструкция противопехотного шипа не претерпела практически никаких изменений, усовершенствования касались лишь технологии изготовления. Как и прежде, он представлял собой шип с четырьмя остриями, направленными в разные стороны с таким расчетом, чтобы один из них в любом случае торчал вверх, а остальные служили опорами.

«Вскоре я потерял направление, попал в воронку от снаряда и услышал голоса англичан, работавших у себя в траншее. Нарушив их покой парой гранат, я быстро скрылся в своей траншее, наткнувшись при этом рукой на торчащий шип одного из наших славных капканов. Они состояли из четырех железных лезвий, на одно из которых я и напоролся. Мы ставили их на крысиные тропы» (Юнгер Э. «В стальных грозах»).

Траншейные шипы

Шипами усеивали «ничейную» землю и усиливали проволочные заграждения. Делалось это с целью противодействия неприятельским ночным рейдам; наступив на такой шип, вражеский солдат тут же, по понятным причинам, обнаруживал не только себя, но и весь отряд. Кроме того, ими могли засыпать окопы и ходы сообщения при отступлении.

Капкан на человека

Известно, что австрийцами, по крайней мере, на итальянском фронте, для усиления проволочных заграждений применялись большие пружинные капканы. Их дуги были усажены стальными шипами, которые при срабатывании капкана пробивали ногу посередине лодыжки.

Тихо ждущая смерть

Минное оружие

В наступившем XX веке, казалось бы, было все необходимое для бурного роста минного оружия. Есть мощные взрывчатые вещества, достаточно развитая промышленность, опробованные средства взрывания, даже основы минной тактики разработаны. Однако новый век с точки зрения развития минного оружия начался довольно вяло. К этому времени артиллерия уже достигла выдающегося развития. Ближние подступы к позициям заливались огнем пулеметов. На этом фоне мины смотрелись просто примитивно и неубедительно. Можно было предположить, что как оружие мины отходят в прошлое. К минам старались прибегать тогда, когда все иные средства вооруженной борьбы были исчерпаны и не дали желаемого результата. Можно сказать, что мины – последняя соломинка, за которую цепляется утопающий. Часто мины – оружие более слабой стороны (не обязательно слабой вообще, в масштабах войны, скорее более слабой стороны здесь, на этом участке, в данное время). В любом случае характер минного оружия имеет четко оборонительный принцип своего применения.

О минных действиях в ходе Первой мировой войны известно мало. Историки обходят эту тему молчанием – частично вследствие того, что мины, органично вписавшись в общую систему заграждений, протянувшихся перед линиями траншей от Балтики до Черного моря, как-то растворились в ней. А частично от того, что многие

свидетели и участники Первой мировой сами мало что понимали в минах и, дабы не выглядеть глупо в своих книгах, просто ничего о минах не писали. Саперы же Первой мировой – народ молчаливый, свою боевую работу подвигом не считали, мемуаров писать не любили.

Если мы и находим упоминания о минной войне, то чаще всего это описания подземно-минной войны (а многие тогда только так и представляли себе мины), когда под ключевые узлы обороны противника прокапывались подземные ходы, порой в десяток и более километров, закладывалось несколько тонн взрывчатки и в нужный момент узел обороны взлетал на воздух. Или же можно прочесть рассказы об импровизируемых солдатами минах-ловушках, которые те оставляли в своих траншеях и блиндажах при отступлении, т. е. своего рода черный солдатский юмор или в отместку за проигранный бой.

О минах в их сегодняшнем понимании (в то время их повсеместно называли фугасами) в книгах, посвященных Первой мировой, речь обычно заходит тогда, когда на поле боя появляются первые танки. Мгновенно появившиеся противотанковые мины (первоначально импровизированные) стали одним из первых средств противотанковой борьбы. Вот только тогда это оружие стало заметным.

Некоторые военные историки полагают, что мины вообще появились как средство противотанковой борьбы, и лишь затем появились противопехотные мины – частично как перенос этого средства поражения на пехоту, частично как средство защиты противотанковых мин от деминеров. Эта ошибка больше характерна для западных историков, которые никогда не считали нужным внимательно изучать военную историю России. А ведь уже в Русско-японской войне 1904–1905 годов в обороне Порт-Артура русские довольно активно использовали противопехотные мины и создали несколько весьма удачных образцов. Тому свидетельством шрапнельный фугас штабс-капитана Карасева, образец которого нынче имеется в экспозиции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге.

Первая мировая война долго не способствовала развитию минного оружия как тактического средства. На поле боя господствовали артиллерия и пулемет, которые надежно уничтожали наступающую пехоту, медленно продвигающуюся сквозь изрытую воронками и перегороженную проволочными заграждениями местность. Атакующий батальон пехоты уничтожался за 5–7 минут. Кавалерии на таких полях сражений места не было и вовсе – всадник вместе с лошадью представлял собой слишком крупную мишень. Особой нужды в противопехотных минах не возникало, и от минирования проволочных заграждений перед своим передним краем довольно быстро отказались.

В отношении минной борьбы русская армия к войне оказалась готова технически, но не готова по запасам взрывчатых веществ и средств взрывания. Централизованных запасов было сделано лишь на 4–6 месяцев войны, которые были израсходованы в первые же два-три месяца. Так как германская армия не располагала ни средствами обнаружения мин, ни специалистами по разминированию, то даже одиночные фугасы сильно сдерживали продвижение войск кайзера, а в некоторых случаях и останавливали. Немцы предпочитали дожидаться, пока их саперные подразделения не проложат новые дороги в обход существующих.

В русской армии фугасами предписывалось закрывать пространства, не поражаемые пушечным и пулеметным огнем, мертвые пространства. Уже в начале 1915 года в армию стали поступать фугасы фабричного изготовления. Они шли под названиями «Большой шрапнельный фугас» и «Малый шрапнельный фугас».

Шрапнельный фугас. Эти фугасы подрывались с пульта управления электроимпульсом. Фугасы зарывались в землю в нейтральной полосе перед проволочными заграждениями на расстоянии около 200 метров от траншей. В качестве пульта управления использовалась подрывная машинка ПМ-13, созданная в 1913 году. Электроимпульс передавался по саперному проводу образца 1900 года.

В ходе войны в инициативном порядке офицерами и солдатами саперных частей изобретались, изготавливались и широко применялись весьма оригинальные мины. Их можно было бы отнести к группе противозаградительных (точнее, к средствам проделывания проходов в заграждениях).

Когда в 1915 году война приобрела позиционный характер, противоборствующие армии стали прикрывать свои позиции сплошными заграждениями из колючей проволоки. Преодолеть столь плотные заграждения без их предварительного разрушения было невозможно. Расход снарядов на проделывание одного прохода шириной 5–10 метров достигал 150–250 снарядов. Вручную проделывать проходы под плотным пулеметным огнем было невозможно. Саперами было разработано немало образцов удлиненных зарядов ВВ для разрушения проволочных заборов. Некоторые из них выдвигались вручную, другие были самодвижущиеся. Известны мина-заряд унтер-офицера Семенова, прибор-тележка рядового Савельева, подвижная мина Сидельникова, ползучие мины Канушкина и Дорошина, мина-крокодил полковника Толкушина.

Тактики применения мин не существовало. Пожалуй, только минирование при отходе войск на исходные позиции после захвата позиций противника, если он контратаковал превосходящими силами, можно было отнести к тактическому приему боя. Минировали траншеи, блиндажи, другие сооружения минами нажимного действия и минами-ловушками с тем, чтобы затруднить противнику использование его же траншей и оборонительных сооружений. Или же для прикрытия отхода, что чаще стало происходить в заключительный этап войны. Известен факт, когда после успешного сражения у Самбре (5–7 июня 1918 года) союзники не смогли преследовать поспешно отходящих немцев, и немецкие командиры смогли превратить бегство в планомерный отход.

Однако специально разработанных противопехотных мин еще не было. В качестве мин использовали обычные артиллерийские снаряды, в которых артиллерийский взрыватель заменялся на специальный взрыватель нажимного действия, часто на основе обычного снарядного взрывателя. Эти снаряды обычно зарывали на дне траншеи, или в полу оборонительного сооружения, или на дороге.

Немцы, кроме того, использовали взрыватели замедленного действия, которые взрывали снаряд в течение 48 часов, после того как он приведен в действие. Такие мины («адские машины», как тогда было принято говорить) было невозможно обнаружить. В ряде случаев это приводило к отказу французских и английских солдат возвращаться в свои окопы.

Противотанковые мины

Знаменательным годом в развитии минного оружия явился 1916 год, когда 15 сентября 32 английских танка впервые атаковали позиции немцев на реке Сомма. Успех был потрясающим – немецкий фронт был прорван по ширине в 5 км и в глубину до 40 км. Новому оружию было нечего противопоставить. Пулеметы были бессильны против брони, полевые пушки эффективно бороться с танками не могли, специальных противотанковых пушек еще не было.

Единственным средством в тот момент, способным остановить танки, оказались мины. Сначала немцы поступали просто – врывали в землю вертикально артиллерийские снаряды, взрыватели которых оставались выше поверхности земли. Это были первые противотанковые противогусеничные мины. Затем немцы импровизировали много типов мин, включая деревянную ящичную мину. Мины взрывались от нажатия гусеницы танка или с пульта управления.

Однако противотанковые мины, импровизированные из снарядов или изготавливающиеся во фронтовых условиях солдатами, были очень ненадежны и опасны в применении. В Германии была срочно разработана и внедрена в промышленное производство стандартная противотанковая мина с 3,6 кг пироксилина. Взрыватель срабатывал под давлением гусеницы танка. Использовался и способ установки мин перед проволочным забором в двух метрах от него в сторону противника. К каждому третьему столбу забора привязывалась проволока, идущая к ящику со взрывчаткой, закопанному в двух метрах от забора. Когдадвигающийся танк сваливал столб забора, заряд взрывчатки взрывался под днищем танка, уничтожая машину и экипаж. Эту простейшую мину следует считать первой противотанковой, противоднищевой миной.

Противотанковая мина из артиллерийского снаряда

Хотя первый успех танковой атаки сентября 1916 года оказался весьма скромным в итоге и настоящий успех к танкам пришел лишь во время сражения при Камбрэ в ноябре 1917 года, немцы оказались весьма предусмотрительными и начали фабричный выпуск противотанковых мин в декабре 1916 года. До конца войны они выпустили их почти 3 млн штук. Немцы после войны подсчитали, что потери союзнических танков от мин были очень существенны: англичане потеряли на минах до 15–28 % своих танков.

Известный немецкий генерал-теоретик и практик применения танковых войск Второй мировой Г. Гудериан в своей книге «Внимание, танки!» (1937 год) указывал, что только с конца июля 1918 года по конец войны (ноябрь 1918 года) французы на минах потеряли 3 танка типа «Шнайдер», 13 танков типа «Рено» и по невыясненным причинам (предположительно на минах) еще 1 танк «Шнайдер» и 70 танков «Рено».

Английская и немецкая противотанковые мины образца 1918 года

Немцы же первыми пришли к выводу о том, что мины могут дать успех при выполнении двух обязательных условий:

1. Мины следует устанавливать длинными рядами и в два-три ряда; отдельно установленные мины или небольшие группы мин неэффективны.

2. Минное поле должно прикрываться огнем пулеметов и артиллерией; что исключает эвакуацию экипажа поврежденного танка и не позволяет организовать буксировку танка в тыл; артиллерия добывает поврежденный танк.

Немцы выработали и первый стандарт противотанкового минного поля.

Успехи немецкого минного оружия заставили союзников озаботиться средствами преодоления минных полей. В 1918 году англичане на базе танка «Mark V» создают танк-тральщик. Он толкал впереди себя несколько тяжелых катков. Этот трал был разработан механизированной полевой ротой королевских инженеров (Mechanical Field Company, Royal Engineer) из Крайстчерча в Дорсете.

Союзники, полагая, что появление немецких танков не заставит себя долго ждать, также предприняли меры по разработке противотанковых мин. Англичане выпустили три образца мин – первый в виде отрезка трубы, второй из артснаряда, третий – ящичная мина. В начале 1918 года Экспериментальное отделение королевских инженеров (Experimental Section of the Royal Engineers) разработало мину для использования против немецких танков, которые начинали появляться на поле боя.

Следует заметить, что усилие срабатывания как немецких, так и английских мин периода Великой войны не превышало 45–50 кг и они могли срабатывать при наступлении на них человека. Эти единичные случаи породили позднее среди военных историков ошибочный тезис о том, что противопехотные мины изначально появились как средство защиты противотанковых мин.

22 марта 1918 года немецкие танки, наступавшие на Гозенкур, наткнулись на английское минное поле, потеряли пару машин, после чего экипажи отказались двигаться дальше. Пожалуй, самый грандиозный успех противотанковые мины имели в марте 1918 года, когда наступающие 35 танков «Mark Vs» американского 301-го тяжелого батальона (301st Heavy Battalion) наткнулись на это же самое минное поле, о котором все забыли. Американцы в этой атаке потеряли на минах 10 танков. Английские мины здесь представляли собой минометные мины, усиленные каждая 23 кг аммотола (аммонита), что приводило к проламыванию тонкого днища машин и гибели экипажа.

Союзники также своевременно предупредили Россию о возможности применения немцами танков на Восточном фронте. Под давлением союзников в России срочно были разработаны несколько образцов противотанковых мин и налажено их фабричное производство. Русские мины оказались более совершенными, нежели английские. Все они были самовзрывного типа. Мина конструкции Ревенского была противогусеничная с взрывателем нажимного действия. Мины Драгомирова и Саляева имели взрыватель наклонного типа и взрывались как под гусеницами, так и под корпусом танка, уничтожая и экипаж, и машину. Однако на русском фронте немецкие танки так и не появились.

Мины-ловушки: смертельное остроумие. Однако мины нашли довольно широкое применение в иной ипостаси, а именно как солдатское средство мести за погибших товарищей, способ выплеснуть накапливающееся раздражение, усталость от войны, отражение личной ненависти к солдату противной стороны, даже своего рода развлечение, циничный солдатский юмор. На войне такие мины малоэффективны. Скорее, это оружие для террора противника. Вот что писал в те дни один из немецких офицеров:

«Люди в траншеях тратят целые дни, превращая каждый блиндаж в смертельную ловушку, и наиболее невинные вещи становятся адскими машинками. Некоторые блиндажи взлетают на воздух при открывании дверей. Чертежный стол с несколькими лежащими на нем книгами – ловушка, и от каждой книги тянется электропровод к заряду, способному уничтожить взвод. Граммофон, оставленный на столе и играющий пластинку, тоже ловушка, и он взорвется, когда мелодия закончится. Разбросанные груды банок тушеной говядины превратились в дьявольские снаряды гибели. Перед траншеями кладут сотни мин натяжного действия... Действительно, я никогда не думал, что британский томми обладает такой дьявольской изобретательностью».

М. Кролл пишет, что такое использование мин и не только их, нацеленное лишь на причинение потерь противнику вне их тактического применения и чисто военной необходимости вообще характерно для Первой мировой войны, которую он называет грандиозной бойней.

В блиндаже, только что отбитом у врага, на столе стоит обычный телефон. Входит солдат, телефон начинает звонить, побуждая снять трубку. С одной стороны, сделать это – стереотипная бессознательная реакция (условный рефлекс) цивилизованного человека, с другой – кто откажет себе в удовольствии сообщить звонящему (звонит-то явно вражеский офицер, полагаящий, что в блиндаже еще свои солдаты) что-либо вроде: «А мы уже здесь, привет». Жертва не догадывается, что

на самом деле это звонок из потустороннего мира, куда ее сейчас и приглашают. На столе стоит не телефон, а мина-сюрприз, провода от которой подведены к двери, и открывший дверь сам заставил телефон звонить. Снятие трубки приведет к взрыву.

Приоткрытый ящик стола. В нем видны бумаги. Естественная реакция – открыть ящик и посмотреть, что за бумаги. Мина-ловушка только этого и ждет. Взрыв.

На плите стоит кастрюля с приоткрытой крышкой. В ней явно что-то вкусное. Но стоит приподнять крышку – и желание покушать навеки останется последним желанием солдата. Притаившаяся в кастрюле мина стережет свою жертву.

Зима, в нетопленном доме открыта дверца печки, откуда видны дрова. Остается лишь сунуть туда зажженную спичку – и скоро станет тепло. Настолько тепло, что уже никогда бойцу не будет холодно. В печке притаилась мина, которая готова взорваться, как только до ее датчика цели доберется огонь.

У двери валяется опрокинутый стул, мешая пройти. Но стоит его приподнять или отодвинуть, как прогремит взрыв.

Следует заметить, что ранение или уничтожение солдата противника, как это ни покажется странным, не является основной задачей противопехотных мин и мин-ловушек. Они служат лишь средством для того, чтобы заставить солдат бояться мин, развить в них минный страх. Именно этот страх как раз и решает основную задачу мин – остановить противника, заставить его отказаться от определенных действий, например от использования помещений, оставленных машин, снаряжения, оборудования, бытовых предметов.

Часть 6

Поиск новых средств и способов прорыва позиционной обороны. Новые формы борьбы

Ход этой войны оказался абсолютно непредсказуемым для политиков и военных. Перед войной среди военных специалистов считалось общепринятым и очевидным, что война должна быть закончена тем же оружием, что и начиналась («коней на переправе не меняют»). Но развитие событий на фронтах оказалось столь неожиданным для всех воюющих сторон, что заставило срочно искать новые тактические приемы и лихорадочно разрабатывать принципиально новые виды оружия.

Ведь позиционная война никем не планировалась и не предвиделась. Большая часть пехотного вооружения того времени была рассчитана на дальность стрельбы больше километра. Войска тренировались в стрельбе на максимальные дальности. Траншейная война внесла свои коррективы. Мощное и дальнобойное оружие применялось практически вплотную, в упор. Участились рукопашные схватки. Пулеметы и шрапнель выкашивали целые пехотные подразделения. В сражении при Монсе процент ранений среди немецких солдат, атакующих британские позиции в тесных порядках, был просто ужасающий. Как потом выяснилось, винтовочные пули при стрельбе на дистанции менее 1000 метров пробивали двух-трех человек, при стрельбе в упор – до шести-семи человек!

Ужас траншейной войны

В первый момент полуторамиллионную германскую армию, казалось, ничто не могло остановить. Она потеснила французов по всему Западному фронту и 31 августа прорвала в сражении у Монса оборону малочисленного Британского экспедиционного корпуса. Однако уже в сентябре французам удалось остановить немцев в сражении на Марне. Обе стороны, зарывшись в землю, построили обширные системы окопов. Эта линия окопов протянулась на 700 км через всю Францию. Окопной войне на Западном фронте было суждено продлиться целых четыре года. Бои велись месяцами. Командование то и дело бросало войска в наступление, и один день уносил жизни десятков тысяч людей, погибших ради жалкого клочка земли. Почти до самого конца войны линия фронта не смещалась больше чем на 65 км в ту или иную сторону. Массированные наступления союзников (главным образом, французов) в 1915 году сопровождались огромными людскими потерями, не принося заметных успехов.

Когда боевые действия затянулись, часть северо-запада Франции оказалась захваченной противником и началась жестокая траншейная война, в которой противостояли огромные людские массы, со значительными потерями, цветы со стволов винтовок исчезли, уступив место критической ясности. Многие тогда заметили, как они позволили себя «оболванить» лживой пропагандой. Речь больше шла не о «самой последней» из войн – чтобы наступил вечный мир! – а о том, чтобы стать подопытными мышками для ужасных машин для убийства и пушечным мясом, для того, чтобы грудь нескольких генералов засияла медалями. «Свежая и веселая» война обернулась для всех ужасающей бойней, в которой погибло огромное число

мужчин в расцвете лет.

С русской стороны первые успехи скоро сменились поражениями. Наглядно предстали все пороки существующего строя: бездарное высшее командование, практически отсутствующее военно-техническое обеспечение, невероятный расцвет спекуляции и казнокрадства в тылу. Чтобы помочь союзникам на западе, русский генштаб отправлял в атаку на немецкие позиции, ошетинившиеся пулеметами и пушками, солдат, вооруженных винтовками с несколькими патронами, часто без артподготовки (из-за нехватки снарядов). «Костлявая с косой» собирала обильный урожай. Миллионы убитых и раненых на русском фронте вызвали все более глубокое возмущение в обществе.

Русская гвардия пострадала особенно сильно. Полковник лейб-гвардии Финляндского полка Дмитрий Ходнев: «К февралю 1917 года, понеся за время войны страшные потери, гвардейская пехота как таковая почти перестала существовать! «Старых» – кадровых офицеров, подпрапорщиков – фельдфебелей, унтер-офицеров и рядовых «мирного» времени, получивших в родных полках должное воспитание – «добрую закуску», понимавших и свято хранивших свои традиции, видевших мощь, славу, величие и красоту России, обожавших царя, преданных ему и всей его семье, – увы, таких осталось совсем мало! В действующей армии, в каждом гвардейском пехотном полку насчитывалось человек десять-двенадцать таких офицеров (из числа вышедших в поход 70–75) и не более сотни солдат (из числа бывших 1800–2000 мирного времени). В каждом бою гвардейская пехота сгорала как солома, брошенная в пылающий костер. Перебрасываемая постоянно с одного участка фронта на другой... посылаемая... в самые опасные, тяжелые и ответственные места, гвардия все время уничтожалась...» Можно предположить, что если бы удалось сохранить гвардию, то, возможно, результат Октябрьского переворота получился бы совсем иной (если бы он вообще оказался возможным).

Выход России из лагеря Антанты был компенсирован вступлением в войну Соединенных Штатов, но боевой дух солдат союзников упал, так как теперь все осознавали абсурдность этой всеобщей бойни и, кроме того, находились под влиянием взорвавшейся русской революции. В апреле 1917 года на французском фронте вспыхивали массовые солдатские бунты, жестоко подавлявшиеся.

Окопная стратегия и траншейная тактика

Наука успокаивает, искусство же существует для того, чтобы не дать успокоиться.

Жорж Браа

Общие принципы прорыва укрепленной полосы стали ясны к концу Великой войны и были понятны военным обеих сторон: эшелонирование, концентрация, внезапность, взаимодействие и т. д. В каждом конкретном случае шла конкретная подготовка: тщательная разведка, наряд конкретных сил, решение вопросов взаимодействия (с той же артиллерией – количество снарядов и мин, создание огневых коридоров, отсечение резервов противника и т. д.), выделение групп саперов, вопросы задымления и применения газов, связь, графики ввода сил... и прочее.

Уже в ходе Первой мировой была полностью пересмотрена организация армий, выработаны методы и созданы средства как для увеличения темпов продвижения наступающих войск, так и для воспрепятствования маневра резервами обороняющегося. В результате союзники создали танки, а немцы «пехоту нового строя» – ни одна армия не внедряла так быстро и в таких масштабах настолько продвинутую тактику пехоты.

Позиционный тупик

«Я не знаю, что делать. Это не война».

Лорд Китченер, военный министр Великобритании

Накануне войны все воюющие стороны считали, что новая война будет высокоманевренной. Генштабы планировали стремительные прорывы в глубь территории противника, глубокие охваты, лихие рейды по тылам.

В ожидании атаки

Немцы наступали на Марну, нацелившись в конечном итоге на Париж. Но запланированные грандиозные «Канны» у немцев не получились. Французы при

поддержке союзников сумели остановить врага, одержав важнейшую победу, не только военную, но и моральную, стратегическую. Этот момент западные военные теоретики называют переломным в ходе Первой мировой, хотя противоборствующие армии бились друг с другом еще целых четыре года и два месяца, прежде чем Антанте удалось довести дело до победы.

Боец с траншейной дубинкой

Французская контратака 6–8 сентября 1914 года вместе с одновременным наступлением англичан имела решающее значение. Она стала поворотным пунктом в первой битве при Марне и концом столь тщательно спланированного стремительного германского наступления. Она решающим образом изменила характер боевых действий и уничтожила надежды на скорое завершение войны.

Немцы прекратили отступать, противоборствующие армии окопались по обе стороны линии фронта. Это означало продолжительную, кровавую, бессмысленную борьбу до истощения – позиционную оборонительную войну. И действительно, в течение более чем двух лет линия западного фронта сдвинулась лишь на каких-нибудь десять миль. Широкое применение автоматического оружия, траншеи и проволочные заграждения создали патовую ситуацию. «Я не знаю, что делать, – сокрушенно говорил лорд Китченер, военный министр Великобритании. – Это не война».

После кровопролитного сражения на реке Марне, в котором было убито и ранено около 400 тыс. человек, ни немецкая, ни англо-французская армия не смогла добиться заметного успеха. Под сильным огнем артиллерии, пулеметов и винтовок пехота зарылась в землю. Период маневренной (подвижной) войны окончился. Началась позиционная (то есть окопная) война. Поздней осенью 1914 года Западный фронт представлял собой невиданное еще в истории войн зрелище: от границы нейтральной Швейцарии и до самого Северного моря (на целых 700 км) через Францию и Бельгию протянулись сплошные линии глубоких траншей и заграждений из колючей проволоки.

После сражения под Ипром на всем протяжении Западного фронта установилось «военное затишье». Извивающаяся линия от фландрского побережья до Швейцарии была изрыта густой сетью окопов и траншей, опутана рядами колючей проволоки, исковеркана буграми блиндажей, заполнена складами и ангарами. Изогнутая, длинная, широкая линия фронта с нейтральной полосой посередине. От нее по Европе распространялся зловонный и тяжкий запах войны. Запах смерти.

На Восточном и других фронтах дело обстояло точно так же. На всех фронтах можно было пройти по траншеям вдоль фронта сотни километров, ни разу не подставив себя под выстрел. Всем стало ясно, что в затяжной войне выиграет не тот, кто был сильнее к началу войны, а тот, у кого окажется больше ресурсов.

К началу 1915 года и на западе, и на востоке установились позиционные формы войны. То, что в Русско-японскую войну показалось «случайностью», теперь стало постоянным кошмаром длиной в 4 года. Сплошные линии траншей с ходами сообщения и укрытиями, опоясанные несколькими рядами колючей проволоки, ошетинившиеся пулеметами и прикрытые артиллерийским огнем, образовывали укрепленные полосы и оказались неуязвимыми для пехотных атак. Властвуя на поле боя и «прячась» от артобстрелов, пулеметы срывали любые атаки.

Борьба, которая велась на Западном фронте, проходила вдоль системы траншей и укреплений, ограниченных областью, известной под названием «ничейная земля». Эта система ведения статической траншейной войны определила ход войны для многих ее участников. На Восточном фронте просторные равнины и ограниченная сеть железных дорог предотвратили безвыходное состояние ведения траншейной войны. Но масштаб конфликта был настолько большим, что и Ближний Восток, и итальянский фронт также вели тяжелую борьбу. Военные действия проходили и на море и, впервые, в воздухе.

Переход к позиционной форме войны

В результате первых трех с половиной месяцев напряженной борьбы, в ходе которой успехи попеременно сменялись неудачами, противники оказались стоящими перед укрепленными позициями друг друга на огромном фронте протяженностью около 700 км, имея фланги, прикрытые естественными препятствиями (морем) или территорией нейтрального государства. Все надежды на достижение скорой победы окончательно были потеряны. Начался позиционный период войны.

Основной причиной возникновения позиционной войны является равномерное распределение сил противников по всему фронту при их общем равенстве. Силы сторон к этому времени растянулись равномерно по всей полосе наступления.

Английский военный писатель Лиддел Гарт с полным основанием пишет, что «выявилась преобладающая мощь обороны над наступлением несмотря на то, что окопы были крайне примитивны по сравнению с тем, что было позднее».

Первоначально открытый западный фланг противников создавал иллюзии еще оставшейся возможности решения борьбы приемом, идея которого была заложена в планах войны, – охватом открытого фланга. Стремление к охвату флангов требовало новых сил, однако ни одна из сторон не имела для этого необходимых свободных войск. Приходилось снимать их с других участков, где войска переходили к обороне. В ходе дальнейших попыток охвата фланга стороны могли противопоставить друг другу лишь равные силы, пока фронт не уперся своим флангом в берег моря. Но теперь уже силы противников были до того растянуты по всему фронту, что создать где-либо ударную группировку не представлялось возможным. Плотность войск на участках обороны постепенно уменьшается до того, что какие-либо активные действия для прорыва окопавшегося противника становятся невозможными. Оборона стала сильнее наступления. Как указывал Фалькенгайн: «Продвигаться вперед было нельзя ввиду недостатка сил и средств, отходить командование не хотело, ввиду того, что при таком малом числе войск, которое занимало немецкие окопы, выгода от сокращения фронта и сбережение таким путем войск не соответствовали всем тем минусам, которые были очевидны... В силу этих причин германское командование и решило перейти на французском фронте к чистой обороне с тщательным применением всех возможных технических средств. Началась позиционная война в прямом смысле этого слова со всеми ее ужасами. Переход к позиционной войне произошел не по добровольному решению генерального штаба, но под суровым давлением необходимости».

Советский военный историк А. Коленковский считает, что изменение качественного состава войск также было одной из причин возникновения позиционной войны. На смену дисциплинированному кадровому составу армии прибыл массовый боец, который, во-первых, был плохо подготовлен и, во-вторых, принес в армию настроение народной массы, которая относилась к войне отрицательно. С таким составом нечего было и думать о широких маневренных действиях.

Кампания 1915 года: позиционная война

В 1915 году обе стороны на Западном фронте перешли к стратегической обороне, крупномасштабных сражений не велось. К началу 1915 года англо-бельгийские войска находились в области Артуа, частично на территории Бельгии, основные французские силы были сосредоточены в области Шампань. Немцы занимали часть территории Франции, продвинувшись в глубь страны до города Нуайон (Нуайонский выступ).

По плану Жоффра англо-французские войска должны были организовать атаку с обоих флангов германской группировки и окружить ее. В феврале – марте французы организовали атаку в Шампани, но продвинулись лишь на 460 метров, потеряв 50 тыс. человек!

Военное руководство союзников в феврале 1915 года отдало приказ о крупномасштабном наступлении. Французская армия должна была одновременно нанести три удара. Два – в Артуа и Шампани, с двух сторон внушительного германского клина, а третий – в Лотарингии, создав тем самым угрозу немцам с тыла. Британские части должны были оказать французам содействие в Артуа. Наступление французов по грязи, а в горах Вогез и по снегу, и англичан в районе Нев-Шапель являло собой прообраз основных сражений последующих трех лет. Сначала была проведена мощная артиллерийская подготовка, затем осуществлялось преодоление нейтральной полосы и прорыв проволочных заграждений перед траншеями противника. Огонь из пулеметов и винтовок косил наступающих, часть из них все же достигла неприятельских окопов, где началась отчаянная рукопашная. В дело шли штыки, кулаки и приклады винтовок. Уцелевшим при наступлении приходилось быстро пристраивать свои боевые порядки в ожидании неизбежной контратаки. Призывы прислать подкрепление, чтобы удержать захваченные окопы, часто оставались неслышанными.

Попытки установить телефонную связь сплошь и рядом заканчивались неудачей, так как из-за жестоких артобстрелов кабель быстро повреждался. В результате приходилось отправлять посыльных, но далеко не всем из них удавалось благополучно пробраться через ничейную территорию. Широко применялась голубиная почта, но она не отличалась надежностью и, главное, оперативностью. Поэтому командиры, с тревогой ожидавшие известий о ходе боя, порой, теряли контроль над обстановкой в этом «тумане войны», а сильно поредевшим подразделениям наступающих приходилось удерживать захваченные окопы собственными силами – и порой все они погибали. Очень часто подкрепление опаздывало и было вынуждено прорывать оборону заново. Так повторялось по несколько раз. Отныне несколько траншей длиной в 700 м могли стоять атакующей стороне 26 000 жизней, а затем все

должно было повториться вновь. Дома газеты писали о таких атаках, называя их «ударами молота» или «большим броском», но солдаты, эти окопные черви, знали обо всем гораздо лучше. Воюющие и с той и с другой стороны были уверены, что война может продлиться и целые 100 лет. Из них пять понадобится для того, чтобы вконец убить друг друга, а девяносто пять должно уйти на то, чтобы размотать бесконечную колючую проволоку, которой, казалось, был опутан весь земной шар.

10 марта началось наступление британских сил (четыре дивизии) в Артуа на деревню Нев-Шапель (см.: Битва при Нев-Шапель). После 35-минутной артподготовки началось быстрое продвижение войск союзников, которые через 4 часа захватили Нев-Шапель. Однако из-за проблем со снабжением и связью развитие атаки замедлилось, и немцам удалось организовать контратаку. 13 марта наступление было прекращено, британцам удалось продвинуться только на два километра.

Эволюция обороны. 1918 год дал наступающему новые средства атаки – танки, умение атаковать без длительной подготовки, мощное развитие химической войны и массовое употребление авиации как средства нападения с воздуха на земные цели. Эти новые средства атаки, позволявшие наступающему продвигаться через укрепление врага со скоростью 8–10 км в день, сламывая сопротивление укреплений, пулеметов, артиллерии (с помощью химических снарядов), вынудили оборону к еще большему эшелонированию в глубину. Если некоторая часть артиллерии стояла в 1–2 км от пехоты, то другие артиллерийские группы отодвигали на 5–6 км, чтобы успеть подготовиться к отпору в то время, когда 1-я линия под неожиданным ударом врага будет сломана. Против химического нападения стали создавать убежища, непроницаемые для газов, в борьбе с танками стали применять стрельбу орудий прямой наводкой, танковые ловушки, фугасы и т. п.

Очень сильным приемом обороны явился выход из-под удара атаки до ее начала на заранее подготовленные позиции на 4–6 км назад, оставив на старой позиции лишь боевое охранение – например, отход немцев в 1917 году на позиции Зигфрида, армии Гуро под Реймсом в июле 1917 года и т. п.

По мере усиления пехоты пулеметами, станковыми и ручными, пехота получила возможность еще совершеннее маскировать свое оборонительное положение. Вместо длинных цепей можно было получить ту же силу огня 2–3 пулеметами, занимавшими небольшую площадь и легко маскируемыми. Линейная оборона стала обороной групповой. Наличие большого числа пулеметов позволило отнести часть их в глубину, образовав не линию, но полосу обороны в 2–3 км глубиной, преодолеть которую без больших резервов было невозможно.

Наконец, сильнейшими средствами обороны остались контратаки крупных резервов, перебрасываемых к месту атаки по железной дороге, на автомобилях и пешком. Резервы, усиливаемые мощными группами резервной артиллерии (частью на механической тяге), сламывали самое сильное наступление и под Верденом, и на Сомме, и в 1918 году после того, как сила наступающего расходовалась на борьбу с оборонительной линией.

Поэтому, несмотря на усиление средств атаки, оборона весь период войны сохраняла свое значение. Но не пассивная оборона, рассчитывающая на огонь и фортификацию, а маневренная оборона, отвечающая ударом на удар и широко применяющая военную хитрость и внезапность.

Эволюция наступления. В связи с расширяющейся мощью технических средств на вооружении армии происходила эволюция наступления. Маневренный период 1914 года характерен появлением мощного средства наступления – тяжелой полевой артиллерии, которая в тесном взаимодействии с легкой артиллерией, буквально забрасывая оборонительные позиции мощными снарядами, уничтожала обороняющихся, заставляла их ослабить огонь и позволяла пехоте, наступавшей цепями, своим огнем окончательно сломить сопротивление врага и ворваться в его расположение. Усиление оборонительных средств фортификацией в период длительного позиционного периода войны надолго обессилило наступление.

Весь 1916 и 1917 годы наступление, опиравшееся на уничтожение обороны количеством выброшенных «материалов» – «Materialschacht», требовало для подготовки несколько дней, а за это время оборона успевала подвести резервы и их встречным ударом остановить атаку. Коренной переворот в методах атаки был произведен в 1918 году введением:

- 1) внезапной артиллерийской подготовки для нейтрализации пехоты и артиллерии обороны до подхода своей пехоты;
- 2) самостоятельностью пехоты, с помощью пулеметов, легких орудий, ручных гранат и средств химической борьбы (огнеметы и фосфорные бомбы) сламывать огонь неприятельской пехоты;
- 3) взаимодействия пехоты, артиллерии и авиации;
- 4) массовым употреблением танков;
- 5) массовым применением химических средств;
- 6) применением авиации.

Все эти средства позволили начинать атаку внезапно и сразу достигать крупных результатов, парализовать силы врага химическими средствами и останавливать подход подкрепления врага к атакованному участку. С совокупность всех этих средств в связи с упавшей силой сопротивления войск к концу войны сделала то, что позиционная война вновь перешла в маневренную. В мартовские бои 1918 года наступление шло по 8–10 км в сутки. Как и в обороне, понадобилось гибкое сочетание искусства и техники для того, чтобы дать решительные результаты.

Мировая война показала ошибочность мнения, что человека можно заменить машиной. Сила человека безмерно возрастает от применения машин, но машина – ничто без умного и мужественного бойца, готового жертвовать собой. Мировая война еще раз с полной силой подтвердила старую сербскую пословицу: «Бой ведет не оружие, а сердце героя». Современная война иначе понимает «сердце героя». Герой современной тактики не только вождь, но и каждый боец.

Приемы окопной войны

Траншейная война вызвала к жизни принципиально новые приемы ведения вооруженной борьбы, совершенно новые технические средства, изменила сам дух войны.

В условиях «стационарной» войны на первый план вышло умение нести патрульную службу, вести снайперскую стрельбу, устанавливать заграждения из колючей проволоки и рыть траншеи. Появились и новые виды оружия – минометы, способные вести навесную стрельбу фугасными минами по укрытым целям, а также гранаты, первые образцы которых изготавливались из простых консервных банок и бутылок. Бывшие тогда на вооружении пулеметы оказались малопригодными для стрельбы из узких траншей, и им на смену пришли такие легкие модели, как ручной пулемет «Льюиса» у англичан и «Шоша» у французов. Порой расстояние между окопами противников не превышало ста шагов, и любые перемещения в дневное время мгновенно вызвали огонь. Поэтому активные военные действия начинались с наступлением темноты. По ничейной земле осторожно ползком передвигались патрули, пытаясь разведать, что происходит в окопах противника и как надежно они охраняются. Иногда высылались диверсионные группы для захвата «языков» в целях получения достоверной информации. Много времени тратилось солдатами на восстановление проволочных заграждений и укреплений окопов. Запасы воды, продовольствия, боеприпасы приходилось тащить на себе по бесконечным ходам сообщения, тянувшимся далеко от передовой. Почти не смолкал грохот пушек, а ночное небо над окопами постоянно освещали ракеты.

Бой в траншее проходил ниже уровня почвы, которую подметало пулеметным огнем. Как только какая-нибудь голова высывалась из траншеи, ее тотчас же сражала пуля. И наступление и оборона в ходах сообщения происходили врукопашную. Из сражающихся как с той, так и с другой стороны стреляли только передние солдаты, за которыми в одну линию вытянулись остальные и передавали стреляющему свои заряженные винтовки, а сами бросали в противника гранаты. Самую ничтожную преграду, хоть из мешков с землей, если ее защищают оружием, можно было взять только в том случае, если удасться гранатой или бомбой убить ее переднего защитника.

Огненный вал

Плотность насыщения артиллерией русского фронта была наименьшей. В конце 1916 года на 1 км русского фронта приходилось в среднем по 2 орудия, тогда как на французском фронте в среднем было по 12 орудий, а на итальянском – по 5,2 орудия. Это объясняется, впрочем, не только бедностью русской армии в артиллерии, но и огромным протяжением русского европейского фронта (не считая еще и кавказского!) – около 1800 км, тогда как протяжение французского фронта – 650, а итальянского – около 250 км.

Благодаря затишью на фронтах с переходом к позиционной войне и усилившемуся поступлению снарядов русская армия лишь к третьему году войны стала довольно богата выстрелами к 76-мм пушкам. В связи с накоплением запаса 76-мм патронов расход их чрезвычайно увеличился в период интенсивных боевых операций первой половины 1916 года. Но в целом русская артиллерия была сильно ограничена боевыми припасами.

Суворовский принцип «стреляй редко, да метко» служил основой искусства стрельбы русской армии и при скорострельном оружии. Подготавливаясь к будущей большой войне, командование русской армией предвидело, что расход боевых припасов в предстоящей войне, как общий, так и в отдельных операциях, должен превзойти в значительной степени расход минувшей Русско-японской войны. Это отмечено было и «Наставлением для действия полевой артиллерии в бою», утвержденным в 1912 году, в § 99 которого говорилось: «Боевые припасы являются главным источником боевой

силы артиллерии... Скорострельность орудий, дающая возможность легко выпускать большое число выстрелов в ничтожное время, и длительность современных сражений заставляют предвидеть огромный расход боевых припасов. В бою бывают случаи, когда артиллерия не имеет права жалеть снарядов. Поэтому, с одной стороны, необходимо в возможной степени ограничивать расход снарядов, а с другой – обеспечивать непрерывный и обильный прилив их на пополнение израсходованных». Между тем «такой огромный расход выстрелов, – как писал бывший начальник ГАУ А. А. Маниковский, – тогда поразил всех».

Противник отдавал должное русской артиллерии, называя ее волшебной. Русская пехота боготворила свою артиллерию, называя ее своей спасительницей. «Артиллерия начинает бой, она его ведет и решает», – говорил генерал Карачан. Пехота не делала ни одного шага без артиллерийского огня; она требовала непрерывной стрельбы, даже просто для морального действия.

На Западном фронте ситуация была иная. На основе опыта, полученного в зимних боях, французы и англичане посвятили много времени тщательной подготовке к грядущей осенней битве. Существенное отличие от прежних наступлений заключалось в значительном усилении артиллерии, колоссальном увеличении ее боезапаса, в увеличении периода артподготовки и расширении района артобстрела глубоко в тыл позиций противника. Огонь должен был корректироваться с помощью авиации, осуществляющей наблюдение с воздуха.

22 сентября 1917 года начался ураганный огонь, 25-го числа последовала атака. У немцев насчитывалось всего 1823 орудия в противовес 4085 у французов; и это были лишь передовые силы, а ведь французы обладали многочисленными резервами, тогда как у немцев их почти не было. Союзники обрушили на немцев мощнейший огневой вал (включая химические снаряды, причем атака англичан поддерживалась газом из баллонов). Затем последовало наступление пехоты. На обоих участках союзники во многих местах вклинились в позиции немцев от трех до четырех километров. К этому времени немецкие войска чрезвычайно растянулись из-за катастрофической нехватки резервов, но ни на одном участке союзники не добились желанного прорыва. Наступление затянулось, по большей части разбившись на ряд локальных стычек, которые продолжались до 14 октября. Сражаясь в обороне, немцы израсходовали 3395 тысяч снарядов и потеряли 2800 офицеров и 130 тысяч рядовых. Союзники истратили 5457 тысяч снарядов (и это только на артподготовку, здесь не учтены боеприпасы, израсходованные во время самого сражения). Потери Антанты составили 247 тысяч человек – жертвы, абсолютно несоизмеримые с величиной захваченной территории.

В этот же период был разработан принцип сопровождения огнем артиллерии наступающей пехоты – «огневой вал». Его суть состояла в том, что пехота под прикрытием мощного артиллерийского огня приближалась к первой вражеской траншее на минимально безопасное расстояние (чтобы не попасть под огонь своих орудий, при этом считались допустимыми отдельные попадания по своей пехоте), затем огонь артиллерии переносился на вторую траншею, а пехота занимала и зачищала первую. Затем все повторялось. Новый метод требовал строгой координации действий всех родов войск, что в то время представляло большую трудность, т. к. связь между пехотными и артиллерийскими подразделениями была крайне ненадежна и неоперативна. В итоге либо своя пехота попадала под «дружественный» огонь, либо преждевременный перенос огня на вторую линию обороны, когда пехота еще не дошла до первой, приводил к срыву атаки, так как противник успевал покинуть убежища и занять передовую траншею.

Звездный час пехоты

Быстро менялась тактика действий пехоты. На смену густой цепи пришли рассыпной строй и волны цепей, но пулеметы и артиллерия уничтожали их еще до подхода к проволочным заграждениям. Главной защитой пехоты под огнем становятся лопата и защитная окраска экипировки, для борьбы с пулеметами привлекались легкие 37-мм траншейные пушки. Тем временем многочасовые и многодневные артобстрелы делали поле боя труднопроходимым не только для техники или кавалерии, но даже и для пехотинца. Волны распадались на «змейки», а затем на «группы». Группа в 10–20 человек формировалась вокруг ручного или облегченного станкового пулемета, снабжалась гранатами и передвигалась от укрытия к укрытию. Складывалась и новая «групповая» тактика – пригодная как для атаки, так и для обороны – и вернувшая пехоте ее активную роль.

В русской армии «группы» действовали в поисках, разведках, стычках подразделений, но при острой нехватке автоматического оружия о широком применении «групповой» тактики и речи быть не могло. Немцы создавали штурмовые группы и части, куда лучше снабженные ручными пулеметами, гранатами, пистолетами, касками и панцирями, специально обучали бойцов. В 1917–1918 годах германские штурмовые группы через любую брешь проникали в глубь обороны,

охватывая своими действиями всю оборонительную полосу противника. Поэтому легкие автоматическое оружие, пехотные пушки и гранаты в не меньшей степени, чем танки, давали возможность выхода из позиционного тупика.

Своеобразной новинкой Первой мировой явилась регулярная «охота на людей», или «снайпинг» (изначально англ. sniper – охотник на бекасов), и применение для этого винтовок с оптическим прицелом. Первое поколение снайперских винтовок представляло собой отобранные из партии валовых «магазинок» «наименее расстрелянные», к которым приспосабливали коммерческие оптические прицелы охотничьего или спортивного типа.

Атака «волнами»

В ходе войны появилась новая тактика пехоты. Вместо плотных боевых порядков стали применять волны цепей (или просто – «атака волнами»).

«Устаревшая тактика». Тактике атаки «людскими волнами» традиционно не уделяется сколько-нибудь значительного внимания. Когда говорят о ней, обычно представляются солдаты, которые, будучи в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, бегут толпой на вражеские пулеметы в расчете на то, что у противника либо кончатся боеприпасы, либо не выдержат нервы и он побежит. В справочнике младшего командира (М.: Воениздат, 2007) имеется весьма категоричное предписание: «Атака противника в полный рост, как ведущая к большим потерям, не допускается». Все, что об этой тактике известно, – это то, что так воевать нельзя. При этом из конфликта в конфликт «запрещенная» тактика продолжает применяться. Действительно, на первый взгляд, кроме попытки задавить числом, невзирая на чудовищные потери, в ней ничего нет. Потери при ее использовании должны быть колоссальными. Ее применение обычно означает, что уровень подготовки солдат и командиров чрезвычайно низок.

«Отказ от атак толпами». Однако не будем торопиться с выводами. Более внимательный анализ показывает, что не все так однозначно, и атака людскими волнами – это не тактика пьяных идиотов или умственно неполноценных, а обоснованный тактический прием. Впервые в истории нового времени такая тактика в чистом виде использовалась зулусами против англичан и буров. Широко такую тактику применяли солдаты бухарского и кокандского ханств в период завоевания их Россией (1860-е годы) – очень наглядно это выглядит на полотнах Верещагина.

Отказ от тактики атаки бегом в полный рост большими группами пехоты произошел в европейских армиях уже в ходе Первой мировой войны. Тогда оплаченный кровью многих тысяч солдат опыт показал, что пулеметы обороняющихся «выкосят» любое количество атакующей таким образом пехоты, если их не подавить. Весьма характерный пример. 7 августа 1915 года австралийцы атаковали турецкие окопы на высоте Бэйби 700 (Галлиполи). Австралийские окопы были всего в 30–40 м от турецких. Перед атакой была произведена артиллерийская подготовка мощными корабельными орудиями. Из-за того, что артподготовка закончилась на 7 минут раньше, чем планировалось, турки успели выйти из убежищ и занять оборонительные позиции. Три волны австралийской пехоты были выкошены полностью. Ни один австралийский солдат не достиг турецких окопов – расстояние в 30–40 м оказалось непреодолимым под огнем.

Возникший вследствие неспособности пехоты преодолеть стену пулеметного огня позиционный кризис той войны вроде бы однозначно показал, что атаки пехоты «волнами» (если они существенно не поддержаны артиллерией и/или танками) невозможны. Для выхода из возникшей ситуации использовались разные способы. Противник загонялся артогнем в убежища, а атакующая пехота подводилась настолько близко к окопам противника во время артобстрела, что она успевала после прекращения (переноса) артогня добежать до них быстрее, чем обороняющиеся успевали открыть огонь из стрелкового оружия по атакующим. Нередко для этого проводилось планомерное сближение собственных окопов с окопами противника, откапывая свои окопы все ближе и ближе к окопам противника (классическая методика крепостной осады «тихой сапой». Выкапывали скрытые подземные туннели, подходившие практически вплотную к вражеским окопам, выход из которых откапывался только во время артподготовки атаки (не менее классический способ подземно-минной войны).

Это делалось для того, чтобы уменьшить расстояние, которое первой волне атакующих нужно преодолеть по открытому простреливаемому пространству и чтобы атакуемый противник не успел открыть огонь. Делали подкопы под окопы противника, подрывали их, немедленно направляя в образовавшиеся бреши пехоту. Пускали пехоту за лавиной танков. Очищали окопы от противника отравляющими веществами. Окружали огневые точки противника воронками от снарядов и бомб и усеивали ими нейтральную полосу между окопами противоборствующих сторон, чтобы небольшие группы пехотинцев, делая короткие перебежки от воронки к воронке, могли максимально

сблизиться и уничтожить в бою на короткой дистанции основные пулеметные точки противника и даже просочиться в тыл. Но от мысли, что пехота сама по себе может прорвать оборону, атакуя бегом через открытое пространство, отказались все.

Само по себе наличие пулеметов у обороняющихся далеко не всегда означает, что бегущая в полный рост пехота атакующих будет выбита полностью, до того момента как она достигнет оборонительных позиций противника. Для этого необходимо наличие ряда условий, которые на фронтах 1-й мировой имелись, однако сказать, что они присутствуют везде и всегда, нельзя.

Во-первых, должна быть хорошо просматриваемая местность и хорошая видимость, чтобы после начала атаки противника у пулеметчика было время поразить в назначенном ему секторе, чтобы он мог скорректировать огонь, чтобы он просто видел цели. В Первой мировой нейтральная полоса между окопами хорошо просматривалась, и атаки, как правило, осуществлялись днем.

Во-вторых, крайне желательно, чтобы атакующий противник был вынужден затратить некоторое время на преодоление какого-нибудь препятствия, которое реально задерживает атаку и заранее пристреливается пулеметом. В Первую мировую широко применялись заграждения из колючей проволоки, многие атаки захлебывались при попытках их преодоления.

В-третьих, существенное значение имеет и расположение пулемета относительно цепи атакующих. Для того, чтобы пулеметный огонь мог гарантированно остановить цепь вражеской пехоты, требуется, чтобы он вел так называемый продольный «анфиладный» фланкирующий (или косопрямительный) огонь. Вероятность попадания значительно увеличивается при стрельбе во фланг пехотной цепи. В этом случае длинная ось эллипса рассеивания совпадает с длинной осью цели.

Еще одним существенным моментом является хорошая подготовка пулеметчиков. Стрелять из пулемета на средние и большие дистанции не так просто, как кажется. Правильная наводка требует навыка и знаний.

В Великой войне пулеметчиков еще учили вести огонь с закрытых позиций и на предельных дальностях, как артиллеристов, поэтому уровень подготовки наводчиков пулеметов был высок. Позднее пулеметы стали рассматривать как более простое оружие, ведущее огонь на меньшие дальности и прямой наводкой, соответственно, уровень требований и, как следствие, уровень подготовки снизился.

Уместно привести весьма иллюстративный пример из случившейся позднее Гражданской войны – как уровень подготовки может повлиять на используемую тактику. Известно, что в начале этой войны использовались так называемые «психические атаки», когда в атаку войска шли почти в парадных построениях. Менее известно, что такие атаки нередко удавались. Главная причина, почему это происходило, – крайне низкий уровень подготовки и пулеметчиков, и стрелков в целом. На дальней дистанции они почти гарантированно промахивались, а при подходе противника ближе, «убедившись» в неуязвимости последнего, у обороняющихся сдавали нервы, и они бежали с обороняемой позиции. Таким образом, вывод о том, что наличие пулеметов гарантированно сорвет любую атаку пехоты, наступающей в полный рост, справедлив далеко не для всех тактических ситуаций.

Опыт Первой мировой подтверждает выводы о невозможности пехотных атак бегом в полный рост. Каков же был итог развития тактики атак «людскими волнами»? Наиболее значимое изменение было в том, что сами «волны» – то есть цепи солдат, следующие одна за другой, стали не основным инструментом прорыва обороны. Главную роль стали играть небольшие группы солдат с узкоспециализированными задачами, действующие во взаимодействии с «волнами»-цепями. А сами «волны» в момент прорыва обороны противника стали выполнять отвлекающую роль. Их основная задача сводилась к добиванию противника, дезорганизованного действием малых групп. Такая «самобытная тактика боя» основывалась на сочетании ударов крупных и малых отрядов. При этом начинающие атаку штурмовые группы старались осуществить «подкрадывающую атаку». Обычно передовым «подползающим» группам до их обнаружения противником удавалось сблизиться на расстояние от 15 до 140 метров.

Если внезапная атака штурмовых групп удавалась, то стрелковые цепи-«волны» действовали как второй эшелон, добивая оставшегося противника. Но даже если атака штурмовых групп удавалась не полностью, то «волны», следующие одна за другой, тоже не отдавались просто так на расстрел. То, что атаки первых «волн» будут захлебываться, могло быть планируемым действием со стороны атакующих.

Причем атакующий мог искусственным образом сокращать дальность эффективного огня обороняющихся, проводя атаку, например, ночью. В некоторых случаях, для создания прикрытия для атак использовались поджоги лесов перед фронтом и в тылу (последнее – чтобы быть застрахованным от перемены направления ветра) атакуемой позиции, создававшие плотную пелену дыма.

Первые «волны» могли сознательно прекратить атаку до захода в зону эффективного огня обороняющихся. Не добежав, например, 250–300 метров до атакуемых позиций, цепь либо начинала откатываться назад, что субъективно воспринимается

обороняющимися как срыв атаки и отступление, либо залегала, что воспринимается как гибель атакующей цепи под огнем. В зависимости от ситуации залегшие солдаты либо отползли назад, с тем, чтобы вновь атаковать, создавая иллюзию бесконечных людских резервов у атакующих, либо накапливались на достигнутом рубеже. Иногда атакующие пытались продолжать атаку уже ползком.

Волна за волной изымали боекомплект у обороняющихся, не заходя в зону его эффективного огня. Разумеется, атакующие несли потери, однако весьма далекие от заваливания местности трупами. При этом за счет действий выделенных снайперов или стрелков и штурмовых групп обороняющимся также причинялся существенный вред.

И только тогда, когда огонь обороны существенно ослабевал из-за потерь и истощения боекомплекта, только тогда перед очередной, наиболее мощной «волной» ставилась задача достичь атакуемой позиции и захватить ее. Массированная фронтальная атака обычно следовала за несколькими отбитыми атаками, которые производились не в полную силу. Кстати, для снижения потерь первые «волны» могли атаковать в достаточно разреженных построениях.

Противодействовать этой тактике, на первый взгляд, просто. Все, что требуется, – это поддерживать высокую дисциплину при ведении огня. Не стреляя, когда вероятность поражения невелика, открывать огонь с дистанции, на которой возможен эффективный огонь по атакующим, а не тогда, когда они стали видны. Не прекращать наблюдение за полем боя, наблюдая не только за атакующими цепями, но и за возможным «подкрадыванием» противника. Но это проще сказать, чем действовать, когда на тебя несется орущая и стреляющая людская лавина с явным намерением тебя убить.

При правильной организации атаки наступающие несут потери, позволяющие им побеждать в бою. Хорошо спланированная атака «людскими волнами» может быть даже безопасней, чем атака под прикрытием огня своего оружия, если последняя происходит при плохой организации взаимодействия между атакующей пехотой и поддерживающими подразделениями, когда огневая поддержка осуществлялась со значительными «паузами» либо сводилась только к предварительной огневой обработке позиций противника.

Противодействие. Любой тактический прием имеет противоядие. Заваливание местности трупами и полный срыв атаки возможны отнюдь не только при атаках людскими волнами, но и при использовании любой другой тактики, если обороняющийся противник сможет переиграть атакующих.

1 июля 1916 года англо-французские войска атаковали 12 с половиной дивизий германской армии. Начиная с 24 июня здесь грохотала артподготовка из 3 тысяч орудий, затем в наступление пошла первая волна из 17 дивизий, а 11 пехотных и 3 кавалерийские дивизии следовали за ними в резерве. У союзников было 309 боевых самолетов, что делало их хозяевами небес, а германская противовоздушная оборона ограничивалась «рекогносцировкой в непосредственной близости». Немцы имели в своем распоряжении только 104 самолета и 844 орудия.

Клубы дыма, пыль и утренний туман скрывали приготовления сил союзников до тех пор, пока в 8.30 утра они не двинулись вперед. К вечеру первого дня наступления они захватили передовые немецкие окопы на протяжении около 20 км линии фронта и продвинулись в глубину до 2,5 км. К концу следующего дня эти достижения были еще увеличены. Затем натиск несколько ослабел, но потом атаки вновь набрали силу, что вынудило германскую 2-ю армию потребовать подкреплений – пулеметных рот и смешанных пулеметно-снайперских частей.

14 июля с началом нового крупного наступления бои разгорелись с новой силой; однако результаты были весьма невелики, причем часть захваченной территории была потеряна в результате немецкой контратаки. 20 июля последовало очередное наступление союзников, в котором они выставили 16 дивизий против 8 немецких; но оно тоже было отбито. После яростных локальных стычек союзники предприняли мощный бросок севернее Соммы, увенчавшийся незначительным успехом. Сражение продолжало бушевать, союзники предпринимали крупномасштабные атаки до 24 августа, но все было тщетно.

К этому времени союзники потеряли 270 тысяч человек, а немцы – 200 тысяч. Союзники вклинились в германские позиции на площади шириной в 25 км и глубиной до 8 км, но это далеко еще не было настоящим прорывом. В общей сложности в боевых действиях участвовало 106 союзнических дивизий против 57 с половиной немецких.

Штурмовые группы

Обычно при словосочетании «Первая мировая война» в памяти оживает усвоенный еще в школе образ: бесконечные линии окопов, грязь, смерть, безысходность «окопного сидения», артобстрелы и газовые атаки. Бессмысленная бойня за каждый клочок

земли, «Верденская мясорубка»...

В общем, не стоит относиться ко всему так уж однозначно. Хотя и спорить с этим, не таким уж неверным, стереотипом глупо. Ведь все это было – «окопное сидение», когда месяцами не видишь врага, но ежедневно подвергаешься артобстрелам, смерть, собирающая планомерно и беспощадно свою ежедневную жатву.

Но за всем этим однообразным и безысходным существованием скрывалась и своя, славная и кровавая, история штурмовых отрядов. Появившись стихийно, как ответ на беспомощность довоенной тактики, как попытка нанести противнику урон, избегая лобовых атак на пулеметы под шрапнельным огнем, тактика «тихой войны» вошла в практику любой армии уже на второй год противостояния.

Немецкий штурмовик. Диорама

Там, где наступающий полк не имел шансов уцелеть, не говоря уже о победе, рота или батальон штурмовиков могли создать предпосылки для более или менее успешного наступления дивизии. Нет, штурмовики не были какими-то сказочными, неуязвимыми и непобедимыми богатырями, стоящими сотни вражеских солдат. Ключом к успеху была тактика просачивания, оснащенность необходимым для ближнего боя вооружением, в точном знании и выполнении тактических приемов, четком взаимодействии.

В той войне огромное значение обрели убежища от снарядов, глубокие и прочные бункеры, «лисы норы», укрывавшие подразделения даже от тяжелых снарядов. Но спасительное убежище могло стать и ловушкой, если даже десяток вражеских солдат овладеют окопом до того, как гарнизон покинет укрытие. Тогда десяток гранат способен уничтожить взвод, а то и роту. Если же, в свою очередь, штурмовики не успевали захватить траншею сразу вслед за переносом огня в глубину, то охотник мгновенно становился жертвой – тягаться с вдесятеро превосходящим врагом не мог даже подготовленный боец.

Враг выставлял наблюдателей, которые даже во время обстрела контролировали обстановку, в случае необходимости давали сигнал тревоги или самостоятельно уничтожали пулеметным огнем мелкие группы пехоты. Потому скрытность стала необходимым условием успешного сближения с противником. Ночные рейды, помимо всего прочего, требовали скрытности еще большей, так как поднятая тревога оставляла слишком мало шансов выполнить задачу и уцелеть.

На Западном фронте траншейная война началась еще в 1914 году. Обе стороны были вынуждены признать, что старая тактика в новых условиях войны стала бесполезной. Командиры германской армии начали вырабатывать новую тактику, основанную на использовании «штурмовых отрядов» (Stosstrupps).

Групповая тактика пехоты. Сила огня обороны была так велика, а преодоление укрепленной полосы и развитие прорыва так сложно, что необходима была специальная подготовка войск, назначаемых для прорыва, – ознакомление с приемами уничтожения искусственных препятствий, с приемами боя по овладению первой линией, т. е. так называемым боем в траншеях. Помимо чисто технической подготовки операция прорыва, требующая высокого подъема духа, отваги и решительности идти вперед, вполне естественно требует моральной подготовки. Опыт войны выдвинул вопрос о формировании особых отдельных штурмующих частей, которые на русском фронте получили название ударных батальонов или частей смерти. Кроме отдельных частей затем стали формироваться в каждом полку ударные роты и даже взводы. Опыт же войны показал необходимость предварительных учений по прорыву укрепленных полос, при этом воспроизводилась в тылу точная копия того участка позиции противника, который был избран для прорыва.

Французская штурмовая группа захватывает германскую траншею. Пропагандистский рисунок. Обратите внимание: штурмовики вооружены пистолетами!

Особенно интересна тактика штурмовых групп, развитая германской армией между 1916 и 1918 годами. Штурмовые группы представляли собой отборные части пехоты. В них набирали наиболее опытных и физически подготовленных солдат с высоким уровнем мотивации, обучали их использовать преимущества быстрой атаки, обходить сильно укрепленные пункты. Сравнительно небольшие штурмовые группы могли просачиваться в глубину обороны противника, прерывать связь и пути снабжения, нападать на командные пункты, производя разрушения и внося сумятицу за передовыми линиями противника. Ключом к такому способу действий была подвижность. Едва штурмовые группы останавливались перед какой-нибудь отдельной позицией противника, они теряли свое преимущество, и атака срывалась. Первое

использование таких особых частей во время сражения за Верден показало их эффективность, и вскоре их количество в германской армии стало расти. Кульминацией стало их массовое и успешное применение в ходе германского «наступления во имя мира» весной 1918 года. К этому времени концепция штурмовых групп развилась настолько, что позволяла стремительно окружать целые дивизии противника. Но германское наступление 1918 года настолько быстро истощило германские штурмовые части, что союзники смогли закрыть бреши, проделанные в их фронте. После того как выдохлись последние германские атаки, союзные армии сами перешли в наступление.

Бойцов штурмовых отрядов вооружали облегченными винтовками, ручными гранатами и ножницами-кусачками для проделывания проходов в проволочных заграждениях. Задачей отряда было первыми пересечь «ничейную полосу», войти в первую линию вражеских окопов и очистить ее в рукопашном бою. Позже их задача была сокращена до проделывания проходов в заграждениях противника для собственной наступающей пехоты. Все это означало, что «штурмовики» должны были иметь подготовку не только пехотинца, но и военного инженера. В марте 1915 года было создано такое первое подразделение. Однако первый опыт использования этой специализированной части был неудачным потому, что более высокое командование просто не знало, как ее можно применить, и она была превращена в обычное пехотное подразделение. Ситуация изменилась только в июне 1915 года. В 1916 году были утверждены новые правила. Согласно им только 50 % личного состава должны были находиться на линии фронта, а остальные – вести специальные курсы обучения пехотинцев новой тактике. Курсы разместили в Бевиле (Beuville).

Кастет, украшенный эмблемами штурмовых групп

Тактика проникновения

В боях появилась тактика проникновения с привлечением малых, легко оснащенных пехотных подразделений, предназначенных для нападения на противника в его тылу и изоляции первой линии обороны от резервов. Она была впервые применена русским генералом Алексеем Брусиловым в 1916 году, а затем была скопирована с большим успехом немецкой армией. Первое использование немцами тактики проникновения произошло 3 сентября 1917 года при завершении осады Риги. Затем немцы использовали эту же тактику, чтобы пробиться через оборону союзников во время боев в октябре 1917 года.

Идея тактики проникновения была впервые предложена французским капитаном Андре Лафаргом, который опубликовал брошюру «Атака в траншейной войне» в 1915 году, основываясь на своем боевом опыте. Брошюра была издана гражданским издательством, несколько экземпляров ее попали в руки немцев. Его идея заключалась в том, чтобы не пытаться первой волной захватить мощные участки обороны, сделав это последующими волнами. Англичане даже не перевели эту брошюру. Немцы захватили несколько экземпляров брошюры в 1916 году. Но экспериментальное подразделение немецких «пионеров», созданное в 1915 году, которым командовал майор Вилли Рор, уже самостоятельно разработало свою тактику проникновения.

Наступление начиналось с короткой, но ожесточенной бомбардировки передней линии противника, чтобы подавить и деморализовать солдат в ней. Одновременно разрушались тыловые районы – дороги, артиллерийские позиции, резервы – чтобы запутать врага, а также уменьшить возможность начать контратаки от средней линии обороны. Для максимального эффекта точное место атаки скрывалось до последнего возможного момента.

Легкие пехотные подразделения пытались проникнуть через слабые места обороны, чтобы изолировать сильно защищенные позиции на линии фронта. Следующие за ними пехотинцы с тяжелым оружием имели преимущество при атаке изолированных опорных пунктов врага. После ввода других подкреплений всю вражескую линию обороны постигал крах. Нападение рассчитывалось на скорость и неожиданность. Эта тактика изначально работала хорошо и интенсивно использовалась. Однако противник быстро разработал эффективную защиту.

Тактика проникновения привела к созданию формирования команды, то есть небольшой группы солдат, с определенной степенью автономии, способной проникнуть на территорию врага. Аналогичные методы в период Второй мировой стали обычной тактикой пехоты. Нередко самые передовые группы вообще не имели никакого индивидуального оружия, кроме гранат и холодного оружия. Такой отказ от винтовок в пользу большого количества гранат – достаточно характерное явление для конца Первой мировой. Использование передовых цепей метателей гранат, не имевших

винтовок, идущих впереди обычной пехоты, было тогда широко распространено. Гранаты оказались гораздо удобнее винтовок для скрытного сближения и для боя в траншеях.

В течение всей войны огнеметы применялись как вспомогательное средство, требующее для своего использования в позиционной войне особо благоприятных условий. Ранцевые огнеметы применялись почти исключительно при наступлении, причем тогда, когда это наступление велось на сравнительно узком участке фронта, имело характер стремительного удара «накоротке» (налета) и разрешало задачу захвата небольшого участка позиций. Если удавалось подвести огнеметчиков на расстояние 30–40 шагов от первой линии окопов, то успех атаки был почти всегда обеспечен. В противном случае огнеметчики расстреливались при своем движении с громоздким аппаратом на спине. Поэтому применение ранцевых огнеметов сделалось возможным исключительно в ночных атаках или на рассвете, если огнеметчикам удавалось подползти к противнику и занять воронки от снарядов для своего укрытия.

Применение ранцевых огнеметов в русской армии при прорыве укрепленной позиции предполагалось для «очистки» от противника окопов и ходов сообщений. Огнеметы должны были использоваться для «прокладывания» дороги русским пехотным группам при их борьбе с противником в его окопах и ходах сообщения.

Борьба в полосе обороны противника состояла из ряда коротких ударов от траверса к траверсу, от блиндажа к блиндажу. Поэтому предполагалось достичь полного сочетания работы огнеметов с действиями гранатометчиков и ударной группы.

Штурмовые отряды германской армии

20 ноября 1917 года в 06.20 утра тысячи союзнических орудий открыли ураганный огонь по немецким траншеям, расположенным на подступах к городу Камбрэ. Под прикрытием этого стального дождя 376 танков пересекли ничейную зону и прорвали немецкую линию обороны. После трех лет позиционной войны англичане, применив новейшие технические средства, все же смогли прорвать Западный фронт. Наконец-то союзники смогли достичь «зеленых полей по ту сторону».

Впервые за всю войну по Англии звонили церковные колокола – шло празднование победы. Однако всего десять дней спустя немцы контратаковали. Очень быстро немецкие войска достигли исходных рубежей, а местами даже овладели позициями союзников. Нет, в распоряжении немцев по-прежнему не было танков. Вместо танков немцы использовали людей: на острие атаки шли отряды элитарной пехоты – штурмовые группы (Stosstruppen). Штурмовики действовали в составе небольших отрядов, обильно оснащенных автоматическим оружием, минометами, гранатометами и ручными гранатами. Темп наступления штурмовиков вызывал изумление – уже к полудню 30 ноября немцы продвинулись почти на 10 км.

Конечно, штурмовые группы сражались во Франции и раньше, но никогда немцы не использовали штурмовиков в таком количестве. В контрнаступлении под Камбрэ участвовало много штурмовиков, они вели бои и в Италии, под Капоретто. Именно благодаря штурмовикам немцам удалось прорвать итальянский фронт и поставить Италию на грань поражения. Англичанам и французам пришлось срочно снимать с фронта драгоценные дивизии и перебрасывать через Альпы. Однако для немецкого военного руководства победа под Камбрэ имела большее значение, чем победа под Капоретто. Под Камбрэ немцы смогли доказать себе и всем остальным, что немецкая армия способна прорвать Западный фронт и нанести поражение не только слабой итальянской армии, но и англичанам. И если Германия не смогла одержать победы летом 1918 года, то это случилось прежде всего потому, что на стороне Антанты в войну вступили Соединенные Штаты, что дало союзникам колоссальное численное и промышленное превосходство.

3 декабря 1917 года правительство большевиков заключило с Германией вынужденное перемирие. Выход России из войны позволил немцам перебросить к весне 1918 года на запад более 400 000 солдат – последнее подкрепление. Немецкие солдаты, прибывшие с востока, попали на совсем другую войну, поэтому им пришлось пройти серьезную переподготовку, прежде чем принять участие в весеннем наступлении 1918 года. Немецкая пехота на Западном фронте к весне 1918 года была кардинальным образом реорганизована. Безвозвратно ушли в прошлое времена единообразно вооруженных и оснащенных стрелковых рот. Тактика пехотных цепей, царившая на полях сражений XIX века, доживала свои последние дни. Больше не существовало монолитных рот – они разделились на взводы, которые, в свою очередь, состояли из более мелких и специализированных в тактическом отношении подразделений. К концу 1916 года немецкий пехотный батальон на Западном фронте по своей структуре уже начинал напоминать пехотный батальон вермахта времен Второй мировой войны.

Штурмовые группы широко использовали новейшую пехотную тактику. Под Камбрэ и на протяжении всего 1918 года штурмовики действовали в составе отделений,

оснащенных самым разнообразным вооружением. Магазиновая винтовка – единственное оружие пехоты в 1914 году – стала лишь одним элементом из разнообразного арсенала штурмовиков. Англичане и французы тоже совершенствовали свою тактику, но не так быстро и решительно. В 1918 году немецкие штурмовые батальоны действовали в составе пулеметных и стрелковых групп. Траншеи подавлялись пулеметным огнем, а затем забрасывались гранатами. Долговременные огневые точки выводились из строя при помощи тяжелого вооружения.

Штурмовики берегли «честь мундира». Хорошо оснащенные ударные войска заслужили славу (и дополнительный паек) благодаря храбрости на поле боя. При подготовке штурмовиков особенно поощрялась личная инициатива солдат. Унтер-офицеры в штурмовых группах рассматривались не как помощники офицеров, а как самостоятельные командиры на уровне взвода.

Новая пехотная тактика немцев оказалась сюрпризом для союзников. Когда в 1918 году немцы впервые использовали тактику гибкой обороны – это оказалось полной и очень неприятной неожиданностью для англичан. Однако англичане быстро усвоили урок и начали реорганизовывать собственную оборону по немецкому образцу. Но тактику штурмовых групп союзники до конца разгадать так и не смогли. Результаты действий штурмовиков были очевидны, но даже официальная английская историография не смогла предложить лучшего им объяснения, чем предположить, что немцы просто позаимствовали идеи, изложенные во французской брошюре.

Даже после поражения Германии действия штурмовиков продолжали ассоциироваться с победой. В период неразберихи, что последовала за поражением, многие военизированные формирования пытались придать себе имидж штурмовых групп. Дальше всех пошли национал-социалисты. Когда они организовывали собственный боевой отряд, он получил название Sturmabteilung – «штурмовой батальон». Со временем СА превратился в мощную силу, во многом способствовавшую приходу Гитлера к власти.

Рождение элиты

Первая штурмовая группа была официально сформирована на основании приказа ОХЛ (Oberste Heeresleitung – Верховное главнокомандование сухопутных войск. ОХЛ возглавлял сам кайзер, а фактическое руководство осуществлял начальник генштаба) от 2 марта 1915 года. Этот приказ предписывал командованию VIII корпуса сформировать небольшую группу для проверки нового оружия и тактики, предназначенных для прорыва фронта. Естественно, группу укомплектовали саперами – представителями единственного рода войск кайзеровской армии, имевшего опыт обращения с ручными гранатами и знакомого с принципами осадной войны. Многие десятилетия немецкая армия готовилась к удару по соседним странам. Франция, Бельгия и Россия укрепляли свою границу, возводя укрепленные сооружения из стали и бетона. Немцы планировали быстро преодолеть эти заграждения при помощи артиллерийского огня и саперных частей и не предполагали угодить в патовую ситуацию, возникшую к концу 1914 года.

Главную проблему представляли пулеметы. Они оказались даже более эффективными, чем это предполагали до войны. Уничтожить пулемет артиллерийским огнем было не так просто, в то время как несколько пулеметов могли сдерживать атаку практически любого количества пехоты. Все армии занялись разработкой «средства от пулеметов». Первыми выход нашли немцы. На оружейной фирме Круппа решили, что если пулеметы не удастся уничтожить огнем тяжелой артиллерии, почему бы не попробовать легкую. Крупп разработал 37-мм штурмовую пушку – 3.7 cm Sturmkanone – достаточно легкую, чтобы ее можно было использовать на передовой. Чтобы испытать новое оружие, был сформирован первый штурмовой батальон – Sturmabteilung. Во главе батальона встал майор Каслов (Kaslow), штурмовой батальон со временем приобрел известность как Sturmabteilung Kaslow. Кроме новой пушки, на оснащение батальона поступили и другие новинки – каска и бронежилет. После трех месяцев подготовки батальон отправили на фронт, разделив на подразделения, которые включили в состав разных саперных батальонов. Опыт показал, что пушка Круппа слишком неудобна и уязвима. В нескольких небольших атаках батальон потерял до 30 % личного состава.

В августе 1915 года место Каслова занял профессиональный военный, 37-летний капитан Вилли Эрнст Рор (Rohr), прежде служивший в престижном Garde-Schuetzen Abteilung (гвардейском стрелковом батальоне). Новый энергичный командир ввел новую тактику захвата вражеских траншей, а место 37-мм штурмовой пушки заняли трофейные русские трехдюймовки с укороченными стволами и винтовочные гранаты.

Солдаты также несколько изменили униформу и экипировку в соответствии с новой тактикой. Осенью 1915 года батальон успешно показал себя в операциях в районе Вогезов, а в начале февраля 1916 года Sturmabteilung Rohr был переброшен под Верден. В мае ОХЛ издало приказ направить всем армиям, действующим на Западном фронте, по два офицера и четыре унтер-офицера в батальон к Рору, для обучения

новым методам ведения войны. Таким образом, Sturmabteilung Rohr превратился в учебную часть с высокой ротацией личного состава.

формирование штурмовых групп

23 октября 1916 года генерал Людендорф (Ludendorff) приказал всем немецким армиям, сражавшимся на Западном фронте, сформировать по штурмовому батальону. К концу 1916 года такие батальоны сформировали все немецкие армии на Западном фронте. Многие из этих Sturmbataillionen представляли собой смесь нескольких штурмовых подразделений, уже существовавших в составе разных дивизий. С середины 1915 года в составе многих немецких пехотных полков возникают собственные ударные отряды. Эти отряды могли быть численностью от отделения до роты и носили самые разные названия. Среди названий преобладали названия типа Sturmtrupp (штурмовые отряды), но встречались и Jagdkommando (охотничьи отряды) и Patrouillentrupp (патрульные отряды). Когда в начале 1915 года появились первые отряды огнеметчиков, капитан Реддеман (Reddemann) называл своих людей Stosstruppen (штурмовые отряды). Это название пользовалось особой популярностью, поэтому все солдаты первых штурмовых частей, независимо от их официального названия, предпочитали именовать себя именно так.

ОХЛ не планировало превращать штурмовые группы в штатную единицу пехотных дивизий. Перед штурмовиками ставилась конкретная задача – прорвать линию фронта, после чего эти отряды предполагалось распустить. Штурмовые группы возникли «на ровном месте», не имели никакой истории – у них даже не было цвета рода войск. К ноябрю 1916 года более чем 30 немецких дивизий располагали штурмовыми группами.

Оружие штурмовиков

Винтовки и карабины. В 1914 году немецкие пехотные полки были единообразно оснащены винтовкой системы «Маузер» образца 1898 года. При массе 4 кг и длине 1250 мм винтовка «маузер 98» была отличным оружием условиях открытой кампании 1914 года, но совершенно не подходила для траншейной войны. Штурмовые батальоны начали использовать карабины 98(а) в 1915 году, и постепенно они стали самым распространенным оружием штурмовиков. Благодаря меньшей длине карабин было удобнее использовать в траншеях, а несколько ограниченная дальность боя карабина не имела значения в условиях ближнего боя. Но чаще всего штурмовые группы шли в бой, вооруженные лишь пистолетами, гранатами и холодным оружием. При этом солдат штурмовой группы, обвешанный различным оружием и подсумками, часто напоминал новогоднюю елку.

Автоматическое оружие. Штурмовые отряды были первыми в мире армейскими частями, получившими на вооружение пистолеты-пулеметы. Таким пистолетом-пулеметом был MP 18, сконструированный Хуго Шмайссером (Schmeisser). Это было весьма незамысловатое и в то же время чрезвычайно эффективное устройство. В течение 1918 года в немецкую армию направили более 30 000 пистолетов-пулеметов MP 18, однако большинство из них прибыло в части уже после большого мартовского наступления. Генерал Людендорф очень рассчитывал при помощи MP 18 повысить огневую мощь немецкой пехоты во время штурма союзниками линии Гинденбурга.

Унтер-офицеры из пулеметных и минометных расчетов были вооружены, кроме карабина, еще и пистолетом P08 Luger или Mauser. Эти пистолеты благодаря кобуре, которую можно было использовать в качестве приклада, могли вести прицельный огонь на дистанции более 100 метров. Пистолеты были более удобным оружием самозащиты, чем громоздкая винтовка. Существовала модификация Люгера с 32-зарядным магазином барабанного типа (аналогичным с магазином MP 18). Как говаривал Эрвин Роммель (Rommel): «В бою один на один побеждает тот, у кого в магазине на один патрон больше».

Ручные гранаты. Саперные ручные гранаты, применявшиеся в 1914 году, вскоре уступили место более эффективным образцам. Наибольшую популярность получила граната-колотушка Stielhandgranate 15, ставшая основным оружием штурмовых батальонов. Когда в феврале 1916 года немецкие штурмовики шли в атаку под Верденом в составе первого эшелона, винтовки висели у них за спиной, зато обе руки были свободны для метания гранат. В 1916 году на вооружение немецкой армии поступила новая граната – Eierhandgranate 16. Эта «лимонка» весила 310 г. При известном навыке эту гранату можно было забросить на 50 метров, радиус поражения гранаты был достаточно ограничен. Впервые «лимонки» немцы применили в июле 1916 года. Контратаковав англичан к северу от Типвала (над Соммой), немецкие солдаты, забросав «лимонками» англичан, сумели занять потерянные позиции.

Основным поражающим фактором немецких гранат была ударная волна, а не осколки, поэтому гранаты были особенно эффективны в условиях окопной войны, а не на открытом пространстве. Штурмовики, атаковавшие хорошо укрепленные позиции

союзников, часто использовали связки гранат, забрасывая их за бруствер или в бойницу.

Пулеметы. Немецкая армия намного уступала английской и французской армиям в оснащении пулеметами. Линейные пехотные полки начали получать пулеметы лишь в 1913 году. В 1914 году каждый пехотный полк имел в составе шесть пулеметных рот. Когда в декабре 1916 года в составе пехотных дивизий были сформированы штурмовые батальоны, каждый батальон имел в своем составе одну или две пулеметные роты. Штурмовые батальоны располагали от 12 до 24 пулеметов, а отдельные *Sturmkompanien* имели в своем составе пулеметный взвод с двумя пулеметами.

Основным пулеметом немецкой армии был *MaschinenGewehr 08* – вариант пулемета системы «Максим». Боевая масса пулемета достигала 63,6 кг. Поэтому, несмотря на свою эффективность, MG08 был главным образом оборонительным оружием – таскать под огнем по изрытому воронками полю железку весом более 60 кг было делом непростым. Тем не менее во время наступления под Верденом в июне 1916 года в наступающих порядках немцев шли и пулеметчики. Баварский лейб-гвардейский полк при поддержке штурмового батальона «Рор» занял городок Флери, причем в уличных боях немцы использовали 24 пулемета MG08.

Ручные пулеметы. В 1915 году немцы попытались создать собственный ручной пулемет на базе пулемета MG08, к тому времени большинство армий Антанты уже обзавелись этим видом оружия, поэтому немцы сформировали пулеметные роты, оснащенные трофейным оружием. Первый *Musketen-Bataillon* был вооружен ручными пулеметами системы «Мадсена», захваченными в России.

Английская армия в то время уже располагала пулеметом Льюиса. Льюис, весивший 15 кг, хотя и был тяжелее Мадсена, но все же значительно превосходил в маневренности тяжелый MG08. Штурмовикам нравились пулеметы Льюиса, и многие из них продолжали использовать английское оружие даже после того, как в части начали поступать ручные пулеметы немецкого производства.

Минометы. После того как минометы впервые с успехом были применены во время осады Порт-Артура, немецкое командование решило оснастить подобным оружием свои саперные части. К 1914 году саперы располагали тремя типами минометов (*Minenwerfer*): легкий 76-мм (масса мины 4,7 кг, дальность 1050 м), средний 170-мм (49,5 кг, 900 м) и тяжелый 210-мм (100 кг, 550 м). Штурмовые батальоны, как правило, имели в составе минометную роту. Отдельные штурмовые роты обычно располагали четырьмя легкими минометами.

Огнеметы. 18 января 1915 года был сформирован добровольческий саперный отряд для испытания нового оружия – огнемета. 3-й гвардейский саперный батальон переформировали в *Flammenwerfer Abteilung*. Батальон первоначально состоял из шести рот, но к 1917 году число рот увеличилось до 12. В каждой роте было 20 больших и 18 малых огнеметов. В составе каждого штурмового батальона был огнеметный взвод (*Flammenwerftrupp*), насчитывавший от четырех до восьми легких огнеметов.

Артиллерия. Испытанная в 1915 году крупновесная 3,7 см *Sturmkanone* оказалась недостаточно эффективной, но немцы не изменили свое мнение о том, что для борьбы с пулеметными гнездами противника необходимо использовать полевую артиллерию. Вскоре 37-мм пушку заменили на горную гаубицу, которую тоже можно было переносить по полю боя на руках. Наконец, в 1916 году на вооружении штурмовых батальонов начала поступать 7,62 см *Infanterie Geschuetz*. Пехотная пушка представляла собой трофейную русскую трехдюймовую полевую пушку, у которой ствол был укорочен с 2,28 м до 1,25 м. В каждом штурмовом батальоне была одна батарея.

Нехватка живой силы

До конца 1917 года штурмовые батальоны комплектовались исключительно добровольцами. Требования к штурмовикам были настолько высоки, что когда четыре егерских батальона переформировывали в штурмовые батальоны, более 500 человек отсеяли как негодных. Хотя офицеров назначали в штурмовые батальоны приказом, обязательным к исполнению, солдаты и унтер-офицеры были, как правило, моложе 25 лет, неженатые и в хорошей спортивной форме. Штурмовые батальоны выполняли и учебную роль. Солдаты и унтер-офицеры проходили краткосрочную подготовку в составе штурмовых батальонов, после чего возвращались в свои части.

Нарастающая нехватка живой силы вынудила Людендорфа отказаться от планов превратить все пехотные дивизии в штурмовые. Людендорф решил провести реорганизацию армии, собрав немногих оставшихся молодых людей в рядах нескольких ударных дивизий (официальное название *Angriffsdivision*, однако эти дивизии также назывались *Stossdivision* и *Mobilmachungsdivision*). Ударные дивизии получали львиную долю артиллерии, боеприпасов, пищи и времени на подготовку. Таким образом, Людендорф планировал в 1918 году наконец прорвать Западный фронт.

Однако на каждую ударную дивизию приходилось примерно три обычные траншейные дивизии (Stellungsdivision), боевая ценность которых ненамного отличалась от нуля. Траншейные дивизии укомплектовывались стариками и юнцами, имели минимум оснащения и отличались очень низким боевым духом.

Переподготовка пехоты

Перед войной немецкая пехота не имела себе равных по уровню подготовки. Конечно, ветераны английского экспедиционного корпуса превосходили обычных немецких пехотинцев, но таких дивизий у англичан было всего шесть, в то время как немецкие пехотные дивизии все имели одинаково высокий уровень. В августе 1914 года немецкая армия насчитывала четыре миллиона солдат. Практически все они были потеряны к 1917 году. Именно этот год большинство немецких офицеров называют годом гибели немецкой довоенной армии. Во французских частях дело обстояло так же, как и в английских – ведь довоенная тренировка французских солдат с построением в тесную цепь в первые месяцы войны значительно облегчала работу немецким пулеметчикам.

Немецкие офицеры переучивались в ходе войны. Осенью 1916 года немцы начали разрабатывать новую оборонительную тактику, главным образом из-за ужасающих потерь, понесенных в результате английского артиллерийского огня. Традиционно немцы держали в передовых траншеях всех солдат и старались не уступить противнику ни клочка контролируемой территории. Такая тактика дорого обходилась пехоте. Все младшие офицеры прошли месячные курсы по принципам новой гибкой оборонительной тактики. Результаты переподготовки офицерского состава не замедлили дать результаты в 1917 году.

Вторая кампания по переподготовке солдат была предпринята зимой 1917/18 года. Пехотинцы обучались меткой стрельбе – искусству, утраченному пехотой всех воюющих на Западном фронте армий. «Мы проводили учебную атаку на оборонительные укрепления со сложной траншейной системой, используя боевые гранаты, учитывая уроки битвы под Камбрэ... при этом наша часть понесла некоторые потери... Пулеметчик из моей роты меткой очередью срезал с лошади офицера из другой роты, наблюдавшего за ходом учений. К счастью, раны оказались несмертельными» (Ernst Juenger, «Storm of Steel», London, 1929).

Наставления, по которым шла подготовка пехоты в 1918 году, были созданы на основе руководства для штурмовых батальонов. Причем в пехотных наставлениях ни слова не говорится о штурмовиках – подразумевалось, что каждый пехотинец теперь рассматривается как штурмовик. Теперь основной тактической пехотной единицей было отделение. Шесть из 18 отделений пехотной роты располагали ручными пулеметами.

Боевой дух

В годы Великой войны психологическая нагрузка на солдат была очень высока, если не сказать непосильна. Один бой длился не несколько дней, а недели и месяцы. Враждующие стороны не видели друг друга: солдаты зарывались в землю, пытаясь избежать града пуль и снарядов. Это была война людей против машин, живой плоти против мертвой стали. Поля сражений представляли собой огромные кладбища, усеянные человеческими останками и кусками тел. Для пехоты не было воинской славы. Пехотинцам не приходилось с триумфом вступать на позиции, оставленные разбитым неприятелем. Проходить через покоренные города тоже приходилось крайне редко – линия фронта почти не двигалась. Все это разрушающе действовало на человеческую психику.

Штурмовики находились в совсем другом положении: они практически не участвовали в обороне и не месили грязь на дне осыпающихся траншей. Их на грузовиках доставляли к линии фронта, после заката они выходили на исходные позиции и с наступлением темноты наносили неожиданный удар по позициям противника. К рассвету штурмовики возвращались на базу, везя с собой трофеи и пленных, а пехота оставалась на месте, тоскливо ожидая неизбежного ответного удара неприятеля. Часто штурмовиков использовали для того, чтобы нарушить договор «живи и давай жить другим», когда солдаты по обе стороны линии фронта договаривались между собой о прекращении огня. Штурмовики носили характерную униформу, у них на плечах висели мешки, полные ручных гранат, а на ремне они обычно носили кинжал. Как летчиков-истребителей и моряков-подводников, штурмовиков окружал романтический ореол, они пользовались вниманием немецкой прессы. Если немецкие пропагандистские плакаты в 1914–1916 годах эксплуатировали образ средневекового рыцаря, то к 1917 году рыцари уступили место героям с узкими лицами, стальными глазами, в каске, с противогазом на шее и мешком ручных гранат на плече. Такой была внешность нового немецкого воина.

Штурмовые батальоны использовались для поднятия боевого духа во всей армии. Многие молодые новобранцы мечтали попасть в ряды штурмовиков. Если ночной рейд штурмовиков на позиции неприятеля приводил к ответному удару на этом участке фронта, сообщения о рейде с большим энтузиазмом встречали на других участках. Солдаты, неделями находящиеся под непрерывным артиллерийским огнем, с большим удовольствием читали об успехах штурмовых батальонов. Действия штурмовиков смаковали немецкие окопные газеты, одна из которых, называвшаяся «Der Stosstrupp», имела постоянную рубрику «Stosstruppgeist» («Штурмовой дух»). Боевой дух в штурмовых батальонах был гораздо выше, чем в среднем по армии.

Боевая тактика

До 1914 года немецкая пехота отрабатывала исключительно действия в наступлении. Среди немецкого командования не существовало общего мнения относительно того, как пехоте следует наступать через открытое пространство в условиях плотного артиллерийского, винтовочного и пулеметного огня. Было ясно, что для того, чтобы уменьшить потери, пехоту следует рассредоточить, но в 80-х годах XIX века многие генералы выступали против этого. Они слишком хорошо помнили тот хаос, что царил на полях сражений 1870 года, когда впервые применили подобную тактику. Например, под Гравелоттом стрелковые цепи были прижаты к земле и не могли двинуться ни вперед ни назад. Тогда целые батальоны превращались в дезорганизованные толпы людей. Многие офицеры полагали, что хотя плотные цепи и понесут большие потери за короткий срок, но такими наступательными порядками легче управлять, поэтому они будут мобильнее, быстрее пересекут открытое пространство и в целом потери окажутся не столь высокими. Эта теория оказалась полностью дискредитированной во время Англо-бурской войны, когда английская пехота часто оказывалась прижатой к земле огнем дальнобойных винтовок Маузера.

В первые годы XX века немцы начали внедрять в войска «бурскую тактику» – построение в редкую цепь, но вскоре от нее отказались, поскольку управлять растянутыми цепями было совершенно невозможно. Когда взвод в 80 человек растягивался по фронту на 300 м, командир взвода был уже не в состоянии управлять своим подразделением. Поскольку вопросами подготовки личного состава занимались командующие военными округами, в рядах немецкой армии возник разноречивый: в некоторых округах пехоту учили наступать редкой цепью, в других – плотным строем, словно никаких пулеметов не было и в помине! 1914 год поставил все на свои места. Французские и русские пулеметчики, как известно, не отличавшиеся особой меткостью, безжалостно секли плотные цепи наступающей немецкой пехоты. Применять подобную тактику против англичан было вообще чистым самоубийством – доказательством тому служит гибель прусской пешей гвардии под Ипром.

Ад Вердена. Атакующая немецкая пехота под Верденом наткнулась на два главных препятствия: проволочные заграждения и пулеметные гнезда. Артиллерия союзников открыла по ничейной полосе ураганный огонь, едва лишь немцы успели перейти в атаку. Когда в феврале 1916 года немцы повторили штурм Вердена, в первом эшелоне наступления шли штурмовики и саперы. Как только немецкая артиллерия подавила французские орудийные батареи при помощи химических снарядов, отряды штурмовиков начали проделывать проходы в проволочном заграждении. Бетонные ДОТы, сооруженные вдоль отлогого склона холма на восточном берегу Моза, были атакованы огнеметчиками Реддемана из 3-го гвардейского саперного батальона. Другие штурмовики тем временем забрасывали ручными гранатами французские траншеи. На некоторых участках немцы выдвинули вперед горные пушки, оснащенные большими бронешитами, и подавляли пулеметные гнезда прямым огнем.

Следом за штурмовиками шла пехотная цепь, словно снова вернулся славный 1914 год. Пехотинцы заняли французские траншеи, выбив последние отряды французов. Затем немцы подтянули пулеметы, которые, выпуская ленту за лентой, помогли отбить последующие французские контратаки.

Однако успех сопутствовал наступлению лишь первую неделю. Французы подтянули к месту прорыва свежие пехотные дивизии и артиллерию. Потери наступающей стороны резко увеличились. Немецкие полки продолжали выставлять в первый эшелон штурмовые части, однако с каждым днем становилось все труднее и труднее координировать действия пехоты и артиллерии. Покинув знакомые позиции, немцы оказались на полностью неизведанной территории, для которой не существовало точных карт (местность была приведена просто в неузнаваемое состояние германской же артиллерией). Французы стали действовать более рационально, часто немецкие атаки натывались на неожиданные проволочные заграждения, за которыми стояли французские пулеметы.

Первую немецкую атаку поддерживало 1600 орудий, две трети из которых приходилось на тяжелые гаубицы. Подобная артиллерийская мощь могла перемолоть

сколько угодно пехоты противника, но результат получился прямо противоположный. Французские солдаты быстро поняли, что траншеи мало помогают от навесного гаубично-минометного огня, поэтому стали действовать, опираясь на импровизированные позиции, организованные в воронках и развалинах зданий. Чтобы нанести как можно более глубокий удар по обороне противника, штурмовики двигались вперед с максимальной скоростью, не оглядываясь на фланги и тылы, рассчитывая на следующую во втором эшелоне пехоту. Немецкая артиллерия вела огонь по принципу «огненного вала», перенося огонь вперед по мере продвижения наступающей пехоты. Однако огненный вал слишком часто «забегал далеко вперед». Штурмовые группы, продвигаясь в глубь позиций противника, обходили некоторые неприятельские опорные пункты – таким образом была основана тактика просачивания.

Оборона на Сомме. Наступление под Верденом прекратилось летом 1916 года, когда англичане начали наступление на Сомме. Английская армия так никогда до конца и не смогла оправиться после этого первого опыта ведения войны в Европе в индустриальную эпоху, но и для немцев Сомма также стала трагическим уроком. Для немецкой пехоты, обреченной сидеть в темных блиндажах, дрожащих под разрывами тысяч тонн взрывчатки, Сомма стала кошмаром. Англичане хвалили прочность немецких укреплений, часто отмечая, что подземные убежища удается разрушить лишь прямыми попаданиями. Но это было слабым утешением для солдат, скрывающихся в блиндажах, – при той плотности огня прямых попаданий англичанам удавалось добиваться очень часто. Целые взводы оказывались погребенными заживо. Контратаки глохли, не успев начаться, поскольку батальоны теряли до половины личного состава еще на исходных позициях.

«Английская артиллерия открывала огонь ежечасно. Даже когда на исковерканную землю опускалась ночь, артиллерийская канонада не прекращалась... В течение трех дней и ночей Эбельхаузер и его товарищи на собственной шкуре испытывали, что такое ад на земле. Огонь был повсюду... воронки теснились одна на другую, каждая из них была открытой и немой могилой. Сколько солдат было похоронено в этих могилах, солдат, чьи останки так никогда и не удалось отыскать? Земля тряслась день и ночь... немногие уцелевшие защитники этого участка Западного фронта превратились в ползающих животных, пытающихся укрыться в свежей воронке. Они переползали от одной воронки к другой, тщетно пытаясь найти еду и укрытие. Но ни того ни другого нигде найти не удавалось». Ни английским, ни немецким командирам сражение на Сомме не прибавило авторитета. Пехотные полки следовали старой прусской традиции: «halten zu halten ist» («удержать все, что можно удержать»). Передовая линия была наполнена солдатами, что было очень кстати для английских артиллеристов, не испытывавших недостатка в боеприпасах (расход боеприпасов колебался в широких пределах, но в разгар сражения составлял 500 тонн на дивизию на фронте около 2000 м). Покинуть перепаханный вдоль и поперек участок немецкие командиры не имели права, – те, кто решался вывести людей из-под огня, лишались своих должностей. Слова генерала фон Фалькенхайна были одиозны: «Враг может продвигаться вперед только по нашим трупам». Поэтому немецкие пехотинцы держались до конца. К августу 1916 года за два месяца боев на Сомме немецкая армия потеряла столько же людей, сколько за шесть месяцев боев под Верденом. К концу сражения на Сомме на этом участке фронта было собрано до 135 пехотных дивизий (под Верденом сражалось всего 75).

Подобно французам под Верденом, немцы на Сомме оказались не в состоянии удерживать занимаемые позиции. Немцам пришлось воевать среди воронок, организовывая импровизированные огневые точки. Основную часть пехоты отвели на несколько километров назад, откуда проводили контратаки. Контратаки проводились днем и ночью силами батальона или полка. Иногда вместо контратаки проводили настоящий штурм, например, штурмом был взят Дельвильский лес, который перед этим четверо суток перепахивала немецкая артиллерия.

Немецкое Верховное главнокомандование среди причин отступления на Сомме назвало недостаточную глубину обороны, чрезмерную концентрацию пехоты на переднем крае, а также превосходство союзников в артиллерии и авиации. О превосходстве противника в авиации с горечью пишет в своем дневнике один из пехотинцев:

«Французские аэропланы кружат над нашими позициями, пролетая у нас над головами; но нигде не видно немецких самолетов. Мы никогда не любили наших пилотов за их высокомерное поведение, теперь наша ненависть к ним безгранична».

Аэропланы союзников, корректирующие огонь, очень деморализовывали немецкую пехоту. Поэтому когда корректировщик засекал немецкую батарею, ее спешно эвакуировали. Однако подобный прием не проходил в отношении пехоты, убрать которую было невозможно, да и связь с передовой была очень ненадежной.

Гибкая оборона. Зимой 1916/17 года немцы сформулировали основные принципы новой оборонительной тактики. Согласно Führung der Abwehrschaft (инструкция по обороне) 1916 года, передовую линию на глубину 500–1000 м следовало прикрывать

силами немногочисленных передовых постов. Передовые посты занимались борьбой с дозорами противника, а также в их задачу входило смешать порядки наступающей вражеской пехоты. Главная линия обороны проходила сзади, обычно вдоль обратного склона холма, и имела три линии траншей. В 2000 м позади траншей возводились хорошо замаскированные бетонные ДОТы, расположенные в шахматном порядке и поддерживающие друг друга. Так немцы организовывали свою оборону на тех участках, где не предполагалось проводить наступательных операций. Пехота, отведенная назад, предназначалась для нанесения контрударов в тот момент, когда продвижение противника начинало приостанавливаться. Едва только союзническая пехота теряла поддержку тяжелой артиллерии и пулеметов, немцы переходили в массированную контратаку и отбивали позиции.

Новая оборонительная тактика немцев целиком строилась на контратаке, особенно на контратаке с флангов. Немцам удавалось ликвидировать целые пехотные бригады союзников, зажав их в глубине своей обороны. Нанося фланговые удары, немцы отбивали свои позиции и отсекали французскую и английскую пехоту, достигшую второй или третьей линии окопов. Отрезанные пехотные части не имели возможности вызвать артиллерийскую поддержку и пополнить боекомплект, поэтому их легко ликвидировали. Подобная тактика, основанная на контрударах, еще выше подняла роль штурмовиков. Стремительные броски пехоты стали главной причиной успешной обороны германской армии в 1917 году и стали репетицией весеннего наступления, начавшегося весной следующего года.

Однако даже оборонительные бои влекли за собой потери: война на истощение (Materialschlacht) складывалась явно не в пользу Германии. Французы отказались от расточительных пехотных атак и стали занимать территорию только после того, как артиллерийским огнем там было уничтожено все живое. Англичане тоже взяли на вооружение подобную тактику. Под Мессинами 2266 английских орудий обрушили на немецкую оборону 144 000 тонн взрывчатки, а саперы подвели под немецкие позиции минные галереи – и все это только для того, чтобы пехота смогла провести наступление с ограниченными целями.

Массированная артподготовка предвещала и наступление англичан во Фландрии. Если название городка Пашендаль отзывается болью в английских сердцах, то немцы, оборонявшие в 1917 году участок фронта у Ипра, вспоминают об этом как о ночном кошмаре. «Ад Вердена» был ничто по сравнению с фламандской битвой, ставшей «Величайшей мукой мировой войны». Там не было траншей, не было вообще никаких убежищ, за исключением нескольких бетонных блокгаузов. «В заполненных водой воронках барахтались солдаты. Без защиты от непогоды, голодные и промокшие, брошенные под непрерывный артиллерийский налет» (генерал фон Куль (Kuhl), начальник штаба кронпринца Рупрехта).

Люди против танков

Битва под Камбрэ началась столь неудачно для немцев, так как союзники предприняли массированную танковую атаку. Завидев танки, многие немецкие пехотные части в панике бежали с поля боя. Танки мало волновали немецкое командование до тех пор, пока союзники их не применили. Несмотря на отчаянные просьбы генерала сэра Дугласа Хейга (Haig), впервые английские танки в ограниченном количестве были использованы лишь в 1916 году, а французы начали применять танки еще годом позже. 16 апреля 1917 года 82 французских танка типа «Schneider» и «St. Armand» были брошены в атаку, но, застряв на изрытой воронками местности, по очереди стали жертвами немецкой артиллерии.

Но на ровном и прочном грунте под Камбрэ танки смогли полностью показать свои возможности. Массированная танковая атака началась неожиданно. Шум танковых двигателей заглушали английские аэропланы, на бреющем полете кружившие над немецкими траншеями, кроме того, союзники не провели обычной артподготовки. К счастью для немцев, в 1917 году танки еще не отличались большой надежностью и многие боевые машины вышли из строя по техническим причинам. Поэтому, когда немцы начали контрнаступление, у союзников не оказалось достаточного количества танков, чтобы сдержать продвижение противника.

30 ноября над полем боя показались немецкие аэропланы. Впервые за всю войну самолеты использовались для непосредственной поддержки пехоты:

«Выслав вперед дозоры, немцы в 7 часов утра двинулись вперед, построившись в небольшие колонны, усиленные ручными пулеметами и кое-где огнеметами. Пролетавшие на бреющем полете немецкие аэропланы бомбили и расстреливали из пулеметов англичан, внося беспорядок в ряды обороняющихся. Наступающие практически никогда не атаковали укрепленные пункты с фронта, а обходили их с флангов и тыла».

Немцы снова применили тактику просачивания. Удивительно, но в немецких источниках подобный термин нигде не используется. Это выражение придумали

союзники, чтобы описать новую тактику противника. Впервые с этой тактикой столкнулись французы после провала наступления, предпринятого в апреле 1917 года генералом Нивелем (Nivelle). Немецкая контратака была неожиданной и ожесточенной.

«Все началось с прицельного артиллерийского обстрела, сконцентрированного по месту контратаки. Участок фронта, который немцы планировали отбить, методично заполнялся дымом и огнем, сыпавшимися из скрежещущих и готовых рухнуть на землю небес. Траншеи тряслись и обрушивались под разрывами снарядов, воздух наполнялся свистом немецких пуль... Внезапно огонь был перенесен дальше, а из дыма последних разрывов вынырнули фигуры немецких солдат, которые стремительно двигались вперед, на ходу метая ручные гранаты» (генерал Эдвард Спирз (Spears)). То, что союзники называли тактикой просачивания, немцы называли «координацией», подразумевая под этим словом то, что в рамках одного пехотного батальона согласованно действует несколько типов вооружения. Лучше всего координацию можно продемонстрировать на примере действия одной из частей. 30 ноября 2-й батальон 109-го пехотного полка просочился в глубь английской обороны, но был остановлен пулеметным огнем примерно в 500 м от Гонелье. Несколько английских пулеметов прижали немецкую пехоту к земле, а вызвать артиллерийскую поддержку не было возможности – обычная проблема для Первой мировой войны.

5-я рота 110-го пехотного полка, находившаяся в резерве, была брошена вперед с целью подавить пулеметы неприятеля, мешавшие дальнейшему продвижению. Позиции английской пехоты немцы подавили пулеметным огнем, а в одной из воронок был установлен миномет, из которого открыли огонь по пулеметным гнездам. Наконец удалось вызвать артиллерийскую поддержку, и артиллеристы накрыли огнем позиции англичан непосредственно за пулеметными гнездами. Разделившись на отделения, 5-я рота начала приближаться к английским пулеметам, делая короткие перебежки под прикрытием минометного огня. Отделение капрала Герсбаха (Gersbach) достигло старой траншеи, ведущей к одному из пулеметных гнезд англичан, и, прокладывая себе путь при помощи ручных гранат, двинулось вдоль траншеи. Пулемет был захвачен, и продвижение пехоты возобновилось. Вся операция, с момента, когда командир послал на помощь штурмовиков и миномет, до уничтожения пулеметного гнезда, заняла два часа. Благодаря совместному применению различных вооружений удалось достичь успеха. «Командир отделения при поддержке огня тяжелого вооружения и действуя совместно со стрелками и пулеметчиками, продолжал продвигаться от одного опорного пункта к другому, каждый раз нанося противнику удар во фланг» (Infanterie in Battle, Washington DC, 1939).

Битва кайзера. К моменту начала весеннего наступления 1918 года немецкая пехотная тактика изменилась до неузнаваемости. Минимальным тактическим подразделением немецкой пехоты было отделение, которое, в свою очередь, подразделялось на пулеметную группу, состоящую из двух солдат расчета MG08/15 и двух подносчиков боеприпасов, и стрелковую группу, состоящую из 8–10 стрелков во главе с капралом. Другие армии перешли на такую структуру лишь к середине Второй мировой войны, ценой большой крови убедившись, что только так можно добиться максимальной плотности огня и маневренности в пехотном взводе.

Это наступление было последним немецким наступлением, оно должно было решить дальнейшую судьбу Германии. Поэтому штурмовики получили приказ наступать, не считаясь с потерями. Как и под Верденом, штурмовики неуклонно продвигались вперед к обозначенным целям. Если позицию не удавалось взять с ходу, штурмовики обходили ее и продолжали движение. Подобное стремительное наступление оборачивалось большими потерями, поскольку очень быстро штурмовики лишались поддержки артиллерии, а пехотное тяжелое вооружение также отставало.

С марта по июнь 1918 года штурмовые батальоны много раз поднимались в решительные атаки, многие из которых захлебнулись. Штурмовикам удалось достичь тактических успехов, но эти успехи имели только местное значение. В конце концов, тактическое превосходство не могло компенсировать политической и стратегической слепоты немецкого Верховного командования. Пытаясь выдержать нереальные темпы наступления и ориентируясь на тактику, а не стратегию, ОХЛ обрекало Германию на поражение. И в этом поражении не было вины штурмовых групп. Один из офицеров писал: «Непоколебимый прусский боевой дух оставался в нашей пехоте. Даже спустя сорок четыре месяца войны солдаты сражались с тем же энтузиазмом, что и в августе 1914 года. Неудивительно, что потребовались усилия армий почти всего мира, чтобы остановить этот неукротимый поток». В мире общепризнаны огромные достижения немцев в развитии боя пехоты.

Интересно, что ничего подобного Stosstrupen у союзников не было – были «легкие команды» – все это немцы прошли уже. Пятиротный батальон Рора, действовавший под Верденом, – это уже типичная инженерно-штурмовая бригада с огнеметчиками, гранатометчиками и сильнейшим упором на инициативу унтер-офицеров в бою (что вообще характерно для немцев – а у Stosstrupen возвели в абсолют). Кроме этого,

немцы сильно усовершенствовали боевое построение пехотной роты в бою – как роты Stosstruppen, так и обычной пехотной, да так, что кое-что другие страны прививали десятилетиями...

Австро-венгерские штурмовые формирования

Когда австро-венгерская армия вступила в Первую мировую войну, она использовала тактику, основанную на опыте франко-прусской войны 1870–1871 годов, и была нацелена на проведение наступательной войны. Все руководства по тактике указывали, что нападение – всегда лучший выход из любой ситуации. Это касалось главным образом пехоты, которая должна была уметь действовать самостоятельно, даже без поддержки артиллерии или кавалерии.

Кампании лета – осени 1914 года велись именно таким образом. Для каждого полка или батальона предполагался постоянный натиск на вражеские позиции. После выяснения положения врага – немедленная атака, даже без предварительной подготовки. Эта тактика называлась «rescontre». Вначале австро-венгерское командование не понимало, что российские и сербские позиции предварительно усилены аванпостами. В течение начала боевых действий эти аванпосты были быстро опрокинуты и вынуждены к отступлению. Австрийцы восприняли это как победу. Но когда их войска достигли главных вражеских позиций, где были встречены хорошей обороной с сильной артиллерийской поддержкой, они были уже расстроены и приведены в беспорядок. Потребовалась немедленная поддержка собственной артиллерии, но та только начала выдвижение.

В этот период солдат пехоты, в соответствии с уставами, постоянно атаковал неприступные позиции, имея все шансы погибнуть, но не имея возможности продвинуться вперед или назад. Количество жертв стремительно росло. В течение зимы 1914/15 года ситуация изменилась. Хотя и позже, чем на Западном фронте, противоборствующие стороны стали буквально «вгрызаться» в землю, организовывая оборонительные препятствия перед траншеями и артиллерийские позиции позади них. Первоначально это была всего одна линия окопов, которая и была целью любого наступления. Там, где противнику удавалось захватить даже небольшой участок, приходилось оставлять ему целые сектора обороны, чтобы предотвратить крушение всего фронта. Чтобы избежать этой проблемы, австро-венгерское верховное командование (Armeeoberkommando – АОК), главным образом основываясь на немецком опыте на Западном фронте, начало углублять линию обороны. Приблизительно через 100 м позади первой линии окопов начали рыть вторую, а за ней, примерно на таком же расстоянии, третью. Все три линии связывались ходами сообщений. Это полевое инженерное сооружение получило название «первая позиция» (1. Stellung). Еще глубже на 2–3 км устраивалась «вторая позиция», также состоявшая из трех линий окопов. Позади второй позиции развернули артиллерию. Третья позиция, как правило, так и оставшаяся недостроенной, предполагалась уже на расстоянии 4–6 км.

Переход к позиционной войне привел к изменению тактики. Теперь атака имела шансы на успех только при артиллерийской подготовке, которая могла уничтожить заграждения и первую линию обороны врага, что позволило бы собственной пехоте вступить в контакт с противником и захватить его позиции. Но чтобы достигнуть решающих результатов, было необходимо взять вторую линию обороны и, самое главное, позиции вражеской артиллерии. Если этого нельзя было достигнуть, враг мог огнем артиллерии отсечь наступающую пехоту и уничтожить ее. Так практически всегда и получалось. В результате наступающие с большими потерями отбрасывались назад. Очередным выходом из патовой ситуации было наращивание артиллерийской мощи для того, чтобы иметь возможность разрушить и первую, и вторую линию обороны противника. Атака должна была быть тщательно запланированной и подготовленной. В продолжительные периоды «затишья» боевые действия на фронте ограничивались перестрелками, вылазками аванпостов и борьбой за контроль «ничейной земли». В Российской армии еще с 1886 года существовали «охотничьи команды», выполнявшие функцию полковой разведки. Рейды специально подготовленных «боевиков», чей успех часто был обязан слухам, снижали боевой дух австро-венгерской армии. Солдаты опасались, что не смогут защитить себя от внезапных нападений и засад. Естественной реакцией было простое копирование этих специальных подразделений в австрийской армии и создание собственных «охотничьих команд» (Jagdkommandos). Первые подобные отряды появились без какого-либо согласия со стороны АОК. На некоторых участках фронта количество и численность таких отрядов быстро росли. Это была трудная и опасная работа.

Австро-венгерское верховное командование прониклось острой необходимостью в обучении собственной пехоты. Каждая армия должна была организовать специальные курсы, на которых опытные солдаты могли бы обучить новичков особенностям тактики траншейной войны. Эти армейские курсы до весны 1917 года минимум должны были

подготовить два штурмовых взвода (Sturmpatrouillen) в составе каждой пехотной роты. Взводы сводились в армейские батальоны. Их состав отличался от немецких – обычно это были 4 пехотные роты, пулеметная рота, инженерная, минометная и огнеметная команды. Низкая интенсивность боевых действий на Северо-Восточном фронте позволила безболезненно снимать большое количество солдат с первой линии обороны и направлять на курсы. В то же время ранее существовавшие Jagdkommandos попросту переименовывались и включались в состав новых батальонов. Другая ситуация сложилась на итальянском фронте, особенно в свете поражений при Изонцо (Isonzo). Полковые командиры часто отказывались снимать с фронта лучших солдат и направлять их в тыл на переподготовку.

Первое боевое использование австро-венгерских штурмовиков прошло в течение десятого сражения при реке Изонцо. Опыт был удачен. Когда штурмовые роты были разделены на отдельные команды, наступавшие во главе пехотных частей, успех достигался всегда. В то же время, если штурмовые подразделения действовали большими группами, они несли тяжелые потери и терпели поражение, особенно если отсутствовала предварительная разведка. Поэтому АОК разработало общие правила использования штурмовых батальонов в будущем. Каждая пехотная дивизия должна была иметь дивизионный штурмовой батальон. Каждая кавалерийская дивизия должна была создать так называемый штурмовой полуполк и отдельные бригады – штурмовые полубатальоны.

Множество проблем было связано с поставками вооружений и экипировки. В дополнение к штурмовым ротам в состав батальона должны были входить пулеметная рота, секция пехотных артиллерийских орудий, минометный и огнеметный взводы, отряд телефонной связи. Из-за нехватки ресурсов эти необходимые боевые элементы приходилось заимствовать во фронтовых частях, а по завершении курса обучения или после выполнения миссии немедленно возвращать обратно. До октября 1917 года большинство штурмовых батальонов не имели собственных подразделений огневой поддержки. Главным фактором в решении этой проблемы стало двенадцатое сражение при Изонцо, в котором соединенные войска Германии и Австро-Венгрии прорвали итальянскую оборону. Множество трофеев было передано штурмовикам. Среди них было большое количество пулеметов и первых пистолетов-пулеметов, которые немедленно были пущены в дело.

В течение упомянутого двенадцатого сражения австро-венгерские штурмовые батальоны полностью доказали свою эффективность в условиях траншейной войны. Их элитный характер был подобен довоенной роли кавалерии. Штурмовые части стали символом наступательного духа и успешных атак. Но это вело и к переоценке их роли на поле боя. До июня 1918 года австро-венгерская армия имела в своем распоряжении достаточно большое количество штурмовых частей.

Но с 1918 года вновь изменились условия ведения траншейной войны. Вместо трех позиций были созданы боевые зоны. 1 – я и 2-я позиции были объединены в «главную боевую зону» глубиной приблизительно 4 км. Она была защищена с фронта линией аванпостов. Бункеры, замаскированные пулеметные огневые точки, глубоко эшелонированные заграждения, скрытые позиции пехотных артиллерийских орудий и минометов укрепили пространство между бывшими 1-й и 2-й позициями. Несмотря на большое количество имевшихся штурмовых подразделений, их все же было недостаточно для того, чтобы взять всю зону. Это было одной из причин провала наступления на реке Пиаве (Piave) в июне 1918 года. После этого сражения все штурмовые взводы и подразделения были сняты с фронта и направлены в учебные лагеря. До конца войны на них возлагались только задачи разведки и небольших локальных боевых операций. Было решено, что главная роль в последующих конфликтах будет отведена индивидуальной подготовке каждого солдата к рукопашному бою и траншейной войне, что делало бессмысленным содержание каких-либо специализированных частей. В конце 1918 года вместе с австро-венгерской армией прекратили свое существование и штурмовые батальоны. Но их опыт боевых действий и навыки послужили основой обучения и организации пехоты и армий Европы в период Второй мировой войны.

Штурмовые команды русской армии

Это была схватка двух варваров: нам, цивилизованным европейцам, все было чуждо на этой войне.

Э. Корти, итальянский офицер, о войне на Восточном фронте

В ходе Первой мировой миру были явлены совершенно новые, никогда ранее не применявшиеся виды оружия, что привело к появлению новых тактических приемов и возникновению родов войск, предназначенных для выполнения специфических задач. К их числу следует отнести и подразделения так называемых «штурмовиков» (или «ударников»). Они были сформированы во многих армиях и использовались при

прорыве вражеских линий обороны.

В 1915 году в армиях участников войны появилась тенденция к созданию особых подразделений, специализировавшихся на атаке укрепленных позиций и технике траншейного боя. Такие группы создавались во французской армии главным образом из состава наиболее боеспособных «цветных» колониальных войск. Они получили распространение и в германской армии в виде так называемых «штурмовых батальонов». Имелись попытки создания их в русской армии под названием «гренадерских взводов», «ударных частей» и т. д.

Вот пример действий немецких штурмовых батальонов зимой 1916 года в лесистых Карпатах (район западнее Селетин) против русских войск. На одну из рот 148-го пехотного Каспийского полка была произведена атака штурмовой немецкой роты. Окопы были оборудованы плохо, проволочные заграждения – в одну полосу, в 2–3 ряда кольев. Позиции противника располагались в 400–800 м от нашего переднего края; был довольно глубокий снег.

После полудня немцы начали артиллерийский и минометный обстрел участка одного из батальонов полка с целью пристрелки для последующей изоляции намеченного участка атаки и для создания укрытий в виде воронок атакующим немцам. Перед заходом солнца на опушке леса, в 400 м от русских окопов, показались солдаты противника. Артиллерия обрушилась на фланги и тыл одной из рот, и вслед за этим с исключительной быстротой противник буквально свалился в русские окопы. Атакуя по сплошным траншеям в стороны флангов с применением ручных гранат, немцы очистили значительную часть окопа первой линии от русских войск и отошли, захватив один тяжелый пулемет.

Через несколько дней командир русского батальона в виде своего рода приманки на удобном для атаки противника участке выставляет макет станкового пулемета и выдвигает в засаду команду разведчиков перед передним краем. При попытке германской штурмовой роты совершить налет ее командир – лейтенант – был взят в плен. Вскоре после этого эпизода полк получил перевод немецкой инструкции о подготовке и тактике «штурмовых батальонов».

«Штурмовые батальоны» комплектовались опытным, обстрелянным составом. В основу подготовки бойца было положено доведение до совершенства техники движения (броска) в атаку, преодоления искусственных препятствий и техники гранатного боя в траншеях. Инструкция требовала от рядового солдата умения наметить для себя заранее весь путь движения в атаку, с учетом всех мельчайших укрытий (воронок, ложбин и пр.), пунктов передышек, техники самого движения. При такой подготовке атака проводилась стремительно и почти не нуждалась в управлении со стороны командиров. В метании гранат требовалось достигнуть такого искусства, чтобы, находясь в одном из изломов окопа или хода сообщения, точно бросать гранату в следующий излом, обороняемый противником.

Что касается опыта создания штурмовых команд в русской армии, приказ войскам 9-й русской армии за № 646 от 13 декабря 1915 года предлагал в виде опыта создать во всех полках «взводы гренадер» по одному в роте. Состав взвода – 1 офицер, 4 унтер-офицера – командиры отделений – и 48 рядовых солдат. Вооружение гренадера – 7–8 ручных гранат, носимых в двух сумках на поясе, укороченная пика или шашка, тесак или топор на длинном топорнице, ножницы для резки проволоки. Кроме того, взвод имел стальные щиты (не менее одного на двух гренадер) и два бомбомета. Гренадерским взводам ставились следующие задачи: обязательное участие во всех атаках и отражениях атак противника; участие в поисках, предпринимаемых для захвата пленных и снятия охранения противника; налеты с целью создать панику у противника и выручка своих частей, атакованных противником.

Инструкция подробно описывает приемы метания гранат в различных условиях (стоя, с ходу, лежа, из-за щита, в окопе) и дает указания о тактике гренадерских взводов. Перед атакой укрепленных позиций гренадеры двигаются за линией стрелковых цепей (первой волной). В момент занятия пехотой основного рубежа для атаки они выдвигаются вперед, пользуясь прикрытием огня стрелков и дымзавесой, выползают вперед на дистанцию броска гранаты и бросают их в искусственные препятствия. Они применяли 5-фунтовые гранаты Новицкого. После этого часть гренадер расчищает образовавшиеся проходы топорами и ножницами, а остальные забрасывают гранатами окопы противника. Если действия гранат окажутся успешными, гренадеры врываются в окопы противника и, прорывая его первую линию, распространяются по окопу вправо и влево. При этом они выбивают гранатами противника, засевшего в изломах траншей и ходах сообщения или за траверсами. Для рукопашного боя гренадеры должны были использовать топоры или подобранные на поле боя винтовки. Инструкция указывала, что если не удастся очистить весь окоп противника, то фланги его должны перекрываться легкими препятствиями, а при действиях в лесу – завалами и наблюдаться группами гренадер.

В 1917 года была разработана более распространенная инструкция, которая предусматривала создание целых «ударных батальонов». Она издана приложением к

приказу Особой армии за № 320/48 от 1917 года под названием «Наставление для ударных частей».

Согласно этой инструкции, при каждой пехотной дивизии должен быть сформирован «ударный батальон» в составе трех стрелковых рот по три взвода каждая и технической команды, состоящей из пяти отделений: пулеметного, минометного, бомбометного, подрывного и телефонного. Вооружение батальонов определялось так: в каждой партии (отделении) гренадер у шести человек револьверы и у двух – винтовки. Кроме того, у каждого: кинжал, или тесак, или иностранный штык-нож, малая лопата или топор, 8–10 ручных гранат, противогаз, ножницы, стальная каска. Тяжелое оружие и технические вспомогательные средства на батальон предполагались в следующем количестве: 8 станковых пулеметов, 8 ружей-пулеметов, 4 миномета, 8 бомбометов, подрывного имущества на устройство восьми проходов в проволоке (удлиненными зарядами) плюс резерв, 250 сигнальных ракет, 7 телефонных аппаратов и 24 м кабеля. Телефонное имущество предназначалось не только для связи, но и для подслушивания разговоров противника во время разведки.

Инструкцией возлагались следующие задачи на штурмовые части:

1. При прорыве укрепленных позиций противника: а) штурм особо важных и особо сильно укрепленных участков; б) поддержка атаки пехотой первой линии (переднего края) и развитие успеха ее в траншеях (ликвидация задерживающего продвижение противника).

2. При обороне: а) бой с целью улучшения своего положения (захват отдельных пунктов); б) поиски для захвата пленных и для разрушения оборонительных сооружений; в) контратаки против ворвавшегося в оборонительную полосу противника.

В соответствии с этими задачами инструкция требовала размещения ударных частей в тылу и вывода их на Позиции лишь для выполнения боевых задач. Занимать ударными частями участки позиций для обороны запрещалось. Бой ударных частей должен был вестись исключительно в траншеях, так называемый открытый бой на поверхности земли рассматривался как исключение. Обучение ударных частей должно было производиться по особой программе с практической отработкой ряда тактических тем на специально оборудованной местности.

Боевые действия ударных частей при атаке укрепленных позиций противника должны были начинаться с тщательной разведки. Наряду с изучением материалов требовалась личная разведка самих ударных частей, для чего они должны были, пробыв несколько суток на участке намеченного удара, точно изучить местность и противника, вплоть до обычного уклада его окопной жизни.

Перед атакой рекомендовалось провести учение на специально оборудованной в тылу позиции, точно воспроизводящей намеченный для атаки участок противника. Если атака намечалась в ночное время, то ударные части должны были провести скрытую ночную разведку Противника в те же часы ночи, которые были избраны для атаки. Подготовка исходного положения для атаки (плацдарм) должна была вестись с соблюдением строгой Маскировки.

Атака могла быть произведена после артподготовки или внезапно. Во втором случае артиллерия должна была быть готовой поддержать атаку после обнаружения ее противником. При этом право подачи сигналов об открытии артогня принадлежало не первой, а второй волне атакующих, исходя из соображения, что последняя лучше разберется в действительной необходимости подавления противника огнем.

Боевой порядок для атаки мог быть групповым или волнами (линиями стрелковых цепей) в зависимости от обстановки. В первой линии шли бойцы, предназначенные для устройства проходов через препятствия. Вторая линия состояла из гренадер, имеющих задачей захват передовых окопов противника и продвижение по ходам сообщения. Порядок продвижения этой линии должен был отвечать характеру укреплений позиции противника (числу, направлению и типу траншей и ходов сообщения). За второй волной шли телефонисты, сигнальщики, артиллерийские передовые наблюдатели. Третью линию составляли партии гренадер с особыми задачами (закрепление флангов, разрушение отдельных блокгаузов и пр.), а также пулеметные подразделения и резерв. Непосредственно за третьей линией двигался боевой тыл (санитары, подносчики боеприпасов).

Артиллерия должна была подготовить огнем атаку. В момент атаки в ее задачи входило окаймление заградительным огнем атакованного участка противника и в случае надобности прикрытие огнем отхода. Траншейная артиллерия (минометы, бомбометы и малокалиберные пушки) участвовала в артподготовке и, кроме того, выполняла задачу непосредственного сопровождения пехоты и закрепления достигнутого успеха.

Однако эти инструкции не претворялись в жизнь. Командование, подписывая соответствующие приказы, обычно не отпуская никаких средств на формирование ударных частей. Нельзя не отметить, кроме того, что инструкция о создании «ударных батальонов» Особой армии была издана в период почти полного развала

бывшей царской армии. Ударные части формировались в тылу они имели специальные знаки (знак смерти), впоследствии заимствованные белогвардейскими корниловскими частями. Были попытки использовать ударные батальоны в июльском наступлении 1917 года, но существенной роли они, в общем, не сыграли.

«Рожденный на заре свободы – за нее умрет...».

Части смерти в русской армии 1917 года

В России в 1917 году появились так называемые «части смерти». Во многих изданиях публиковались изображения значка и шеврона этих частей, однако о самих подразделениях известно сравнительно немного. Что представляли собой части смерти, чем, кроме внешних атрибутов, выделялись они из общей массы русской армии той поры? Многие современники – например, генералы А. И. Деникин и А. П. Будберг – склонны были видеть в различных «революционных» воинских формированиях, во множестве возникших после февраля 1917 года, симптомы одноименного разложения армии. Советские мемуаристы, историки, да и литераторы, наоборот, однозначно рассматривали их как «боевые силы контрреволюции», предшественников Белой гвардии. Хотя обе эти точки зрения и не были лишены определенных оснований, порожденные ими стереотипы мешали увидеть всю сложность, а подчас и противоречивость явления. В 1917 году параллельно с частями смерти возникали георгиевские батальоны, революционные батальоны из волонтеров тыла, женские ударные батальоны и различные национальные формирования, «части 18 июня», формирования «Народной свободы», партизанские и многие другие соединения.

Инициатива создания подобных частей преимущественно шла снизу, причем революционная власть таким настроениям, как правило, не препятствовала. Предтечей же ударного движения как такового можно считать возникшие на фронте еще до Февральской революции партизанские и гренадерские формирования, идею создания которых подсказали реалии боевой жизни, вышедшей далеко за рамки устава.

С апреля 1917 года, когда схлынула первая волна опьянения от полученных гражданских и политических свобод, в противовес увеличивающемуся разложению армии на фронтах начали возникать добровольческие части, в названиях большинства которых присутствовали эпитеты «ударный», «революционный» или «смерти».

Униформа русских «ударников» «частей смерти»

Единой установленной для всех символики не существовало, и для каждого такого подразделения вопрос о внешних отличиях решался автономно. Так, по данным одного архивного документа от 28 мая 1917 года, на Юго-Западном фронте в каждой армии были организованы из добровольцев «бригады смерти», выполнявшие функции штурмовых батальонов. Военнослужащие этих бригад носили особые отличительный знак – нарукавную повязку из красной ленты, с нанесенными белой краской черепом и двумя костями.

В мае 1917 года военные власти в лице верховного главнокомандующего А. А. Брусилова попытались взять под контроль нарастающее ударное движение: развернулась работа по созданию «Армии Народной свободы» (другое название – «Народная армия свободной России») из воинских частей, принимавших участие в февральских событиях, а вскоре начали издаваться приказы, придавшие процессу формирования добровольческих частей законодательную основу.

Начало «движения смерти», достигшего к осени 1917 года общегосударственных масштабов, связано с деятельностью небольшой группы солдат и офицеров, собравшихся в мае того года в Могилеве с целью подготовки созыва всеармейского съезда. Политическое кредо создаваемого Всероссийского военного союза выражалось в полной лояльности, как по отношению к Временному правительству, так и к Совету рабочих и солдатских депутатов.

В официальных документах и различных публикациях того смутного времени определение воинских частей как «ударных», «штурмовых», «смерти» и т. д. даются довольно беспорядочно – может сложиться впечатление, что под разными названиями скрывается одно явление. По-видимому, изначально, весной 1917 года понятие «ударная часть» являлось синонимом «штурмовой» и определялось тактическими особенностями их действий – это, в частности, подтверждает текст брошюры «Наставление для ударных частей», изданной в 1917 году штабом Особой армии. Сопряженная с риском, большими потерями и, отсюда, – добровольческим характером формирования, деятельность подобных частей находила отражение и в «смертной»

символике, и в соответствующих названиях.

В дальнейшем, когда термин «ударная» стал восприниматься как почетное наименование, его стали возлагать на себя отдельные части, по роду своих действий не являвшиеся штурмовыми (то есть не предназначенные специально для прорыва и занятия укрепленных районов противника). Именно такие части предполагалось сводить в «ударные группы» в составе отдельных армий и фронтов. Соответственно, формированием или хотя бы учетом всех разрозненных «ударников» ни одно учреждение не занималось. И пусть современники зачастую употребляли слова «ударные» и «смерти» как синонимы, а в приказе Верховного Главнокомандующего № 547 эти понятия были прямо приравнены друг к другу, в реальной жизни имело место определенное различие: далеко не все ударные добровольческие и кадровые формирования числились в приказах главковерха «частями смерти» и имели соответствующее название и отличительные знаки; в то же время большинство частей смерти, проходящих по спискам В.В.С., не имели в своем названии слова «ударный» и не входили в «ударные группы». Основой движения должны были стать уже не добровольческие, а кадровые армейские части, принявшие название «смерти».

Воззвания вызвали мощный резонанс. 25 июня Исполнительное бюро могло отрапортовать, что в «части смерти уже вступило 13 отдельных воинских частей». Количество частей смерти и одновременно членов Союза возрастало в геометрической прогрессии. Сначала записывались в основном мелкие подразделения – батареи, дивизионы, ударные батальоны; изредка – полки и артиллерийские бригады. 15 июля этот список пополнили сразу четыре корпуса и несколько дивизий в полном составе. К моменту Октябрьского переворота по спискам В.В.С. насчитывалось 312 кадровых частей смерти, личный состав которых превышал 600 000 человек. Неудивительно, что в военных кругах серьезно обсуждался вопрос о создании «армии смерти».

Спонтанно возникавшие на фронте и в тылу добровольческие формирования – штурмовые, ударные, революционные, смерти и т. д. – разумеется, не могли иметь единой установленной формы одежды, но при самостоятельной разработке своих отличительных знаков опирались на традиции. Отсюда – красные банты и знамена, как дань европейской революционной символике. Другими популярными в русской армии символами, отражавшими жертвенность, бескомпромиссное отношение к врагам и бессмертие в памяти потомков, были красный, черный и белый цвета в различных сочетаниях и «адамова голова» – атрибут православной иконописи. Но в основном вычурные и даже нелепые варианты одежды стали плодом «свободного творчества», желанием выделяться внешним видом не только из серой армейской массы, но и среди своих.

А. А. Столыпин наблюдал подобную картину 27 июня 1917 года в Могилеве, после чего записал в своем дневнике: «В особенности забавны «батальоны смерти». У некоторых не только шевроны на рукавах, но еще нашивки и на погонах, и на груди. Один с целой красной лентой через плечо с надписью: «Драгун смерти» (!), а у одного офицера на рукаве нашита анненская лента (плечевая) в ладонь шириной, обшитая по бокам двумя георгиевскими лентами, и все это небрежно завязано бантиком».

Надписи на знаменах отличались характерной для того смутного времени напыщенностью, а порой и двусмысленным толкованием: например, 23-й стрелковый полк смерти получил от Временного правительства почетное знамя с лозунгом «Рожденный на заре Свободы – за нее умрет».

Конечно, не для всех участие в движении сводилось только к внешней мишуре и возможности пощеголять на публике в красно-траурных аксессуарах с устрашающими эмблемами. Некоторые части смерти буквально оправдали свое название, потеряв в отчаянных боях большинство личного состава. Но брожение умов, а следовательно, и упадок сил в армии и обществе достигли тогда таких масштабов, что самопожертвование немногих верных присяге солдат и офицеров уже не могло спасти положение.

Ударные части в русской армии

«Революционные батальоны волонтеров тыла» были лишь одним из видов новообразований в русской армии, возникших с целью вернуть войскам боеспособность и желание воевать. Другим видом были ударные части, часто также называемые «батальонами смерти». Правда, в первое время не было четкого разграничения между «революционными» и «ударными» батальонами, и современные документы отражают определенную путаницу не только в терминологии, но и фактическом положении вещей. Личная инициатива стала принимать порой весьма причудливые формы. К разряду последних можно, например, причислить проект верховного комиссара Временного правительства при Ставке В. Б. Станкевича, который предлагал «создание новой стратегии и новой армии путем радикального сокращения ее «до 15–20 корпусов, избранного состава, наполовину состоящих из

офицеров, прекрасно снабженных и вооруженных» (уж очень это напоминает суперсовременную идею о небольшой, мобильной и мощной профессиональной армии...)

Инициатором ударных фронтовых частей, как официально одобренных и организованных воинских единиц, стал главнокомандующий Юго-Западным фронтом ген. А. А. Брусилов. Ударные батальоны были успешно использованы командованием для усмирения нескольких крупных военных мятежей: например, на Румынском фронте они обезвредили бунтующие войска 163-й пехотной дивизии, создавшие, под руководством прапорщика Филиппова, независимую «социалистическую республику» со столицей в г. Калуге. На Юго-Западном фронте они разгромили мятеж VII Сибирского корпуса.

Наиболее известной и долговечной ударной частью оказался Корниловский ударный полк, после Октябрьского переворота перешедший в белый стан, в котором он провоевал всю Гражданскую войну, вплоть до эвакуации из Крыма в ноябре 1920 года. Приказом от 19 мая 1917 года по 8-й армии ген. Корнилов разрешил формирование «1-го Ударного отряда при 8-й армии». Основной офицерский костяк отряда составили только что окончившие обучение прапорщики. К середине июня отряд состоял из двух батальонов, трех пулеметных команд, команды пеших разведчиков (сформированной из пленных добровольцев – чехов) и сотни донских казаков для конных разведок.

Боевое крещение Корниловский ударный отряд получил 25 июня у деревни Павелечье, во время наступления 8-й армии. В бою отряд показал себя превосходно и взял у неприятеля много трофеев. Его стали посылать на особо угрожаемые участки фронта. Но началось отступление русских частей, быстро перешедшее в паническое бегство. 22 июля Корниловский отряд стал на отдых в г. Проскурове. К этому времени он усилился двумя более мелкими частями: Пермским батальоном чести поручика Канышевского и Легионом смерти поручика Кондратьева. Корнилов подписал 11 августа приказ о переформировании отряда в четырехбатальонный полк. Так родился последний полк Российской армии и первый – армии Добровольческой.

Второе рождение grenадер

Гренадерские части существовали в большинстве европейских армий со 2-й половины XVII века. Их первоначальная функция – метание ручных гранат – уже к середине следующего столетия утратила свое значение, и они превратились просто в отборную пехоту, в каковом качестве с той поры и оставались. Однако давно забытая специальность гранатометчиков неожиданно вновь нашла применение на полях сражений Первой мировой. Позиционная война с ее сплошными линиями фронтов и глубокоэшелонированной обороной, надолго сковавшая враждующие армии, выявила необходимость создания особых ударных (штурмовых) вооруженных групп, в арсенале которых нашли широкое применение ручные гранаты. Такие формирования имелись в германской, итальянской и французской армиях.

В Российской армии обозначилась и другая, вполне характерная, причина – «дабы использовать безоружных, которых по недостатку винтовок имеется достаточное число в каждой дивизии, приказываю сформировать из них при каждой роте особые команды бомбометателей...» – говорится в приказе командующего войсками 5А № 231 4.X.1915. Команды должны были быть сформированы при каждой роте и включены в их состав четвертыми взводами. В них следовало: «...избирать людей смелых и энергичных, вооружить каждого десятью гранатами, удобно повешенными на поясе, и топорами произвольного образца, а также снабдить каждого лопатой, по возможности большой, и ручными ножницами для резки проволоки».

Приказами по XXV АК № 2833 и 2838 разъясняется постановление командующего 4А об организации команд grenадер. «Для обучения сформировать при штабах полков команды под начальством офицера, уже имевшего опыт при использовании ручных гранат в бою, в помощь ему назначить одного офицера-заместителя. Инструкторами назначались саперные офицеры и саперы. В команду включалось по 10 человек от каждой роты в т. ч. по 1 унтер-офицеру или ефрейтору. «Команду grenадер вооружить карабинами или револьверами и кинжалами (бебутами)». Среди оружия упоминаются также укороченная пика или шашка, тесак или топор. Кроме того, каждому полагалось 7–8 гранат, носимых в специальных брезентовых мешках, крест-накрест через левое и правое плечо; капсули этих гранат полагалось носить в поясной сумке или патронташе. Образцы были разработаны в 25-м саперном батальоне. Ножницы для резки проволоки должны были носиться на поясе. По окончании обучения в декабре 1915 года были проведены испытания; подготовка grenадер была признана удовлетворительной и команды были распушены поротно с тем, чтобы при необходимости их можно было быстро собрать.

К концу 1915 года относится распоряжение о формировании при пехотных и стрелковых полках особых «взводов grenадер». Оно было объявлено секретным порядком командующим фронтами, и они были вынуждены – так же секретно – распорядиться о создании таких подразделений при каждой роте. Состав взвода был

следующий: 1 офицер, 4 унтер-офицера (командиры отделений), 48 рядовых гренадер. Гренадерские взводы должны были принимать участие в поисках, предпринимаемых для захвата пленных, снятии неприятельского, во всех атаках и отражении нападений противника, а также в налетах на вражеские позиции с целью создания паники.

В непродолжительное время взводы гренадер были созданы повсеместно, активно началась их боевая учеба, что позволило нач. шт. Верх. Главнокомандующего ген. от инф. М. В. Алексею 16.11.1916 обратиться к Главковерху со следующей докладной запиской: «С соизволения Вашего Императорского Величества при пехотных и стрелковых полках на время настоящей войны сформированы особые взводы гренадер».

При штабе Особой армии в конце марта 1917 года была организована школа для подготовки инструкторов гренадерского дела во всех частях армии. В мае состоялся первый выпуск школы, были также проведены показательные учения в присутствии командующего армией ген. от инф. П. С. Балуева. На основании его приказа № 461/68 11.V.1917 для всех окончивших школу вводились особые знаки в виде пылающей гранаты, носимые на левом рукаве выше локтя.

Об инструкторских школах можно рассказать поподробнее. По «Положению о школе гренадер...» (пр. ос. А. № 313/47 23 11.1917) туда для обучения командировались: «офицеры – по одному от бригады пехоты и по одному – от стрелковых полков кавалерийских дивизий. Солдаты – по одному от батальонов пехоты и по одному от стрелковых эскадронов кавалерийских полков». Программа обучения складывалась из изучения всех основных видов русских и иностранных гранат, имеющихся на вооружении. Также предусматривалось изучение пулемета, бомбомета и миномета. Практическая часть включала метание гранат в учебном тире с различных позиций – стоя, с колена и лежа.

Ударная тактика чехословацких добровольцев

В феврале 1917 года при Ставке находился будущий президент Чехословацкой Республики Томаш Масарик, занятый формированием Гуситского корпуса, который должен был состоять из пленных чехов и словаков. После февральской революции 1917 года ситуация вокруг Чехо-Словацкой бригады изменилась. Ее полки при общем развале фронта стали одним из монолитных и боеспособнейших соединений Российской армии. В связи со стремительной национализацией частей чехи снова начали носить бело-красные ленточки. Но они не нашивали их вокруг околыша, а чаще всего подкладывали маленький кусочек бело-красной ленты под российскую кокарду. Встречались и варианты, когда чехословацкие стрелки обшивали лентой всю кокарду. На погонах впервые появилась шифровка по полкам – 1 Ч-С и 2 Ч-С. Несмотря на боеспособность чехословацких частей, Временное правительство, как это ни покажется странным, сначала не было заинтересовано в их дальнейшем развитии. Ряд влиятельных промышленников не хотели терять квалифицированных чешских рабочих из числа пленных. Тем не менее в мае 1917 года было принято решение о развертывании бригады в Чехословацкую дивизию с полагающейся артиллерией и инженерными частями. Правда, издание соответствующего приказа затянулось.

В июньском наступлении Юго-Западного фронта Чехословацкая стрелковая бригада должна была впервые использоваться как обыкновенная пехотная часть. Полки бригады начали сосредотачиваться у города Зборова. Туда же прибыл и вновь сформированный 3-й полк. Его командир полковник Н. П. Мамонтов, проникшись гуситскими традициями, ввел в полку особую форму.

Общая численность Чехословацкой бригады перед наступлением составляла 3580 офицеров и стрелков. Ее полки должны были наносить отвлекающий удар. Но, к удивлению командования, бригада, потеряв 190 человек убитыми и пропавшими без вести, а также около 800 раненых, прорвала фронт противника, заняв все три линии обороны и захватив 3232 пленных, 21 орудие, 40 пулеметов и т. д. Все это совершалось при слабой поддержке артиллерии и почти без пулеметов, гранат и окопных орудий. «Товарищи» из 13-го и 22-го финляндских стрелковых полков, передавая фронт чехам и словакам, постарались привести пулеметы в негодность, а патроны и гранаты просто закопали. Кроме того, «революционные» солдаты соседних полков, когда бригада двинулась в атаку, обокрали вещевые мешки, оставленные чехами и словаками в окопах.

Чехословацкая атака произвела огромное впечатление на французского военного атташе Табуаза. Как он выразился после боя, ему довелось видеть атаки армий многих стран и народов: англичан, французов, немцев, бельгийцев, сербов, турок, сенегальцев и т. д. Но в чехах и словаках его поразило вдохновение и тактика наступления. В чем заключалась специфика чехословацких частей, видно из мемуаров: «Тактика наших разведок уже давно отказалась от старых правил и использовала правила, которые сами по себе развились и менялись во множестве вариантов. Это была тактика небольших групп и отрядов из слаженных товарищей,

каждый из которых знал, где его место, направление и задача; эти маленькие группы, «боевки», из 6–12 человек были непобедимы в своей боевой исполнительности, гибкости, быстроте движения и маневра. Штыки и гранаты были их главным оружием – лопатки не использовались из-за недостатка времени на окапывание. Каждый боец знал свою задачу и был готов ее наверняка исполнить. Эта тактика развивалась с периода Чешской дружины и в полной мере проявила себя впервые в битве объединенной бригады... В одно мгновение появились из окопов фигуры наших добровольцев и исчезли в неровной местности. Используя овраги и борозды, они вихрем добрались к окопам неприятеля. Их же защитники еще были в укрытиях, спасаясь от артиллерийского огня. Темп атаки был сумасшедший, полный энергичной силы. Не успел неприятель вывести своих солдат из укрытий наверх в окопы к пулеметам, как мы уже были там; в первой, второй и третьей линиях кипел рукопашный бой; партии-«боевки» выбивали и добивали дезориентированных защитников».

Экипировка

Великая европейская война радикально изменила униформу, амуницию и экипировку солдата. Ушли в прошлое яркие нарядные мундиры, войска оделись в защитную униформу и хаки. Возродились казалось бы, окончательно забытые элементы индивидуальной бронезащиты – каски, кирасы, панцири.

Униформа

Немецкая пехота в годы Первой мировой войны носила одну из самых практичных униформ. Внешне немецкая униформа образца 1910 года напоминала о днях победы в 1870 году и очень хорошо подходила для открытых боев 1914 года. Однако по мере перехода войны в позиционную стадию униформа начала меняться. Первой жертвой стал Pickelhaube (шлем). Шишак, венчавший эту конструкцию, не имел никакой практической функции, но отлично указывал место, где находится немецкий солдат. Поэтому солдаты, служившие на передовой, старались всячески избавиться от этой детали головного убора. В 1915 году появился Pickelhaube нового образца, имеющий съемный шишак и матерчатый чехол. Pickelhaube образца 1915 года сильно изменил внешность немецкого солдата. Кроме того, новая каска изготавливалась не из кожи, которой становилось все меньше и меньше, а из металла, фетра и даже прессованного картона.

21 сентября 1915 года в немецкой армии ввели совершенно новую униформу. Прежний китель заменили гимнастеркой (Bluse), хотя старые кители продолжали носить до конца войны. Гимнастерка имела более свободный покрой, спереди располагались два больших косых кармана, и в целом она выглядела скорее как современная солдатская куртка, а не как китель начала века. Гимнастерка застегивалась на металлические пуговицы, выкрашенные в серый цвет. Чтобы обеспечить дополнительную маскировку, пуговичные петли закрывались планкой. Погоны пристегивались на плечах. Гимнастерку шили из темной ткани цвета feldgrau, а отложной воротник отделявали зеленой тканью. Как и раньше, гимнастерки егерских и стрелковых полков отличались зеленоватым оттенком сукна.

В 1915 году штурмовики носили стандартную пехотную униформу. Вообще в 1915 году униформа солдат на передовой отличалась от единого образца лишь незначительными деталями. По программе, утвержденной еще до войны, вместо штанов цвета feldgrau (полевой серый) вводили штаны цвета steingrau (каменно-серый), поскольку материя цвета feldgrau слишком быстро выцветала. Вместо кителя образца 1907–1910 годов вводили новый, более практичный китель, у которого отсутствовали ложные клапаны (на месте отсутствующих карманов), а вместо характерных манжет имелись отвороты. Солдатам было приказано зачернить кожаные предметы экипировки: сапоги, ремни и патронные сумки – но во фронтовых условиях это не всегда удавалось.

В Российской империи полевая униформа образца изготавливалась из материи различных оттенков защитного цвета. Главным отличительным элементом униформы была гимнастерка, которая по своему покрою напоминала русскую крестьянскую рубаху. Гимнастерка, появившись на свет как рубашка для гимнастических занятий, оказалась настолько практичной и удобной, что стала повседневной формой одежды русской армии и пережила царскую армию на несколько десятков лет. Покрой гимнастерки для солдат и офицеров был одним и тем же. Клапан нагрудного кармана на офицерской гимнастерке имел сложную форму с выступом в форме латинской буквы «V». У солдат клапан часто имел прямоугольную форму. Нижняя часть ворота гимнастерки у офицеров имела треугольную усиливающую нашивку, а у солдат эта нашивка была прямоугольной формы. Кроме того, солдатские гимнастерки имели усиливающие нашивки ромбической формы на локтях и задней поверхности предплечья.

Офицерская гимнастерка, в отличие от солдатской, имела цветную окантовку. После начала боевых действий от цветной окантовки отказались.

Существовало два типа гимнастеров: летняя и зимняя. Летнюю униформу шили из хлопчатобумажной ткани, которая была более светлого цвета. Зимнюю униформу шили из шерстяной ткани, которая отличалась более насыщенным, темным цветом. В полевых условиях солдаты и офицеры могли носить два типа гимнастеров: повседневную и выходную. Выходную гимнастерку часто называли френч. Некоторые солдаты, служившие в элитарных частях, носили гимнастерки особого покроя, отличавшиеся цветной полоской, идущей вдоль ворота. Однако подобные гимнастерки встречались нечасто.

Вторым главным элементом униформы как солдат, так и офицеров были шаровары, также называемые галифе. Солдатские шаровары имели ромбической формы усиливающие нашивки на коленях. В качестве обуви офицеры носили высокие кожаные сапоги, а солдаты носили ботинки с обмотками или кирзовые сапоги.

Амуниция и экипировка

Начиная с 1915 года в части, расположенные на фронте, начал поступать новый предмет экипировки – противогаз. Противогаз образца 1915 года состоял из маски из прорезиненной ткани и съемной фильтрующей коробки (солдаты всегда носили с собой запасную). Химическое оружие применялось обеими сторонами все чаще и чаще, поэтому все солдаты всегда имели при себе противогаз и незамедлительно использовали его при газовой атаке. Над полями сражения постоянно витал ужас. И немцы, и Антанта несли тяжелые потери, но ни одна из сторон не смогла с помощью боевых отравляющих веществ изменить ситуацию в свою пользу.

Германский ранец образца 1895 года с характерной крышкой из телячьей кожи был слишком неудобен для траншей. На востоке ранец продолжали носить до конца войны, а на западе он постепенно уступал место «штурмовому выюку». Выюк состоял из шинели и плащ-палатки, свернутых в скатку и обернутых вокруг котелка. Получавшаяся таким образом конструкция была гораздо компактнее и легче. Старые ранцы иногда использовались во время маршей за пределами линии фронта, но чаще всего их сдавали в обоз.

Лишь в начале 1916 года штурмовики получили новый предмет экипировки, сразу выделивший их из общей массы солдат. Этот предмет – стальной шлем – со временем стал своеобразной эмблемой немецкой армии. Его форма была настолько характерна, что когда в 70-х годах армия США получила новую кевларовую каску, напоминавшую по форме немецкий Stahlhelm образца 1916 года, это вызвало бурю эмоций. Эту каску немецкие штурмовики испытывали вместе с разными типами бронежилетов на протяжении 1915 года. Немецкая каска, прозванная англичанами «ведерком для угля», изготавливалась из кремний-никелевой стали и весила 1,2 кг. Благодаря заушинам и назатыльнику она гораздо лучше защищала голову солдата, чем французская каска системы Адриана или английская, напоминающая о временах Средневековья. Внутри каски располагался амортизатор, а подбородочный ремень регулировался по длине. По бокам торчали два ушка, закрывавшие вентиляционные отверстия и позволявшие крепить дополнительный бронелист. Как правило, каску носили снайперы и караульные, а среди обычных пехотинцев она встречалась нечасто.

Поначалу в Sturmabteilung Rohr испытывали различные образцы бронежилетов, которые должны были снизить потери в личном составе при пересечении ничейной зоны. Кроме бронежилетов штурмовики испытывали и щиты, похожие на современные полицейские, применяемые при разгоне демонстраций. Однако несовершенство технологии начала века привело к тому, что щиты приходилось изготавливать из достаточно толстого стального листа. В результате щит был слишком тяжелым и очень неудобным во время атаки. Как следствие, щит больше мешал, чем защищал. Бронежилеты также были неудобны, и их использовали в основном часовые и наблюдатели, то есть те солдаты, которым не требовалось много двигаться.

Перед войной немецкая армия проводила интенсивные исследования в области ведения осадной войны. Это принесло свои плоды осенью 1914 года: арсеналы приграничных укреплений были пополнены ручными гранатами, первоначально предназначенными для использования гарнизонами укреплений. Эти гранаты спешно перебросили на фронт, что дало немцам неоспоримое преимущество на протяжении нескольких первых месяцев траншейной войны. Поскольку с гранатами умели обращаться лишь саперы, то в каждый пехотный батальон в качестве инструктора командировали по одному саперу. В 1915 году на вооружение было принято два новых типа ручных гранат, ставших впоследствии стандартными: Eierhandgranate («лимонка») и Stielhandgranate («колотушка»).

К февралю 1916 года – началу наступления под Верденом – немецкие штурмовики внешне уже заметно отличались от обычных пехотинцев. Многие штурмовики носили

стальную каску, в то время как большинство пехотинцев 5-й армии продолжали носить Pickelhaube со снятым шишаком. Штурмовики были вооружены ручными гранатами, каждый имел не менее десяти штук (столько, сколько мог унести). Гранаты носили в мешках, подвешенных через плечо. Другой отличительной особенностью штурмовиков было то, что они носили вместо сапог ботинки образца 1866 года с обмотками. На колени и локти штурмовики нашивали большие кожаные заплатки, иначе униформа быстро выходила из строя при постоянном ползании. В первом эшелоне наступления шли солдаты, вооруженные ручными гранатами. Винтовки они несли за спиной и не имели поясного ремня с патронными сумками. Запасные обоймы к винтовке штурмовики несли в матерчатом патронташе, переброшенном через шею. В патронташе можно было переносить до 70 патронов.

Индивидуальная бронезащита

Латы, кольчуги, панцири появились еще в бронзовом веке. К XIV веку головные уборы и доспехи, вспомогательные элементы и щиты представляли собой довольно разнообразный защитный комплекс. С появлением огнестрельного оружия все это роскошное убранство стало достоянием истории. Но идея бронезащиты не умерла. Ведь известно немало случаев, когда всего лишь металлическая пуговица или табакерка чудесным образом спасала жизнь своего владельца. Например, при покушении на Столыпина пуля, направленная прямо в сердце, попала в орден Святого Владимира и ушла в сторону, нанеся только тяжелое ранение. Заядлые дуэлянты иногда поддевали под верхнюю одежду потайной панцирь – нарушая неписаный кодекс чести, они сохраняли себе жизнь. Солдатам скрывать броню не было нужды. Не обошлось и без экзотики: французский маршал Вобан (XVII век) рекомендовал солдатам атаковать вражеские редуты, держа перед собой мешок с овечьей шерстью, в котором должны были застревать пули.

Окопная война вскрыла все устаревшие и отжившие методы ведения войн. Совершенствование точности (меткости) и дальноточности огнестрельного оружия в течение XVIII столетия, а также развитие тактической мысли о будущих войнах и о поле боя привели к уверенности, что многие прошлые методы и вооружения, как например, стальная каска, броневые кирасы, ручные гранаты, морально устарели и никогда более не понадобятся. Природа окопной позиционной войны во многом опровергла эти скоропалительные выводы и возродила многие вещи, которые к тому времени считались безнадежно устаревшими реликтами военной истории. Возросшая точность и дальноточность оружия в сочетании с новыми тактическими приемами в течение XIX века упразднили многое из традиционной экипировки – в том числе стальной шлем, защитные доспехи, ручные гранаты. Но осадный дух траншейной войны требовал извлечения из запасников истории этих устаревших к тому времени понятий.

Правда, в тяжелой кавалерии шлем и кираса дожили до начала XIX века. Но это были, так сказать, последние рецидивы прошлого. А интерес к индивидуальной бронезащите на новой основе возник в конце того же столетия. Стимулом стало, с одной стороны, увеличение мощи и совершенствование армейского оружия, появление новых его видов, например автоматического, а с другой – успехи металлургии. Но если стальная каска почти сразу прижилась в войсках, то развитие прочих носимых средств защиты солдата прошло сложный путь. Недаром даже в наши дни не определился какой-то оптимальный вид подобного доспеха. Хотя это вполне понятно: слишком уж разнообразны современные боевые задачи, а значит, и требования к соответствующему снаряжению, в том числе сугубо оборонительному.

Первые работы в данной области были инициированы еще Англо-бурской и Русско-японской войнами (соответственно 1899–1902 и 1904–1905 годы.). А уж Первая мировая породила массу изобретений и образцов персональной брони. Тогда же определились основные типы защитных средств: панцири; устройства, крепящиеся на стрелковом оружии; переносные щиты; укрытия, перекатываемые на колесах по полю боя; всевозможные их комбинации. Но если о панцирях и бронежилетах сейчас говорят и пишут много, то остальные типы индивидуальной защиты как-то отошли в тень.

Бронешиты

Мобильные щиты для пехоты начали применяться в конце XIX века. Индивидуальные защитные средства стали широко использоваться во время Русско-японской войны. Еще при осаде Порт-Артура японцы ходили на русские позиции, прикрываясь 20-килограммовыми щитами английской работы длиной в метр и шириной с полметра. Однако в России подобные средства испытали чуть ли не на 20 лет раньше – в 1886 году. Это были легкие стальные щиты конструкции полковника фишера и датского капитана Голштейна. К числу позднейших предложений относятся проекты щитов

профессора Голенкина – крепостные, саперные и стрелковые. Эти последние щиты, предложенные в 1910 году, суммируют минувший опыт устройства и применения броневых щитов как в России, так и за границей.

Из всего разнообразия индивидуальной бронезащиты русские военные больше доверяли именно щитам. Ведь панцирь часто провоцировал более тяжелые раны, так как, пробив броню, пуля начинала кувыркаться и увлекала с собой металлические осколки панциря. По-настоящему эффективного образца индивидуальной бронезащиты не было тогда ни в одной армии мира.

Легкий передвижной (колесный) броневой щит (Франция)

Легкий броневой подвижный щит «Эго-танк»

То, что начали именно со щитов, было отнюдь не случайным. В то время еще толком не знали, как подействует на тело бойца пуля, с силой ударившая в нагрудный панцирь. А носимый щит, находящийся на некотором расстоянии от тела, хорошо амортизировал удар. К тому же в боевых действиях преобладал фронтальный огонь, и круговой защиты солдата не требовалось. Во время Первой мировой различные мобильные щиты применяли многие страны. Применялись щиты для защиты и передвижения нескольких человек, но они оказались непрактичными из-за большой массы. Для их передвижения требовались ровные поверхности, но в Большой мировой войне применялось большое количество тяжелой артиллерии, и местность была разбита и перепахана снарядами. В итоге щиты катить было невозможно и можно было переносить их только на руках.

Но в мировую войну ассортимент личного защитного снаряжения заметно расширился. Русский крепостной щит с двойным полотном рассчитан на сопротивление винтовочной пуле. Щит спроектирован на два стрелка, но может быть построен щит и для одиночного стрелка. Длина полотна щита по линии огня 1,2 м; высота щита, считая по вертикали от линии огня – 0,5 м; общая высота щита 0,76 м. Полотно щита расположено под углом 45° к ожидаемой траектории пули в средней его части. При поднятом щите основание бойницы превышает гребень бруствера на 4 см. Основное полотно щита состоит из двух стальных листов – наружного толщиной 3 мм и внутреннего – 2 мм, с прокладкой между ними туго спрессованной волокнистой массы толщиной около 30 мм (один из первых образцов комбинированной брони!); общая толщина щитового полотна – около 35 мм. Оба листа прочно скрепляются между собой; полотнище щита имеет две бойницы размером 15х7,5 см, закрываемые броневыми заслонками толщиной 6 мм. Опорами щита служат две стойки, щит скрепляется шарнирно с анкерными болтами, заделанными в бетонный брустер. В поднятом положении щит удерживается при посредстве двух упоров, которые верхним концом шарнирно соединены с полотном щита, а нижним концом упираются в выступ металлической коробки (основание), укрепленной в брустер на высоте локтевого уступа. В опущенном положении щит ложится на указанные выше коробки, а упоры удерживаются в сложенном состоянии при посредстве пружинных захватов.

Крепостной стрелковый щит профессора Голенкина. Россия

В поднятом положении щит служит для укрытия стрелков во время стрельбы, а в опущенном положении служит защитой во время перерывов стрельбы, когда бойцы располагаются на стрелковой ступени. Вес съемного щита около 59 кг, вес установочных частей 15,95 кг.

Легкие броневые подвижные щиты Качуровского, Розенберга (Россия). Легкие броневые бойничные щиты

Щит создает хорошее укрытие, но демаскирует расположение, так как значительно возвышается над гребнем бруствера. Устройство полотна слишком сложно и не оправдывает некоторый выигрыш в весе (11 кг), так как щит является по существу конструкцией местного стационарного типа. Вес одиночного щита той же конструкции 32 кг, а потому он значительно удобнее для обращения с ним.

В русских крепостях применялась и мобильная броневая баррикада на несколько

стрелков. Это был крепостной щит, предназначенный для закрытия проходов, проездов и т. п. в крепости.

В ограниченном количестве применяли еще и ряд аналогичных средств (технического комитета ГВТУ, поручика Гельгара, генерала Свидзинского), наружные щиты и щиты-лопаты доктора Кочкина и есаула Бобровского, несколько вариантов колесных щитов. Общество заводов «Сормово» предлагало во время войны стрелковый щит-пацирь.

Активно разрабатывались катушие бронешиты. Изобретателями в России предлагалось такое их огромное количество, что военное министерство к концу войны официально запретило их разработку, так как боевые действия показали их полную неэффективность – большая часть ранений была получена не от фронтального огня, а от осколочных боеприпасов и шрапнели, против которых бронешиты были абсолютно бесполезны.

Наиболее интенсивно щиты использовала армия Франции. Применялись, например, щиты с большими колесами для защиты одного человека. Железный ящик монтировался на ось с колесами. Фронтальная часть ящика имела V-образную форму для отражения пуль и осколков. Они использовались для разрезания проволочных ограждений. Французы широко использовали стальной щит «Дегри». Изготавливались различные варианты. Был предложен мобильный щит пехотинца («ползающий танк») – средство защиты живой силы от огня противника. Он закрывал тело человека по всей длине с правой стороны. Левая нога оставалась открытой для толкания; откуда и одно из названий – «ползающий танк». Внутри «танка» человек лежал на небольшой платформе.

В начале Великой войны армия Франции также использовала много вариантов мобильных щитов – для двух или трех человек. Они использовались в уличных боях или для приближения к укреплениям. При этом предпочтение отдавалось защите человека, а мобильность считалась второстепенной.

Американскими изобретателями также предлагались различные индивидуальные бронеконструкции, включая одноместный «танк», передвигать который боец должен был, отталкиваясь ногами от земли, но ни одна конструкция на полях сражения так и не появилась.

Легкий броневой переносный «траншейный» щит. Германия

Каски и бронемаски

С началом Первой мировой войны возрождается стальной шлем. Одним из кошмаров траншейной войны стало большое количество тяжелых ранений в голову среди солдат всех армий Западного фронта (на Восточном в этот момент война носила маневренный характер). У солдата в траншее голова является наиболее уязвимой частью тела – она высовывается чаще. Голова солдата стала основной мишенью – если тело и открыто окопом, то голову высовывать все равно приходится. В результате высокая вероятность получить в голову пулю, осколок снаряда или шрапнель, которая в 1914 году стала одним из самых распространенных типов артиллерийского снаряда. Снаряд, начиненный стальными или свинцовыми шариками, начал применяться еще в XVIII веке. Также широкое распространение получили осколочные снаряды, где поражающим элементом была сама оболочка. Стальной шлем стал одной из самых важных частей армейской экипировки в период Первой мировой войны и оставался таковым на протяжении всего XX века.

Понятно, что от винтовочной пули каска не спасает. Были попытки усилить каски и сделать их пуленепробиваемыми. Однако выяснилось, что удар пули по каске (даже без ее пробития) ломает солдату шейные позвонки. Таким образом, каска в основном предохраняет от осколков, шрапнели, пуль на излете, а также от различных твердых предметов, разлетающихся при взрывах снарядов. Примечательно, что каски того периода своей формой демонстрируют именно «противошрапнельное» назначение.

Немцы первые начали испытывать стальные шлемы, но на фронт они попали не сразу. В этом их опередили французы. Французы первыми начали употреблять стальные каски в первых линиях войск. 15 марта 1915 года было выпущено подобие каски (стальная ермолка), которая носилась под шерстяное кепи. К концу года эту пародию заменили стальными касками образца M1915 Adrian, выпущенными в количестве более 3 млн шт. Французская каска была сделана из мягкой стали, прообразом послужила каска французских пожарных. Итальянцы, русские, бельгийцы и сербы позже приняли на вооружение шлем Адриана.

В Англии был разработан шрапнельный шлем Brodie, который был назван в честь изобретателя. В его основе лежал популярный средневековый шлем, технологичный и недорогой. Шлем изготавливался из марганцевой стали и обеспечивал защиту от

осколков и шрапнели. К июлю 1916 года на Западный фронт поступил 1 млн шлемов Brodie. Британцы использовали этот шлем до середины XX века, а Соединенные Штаты – с 1917 до 1942 года. У английской каски, похожей на шляпу, имеются развитые поля. Каска мало защищает голову от удара спереди (слишком неглубоко она надевается), зато широкие поля прикрывают от удара сверху (то есть от шрапнели) – английская каска должна была защищать плечи и корпус сидящего в окопе солдата в первую очередь именно от шрапнельного огня. Англичане подсчитали, что их каски снизили потери убитыми на 12 %, а ранеными на 28 %. Доля ранений головы в общем числе ранений снизилась с 25 % до 3 %. Аналогичные результаты получили французы со своей «каскай Адриана». В отличие от английской французская каска собиралась из трех частей – колпака, юбки и гребня.

Каска Адриана. Франция

Германская каска M1916 Stahlhelm

Немцы сначала игнорировали каски, полагаясь на «Пикельхельм» – знаменитый немецкий островерхий Шлем. Скорее декоративный, он оказался непрочным, дорогим в изготовлении и самое главное – не представлял никакой реальной защиты. Однако когда они поняли всю важность вопроса, то не только провели самые тщательные исследования в этой области (эксперименты с пуленепробиваемой каской – в том числе), но отправили на фронт даже старые драгунские каски, усилив их стальными пластинами. В 1915 году немцы изготовили значительное число касок самых разнообразных форм, отстреляли их на полигоне и составили технические требования по их форме, толщине металла и весу. В результате, к началу 1916 года они разработали новую каску, надолго ставшую новым символом немецкого солдата. Ее форма и защитные качества были признаны лучшими среди воюющих стран. Эта каска без особых изменений прослужила вплоть до 1945 года. Сегодня она все еще стоит на вооружении ряда стран. Современная американская каска PASGT почти полностью повторяет формы немецкой каски образца 1916 года.

Германская каска

В 1915 году германская армейская группа Gaede (по имени командующего генерала) занимала позиции в горах Вогез, около швейцарской границы. Генерал Гаед был озабочен большим количеством ранений в голову, получаемых его солдатами на этом «относительно тихом» участке фронта. Возмущенный бюрократизмом и бездействием вышестоящих инстанций, он спроектировал собственный шлем и, изготовив около 1500 штук, отправил их войскам на своем участке фронта. Шлем Гаеда был очень тяжелым – 2 кг. Он состоял из двух частей: ермолки из ткани и мягкой кожи, которая надевалась на голову, и приклепанной тяжелой стальной пластины. Толстая искривленная пластина закрывала только область лба, спускаясь удлиненной частью на переносицу – подобно норманнским шлемам XI века. Он защищал только переднюю часть головы, на которую и приходилось большинство ранений. Шлем оказался не очень удачным, хотя изготавливался из очень прочного хромоникелевого сплава. После длительных испытаний на оптимальную форму вариант «угольный колпак» был признан наилучшим для защиты головы и шеи. Этот вариант являлся продолжением популярного в XVI веке шлема. В феврале 1916 года небольшое количество «стальных шлемов» поступило в войска под Верденом.

Потери личного состава после ввода каски M1916 Stahlhelm резко сократились. Заметное уменьшение количества тяжелых ранений привело к массовому производству в Германии M1916 Stahlhelm и замене им «пикельхельма» на Западном фронте в течение нескольких месяцев, а на Восточном фронте к середине 1917 года. Каска сформирована из одного стального диска и проходила по крайней мере девять этапов обработки, прежде чем она приобретала свою конечную форму. Подшлемник крепился тремя заклепками и изготавливался из кожи или полосы листового металла с тремя кожаными лепестками и шнуром, которые образовывали эффективную внутреннюю систему подгонки размера. Подшлемник обеспечивал зазор между шлемом и головой в один палец по бокам и два пальца сверху. Это должно было предотвратить повреждения головы от ударов по шлему. По бокам шлема имелось две трубочки – «рожки», которые выполняли две функции. Во-первых, осуществляли вентиляцию. Во-вторых, на них могла навешиваться тяжелая бронепластина-налобник, так называемый Stirnpanzer. Пластина имела вырез, которым надевалась на рожки, и затягиваемый на задней части шлема кожаный ремень. Пластина дополняла комплект

нагрудной брони (своеобразная разборная пластинчатая кираса), получивший прозвище «панцирь омара» – lobster armor, который весил 35 фунтов. Предполагалось, что эта броня защитит часовых и пулеметчиков, которые были более уязвимы для вражеского огня, чем другие войска. Но солдаты выбрасывали броню при первой же возможности, так как ношение тяжелой брони в траншеях имело сомнительную ценность.

Германская каска А-В мод. 1917

В конце 1916 года проверили камуфлирующие свойства белого покрытия шлема. В феврале 1917 года начали выпускать серое холстяное покрытие для удаления бликов на шлеме от солнца и луны. В начале 1918 года была опробована еще одна модификация, так называемый «шлем телефониста», или «кавалерийская модель», так как в этой модификации удалили часть юбки шлема, раскрыв уши. Это было сделано для того, чтобы уши не повреждались при близких разрывах взрывной волной, отраженной глубокой юбкой шлема вовнутрь. Модель оказалась не очень удачной. Stahlhelm окрашивался в цвет Feldgrau, пока приказ генерального штаба от 7 июля 1918 года не установил схему камуфляжной окраски. Камуфляж для новых шлемов наносился по зеленому или коричневому основному фону.

Шлем этот оказался самым удачным, причем в обеих мировых войнах. Ни одна страна не смогла разработать такой же сбалансированной по параметрам «цена – эффективность» модели. Впрочем, технологичность и относительная дешевизна шлема определялись и более развитой, чем у союзников, промышленностью Германии. Шлем обр. 1916 года обеспечивал хорошую защиту головы и частично шеи за счет глубокой посадки, что практически не мешало солдату. С улучшением качества стали защитные характеристики шлема повысились.

Проблема усиления защиты для шлемов упирается не в толщину брони и не в массу самого шлема (хотя последнее весьма важно для эргономики), а в сами возможности организма противостоять удару и толчку. Даже если лобовая пластина не будет пробита, пуля, отдав свою колоссальную энергию, приведет к гибели человека от контузии, а скорее даже от перелома шейных позвонков. Рекомендовалось даже упирать затылок в какой-то неподвижный предмет в случае использования со шлемом обр. 1916 года дополнительной пластины. Пластины сильно утяжеляли шлем, снижая удобство носки, а потому носили их редко.

Совсем иное дело, когда в шлем попадал осколок или отброшенный взрывом предмет. Его энергия была, как правило, невелика, шлем не пробивался, а удар гасился без видимых последствий для солдата. Без шлема осколочные ранения в голову приводили к тяжелому повреждению или смерти. Шрапнель присутствовала в боекомплектах орудий до 1914 года в количестве от 50 до 75 %, и хотя с переходом к позиционной обороне удельный вес шрапнели упал, она все еще широко применялась. Пуля шрапнели, как правило, имела весьма небольшую скорость полета, а ее сферическая форма облегчала рикошетирующее попадание в прочную преграду под углом к ее поверхности. Появление касок в немецкой и других армиях резко снизило потери укрытой в окопах пехоты от шрапнельного огня. Впрочем, вне окопа пехота была уязвима, как и прежде.

Шлем обр. 1916 года сразу же снискал популярность у солдат, и до того, как выпуск был налажен в достаточных количествах, даже передавался из рук в руки при смене частей на передовой. Знаменитый Stahlhelm 1916 года, пройдя после Первой мировой небольшую модернизацию, на долгие стал символом немецкой армии и германского милитаризма, став в один ряд с пистолетом Р 08 «парабеллум».

Каска с бронемаской. Германия

США. Шлем М1917

В апреле 1917 года США вступили в Первую мировую войну. В ряды войск Антанты вошла армия сильного государства, оснащенная по последнему слову техники того времени. После оценки «коэффициента смертельных ранений в голову» американский экспедиционный корпус был снабжен английскими касками образца 1915 года Mk1. Практически полностью идентичен британскому шлему Mk1. Производство началось в конце 1917 года. До этого на вооружении стояли британские шлемы. М1917 отличался от британского оригинала шириной поля – они были на 0,5 см меньше. Изготавливался он из стали толщиной 1 мм и имел вес 950 г. В верхней части шлема располагалась войлочная подкладка. Шлем окрашивался краской зеленого цвета с

добавлением песка или пробки. Стояли на вооружении армии США до середины 30-х годов. Позже были заменены шлемом M1917 A1.

Из-за своеобразной формы, напоминавшей большое блюдо, солдаты, воевавшие в Европе, в шутку окрестили эту каску «миской» (Dish Pan). Английский изобретатель Броуди, отец каски Mk1, рассматривал шрапнельные снаряды как первоочередную угрозу для солдат войск союзников, находившихся на передовых позициях в траншеях (от пуль винтовок и пулеметов должен был защищать окоп). Взрывающиеся в воздухе, такие снаряды шрапнелью и осколками поражали голову и плечи бойца. Атака же противника следовала только после многочасовой артподготовки, превращающей поля сражений в «лунную», покрытую многочисленными воронками, поверхность.

С современной точки зрения, силуэт Mk1 довольно забавен: высоко сидящая на голове, она не так эффективно защищала голову пехотинца, как немецкая каска или французская Адриана, но простая технологическая форма позволяла производить ее в больших количествах при малых затратах. На завершающем этапе войны американцы освоили выпуск собственных касок M1917. Каска M1917 внешне ничем не отличалась от английской предшественницы, но по сравнению с Mk1 была хоть и небольшим, но шагом вперед. Каска M1917 была на 10 % прочнее, имела более совершенную внутреннюю подвеску и подбородочный ремень.

Австро-венгерский стальной шлем Stahlhelm

Австро-венгерская армия стала одной из последних, которая ввела стальной шлем. Хотя еще в 1914 году она несла высокие потери из-за ранений в голову и поэтому испытывала в шлемах особую нужду. Первое предложение поступило не от военных структур, а из частного сектора. В 1914 году металлообрабатывающая фирма «Neudek» из Богемии предложила Военно-техническому комитету (ТМК – Technisches MilitaerKommittee) шлем со стальной пластиной. К сожалению, документы по проекту были утеряны и неизвестно, что он собой представлял.

В августе 1915 года ТМК поднял вопрос о стальных шлемах. Это было связано с боевыми действиями в горах на итальянском фронте. Потери от ранений в голову возросли не только из-за интенсивного применения шрапнели, но и от осколков скальных пород. Запрос, адресованный к германскому Инженерному корпусу в Берлине по поводу так называемой «бронированной маски» (Panzermaske) сталелитейной фирмы «Becker A. G. Stahlwerk» в Willich/Krefeld, привел к созданию пяти образцов. Испытания, проведенные в Вене, показали удовлетворительные результаты в отношении прямого пехотного огня, но из-за веса в 5,8 кг шлем был признан слишком тяжелым. В то же время проект, предложенный венской фирмой «Negledy», испытания не выдержал. Только в 1916 году крупные оружейные фирмы начали предлагать подходящие проекты шлемов. Одной из первых стала фирма «Boehler Co.» из Karfenberg, подавшая в ТМК 22 февраля 1916 года 4 типа шлемов 22 моделей. Первый предложенный тип, описанный в документах как «французский», базировался на французской каске Адриана модели 1915 года. Толщина металла варьировалась от 1,45 до 4,8 мм. Второй тип «базировался на австрийской драгунской каске» и был представлен в двух толщинах – 1,3 и 1,35 мм. Третий – «с маской на основе средневекового рыцарского шлема». Четвертый тип состоял только из личины и налобных пластин с толщиной металла 4,2 мм.

В это же время императорское и королевское военное министерство пыталось, в целях проведения испытаний, получить образец стального шлема, который уже использовался в германской армии. Кроме того, фирма «Phoenix Stahlwerk John. E. Bleckmann» из Muerzzuschlag представила 7 собственных моделей. 1-я модель представляла собой стальную «ермолку» и должна была носиться под полевым кепи. 2–6-я модели описывались как стальные шлемы с толщиной от 1,5 до 3 мм. 7-я модель была преподнесена как «головная маска» (вес 2,58 кг). В апреле 1916 года начались испытания шлемов «Bleckmann», а в мае – «Boehler». Итог испытаний был признан не совсем удовлетворительным. Из образцов, представленных «Boehler», только шлемы толщиной не менее 4,5 мм могли предоставить необходимый уровень защиты и сохранения предохранительных свойств металлом под воздействием прямого огня противника. Возможно, что некоторые образцы «Boehler» поступали на вооружение войск для испытаний в боевых условиях.

До введения в императорской и королевской армии стальных шлемов многие австро-венгерские солдаты на итальянском фронте получили драгунские шлемы с накладками. Пока немцы не помогли наладить австро-венграм собственное производство, немецкие стальные шлемы оставались до середины 1917 года редкостью в войсках.

В сентябре 1916 года в рапорте для верховного командования ТМК подвел итоги «проблемы стального шлема». Впервые констатировался факт, что защита от прямого огня противника не является главным критерием в оценке проектных шлемов, хотя ранее именно он был приоритетным. Наиболее важным требованием к шлему стала

защита от осколков и шrapнели. Для защиты передней части головы от прямого попадания вражеской пули предполагалось наличие дополнительной наlobной пластины. В заключении ТМК предложил изготовить на основе своего чертежа упрощенную модель шлема в количестве 10 000 штук для проведения испытаний. Изготовление шлемов предлагалось поручить фирмам «Boehler», «Bleckmann» и «Poldihutte».

Тем временем ощущалась острая необходимость в шлемах, особенно в 5-й армии, которая занимала позиции на реке Изонцо (Isonzo). Хотя военнослужащие уже отрицательно реагировали на любые временные решения, очередная импровизация была осуществлена в 1916 году. Это была стальная накладка на драгунский шлем, который использовался до 1915 года. Для ее установки гребень со шлема снимался. Накладка толщиной 4 мм оказалась достаточно эффективной даже при прямом огне противника на дистанции не менее 100 метров. Вероятно, накладки изготавливались фирмой «Boehler».

Однако ситуацию осенью 1916 года никак нельзя было признать удовлетворительной. Кроме упомянутой импровизации с переделкой драгунской каски, австро-венгерские части на Юго-Западном фронте широко применяли трофейные итальянские каски. Применяли, даже несмотря на их низкую эффективность против огня противника и шrapнели. Более того, воинским частям рекомендовалось собирать трофейные каски во время патрулирования. В октябре 1916 года военное министерство было проинформировано, что армия ощущает срочную потребность в 15 000 шлемов, еще 35 000 шлемов понадобятся в ближайшее время. И это вне зависимости от того, что уже были заказаны 10 000 шлемов по чертежам ТМК и 35 000 «драгунских». Однако очевидным фактом стало то, что ни одно из австрийских или венгерских сталелитейных предприятий не было способно начать массовое производство из-за отсутствия необходимого оборудование, которое в лучшем случае могло быть получено только после длительной задержки.

В октябре 1916 года компания «Krupp/Berndorf» предоставила на испытания ТМК собственные модели шлемов. Они были изготовлены из стального листа фирмы «Boehler» толщиной 1,2 и 1,35 мм. Так как необходимое оборудование уже имелось на заводах «Krupp/Berndorf», то компания предлагала начать с 1 января 1917 года массовое производство с изготовления 600 шлемов в сутки и довести суточную норму к 1 апреля до 2000–3000 шлемов. В конце концов «Krupp/Berndorf» была уполномочена произвести 100 000 так называемых «шлемов Берндорф», официально известных как «австрийская модель». Дополнительно фирма была уполномочена военным министерством изготовить большую часть из 10 000 испытательных шлемов ТМК, на которые заказ хотя и был уже сделан, но так и не был закончен.

Заказ на переделку драгунских касок у фирмы «Boehler» был уменьшен до 15 000. Австро-венгерское верховное командование пробовало выполнить требования 5-й армии, в том числе прибегнув к поставкам из Германии. Хотя эти поставки в октябре были невозможны, благодаря генерал-квартирмейстеру (Generalquartiermeister) германской армии Людендорфу в ноябре было передано 15 000 шлемов, а в декабре – еще 35 000. В этом же 1916 году Германия пообещала предоставить необходимые пресс-формы и штамповочные машины, и австро-венгерское военное министерство объявило «германскую модель» официальным стальным шлемом для армии. Необходимое оборудование для австрийских предприятий было поставлено из Германии в начале 1917 года. Можно было начинать массовое производство. «Австрийский шлем» изготавливался фирмой «Krupp/Berndorf» до ноября 1917 года, хотя в это же время другие предприятия уже производили германский стальной шлем М.16, выполняя директиву ТМК о принятии «германского шлема» на вооружении австро-венгерской армии. После завершения производства «шлема Берндорф» фирма «Krupp/Berndorf» также перешла на изготовление «немецкой модели». Воинские части вплоть до апреля 1917 года получали исключительно шлемы германского производства. Только в мае первые шлемы отечественного производства попали на фронт. Первоначально немецкий импорт направлялся преимущественно в 5-ю армию, ставя ее, таким образом, в особое положение среди других соединений императорских и королевских вооруженных сил. Дошло до того, что, когда первые австро-венгерские курсанты прибыли на немецкий западный фронт для прохождения курса штурмовиков (Sturmcourse), лишь незначительная их часть имела собственные стальные шлемы, а большинство их увидело впервые!

Принятие партии стальных шлемов у производителя было сложной процедурой. Кроме стандартных испытаний на прочность, шлемы также обстреливались шrapнельной пулей, выстреливавшейся со скоростью 240 м/с. Испытания проходил один шлем из сотни и, если все было нормально, остальные 99 принимались. Процедура приема называлась *Uebernahmeorgane* и проводилась военным министерством на каждом предприятии. Принятые шлемы маркировались печатью приемщика на внутренней стороне. Печать, согласно введенным в австро-венгерской армии правилам, показывала участок приемки.

Немецкие поставки продолжались до 1918 года и в январе составляли 40% всех стальных шлемов в армии Австро-Венгрии. Достоверные данные об их количестве в вооруженных силах с 1 февраля 1918 года до конца войны отсутствуют. Но вероятно, что на фронте (тыловые части не в счет) с января 1917 года по октябрь 1918 года их было от 2,5 до 3,5 млн штук. Таким образом, стальные шлемы имели только боевые части. Принимая во внимание потери, которые несла армия, неудивительно, что их постоянно не хватало. В конце октября 1918 года верховное командование еще требовало дополнительно 500 000 стальных шлемов, которые уже не могли попасть в армию, так как было заключено перемирие. Существовал вариант шлема, оснащенный бронемаской.

Шлем Броди (Великобритания) 1915 года

В июле 1915 года военным ведомством был выбран для производства проект Джона Леопольда Броди (John Leopold Brodie). Официальное название «Brodie's Steel Helmet, War Office Pattern». Толщина стали 0,9 мм. Вес шлема 950 г. Окрашивался в хаки. На шлемы часто наносили эмблемы частей. Поставлялся в страны Британского Содружества: Австралию, ЮАР, Новую Зеландию и т. д. А также: Португалию, США, Норвегию и др. В годы войны произведено 7 млн экземпляров.

Английская каска M1917

Бельгийский шлем

Принят на вооружение после французского шлема Адриана. Выпускался во Франции. Имел минимальные отличия от шлема Адриана. Шлем отличался подшлемником, окраской, эмблемой. Бельгийский шлем окрашивался в цвет хаки. Материал – сталь толщиной 0,7 мм. На фронтальной части шлема – эмблема в виде головы льва.

Итальянский шлем M15/16

В 1915 году Италия заказала у Франции 1 млн 800 тыс. шлемов Адриана. Первые партии начали поступать в итальянскую армию в конце 1915 года. Позже возникли трудности с поставками из Франции. Поэтому в 1916 году итальянское правительство приняло решение разработать свой шлем на основе шлема Адриана. Шлем получил официальное название M1915 шлем Липпмана (Lippman), или M15/16. M16 изготавливался из стали толщиной 1 мм и имел вес 750 г. В июле 1916 года вышел приказ, предписывающий размещать эмблему рода войск. В конце 30-х годов начали заменяться шлемом M33.

Россия. Шлем M17

В 1915 году русский военный атташе во Франции полковник граф А. А. Игнатьев доносит в Петроград о ценном нововведении во французской армии и настаивает на немедленном введении касок в русской армии. С большим трудом ему удается добиться от российского командования согласия заказать 1 млн касок для русской армии. К концу 1915 года «каска Адриана» попадают на русский фронт. Их отличие от французских только в том, что на передней части помещен рельефный русский двуглавый орел.

Российская армия стала получать каски отечественного производства только к концу 1916 года. За основу была взята та же французская «каска Адриана». Но русские конструкторы сделали свою каску цельной, а не сборной из трех частей. Металл на каске стал значительно прочнее. Вместо обычной стали была использована броневая. Под наименованием «шлем стальной обр. 1916 года» каска стала к ноябрю поступать в войска. Революционные события начала 1917 года сорвали план производства касок. Небольшое количество поступивших шлемов выдавалось в основном в ударные батальоны. Так, их получил Ударный отряд штаба 8-й армии (позднее Корниловский ударный отряд, а с августа 1917 года – Корниловский ударный полк).

В 1915 году в России начались разработки шлема на базе французского шлема Адриана. В 1917 году заказ на производство касок был размещен в Финляндии на заводах Sohlerberg-Oy и V. W. Holmberg. Из-за революции в Россию попала небольшая партия. Изготавливался из стали толщиной 1,2 мм и весил 850 г. Окрашивался в хаки. В 20–30-х годах использовался в Красной Армии. Стоял на вооружении армии Финляндии.

До 1917 года русская армия использовала французский шлем Адриана. Всего во

Франции было заказано 2 млн шлемов. В Россию смогли попасть только 340 тыс. Шлем Адриана стоял на вооружении Красной армии до 1939 года. Автор шлема – художник Аугуст Луи Адриан. Материал – сталь толщиной 0,7 мм. Масса 700–800 г. кожаный подшлемник. Окрашивались в голубой или синий цвет. Принят на вооружение 21 мая 1915 года. До конца 1915 года было произведено уже 3 млн экземпляров.

Кольчужная маска английского танкиста

Французская траншейная «бронеличина»

Отдельно следует упомянуть о бронемашках-личинах. Они применялись вместе с каской и использовались, когда, например, было нужно высунуться из окопа наружу. Германцы и австрийцы применяли маски из цельного бронелиста или толстых полос металла, англичане – кольчужные маски.

Панцири, нагрудники, бронежилеты

Первая мировая война, когда на арене сражения о себе активно заявил пулемет, снова заставила искать способы защиты солдата. Начали возникать различные варианты панцирей и щитов, но тщетно: устройства такого типа были слишком тяжелы и малоэффективны. Именно неудачные попытки прикрыть броней отдельного солдата и послужили толчком к созданию танков.

Латы, кольчуги, панцири появились еще в бронзовом веке. К XIV веку головные уборы и доспехи, вспомогательные элементы и щиты представляли собой довольно разнообразный защитный комплекс. С появлением огнестрельного оружия все это убранство стало достоянием истории. Но идея бронезащиты не умерла. Ведь было известно немало случаев, когда всего лишь металлическая пуговица или табакерка чудесным образом спасала жизнь своего владельца.

Демонстрация результатов испытаний французских бронекирас

До XIX века дожила, пожалуй, одна только кираса, да и то больше в качестве декоративного элемента кавалерийской униформы. Но «окопная война» заставила по-новому взглянуть на нее. Достижения металлургии позволили применить новый материал – броневую сталь, более крепкую, чем железо. Такие панцири поступали на вооружение германской пехоты. Их масса ограничивала применение дозорной службой в окопах первой линии – в атаку в таком доспехе идти было невозможно – мешала масса (около 20–25 кг). Не вполне был решен вопрос и с ослаблением запрещающего действия пули – часто даже без пробития брони человека контузило, так как энергия пули была весьма высока. Основной проблемой была не столько пулестойкость, сколько смягчение удара пластины по телу – пуля винтовки Мосина имела энергию 380–390 кг/м. (а даже «размазанной» по площади бронепластины энергии хватало на то, чтоб сломать ребро и повредить внутренние органы. Определенную опасность представляли и осколки оболочки, брызги свинца, которые могли поранить незащищенные участки тела. Широкому введению «панцирей» в армии помешала, во-первых, достаточно узкая сфера применения (из-за значительной массы) стальных «панцирей», а также высокая цена доспехов.

Немецкая бронекираса

Германская пластинчатая кираса Strinpanzer

Во время Первой мировой войны германская армия пыталась применять кирасы в качестве персональной защиты солдат, но, в отличие от стальных касок, вернувшихся «в строй» из музеев, стальные кирасы оказались слишком тяжелы для обычного солдата и распространения не получили. Использовали их в основном германские штурмовики.

Комплект индивидуальной бронезащиты немецкого штурмовика

Россия

В феврале 1905 года русское военное ведомство заключило скандальный контракт с французской фирмой «Симонс, Геслюен и К°» на поставку 100 тысяч противопульных панцирей. Результат – негодный товар и громкий судебный процесс, длившийся до 1908 года... Рынок сбыта в то время был просто завален бронеамуницией – правда, очень низкого качества. Коммерческие фирмы пускали в продажу примитивные панцири по цене в несколько сотен рублей. В мае 1915 года Главное управление Генерального штаба даже было вынуждено выступить в печати с официальным предостережением. Вообще русские военные больше доверяли щитам. Случалось, панцирь провоцировал более тяжкие раны, так как, пробив броню, пуля начинала кувыркаться и увлекала с собой металлические осколки. По-настоящему эффективного изделия для индивидуальной защиты не было тогда ни в одной армии.

Тем временем работа над армейской и гражданской бронезащитой продолжалась. Подполковник А. А. Чемерзин даже опубликовал «Каталог панцирей», им изобретенных, приведя такие сведения: «Вес – от 1/2 фунта до 8 фунтов (фунт – 409,5 г). Под одеждой незаметны. Не пробиваются 3-линейной военной винтовкой. Панцири закрывают: сердце, легкие, живот, оба бока, позвоночный столб и спину против легких и сердца. Непробиваемость каждого панциря проверяется стрельбой в присутствии покупателя». Первой получила новинку столичная полиция. Перед мировой войной несколько тысяч панцирей и щитов закупили для крепостей.

Русский солдат в щите-панцире общества Сормовских заводов

В «Каталоге» приведено несколько актов испытаний панцирей, проведенных в 1905–1907 годах. В одном из них сообщалось: «В присутствии ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА 11 июня 1905 года в г. Ораниенбауме производилась стрельба пулеметной ротой. Стреляли из 8 пулеметов по панцирю из сплава, изобретенного подполковником Чемерзиным, с дистанции 300 шагов. В панцирь попало 36 пуль. Панцирь не был пробит, и трещин не оказалось. При испытании присутствовал весь переменный состав стрелковой школы».

Панцири также испытывались в резерве Московской столичной полиции, по заказу которой они и были изготовлены. Стрельба по ним велась на расстоянии 15 шагов. Панцири, как отмечалось в акте, «оказались непробиваемыми, и пули осколков не дали. Первая партия оказалась изготовленной вполне удовлетворительно».

В акте комиссии резерва Санкт-Петербургской столичной полиции говорилось: «Испытание дало следующие результаты: при стрельбе в нагрудный и спинной панцири, обтянутые тонкой шелковой материей, весом первый 4 фунта 75 золотников (золотник – 4,26 г) и второй 5 фунтов 18 золотников, закрывающие грудь, живот, бока и спину, пули (Браунинга), пробив материю, деформируются и производят углубление на панцире, но такого не пробивают, оставаясь между материей и панцирем, причем никаких осколков пули наружу не вылетает».

Положительные результаты были получены и в ходе испытаний на стрельбище Усть-Ижорского учебного полигона. Здесь стрельба «по панцирю из сплавов Чемерзина велась из 3-линейных винтовок пехотного образца с дистанции 200, 150, 100, 50 и 8 (!) шагов».

В деле есть документ, в котором подполковник Генерального штаба Николаев сообщал начальнику Варшавской крепости о том, что за три месяца им было отправлено в крепость «панцирей 4791, щитов 340 и головных панцирей (были и такие!) 200 штук...».

Изобретение Чемерзина привлекло внимание прессы того времени. Так, репортер газеты «Русь» (№ 69, 1907 год) в корреспонденции, озаглавленной «Философ», писал: «Вчера я видел чудо. Молодой человек лет тридцати, в военной форме, стоял неподвижно в комнате. В полушаге расстояния на него был наведен браунинг – страшный браунинг. Целили прямо в грудь против сердца. Молодой человек ждал, улыбаясь. Раздался выстрел. Пуля отскочила...

– Ну вот, видите, – сказал военный. – Почти ничего и не почувствовал».

А эти строки из газеты «Новое время» (27 февраля 1908 года): «Непробиваемые панцири и новая кираса, это замечательное изобретение нашего века, превосходили прочностью рыцарские арматуры былых времен. Чешуйчатая система осталась как в древнем панцире, но сплав металла другой. Он – секрет изобретателя.

А. А. Чемерзин – подполковник инженерных войск. Окончив математический факультет и инженерное училище, он преподавал математику, занимался химией, и рад опытов натолкнул его на мысль о заполнении пор хромоникелевой стали. Сплав производился при большой температуре и гидравлическом давлении. В обыкновенный рецепт стали

добавлять благородные металлы – платину, серебро, иридий, ванадий и многие другие. При заполнении пор получилась большая тягучесть и твердость металла, который крепче стали в 3,5 раза. В результате полумиллиметровую пластину сплава пуля Маузера не пробивала на три шага расстояния. Явились панцири и кирасы, непроницаемые для револьверных и ружейных пуль, которые деформировались, но не давали осколков. Была устранена опасность контузий и рикошетного поражения.

Цена панцирей А. А. Чемерзина довольно дорога, но жизнь стоит дороже. 7000 панцирей, шлемов и щитов А. А. Чемерзина были отправлены в действующую армию на Дальний Восток, но, к сожалению, слишком поздно...»

Стоимость самых лучших панцирей, не пробиваемых любыми револьверами и осколками бомб, составляла от 1500 до 1900 рублей. Цена же бронирования мотора (то есть автомобиля) от осколков бомб и от пуль любых револьверов составляла 15 000, а кареты 20 000 рублей.

В деле, принадлежавшем Управлению военного воздушного флота, хранятся и другие интересные документы о проведенных в 1916 году «испытаниях панцирей подполковника Чемерзина, предназначенных для летчиков». Их окончательные результаты изложены в рапорте Августейшему заведующему авиацией и воздухоплаванием действующей армии и подтверждали высокую надежность панцирей. Однако предпочтение специалистами все же было отдано более дешевой конструкции, разработанной при участии Петроградских механического и литейного заводов.

Приятно сознавать то, что в этом вопросе мы оказались если не впереди, то, как минимум, на уровне конструкторской мысли того времени. Сплав Чемерзина, судя по всему, был новым словом в металлургии, хотя легирующие присадки делали его дорогим. Широкому введению «панцирей» в армии помешала достаточно узкая сфера применения (из-за массы) стальных «панцирей», а также большая цена доспехов из спецсплава Чемерзина.

Вооружение

...Шквальный огонь. Заградительный огонь. Огневые завесы. Мины. Газы. Танки. Пулеметы. Ручные гранаты Все это слова, но за ними стоят все ужасы, которые переживает человечество...

Э.-М. Ремарк. «На Западном фронте без перемен»

Первая мировая война подстегнула разработку новых вооружений и средств ведения боя. Впервые были использованы танки, химическое оружие, противогазы, зенитные и противотанковые орудия. В боях применялись самолеты, боевые дирижабли, пулеметы, минометы, подводные лодки, торпедные катера. Резко выросла огневая мощь войск. Появились новые виды артиллерии: зенитная, противотанковая, сопровождения пехоты. Авиация стала самостоятельным родом войск, который стал подразделяться на разведывательную, истребительную и бомбардировочную. Возникли новые рода войск: танковые, химические, ПВО, морская авиация. Увеличилась роль инженерных войск и снизилась роль кавалерии. Также появилась «окопная тактика» ведения войны с целью изматывания противника и истощения его экономики, работающей на военные заказы.

Здесь мы не будем рассматривать все новейшие достижения военной техники, которые применялись в Первую мировую, в том числе авиацию, воздухоплавание, радиосвязь, военно-морской флот (для осуществления блокады и неограниченной подводной войны). Остановимся лишь на тех видах оружия, которые применялись именно в траншейной войне, в условиях «окопного ада».

Это оружие сыграло значительную роль в траншейной войне начиная с конца 1914 года. Без него, возможно, Первая мировая закончилась бы совсем по-другому. Некоторые образцы – такие, как ручная граната Миллса или миномет Стокса, – внесли большой вклад в победу Британии в 1918 году, существенно увеличив наступательные возможности британской армии. Однако, когда Британский экспедиционный корпус был направлен во Францию в августе 1914 года, у его солдат не было ни винтовочных гранат, ни траншейных минометов, вообще никакого вооружения и оборудования, предназначенного для войны в траншеях. Все, что у них было – это небольшой запас не подходящих для такой войны ручных гранат.

Причиной этого не была некомпетентность. Скорее, никто не ожидал, что такое вооружение вообще понадобится, так как долгая позиционная война не планировалась. Несмотря на то что окопы уже давно стали неизменным атрибутом боевых действий, понятие «траншейная война» родилось только в октябре 1914 года. «Закапывание» в землю для защиты от огня стрелкового оружия уже около сорока лет было распространенной практикой среди солдат, но оно так и не переросло в то, что можно описать термином «траншейная война». Некоторые признаки траншейной войны можно было видеть за десять лет до Первой мировой, во время

Русско-японской войны в Маньчжурии. Однако эти боевые действия были короткими и проводились в условиях осады. Ни у одной из сторон не было подходящего оружия для такой войны, поэтому им приходилось импровизировать; в результате граната и траншейный миномет показали себя эффективным оружием. В то же время британская армия не предполагала, что окажется вовлеченной в осадные боевые действия в любой грядущей войне на европейском ТВД.

Все европейские державы послали своих наблюдателей в Маньчжурию, но не смогли извлечь из нее соответствующих уроков и не увидели в Русско-японской войне предупреждения о том, что может случиться в Европе. В то время вообще не было достаточного понимания причин, по которым война перерастала в траншейно-позиционную. В последние десятилетия XIX века в стрелковом оружии и артиллерии произошла настоящая революция, в результате которой резко повысилась огневая мощь и точность стрельбы. При этом развитие тактики отставало от технического прогресса. Результатом этого стало массовое уничтожение незащищенной пехоты. Когда Британский экспедиционный корпус попал во Францию в августе 1914 года, его солдаты ожидали, что они будут воевать по правилам, расписанным в воинских наставлениях, – то есть используя тактику, подходящую для середины XIX столетия, но никак не для начала XX столетия. Пехота будет вступать в бой с дистанции 1200–1500 м, сближаясь до 800–1000 м для основного боя. Исход боя будет решаться на дистанции 400–500 м, и победит та сторона, которая сможет «обеспечить наиболее быстрый и точный винтовочный огонь». Плотный огонь стрелкового оружия считался самым важным фактором победы в бою, а артиллерии отводилась вспомогательная роль.

При этом из виду было упущено то, что современные винтовки с магазинным питанием и большой начальной скоростью пули могут обеспечить столь плотный огонь, что на дистанции 400–500 м он будет смертелен для обеих сторон. Так же не были приняты во внимание разрушительные возможности современной скорострельной артиллерии, ведущей огонь осколочно-фугасными снарядами по незащищенной пехоте. Первые несколько месяцев войны боевые действия более-менее следовали установленным канонам, но вскоре два вышеназванных фактора, в сочетании с устаревшей тактикой пехоты и артиллерии, привели к тому, что ни одна из сторон не могла дать решающую битву, которая позволила бы победить противника (одним из наиболее заметных достижений Первой мировой стала революция в сфере тактики, которая позволила союзникам победить в 1918 году). Потери британской, французской, бельгийской и немецкой армий начали приобретать ужасающие размеры, а сами армии быстро истощали свои силы в бесконечных боях, маршах, снова боях и маршах, которые являли собой бесполезные попытки обойти противника и атаковать его с более выгодной позиции. В октябре все эти маневры закончились. Армии закопались в землю там, где остановились.

В результате образовалась безвыходная «взаимная осада», которая продолжалась около трех с половиной лет, несмотря на все увеличивающуюся интенсивность боев, целью которых было разорвать эту патовую ситуацию. Как только армии закопались в землю, принципы ведения войны моментально изменились. Тактика, расписанная в воинских наставлениях, сразу устарела. Кроме того, всем от солдата до генерала стало ясно, что требуются новые виды вооружения и оборудования. То, что десять лет тому назад произошло в Маньчжурии, теперь происходило во Франции и в Бельгии – но совсем в другом масштабе.

Первая мировая стала первой и единственной войной, в которой противоборствующие армии в течение долгого периода времени сидели в окопах друг напротив друга, разделенные полосой нейтральной земли. Это привело к радикальному изменению способов ведения войны. В этот период значимость осадного оружия достигла высот, невиданных со времени Марлбороу, когда осады были более типичным видом боевых действий, чем битвы. Неудивительно, что в конце 1914 года и на протяжении почти всего 1915 года увидели свет некоторые образцы осадного оружия античного типа – например, катапульты. Ручные гранаты, последний раз широко использовавшиеся в XVIII в., внезапно стали одним из основных видов оружия – к концу войны ручные и винтовочные гранаты практически вытеснили винтовочный огонь в качестве основного средства, при помощи которого пехота атаковала противника. Капитан Дунн, медицинский офицер 2-го батальона французских Королевских стрелков, упоминал в 1916 году «культ бомбы». Френк Ричарде писал в 1917 году, что «прибывающих молодых солдат теперь учили больше о бомбах, чем о винтовках, которые некоторые из них были не в состоянии даже зарядить». А траншейный миномет стал не только обязательным, но и решающим фактором ведения боевых действий.

Оружие для траншейной войны нужно было разработать, испытать, внести изменения, проверить в условиях реальных боевых действий на фронте, снова внести изменения, и опять испытать, в том числе и на фронте, перед запуском в массовое производство и отправкой в больших объемах солдатам на переднюю линию. А в 1915–1916 годах этот процесс не был ни гладким, ни простым, по причине как

отсутствия опыта разработки такого оружия, так и противоречивых мнений с фронта по поводу формы, которую должно было принять новое оружие. Метод проб и ошибок зачастую превращался в болезненный процесс, и в течение большей части 1915 года импровизация была скорее правилом, чем исключением. Кроме того, всегда существовала проблема поиска промышленных компаний, которые могли бы в сжатые сроки наладить выпуск такой продукции, как ручные гранаты, детонаторы и боеприпасы к минометам – и выпускать их в строгом соответствии с проектом.

В ходе войны в Англии возникло множество департаментов, занятых рассмотрением идей и изобретений, предлагаемых изобретателями и солдатами с фронта, а также разработкой новых видов вооружения. В их число входили: Департамент траншейной войны (!), Департамент поставок для траншейной войны, Департамент разработок, Департамент изобретений в сфере боеприпасов (ДИБ), а также различные комитеты – такие, как Комитет траншейной войны, комитеты Палаты изобретений в сфере боеприпасов, и, естественно, Королевский арсенал в Вулвиче и Артиллерийская палата. Сферы ответственности этих комитетов и департаментов изменялись по мере создания новых департаментов, иногда – путем разделения или слияния уже существующих. Отсутствие координации между разными инстанциями часто приводило к дублированию разработок. Для борьбы с этим в мае 1917 года Генеральный штаб во Франции издал «Замечания по изобретениям и новым образцам», в котором описывались образцы, уже проходящие испытания под руководством Генерального штаба. На внутренней стороне обложки «Замечаний...» указывалось: «Было обнаружено, что большое количество времени и усилий напрасно тратится в ходе экспериментальной работы с образцами, уже одобренными для производства. Для устранения подобных случаев данные замечания по некоторым наиболее важным изобретениям и новым образцам, с которыми имеет дело Генеральный штаб... выпускаются для общего ознакомления».

Здесь рассказывается об оружии, которое стало незаменимым для траншейной войны: гранатах и гранатометах, холодном оружии, траншейных минометах и бомбометах. В разработку этих типов траншейного оружия было вложено больше всего усилий. Эта тема – весьма обширна. В силу ограниченности объема книги рассматриваются лишь некоторые образцы оружия и оборудования, и лишь вскользь затрагивается аналогичное вооружение, состоявшее на вооружении других армий. Не все описанные образцы были приняты на вооружение армии. Часто усилия, вложенные в разработку и оценку новых образцов оружия, в конце концов приводили к нулевому результату. Иногда причиной этого были порочные идеи, лежащие в основе конструкции, иногда – невозможность эффективно и безопасно реализовать хорошие идеи. Данная область разработки была совершенно новой, и поэтому избежать ошибок было невозможно. Разработка новых образцов оружия представляла собой непрерывный процесс изучения и улучшения. Иногда перспективное оружие, удачно прошедшее испытания на фронте, не принималось на вооружение из-за сложности его массового производства. Любой образец, требовавший прецизионной обработки и малых допусков, практически однозначно отвергался. Также была масса непродуманных идей – до совершенно бредовых изобретений. Их приходилось рассматривать комитетам и департаментам по траншейной войне. К примеру, в феврале 1918 года в ДИБ поступили 982 изобретения, из которых 880 были рассмотрены или переданы в соответствующие департаменты (например, военно-морского или авиационного вооружения). Кроме того, 1059 изобретений были рассмотрены в различных комитетах Палаты изобретений в сфере боеприпасов, из них по 124 было принято решение «заслуживают дальнейшего рассмотрения». К концу войны число изобретений, поступивших в ДИБ, достигло 47 949. Естественно, не все эти изобретения относились к траншейной войне, но данные цифры дают возможность получить представление об усилиях, требовавшихся для того, чтобы отделить зерна от плевел. В конце концов только 226 изобретений оказались в той или иной степени полезными. В целом работа ДИБ заслуживает положительной оценки, хотя изобретатели далеко не всегда охотно соглашались с решениями департамента, полагая, что именно их изобретение способно повернуть ход войны.

Имеется несколько сотен патентов в этой области за данный период, хотя лишь немногие из них послужили основой для образцов, проходивших испытания на фронте, а тем более – принятых на вооружение. Некоторые патенты относятся к важным изобретениям – таким, как ручная граната Миллса или миномет Стокса.

Первая мировая война была эпохой великих инноваций. Огромное количество времени и усилий было вложено в разработку оружия для траншейной войны. Начало траншейной войны в конце сентября – начале октября 1914 года поставило перед армиями ряд проблем, которые было невозможно решить быстро. На деле некоторыми из этих проблем всерьез занялись только весной 1916 года. Центром всех проблем была отчаянная потребность армий в траншейных минометах, а также ручных и винтовочных гранатах – потребность, каждую неделю становившаяся все более насущной.

Стрелковое оружие

В самом начале XX века, когда в Европе разыгралась первая Большая война, основным оружием пехотинца была винтовка со штыком, офицера – револьвер и шашка, кавалерии – винтовка, карабин и шашка. Были также пулеметы и ручные гранаты, но перед войной первые считались средством «артиллерийским», а вторые – «инженерным». К концу войны арсенал пехоты пополнился станковыми и ручными пулеметами, пистолетами, автоматами и пистолетами-пулеметами, ручными и ружейными гранатами, появились также крупнокалиберные пулеметы и противотанковые ружья, а в ряды пехоты вводили минометы и бомбометы, а также траншейные пушки.

«Ружье, штык и лопата» наконец были признаны для пехотинца равнозначными.

Долго не могли определиться с ручными пулеметами (тогда их называли ружьями-пулеметами), появившимися в первые годы XX века. В 1904 году, когда оказалось, что «ездящие» пулеметы Максима чрезмерно громоздки, русское военное министерство закупило в Дании для кавалерии 1250 ручных пулеметов «мадсен» (системы Мадсена – Расмусена – Скоуба). А дабы замаскировать покупку оружия у нейтральной страны, их называли «ружьём-пулеметом обр. 1902 года». Однако с появлением «максима» образца 1910 года, пригодного для перевозки во выюках, ружья-пулеметы передали в крепости. В 1911–1913 годах испытывали несколько иностранных систем ружей-пулеметов. Но их тогда рассматривали как вспомогательное средство той же артиллерии или возможное вооружение аэропланов.

Значение пулеметов недооценивалось всеми армиями хотя все они очень быстро вынуждены были признать свою ошибку. Уже в первые месяцы войны пехота осознала, что пулемет – ее неотъемлемое оружие, но он же – и ее главный противник.

Винтовки и карабины

В 1914 году немецкие пехотные полки были единообразно оснащены винтовкой системы «Маузер» образца 1898 года. Несъемный магазин винтовки вмещал пять унитарных патронов 8x57 мм с бесфланцевой гильзой. Перезарядка магазина осуществлялась при помощи обоймы. Устройство винтовки позволяло проталкивать патроны в магазин простым нажатием подушечки большого пальца. Подобная особенность винтовки «маузер» выгодно отличала ее от английской винтовки S.M.L.E (укороченная винтовка Ли-Энфилда), при перезарядке которой патроны в магазин проталкивались кончиками пальцев стрелка, который в спешке мог при этом поломать себе ногти. С другой стороны, винтовка «маузер» была более требовательна к качеству боеприпасов и к чистоте. Перезаряжая винтовку, стрелку приходилось отрывать ее от плеча, что неблагоприятно сказывалось на точности стрельбы. Кроме того, магазин винтовки Mauser 98 вмещал в два раза меньше патронов, чем магазин английской S.M.L.E. Немцы пытались исправить этот недостаток, разработав винтовку с магазином на 25 патронов, но такая многозарядная винтовка была очень тяжелой. Секторный прицел винтовки-98 обеспечивал прицеливание на дальность до 2000 м. При массе 4 кг и длине 1250 мм винтовка «маузер-98» была отличным оружием в условиях открытой кампании 1914 года, но совершенно не подходила для траншейной войны.

В других родах войск немецкой армии: кавалерии, артиллерии, саперных войсках, отдельных пулеметных ротах и мототранспортных частях – вместо винтовок использовали более короткие карабины. Единственными пехотными частями, вооруженными карабинами, были егерские и стрелковые батальоны. Стандартным карабином кайзеровской армии был Karabiner 98 mit Aufplanz- und Zusammensetzvorrichtung-98(a), имевший общую длину 1090 мм при длине ствола 590 мм. Перед войной немцы испытывали две модели еще более коротких карабинов (длина ствола 435 мм), но оба были отвергнуты из-за сильной отдачи и яркой вспышки при выстреле.

Штурмовые батальоны начали использовать карабины-98(a) в 1915 году, и постепенно они стали самым распространенным оружием штурмовиков. Благодаря меньшей длине карабин было удобнее использовать в траншеях, а несколько ограниченная дальность боя карабина не имела значения в условиях ближнего боя. В 1935 году на базе карабина-98(a) был разработан более совершенный карабин-98(k) (kurz – укороченный), позже ставший основным стрелковым оружием вермахта. Но чаще всего штурмовые группы шли в бой, вооруженные лишь пистолетами, гранатами и холодным оружием. При этом солдат штурмовой группы, обвешанный различным оружием и подсумками, часто напоминал новогоднюю елку.

Русская трехлинейка также была крайне громоздким оружием для боя в тесноте траншей, но оставалась основным оружием пехоты до самого конца войны.

Пулеметы

Немецкая армия намного уступала английской и французской армиям в оснащённости пулеметами. Линейные пехотные полки начали получать пулеметы лишь в 1913 году. Но опыт первых боев доказал эффективность пулеметов, и немцы начали спешно формировать все новые и новые пулеметные роты. В 1914 году каждый пехотный полк имел в составе шесть пулеметных рот. В 1915 году полки получили дополнительные пулеметные секции, насчитывавшие по 30–40 человек и 3–4 пулемета. К концу 1915 года каждую секцию развернули в две полнокровные пулеметные роты. Зимой 1915/16 года началось формирование специализированных пулеметных подразделений – Maschinengewehr Scharfschuetszen Trupps (группы пулеметных стрелков). Группы предназначались для участия в наступательных операциях, их личный состав проходил подготовку на 4–5-недельных курсах. Фактически группа представляла собой пулеметную роту, насчитывавшую шесть пулеметов. Впервые пулеметные стрелки участвовали в боях под Верденом.

К середине 1916 года многие пехотные полки имели более 20 пулеметов при штатном количестве шесть пулеметов на полк. В августе структуру пулеметных частей реорганизовали. Согласно новому штатному расписанию в составе каждого полка имелось по три пулеметные роты (по шесть пулеметов в каждой) – по одной роте на батальон. Роты пулеметных стрелков по три объединялись в батальоны. Обычно к каждой фронтальной дивизии придавался один такой батальон. Когда в декабре 1916 года в составе пехотных дивизий были сформированы штурмовые батальоны, каждый батальон имел в своем составе одну или две пулеметные роты.

На протяжении 1917 года число пулеметов в полку продолжало расти, хотя количество пулеметных рот оставалось прежним. Количество пулеметов в роте довели до восьми, десяти и, наконец, до 12. Появились новые отдельные пулеметные роты. Штурмовые батальоны располагали от 12 до 24 пулеметов, а отдельные Sturmkompanien имели в своем составе пулеметный взвод с двумя пулеметами.

Основным пулеметом немецкой армии был Maschinengewehr 08 – вариант пулемета системы «Максим». Сухая масса пулемета составляла 25 кг, но боевая – с охлаждающей водой в кожухе и станком достигала 63,6 кг. Поэтому, несмотря на свою эффективность, MG 08 был, главным образом, оборонительным оружием – таскать под огнем по изрытому воронками полю железку весом более 60 кг было делом непростым. Тем не менее во время наступления под Верденом в июне 1916 года в наступающих порядках немцев шли и пулеметчики. Баварский лейб-гвардейский полк при поддержке штурмового батальона «Рор» занял городок Флери, причем в уличных боях немцы использовали 24 пулемета MG 08.

«Приручение» ручных

Первая мировая война выдвинула на первое место проблему ручного пулемета (ружья-пулемета), способного следовать вместе с мелкими подразделениями, быстро занимать укрытую позицию и открывать огонь (пулеметчики обычно стреляли только с сошки, хотя пробовали делать это и на ходу, «с ремня»). Да и в производстве ручные пулеметы были дешевле станковых.

Способы получения ружей-пулеметов были разными. Немцы спешно переделывали в ручные станковые MG 08 системы «Максима», получив в результате весьма громоздкий MG 08/15 с водяным охлаждением ствола и несколько более удобный MG 08/18 – с воздушным охлаждением. В 1915 году немцы попытались создать собственный ручной пулемет на базе пулемета MG 08. К тому времени большинство армий Антанты уже обзавелись этим видом оружия, поэтому немцы сформировали пулеметные роты, оснащенные трофейным оружием. Первый Musketen-Bataillon был сформирован в августе 1915 года и принял участие в боях в Шампани в сентябре того же года. Батальон был вооружен ручными пулеметами системы «Мадсен», захваченными в России. Этот пулемет, созданный в Дании, был настоящим ручным пулеметом (воздушное охлаждение, сошка, масса менее 10 кг, питание из коробчатого магазина на 20 патронов). Российское военное министерство закупило эти пулеметы перед войной для кавалерийских частей, но не приспособило их под русские патроны. В каждом Musketen-Bataillon было по три роты, каждая из которых насчитывала четырех офицеров, 160 солдат и 30 пулеметов. Расчет одного пулемета состоял из четырех человек – все солдаты были дополнительно вооружены карабинами.

Пулемет «максим» на лафете артиллерийского образца

Во время битвы на Сомме Musketen-Bataillone действовали во втором эшелоне наступления. После того как передовым отрядам удалось прорвать линию фронта, в прорыв бросили пулеметчиков, которые пулеметным огнем покروшили союзническую

пехоту, чем и навлекли на себя огонь английской артиллерии. На Сомме многие пулеметчики были убиты, а все пулеметы Мадсена потеряны.

Французские пулеметчики в траншее

В декабре 1916 года немецкая армия приняла на вооружение «официальный» ручной пулемет MG08/15, представлявший собой MG08, установленный на сошке и оснащенный деревянным ружейным прикладом и пистолетной рукояткой. Кожух пулемета по-прежнему заполнялся водой, но был меньше по объему. Этими мерами удалось снизить массу пулемета лишь до 19,5 кг, поэтому «легким» он был только в воображении своих создателей. С другой стороны, MG08/15 стал первым в мире пулеметом общего назначения: достаточно легким, чтобы свободно перемещаться по полю боя, и достаточно тяжелым, чтобы вести плотный огонь. Благодаря ленточному питанию (100 или 250 патронов) пулемет MG08/15 позволял создать достаточно плотный огонь, значительно превосходя по этой характеристике английский «льюис» и французский «шоша». Таким образом, MG08/15 стал прообразом MG34.

Пулемет, перевозимый собачьей упряжкой

Впервые немцы применили MG08/15 на Западном фронте весной 1917 года. Каждая пехотная рота получила по три таких пулемета. К концу 1917 года число ручных пулеметов в пехотной роте на Западном фронте довели до шести. На востоке пехотная рота располагала всего двумя MG08/15. В состав каждой роты входил один взвод, оснащенный MG08/15, все пулеметные взводы объединялись в пулеметную роту. Этим немцы отличались от англичан, включавших пулеметное отделение с одним пулеметом Льюиса в состав каждого пехотного взвода. По мере того как войска насыщались ручными пулеметами, немцы стали оснащать MG08/15 и непосредственно пехотные взводы, что позволяло командиру взвода по своему усмотрению поддерживать свой взвод пулеметным огнем.

Появлялись и поспешно принятые «новинки» вроде французского CSRG «шош», созданного в 1915 году комиссией во главе с полковником Шошем. «Шош» оказался одним из худших образцов автоматического оружия XX века, зато его можно было быстро поставить на производство, чем французы и воспользовались.

Англичане поставили на производство созданные еще до войны французский ручной пулемет «гочкис» и американский «льюис». Последний был для тех лет, пожалуй, наиболее удачным пулеметом (газовый двигатель автоматики, запираение ствола поворотом затвора, питание от оригинального многорядного дискового магазина, вот только сифонная схема воздушного охлаждения с крупным алюминиевым радиатором существенно его утяжелила, не улучшая принципиально охлаждение ствола).

Английская армия в то время уже располагала пулеметом Льюиса. «Льюис», весивший 15 кг, хотя и был тяжелее «мадсена», но все же значительно превосходил в маневренности тяжелый MG08. Благодаря тому, что барабанный магазин вмещал 47 патронов, «льюис» позволял пехотному взводу самостоятельно подавлять пехоту противника, не полагаясь на тяжелое вооружение, которое вечно отставало. К концу битвы на Сомме немцам удалось захватить достаточное количество английских «льюисов», которые после переделки, позволявшей использовать немецкие боеприпасы, и заменили потерянные «мадсены». На вооружении Musketen-Bataillone пулеметы Льюиса оставались до апреля 1918 года, когда батальоны переформировали в Maschinengewehr Scharfschuetzen Bataillone. К тому времени немецкая пехота уже располагала достаточным количеством ручных пулеметов, поэтому необходимость концентрировать их в составе отдельных частей отпала. Штурмовикам нравились пулеметы Льюиса, и многие из них продолжали использовать английское оружие даже после того, как в части начали поступать ручные пулеметы немецкого производства. Немцы продолжали использовать «льюисы» до самого конца войны.

Ручные пулеметы принципиально изменили тактику обороны. Если раньше обороняющиеся при вражеской атаке вынуждены были заполнять передовую траншею плотной линией стрелков, которые несли огромные потери от артогня неприятеля, то теперь было достаточно держать в траншее нескольких солдат с ручными пулеметами. Они постоянно дежурили в стрелковых ячейках траншеи, и при атаке противника солдат в траншее не прибавлялось – лишь пулеметчики изготавливались к открытию огня!

Пулемет Льюиса обр. 1915 года

Оригинальная идея конструкции пулемета принадлежит некоему Самуэлю Маклеану. Эту идею усовершенствовал американец, капитан Исаак Льюис, и затем запатентовал. Изначально Льюис планировал свой пулемет в качестве станкового, с водяным охлаждением, однако в дальнейшем перешел к идее ручного пулемета с принудительным воздушным охлаждением ствола. Производство пулемета было налажено в Англии, на заводах BSA, и первыми на вооружение РП Льюиса приняли бельгийцы в 1913 году, а боевое крещение «льюис» получил в 1914 году, в начале Первой мировой. Примерно тогда же «льюисы» стали поступать на вооружение британской армии и ряда других армий, как в качестве пехотных, так и в качестве авиационных пулеметов, причем в последнем случае кожух и радиатор со ствола снимались и использовались магазины большей емкости. Вообще, «льюисы» в разных модификациях прослужили вплоть до Второй мировой войны.

Ручной пулемет «льюис». Франция

Станковый пулемет Шварцлозе обр. 1907–1912 годов

Так и не добившись надежной работы от пулемета «школа», армия Австро-Венгрии приняла пулемет системы немецкого конструктора Андреаса Вильгельма Шварцлозе (Swarzlose) с другой схемой полусвободного затвора – видимо, австрийских военных все же более привлекали системы с неподвижным стволом и относительно небольшим числом деталей. В 1906 году Австро-Венгрия приобрела право на производство пулеметов Шварцлозе на «Остерайхише Ваффенфабрик, Штейр» (или просто «Штейр»). Первые пулеметы под 8-мм патрон «манлихер» поступили в армию под обозначением M/05, в 1907 году на вооружение приняли несколько модернизированный M/07.

Звездный час пистолета

Боевой пистолет действительно «пережил» свой звездный час в ходе Первой мировой. Причин этого было несколько. В окопных боях бойцы, вооруженные пистолетами, боевыми ножами (кинжалами) и гранатами, действовали успешнее, чем винтовкой со штыком. Быстро перезаряжаемый пистолет оказался здесь удобнее револьвера; пистолеты были необходимы «техническим войскам» (мотоциклистам, водителям, связистам); вооружение личным оружием «небоевых чинов» высвобождало столь необходимые в бою винтовки. Штурмовики шли в бой, часто вооруженные лишь пистолетами, гранатами и холодным оружием!

Самозарядные пистолеты к началу войны уже заняли место в вооружении ряда армий, появились и весьма удачные системы – 9-мм P.08 «парабеллум», 9-мм «штейр» 1912 года, 11,43 мм (калибр 45) M1911 «кольт», револьвер «наган», 7,63-мм пистолеты C-96 «маузер».

Пистолет-пулемет

Впрочем, существовал и другой путь развития ручного оружия. Еще до начала войны делались попытки стрелять из пистолетов очередями, однако дальность и кучность стрельбы оставляли желать лучшего. Но в ближних окопных боях дешевый «легкий пулемет» под пистолетный патрон уже не казался ересью. Да и патроны пистолетов были дешевле, и носить их с собой можно было больше. Это предопределило появление пистолетов-пулеметов.

О необходимости создания нечто подобного для пехоты, этакой «окопной метлы» для вычищения траншей от неприятеля, военные заговорили уже после первых рукопашных схваток. Негативный опыт ведения позиционной войны, полученный на фронтах Западной Европы, показал, что стандартная винтовка, предназначенная для стрельбы более чем 1000 метров, оказывалась просто «бревном» в рукопашной схватке в условиях ограниченного пространства узких окопов.

Двуствольный пистолет-пулемет Пирелли. Италия

Исторически первое автоматическое оружие под пистолетный патрон появилось в начале Первой мировой войны, в 1915 году. Итальянцы в 1917 году приняли спаренный пистолет-пулемет системы капитана Б. А. Ревелли (по фирме-производителю его именовали «Виллар-Пероза» (Villar-Perosa) или «фиат») с бронещитом и сошками – компактное средство обороны. С тактической точки зрения это оружие являлось скорее пулеметом для ближнего боя, то есть групповым оружием

поддержки, нежели индивидуальным оружием пехотинца. В Германии конструктор Х. Шмайссер разработал под 9-мм патрон «парабеллум» гораздо более перспективный вариант «карабинной» схемы, получивший обозначение MP.18/1 (MP – «Машиненпистол» и имя «Бергман» (по производителю) – Bergmann/Schmeisser MP.18/1. Автоматика на основе отдачи свободного затвора, выстрел с заднего шептала, перфорированный кожух ствола, короткая деревянная ложа – эти черты MP. 18 определили облик пистолетов-пулеметов лет на 20 вперед. После того как к MP. 18 приспособили дисковый магазин от длинноствольного пистолета «парабеллум артиллерийский», он оказался эффективным штурмовым средством (позже согласно Версальскому договору такое оружие было включено в число боевых средств, запрещенных к применению германским рейхсвером). Разработанный на основе опыта боев в траншеях Первой мировой, этот образец успел попасть в войска Германии еще до конца боевых действий.

Пистолеты-пулеметы и автоматы, возникнув как вариант легкого пулемета, являлись на тот момент оружием коллективным, индивидуальным же оружием им стать только предстояло. Большая часть военных экспертов в то время недооценивала роль пистолетов-пулеметов как оружия пехоты. ПП зачастую считались либо вспомогательным оружием, либо же вообще оружием чисто полицейским, предназначенным для борьбы с массовыми беспорядками.

Германские штурмовые отряды были первыми в мире армейскими частями, получившими на вооружение пистолеты-пулеметы. Таким пистолетом-пулеметом был упомянутый выше MP18, сконструированный Хуго Шмайссером (Schmeisser). В конструкцию MP 18 было заложено многое из того, что отличало пистолеты-пулеметы времен Второй мировой войны. MP 18 использовал 9-мм патроны Parabellum и работал по принципу свободного затвора. Нажав на спусковой крючок, стрелок спускал затвор, который подавался вперед, досылал в патронник верхний патрон из магазина, после чего происходил выстрел. Под давлением пороховых газов затвор откатывался назад и сжимал спусковую пружину, после чего весь цикл повторялся снова. Это было весьма незамысловатое и в то же время чрезвычайно эффективное устройство. В течение 1918 года в немецкую армию направили более 30 000 пистолетов-пулеметов MP 18, однако большинство из них прибыло в части уже после большого мартовского наступления. Генерал Людендорф очень рассчитывал при помощи MP 18 повысить огневую мощь немецкой пехоты во время штурма союзниками линии Гинденбурга.

Пистолет-пулемет Томпсона. США

Многие штурмовики имели опыт обращения со скорострельным и автоматическим оружием. Унтер-офицеры из пулеметных и минометных расчетов были вооружены кроме карабина еще и пистолетом P08 Luger или Mauser. Эти пистолеты благодаря деревянной кобуре, которую можно было использовать в качестве приклада, могли вести прицельный огонь на дистанции более 100 м. Пистолеты были более удобным оружием самозащиты, чем громоздкая винтовка. Существовала модификация «люгера» с 32-зарядным магазином барабанного типа (аналогичным с магазином MP 18). Как говаривал Эрви Роммель (Rommel): «В бою один на один побеждает тот, у кого в магазине на один патрон больше».

Боевой дробовик

Но шло время, изменялись представления о наступательной, оборонительной и позиционной войне. Солдаты научились рыть окопы, создавать укрытия, затрудняющие прицельное ведение огня на большой дистанции. Атака вражеских позиций, изобилующих траншеями и блиндажами, не давала никакого преимущества обладателям точного оружия, поскольку дистанции верного огня в траншейном бою исчислялись десятками метров или даже метрами.

Наиболее инициативные в вопросах стрелкового вооружения американцы первыми додумались до концепции боевого дробовика. Отличие этого оружия от охотничьих вариантов, существовавших в изобилии и ранее, заключалось в наличии магазина, позволявшего произвести несколько выстрелов без перезарядки, а также в более компактном размере, который требовался для успешного использования в узких траншеях.

Эффективность гладкоствольного оружия с дробовыми боеприпасами оказалась столь высокой, что кайзеровская Германия назвала его «бесчеловечным» и даже попыталась добиться запрета на использование дробовиков, заявив протест в международные организации! В частности, в апелляциях фигурировал Winchester M97, известный также как Trench Gun Model 1917 (траншейное оружие модель 1917) и получивший вполне заслуженное прозвище «окопной метлы». Однако все протесты Германии ни к

чему не привели, и дробовики заняли законное место среди боевого оружия ближнего боя.

«Траншейное» оружие

До XX века «тайное» оружие особого интереса у военных не вызывало. И только во время Первой мировой так называемой «траншейной» войны военные, озабоченные безопасностью солдат от огня противника, выдали задание фирмам на разработку образцов оружия для стрельбы из окопов и траншей. Желание обстреливать противника, не подставляя себя под ответный огонь, вполне понятно. При этом солдат должен был полностью находиться в окопе, а оружие – на бруствере.

Русская трехлинейная магазинная винтовка Мосина обр. 1891 г., смонтированная в приспособление для стрельбы из-за укрытий. 1916 г.

Окопное ружье С. Дугласа

Траншейное оружие А. Клемента

Французская траншейная винтовка

Было предложено несколько вариантов стрелкового оружия для «скрытной» стрельбы. Среди них необходимо отметить образец полковника Мордаха, в котором прицеливание при стрельбе из окопа осуществлялось с помощью зеркала, установленного на прикладе винтовки; при этом солдат стоял спиной к противнику.

Затем в Германии, Франции и России были разработаны специальные образцы траншейных винтовок. Они представляли собой обычные винтовки, закрепленные на пространственной раме. Оружие устанавливалось на бруствере, а стрелок находился значительно ниже, в траншее. Приклад и спусковой крючок находились в нижней части рамы. Прицеливание осуществлялось с помощью перископа.

В этот же период А. Пратт получил патент на шлем-пистолет, в котором оружие было расположено над головой стрелка, на его каске, а перед ним – прицельное устройство. Управляется оружие ртом – через мундштук, соединенный гибким шлангом со спусковым механизмом оружия. По замыслу изобретателя, если сильно дунуть в мундштук – оружие открывает огонь. То есть достаточно выглянуть из траншеи, и можно стрелять.

Английское окопное оружие с перископическим прицелом

Преимущества очевидны: у бойца свободны руки, нашлемная установка всегда при себе и в полной готовности, при этом осуществляется суперсовременный принцип: куда смотрю, туда и стреляю! Но после выстрела если у бойца не будут повреждены шейные позвонки, то сотрясение мозга – обеспечено. Но какова идея!

Ручные гранаты

В книге «На Западном фронте без перемен» Э.-М. Ремарка немало строк посвящено гранатам.

Вот эпизод наступления, атаки:

«...впрочем, штык во многом утратил свое значение. Теперь пошла новая мода ходить в атаку: некоторые берут с собой только ручные гранаты и лопату...»

А вот бой во вражеских окопах:

«...какой-то пулемет подал было голос, но гранаты заставляют его замолчать... На несколько секунд мы приседаем за бруствером, затем лежащий перед нами прямой участок окопа оказывается свободным. Еще один бросок – и шипящие осколки прокладывают нам путь в следующую, скрытую за поворотом траншею. На бегу мы швыряем в двери блиндажей связки гранат, земля вздрагивает, слышатся треск и стоны, все обволакивается дымом, мы спотыкаемся о скользкие куски мяса, я падаю на чей-то вспоротый живот, на котором лежит новенькая, чистенькая офицерская

фуражка...»

французский солдат метает гранату с помощью пращи

Оборона:

«...Атакующие подбираются все ближе. Хайе и Кропп начинают метать гранаты. Они стараются бросать как можно чаще, мы заранее оттягиваем для них рукоятки. Хайе бросает на шестьдесят метров, Кропп – на пятьдесят, это уже испытано, а такие вещи важно знать точно. На бегу солдаты противника почти ничего не смогут сделать, сначала им надо подойти к нам метров на тридцать...»

Отступление:

«...Затем голова в каске зашевелилась, показалась рука – она делает какое-то движение, моя граната летит туда, прямо в эти глаза. Мы бежим назад, заваливаем окоп рогатками и, отбежав на известное расстояние, бросаем в его сторону взведенные гранаты, чтоб обеспечить свое отступление огнем прикрытие...»

Из этих скупых строк видно, каким грозным оружием пехотинца были гранаты в условиях позиционной войны.

Гранаты к бою!

До Первой мировой войны ручные гранаты были не то чтобы в загоне, просто относили их к инженерным средствам. Ситуацию несколько изменили Русско-японская и Балканские войны, когда ручные гранаты (в основном самодельные) оказались в руках пехоты весьма эффективным оружием. В России к началу мировой войны успели принять 2 модели ручных осколочных гранат системы В. И. Рдудовского – образцов 1912 и 1914 годов. Но только с началом войны гранаты перешли в разряд массового пехотного оружия. С одной стороны, бои за окопы и разрушение проволочных заграждений требовали таких средств все в большем количестве, с другой – граната оказалась достаточно проста в изготовлении.

И вскоре гранаты стали выдавать всей пехоте. Всего за время войны русские войска получили 15,5 млн ручных гранат от отечественных и около 19 млн – от иностранных заводов. Разномарочность гранат была велика – применялись гранаты «германского образца», 3 английские модели, 2 французские, 1 японская (кстати, черты французской гранаты Пи английских Мильса и Демона были потом использованы в русской гранате Ф-1 «лимонка»).

Германский штурмовик

Немецкая Kugelhandgranate обр. 1913 г.

Гранаты делились на дистанционные (запал подрывал заряд через определенное время) и ударные (с взрывом при ударе о преграду), деление же на оборонительные и наступательные только еще намечалось. Зато во второй половине войны уже появились химические гранаты – с отравляющими веществами, а также более «безобидные» – дымовые и зажигательные.

Саперные ручные гранаты, применявшиеся в Германии в 1914 году, вскоре уступили место более эффективным образцам. Наибольшую популярность получила граната-«колотушка» Stielhand-granate 15, ставшая основным оружием штурмовых батальонов. Когда в феврале 1916 года немецкие штурмовики шли в атаку под Верденом в составе первого эшелона, винтовки висели у них за спиной, зато обе руки были свободны для метания гранат. На деревянной рукоятке размещался металлический цилиндр, заполненный взрывчатым веществом. Сбоку к цилиндру прикреплялся металлический зажим, позволявший подвешивать гранату к поясному ремню. На конце рукоятки виднелась чека, потянув за которую солдат приводил в действие воспламеняющую трубку. Трубка обеспечивала замедление 5,5 с. Существовали трубки с семисекундным и трехсекундным замедлением, что обозначалось на рукоятке гранаты. Имелась модификация гранаты с ударным взрывателем пружинного типа, срабатывавшим при ударе гранаты о землю.

Граната системы Новицкого-Федорова обр. 1916 г.

Граната № 8. Великобритания

В 1916 году на вооружение немецкой армии поступила новая граната – Eierhandgranate 16. Эта «лимонка» весила 310 г и имела рубашку из литого железа, выкрашенную в черный цвет. Запал гранаты обеспечивал пятисекундное замедление, хотя существовала модификация гранаты с восьмисекундной задержкой – предназначенная для стрельбы из гранатомета. При известном навыке эту гранату можно было забросить на 50 м, радиус поражения гранаты был достаточно ограничен. Впервые «лимонки» немцы применили в июле 1916 года. Контратаковав англичан к северу от Типваля (над Соммой), немецкие солдаты, забросав «лимонками» англичан, сумели занять потерянные позиции.

Граната Миллса. Великобритания

Сферическая обр. 1913 г. и дисковая обр. 1917 г. гранаты. Германия

Основным поражающим фактором немецких гранат была ударная волна, а не осколки, поэтому гранаты были особенно эффективны в условиях окопной войны, а не на открытом пространстве. Штурмовики, атаковавшие хорошо укрепленные позиции союзников, часто использовали связки гранат, забрасывая их за бруствер или в бойницу.

Разделочная доска смерти

Траншейная война пожирала гранаты центнерами: как еще гарантированно поразить сидящего в земляных укрытиях врага, кроме как закидать его гранатами? Как внести сумятицу в волну наступающих, если они уже близко? Не ружейным же огнем. Гранат не хватало. А потому в Великобритании, например, их производством занималась едва ли не каждая кустарная мастерская. Конечно, не все могли отливать красивые овальные оболочки с аккуратной насечкой, не у каждого был даже токарный станок, чтобы выточить круглую деревянную ручку. Но предприимчивых британцев это не останавливало. Корпус вполне можно было собрать из отдельных пластин с насечкой, пропиленной фрезой или вручную, которые, в свою очередь, скреплялись полосками листовой стали. Такая самодельная граната, сделанная буквально «на коленке», больше всего походила на кухонную разделочную доску, чем на оружие.

Английская граната кустарного производства

Гранатометы

Желание повысить дальность броска гранаты и нехватка минометов породили массу импровизаций вроде траншейных пружинных катапульт и арбалетов. Предлагались и разнообразные центробежные метатели гранат. Например, в разгар войны, в середине 1915 года, Л. В. Курчевский, тогда еще лаборант Московского педагогического института Шелапутина, впоследствии ставший известным оружейным конструктором (правда, с несколько скандальной славой, так как предпочитал экзотические технические решения), разработал принцип устройства «центробежной пращи для метания гранат». Ее опытный образец был изготовлен Дорогомиловским заводом фирмы «Шпис и Прен». Затем при посредстве Центрального военно-промышленного комитета фирма предложила это изобретение ГАУ.

Немецкая пружинная гранатометная машина. На врезке – Русская машина для метания гранат, захваченная немцами

Машина капитана Уэста, взводимая усилиями четырех солдат

Праща представляла собой массивный станок с длинной штангой, вращающейся на горизонтальной оси. На одном конце штанги крепился замок для удержания гранаты (ручной образца 1914 года массой 716 г или специальной чугуной массой 818 г), на другом – противовес в форме чечевицы. Штанга приводилась во вращение от рукоятки через цепь Галля. Замок размыкался откидным кулачком, установленным на конце особого рычага, угол установки которого определялся с помощью насеченного сектора. Спуск производился тросиком нажатием на педаль. Достоинствами своего прибора Курчевский считал беззвучность действия, использование ручного привода, значительную дальность полета гранаты – до 200–210 шагов, что для позиционной окопной войны было вполне достаточно.

Испытания на Главном артиллерийском полигоне показали недостаточную надежность устройства, однако изобретателю решено было выдать 800 рублей на продолжение работы. Позднее Курчевский предложил более дальнобойный вариант с педальным приводом. Тем не менее в январе 1916 года и он был отклонен, так как по дальности, мощности снаряда и кучности такое оружие заметно уступало появившимся в войсках минометам. Был разработан вариант и с ножным приводом. Солдат с помощью велосипедных педалей раскручивал метательную штангу – и граната летела в цель. Но выглядел подобный «велосипед» в передовой траншее, мягко говоря, странно...

Английская метательная машина Доусона. 1914 г.

Английская метательная машина Робертсона. 1915 г.

Французские солдаты с импровизированной «рогаткой» для бросания гранат

Казалось бы, метательные машины древности безвозвратно ушли в прошлое. Но выяснилось, что это далеко не так. В годы Первой мировой в армиях самых что ни на есть технически развитых стран – Германии, Франции, Англии – активно применялись гранатометы, сконструированные по принципу античных баллист. Причем к созданию подобных устройств привлекались как инженеры, так и историки (!). В Германии, например, был создан станковый арбалет, предназначенный для стрельбы винтовочными штоковыми гранатами. Такие гранаты взрывались при ударе о твердую поверхность и изначально предназначались для выстреливания из обычных винтовок с помощью холостого патрона (правда, опыт боев показал, что это было не совсем удобно). «Арбалет-гранатомет» изготовлялся фабричным способом и был целиком металлическим. Он состоял из лука и ложи с натяжным и спусковым приспособлением. Лук рессорного типа изготовлялся из стальных пластин, собранных в пакет. В качестве тетивы использовался стальной трос. Чтобы тетива не рвалась при резком распрямлении плеч мощного лука, перед ними укреплялась специальная ограничительная планка.

Французский арбалет для метания гранат

Натягивали тетивы с помощью ворота, на который наматывался натяжной трос. Он тянул за собой ползун с крючковыми зацепами, которыми удерживалась тетива. Ползун снабжался пружинным стопором-храповиком, фиксировавшим его в желаемом положении на зубчатой планке, укрепленной вдоль ложи. Таким образом, силу натяжения тетивы можно было регулировать. Если верить описаниям, немецкий арбалет был достаточно прост в обращении и компактен.

Французская метательная машина, изготовленная из автомобильных рессор

Но удобнее всего в окопах оказались ружейные (винтовочные) гранаты. Тут выделилось два направления – «шомпольные» («хвостовые») гранаты и ружейные мортирки. В первом случае длинный штыревой хвост гранаты вставлялся спереди в ствол, а в полете играл роль стабилизатора. Эту схему, напоминавшую первые

минометы, представил англичанин М. Хилл еще накануне войны, в ходе же ее она стала весьма популярной. В России приняли 4 разные гранаты «шомпольного типа»: две системы полковника Рдултовского, одну – системы штабс-капитана Мгеброва, одну – системы полковника Зеленского. Параллельно с ними приняли также осколочную гранату и гладкоствольную дульную мортирку системы Карнаухова, Павловского и Сегалю. Все эти гранаты выстреливались специальными холостыми патронами с максимальной дальностью стрельбы от 220 до 450 шагов (156–319 м).

Французские солдаты заряжают метательную машину–«кузнечик»

Ружейные шомпольные гранаты появились в русской армии уже в ходе войны и стали своеобразным ответом на немецкие аналоги. Впрочем, времени на разработку чего-то оригинального не было. Поэтому граната образца 1915 года несет на себе следы поспешности в разработке и проста до примитивности. Впрочем, последнее является скорее достоинством, нежели недостатком.

Французские солдаты изготовились дать залп шомпольными гранатами

Конструктивно граната представляет собой чугунный корпус слегка продолговатой формы, имевший гладкую поверхность и два (вверху и внизу) отверстия с резьбой. В нижнее ввинчивалась металлическая пробка, в которую, в свою очередь, ввинчивался стальной прут-шомпол. На конце шомпола имелся латунный obturator. В верхнее отверстие ввинчивался взрыватель ударного действия. Граната оказалась неплохим подспорьем в деле насыщения армии винтовочными гранатами и была разработана в срок. Единственной и, увы, самой серьезной проблемой было то, что насытить войска винтовочными и шомпольными гранатами так и не вышло.

ТТХ гранаты первого образца:

Вес снаряженной ружейной гранаты – около 615 г.

Вес разрывного заряда – около 130 г.

При разрыве эта граната давала приблизительно 300 осколков.

Дальность выстрела при угле 45° – около 220 шагов.

ТТХ гранаты второго образца:

Вес снаряженной ружейной гранаты – около 550 г.

Вес разрывного заряда – около 30 г.

При ее разрыве получалось до 200 осколков.

Дальность выстрела при 45° – около 260 (по другим данным, 300) шагов.

Обе гранаты имели общий недостаток – шомпол вызывал усиленный износ канала ствола.

Зато к концу войны в 1917 году появилась перспективная дульнозарядная нарезная мортирка штабс-капитана М. Г. Дьяконова. Она имела выступы, которыми входила в нарезы мортирки, и осевой канал для прохода пули, так что выстрел производился боевым патроном, не нужно было перезаряжать винтовку и не было опасности подрыва гранаты в стволе. При выстреле пуля проходила насквозь, а пороховые газы выбрасывали гранату и поджигали дистанционный состав запала, который можно было поставить на разное время.

Но отечественная средняя и мелкая частная промышленность «надорвалась» уже на корпусах ручных гранат, и заказы на ружейные гранаты постоянно срывались. Так что русская армия в отличие от своих союзников и противников получала этот вид вооружения в незначительных количествах.

Немцы сильно досаждали гранатными обстрелами, порой доходило до того, что на звук разговора, удары инструмента, слышимые в тихую погоду и во вражеских траншеях, следовал залп «ружейками». Не всегда такие обстрелы оказывались безобидными, но даже если никто в результате их не бывал ранен или убит, моральное действие на войска было велико. Наличие своих гранат и бомбометов, пусть и в меньшем, чем у врага, количестве, позволяло хоть как-то пресекать такую практику и поднимало боевой дух – «глядите, немцы, мы тоже можем ответить!».

Обе гранаты снабжались прицелами по типу простейшего угломера, градуированного в шагах. Прицел закреплялся на винтовку, стрельба велась с упором приклада в грунт. Для отстрела гранат применялись патроны с холостым зарядом, вместо пули в них имелся пробочный пыж. Применение боевых патронов для отстрела гранат категорически запрещалось (происходила порча ствола и возникала опасность подрыва гранаты), запрещалось также применять патроны с извлеченными пулями.

Немецкая армия имела на вооружении два типа винтовочных гранат. Оба типа весили около одного килограмма и выстреливались из стандартной винтовки Gewehr 98 при помощи специального холостого патрона.

Отдача при этом была болезненной, точность – минимальной, поэтому после стабилизации линии фронта в частях стали сооружать импровизированные гранатометы. К 1916 году на вооружение был принят первый Granatenwerfer. При массе 40 кг гранатомет состоял из двух частей: собственно гранатомета (23 кг) и станка (15 кг). Благодаря этому его можно было достаточно быстро переносить. Максимальная дальность гранатомета составляла 300 м, минимальная – 50 м. К 1916 году в каждом пехотном полку было по 12 гранатометов, стрелявших специальными «рикошетирующими» гранатами. Эти гранаты оснащались дополнительным зарядом из дымного пороха, который срабатывал при ударе о землю и подбрасывал гранату в воздух, где она и взрывалась, разбрасывая вокруг осколки. Гранатометы также могли стрелять сигнальными ракетами. Гранатометом управлял, расчет из двух человек. Боеприпасы весили достаточно мало, их мог нести любой пехотинец. Таким образом гранатомет был эффективным оружием, способным поддержать огнем наступающую пехоту с открытой и закрытой позиции.

Холодное траншейное оружие

Я не знаю, каким оружием будет вестись третья мировая война, но четвертая точно будет вестись с помощью дубинок и топоров.

Афоризм периода «холодной войны»

Об этом средневековом оружии вспомнили во время затяжного «окопного периода» Первой мировой войны. Солдатам по обе стороны фронта очень часто приходилось штурмовать вражеские укрепленные позиции, ведя рукопашные бои в тесноте траншей и ходов сообщения. Как это было не похоже на те штыковые атаки, которым их обучали перед войной! В начале войны ни одна армия не была готова к такому повороту событий. Действовать штатной длинномерной винтовкой со штыком в окопе было далеко не всегда легко и просто. Поэтому для ведения рукопашных боев в траншеях потребовалось разработать специализированное оружие, которое должно было быть удобным в употреблении, компактным и эффективным. К слову сказать, именно во время Первой мировой войны в ходе рукопашных боев впервые были применены отточенные саперные лопатки. Об этом, в частности, упоминает Эрих-Мария Ремарк в знаменитом романе «На Западном фронте без перемен»: «Теперь пошла новая мода ходить в атаку: некоторые берут с собой только ручные гранаты и лопату. Отточенная лопата – более легкое и универсальное оружие, ею можно не только тыкать снизу, под подбородок, но, прежде всего, рубить наотмашь. Удар получается более увесистый, особенно если нанести его сбоку, под углом, между плечом и шеей: тогда легко можно рассечь человека до самой груди». Появились тесаки, ножи и кинжалы, специально приспособленные для действий в траншеях. Но, пожалуй, самой любопытной разновидностью траншейного оружия была окопная булава. Кто впервые догадался применить ее на фронте – неизвестно, но уже с 1915 года она стала едва ли не обязательным элементом боевого снаряжения пехотинцев основных воюющих сторон. Особенно «полюбилась» булава тем солдатам, которые воевали в штурмовых подразделениях. С ее помощью можно было не только дробить кости врагам во время «зачистки» окопов, но и достаточно успешно «снимать» часовых.

Последнее воскрешение боевого ножа началось во время Первой мировой войны. Союзные войска использовали его для вылазок во вражеский тыл, а также в ближнем бою во время атак. В тылу врага нож обычно использовался для захвата пленных, так как в то время это было единственное бесшумное оружие.

В начале войны основным холодным оружием всех воюющих армий был штык – клинковый или четырехгранный. В некоторых западных армиях на вооружении находились штыки-пилы, наносящие страшные рваные раны противнику. Интересно, что бывалые солдаты только что прибывших на фронт новобранцев с новенькими пилообразными штыками первым делом заставляли их стачивать зубья на штыках – по неписаным правилам войны, солдата, взятого в плен с таким штыком, расстреливали на месте! Но штык хорош в схватке на открытом пространстве, а в тесноте траншей он был почти бесполезен. Его пытались применять отдельно от винтовки, но в качестве ножа он был неудобен.

К концу первого года войны линия фронта оставалась неизменной, началась позиционная война. Попытки изменить данное положение массированными наступлениями, как правило, не удавались и заканчивались большим кровопролитием. Перед каждой подобной атакой очень важно было иметь больше информации о численности войск и полевых укреплениях противника. Данная задача возлагалась на

разведывательные дозоры и боевые разведывательные группы, действия которых уже тогда отличались от операций традиционных патрульных подразделений. Нередко такие, как правило, ночные операции заканчивались для многих участников трагически, так как во время изнурительного возвращения на свои позиции бойцы несли своих раненых товарищей и вели пленных солдат противника, открывавшего огонь сзади. Во время таких вылазок брали с собой, по возможности, только ручное оружие, при этом ружейный штык (байонет) с длинным клинком оказывался абсолютно непригодным.

Боевой нож

Атаки пехоты, преодолевающей пулеметный огонь и проволочные заграждения, часто оканчивались ожесточенным рукопашным боем в узких траншеях. И длинная табельная винтовка с примкнутым штыком, пригодная для рукопашных схваток «в чистом поле», становилась в тесной траншее для солдата практически бесполезной. В ход шли револьверы, заранее отделенные от оружия штыки, самодельные ножи и дубинки, камни и всякие подручные средства. Теперь в вооружении пехотинца просто обязан был появиться предмет, позволивший вести рукопашный бой накоротке. Для тихого устранения часовых, для рукопашного боя не подходили принятые ранее образцы вооружения. Винтовка со штыком была слишком неповоротливой, сам штык не удовлетворял многим требованиям, взятые были из арсеналов тесаки не годились – требовали пространства для замаха и были мало приспособлены для колющего удара, основного в тесноте окопов и убежищ.

Большую популярность как оружие приобрела малая пехотная лопатка, но и она подходила далеко не для всех целей, ставящихся перед холодным оружием для «окопного» боя. Дубинки, также получившие значительное распространение, также выполняли свои, достаточно узкие, задачи. Необходим был компактный нож или кинжал, приспособленный как для боя накоротке, так и для решения бытовых задач, которые перед солдатом возникают ежедневно. Получившие популярность, главным образом, во Франции, стилеты были великолепным колющим оружием, однако совершенно не подходили для режущих ударов и использования в качестве инструмента. Еще менее удобными были примитивные поделки в виде заточенных металлических кольев, скоб, так называемые «французские гвозди». Однако их простота послужила причиной распространения по обе стороны фронта и, как следствие, широчайшего применения всеми воюющими сторонами.

Обе воюющие стороны начали форсированно изготавливать импровизированные траншейные ножи. Клинки штыков укорачивались до удобного размера и затачивались или же брали металлический прут от проволочных заграждений и обрабатывали и затачивали его так, что получались клинок и рукоятка. После того, как немецкие войска заявили о срочной необходимости в траншейных ножах, многие фирмы приступили к изготовлению различных образцов ножей. Большинство таких ножей были более или менее похожи друг на друга, имели клинок длиной около 15 см, заточенный с одной или двух сторон, упор для руки, рифленые деревянные накладки на рукоятке и ножны из черной листовой стали. Одним из наиболее примечательных траншейных ножей был кинжал DEMAG немецкой машинной фабрики АГ в г. Дуйсбург. Благодаря загнутой металлической рукоятке его можно было прикреплять к винтовке или к карабину-98. Наряду с заводским оружием на фронт поступали траншейные или боевые ножи, изготовленные ручным способом. Холодное оружие становилось неотъемлемой частью снаряжения солдат в измененных тактических условиях окопной войны.

Обрели второе рождение, казалось бы, давно забытые виды холодного оружия. Например, в немецкой армии применялись так называемые «окопные мечи» – широкие обоюдоострые клинки длиной около 60 см, приспособленные как для рукопашного боя, так и для рубки проволочных заграждений.

Рождение боевого ножа

Вначале решили не мудрствовать и вспомнили о пехотных тесаках XIX века и, достав их из арсеналов, попытались приспособить к новым условиям ведения боевых действий. Для этого их укоротили, установили прямую или S-образно изогнутую железную крестовину и грубые деревянные щеки рукояти на заклепках. Примером такой переделки может служить австро-венгерский тесак образца 1915 года (переделанный из образца, принятого на вооружение еще в 1853–1862 годах) с простыми металлическими ножнами цвета хаки. Хотя за размер и «кровожадный» облик их и прозвали мясницкими ножами, но на практике они оказались малоэффективны. Приспособленные больше для нанесения рубящих ударов, они требовали определенного пространства для замаха, а его-то подчас и не хватало. В ход пошла солдатская смекалка, и в полевых оружейных мастерских стали изготавливать эрзацы, пригодные

для нанесения коротких колющих ударов. Длина таких образцов уменьшилась до 30–32 см.

Английский боец позирует перед фотографом

Еще одним путем стало приспособление к условиям ведения рукопашного боя в ограниченном пространстве штатных ножевидных штыков (их укорачивали и обтачивали). Но это был не самый лучший путь, так как штыков к винтовкам никто не отменял, и переделывать их в ножи, при общей нехватке оружия, армейское командование не разрешало.

Окопные ножи. Первый опыт

Франция. Французы сохранили веру в моральную силу штыка несмотря на то, что пулеметы «максим» не боялись штыков «лебель». И все-таки, хотя длинный штык по-прежнему оставался на вооружении пехоты всех воевавших армий, окопная война требовала более короткого холодного оружия, которым было бы удобно действовать в ближнем бою. Штыки «лебель» обр. 1888 года были укорочены (с 52,07 см до 15,24 см) и превратились в кинжалы. Их лезвия, заточенные по типу шпаги, обладали хорошей проникающей способностью. Французские солдаты делали окопные ножи также из металлических прутьев для натягивания заграждений из колючей проволоки. Прозванный «французским гвоздем», этот нож имел в качестве ручки круглую петлю прута, которая служила своеобразным кастетом.

Пожалуй, первым специально изготовленным боевым ножом стал французский нож консервативной формы, имеющий маркировку М 1916 или «Le Vengeur de 1870» («Мститель 1870» – названный так в память о поражении в конфликте с Германией в 1870 году). Он имел «родные» металлические ножны с проволоочной дужкой, позволявшей закреплять его на пояском ремне. Французская компания «Ролдье и Дозольм» приступила к его выпуску 7 октября 1915 года. Затем к его изготовлению подключились другие ножевые фирмы, что позволило обеспечить им французскую армию в короткий срок.

В декабре 1915 года Жорж Дюбуа, интендант Парижа, предложил военному министерству свой вариант боевого ножа: узкое стилетообразное трехгранное лезвие, деревянная рукоять, закрытая защитной дужкой с пирамидальными выступами, превращающими ее в кастет (от франц. castete – «разбивающий голову»). Сама идея была хороша, но Франция уже имела образец, выпуск которого был налажен, и предложение было отклонено.

США. Когда в 1917 году американцы вступили в войну, окопная война требовала нечто иное, чем длинные штыки винтовок «Спрингфилд» и «Энфилд». Поэтому американцы оснастили свои войска на Западном фронте особым видом оружия ближнего боя, объединив два оружия в одном, т. е. снабдив рукоять ножа кастетом. Американские фирмы – изготовители холодного оружия American Cutlery, Henry Disston Sons и Landers, Frary Clare наладили производство стилета-кастет с 22,86-см трехгранным лезвием, который был назван «U.S. 1917/1918» (модель 1918 года отличалась формой зубцов кастета). Это оружие, получившее название «нож-кастет» (Knuckle Knife), в значительной степени повлияло на способ применения ножа: его использование в качестве инструмента полностью исключалось, и он предназначался только для рукопашных боев.

Нож-кастет. США. 1918 г.

С учетом необходимости использования этого оружия в окопной войне в рукопашном бою и в скрытных ночных вылазках Управление вооружений армии США выбрало для него игольчатое лезвие, которое с легкостью пробивало теплое зимнее обмундирование и снаряжение, достигая жизненно важных органов тела. Цельная деревянная ручка имела сплошную полукруглую железную гарду с выступающими наружу зубцами, что позволяло наносить сокрушительные удары кулаком. Цилиндрические ножны были деревянные.

Американский траншейный нож с гардой-кастетом М1917

Лезвие стилета-кастет «U.S.1917» по форме напоминало кончик шпаги с

утолщением, что обеспечивало легкость проникновения в ткани тела и нанесение опасной раны. Для человека, не являющегося профессиональным военным, это оружие было непревзойденным в своем роде. Однако солдатам требовался нож с рабочим лезвием, который можно было бы использовать не только в бою. Поэтому 1 июля 1918 года американский экспедиционный корпус провел сравнительные испытания различных образцов боевых ножей армий союзников. В результате американский экспедиционный корпус и Управление вооружений приняли на вооружение армии США кинжал-кастет Mk. I, имеющий отлитую из бронзы ручку с полукруглой гардой, в которой выполнены отверстия под пальцы. Обоюдоострое лезвие кинжала длиной 17,14 см было идентично лезвию французского ножа «Мститель 1870». Ножны железные. Кинжал-кастет Mk. I был эффективен, но тяжел.

Как пишет Г. В. МакБрайд в своей ставшей классической книге «Солдат ушел на войну»: «В основном все наши вылазки осуществлялись без какой-либо артподготовки. Скрытность и бесшумность были главными условиями успеха. Конечно, гранаты и стрелковое оружие всегда брали с собой, но использовали их только тогда, когда необходимость скрываться уже отпадала. Хорошо заточенный штык в руке (и никогда присоединенный к винтовке) был самым эффективным оружием. Как-то я слышал, что затачивание штыка нарушало условные правила войны. Конечно, с позиций сегодняшнего времени это действительно очень плохо. Но последнее, что все мы делали перед отправкой из Англии, сдавали штыки в оружейную мастерскую для заточки, а затем всегда носили с собой оселок, чтобы поддерживать их в таком состоянии».

Снаряжение МакБрайда, прикомандированного к канадскому подразделению, обычно состояло из пистолета «кольт» модель 1911 или «веблей Mk IV», нескольких бомб Миллса (британские ручные гранаты) и штыка для таких вот вылазок в тыл врага. Пистолет носили за спиной между лопаток, чтобы в него не попала грязь при передвижении по-пластунски. МакБрайд пишет: «Мы были первыми, кто понял, что это (то есть нож) чрезвычайно эффективное бесшумное оружие, которое отлично приспособлено для скрытной, ночной работы. Я полагаю, что это и был самый первый настоящий «траншейный нож», который в действительности появился позднее». В той операции патруль МакБрайда наткнулся на сопротивление. После того, как они использовали все свои гранаты, он начал доставать свой пистолет 45-го калибра, но в это время его напарник воспользовался как коротким кинжалом штыком «лебел», ранив и захватив противника в плен.

При использовании ножа для захвата в плен, если противник немедленно не сдастся, его необходимо было либо ударить рукояткой, либо лезвием в конечность, чтобы он «успокоился». И появившийся в 1917 году в армии США «нож-кастет» предназначался именно для этой цели. Нож имел массивную металлическую защитную дужку с выступами и должен был обеспечивать большую вероятность сохранить пленника, так как ранение в ногу или руку может привести к гибели плененного за то время, пока он будет доставлен до места назначения.

Американский кинжал образца 1917 года с его 230-миллиметровым трехгранным клинком, деревянной рукояткой и металлической «колотушкой» был великолепным боевым инструментом. Лезвие его легко пронзало кожу и самую плотную зимнюю униформу. Однако в войсках хотели иметь инструмент, более пригодный для использования в лагере, нежели этот кинжал или французский штык. Поэтому в армию США в 1918 году начали поставлять штык «марк-1», который имел 150-миллиметровый клинок с двумя режущими кромками, как у обычного французского кинжала, и отлитую из латуни рукоятку с углублениями для пальцев. Этот образец оставался стандартным американским боевым ножом вплоть до появления в 1943 году ножа МЗ. Несмотря на то что МЗ назывался «траншейным ножом», в действительности он разрабатывался для военно-воздушных сил и был намного легче. Его остроконечный клинок использовался затем в штык-ножах М4 (карабин М1/М2), М6 (винтовка М14) и М7 (винтовка М16А1/М16А2).

Узким стилетобразным клинком можно было только колоть, что снижало боевую эффективность ножа. Поэтому инженер МакНери (McNary) разработал конструкцию с кинжальным обоюдоострым клинком длиной 17 см. Литая латунная рукоять снабжалась эфесом с широкой гардой. Свою конструкцию он запатентовал в Англии в 1918 году, отчего она стала называться М1918. В США этот кинжал выпускался фирмами «L.F.C» (Landers, Frary Clark), «H.D.S» (Henry Disson Sons) и «O.C.L» (Oneida Community Ltd). Рукоять кинжала была более узкая, отверстие для пальца доходило почти до ее середины. Этим она отличалась от части ножей, изготовленных по заказу правительства США во Франции.

«Французская» модель имела литую рукоять из никеля, а выступы кастета были заострены чуть менее «американской». Отверстия под пальцы располагались с внешней стороны рукояти. На рукояти выбивался индекс «U.S. 1918».

Нож – оружие деликатное, требует мастерства. Им не станешь просто рубить перед собой на вытянутой руке. И оглушить им нельзя. То есть можно, конечно, но

сложней, чем дубинкой. В начале войны воюющие стороны, понимая это, начали было оснащать своих пехотинцев серьезными тесаками. Но с тесаком в узкой траншее не намного просторнее, чем с длинной винтовкой. Тогда их стали укорачивать, видоизменять... Нож с трехгранным клинком и кастетом из колец с шипами вместо рукояти был особо воспет американским писателем Куртом Воннегутом в его книге «Бойня номер пять»:

«— А знаешь, почему лезвие трехгранное?

— Нет, не знаю.

— От него рана не закрывается.

— Да?

— От него дырка в человеке треугольная. Обыкновенным ножом ткнешь в человека — получается разрез. Понял? А разрез сразу закрывается. Понял?»

Англия. Англичане проблему траншейного кинжала решили еще проще. К плоскому латунному кастету приклепывался или привинчивался с одной стороны однолезвийный клинок, причем режущая кромка его лезвия была ориентирована внутрь для удобства снятия часовых.

В Германии подошли к разработке «окопного ножа» со свойственной им практичностью. Желая решить задачу создания боевого ножа, немецкие производители решили соединить в нем свойства собственного ножа (удобство резания, в том числе и нанесения режущих ударов) и кинжала (отличная проникающая способность, интуитивность и быстрота применения в стесненных условиях). При наличии развитой промышленности и традиции производства охотничьих и хозяйственных ножей вопрос был решен довольно быстро. В результате выработался тип «окопного ножа», сбалансированного, компактного и эффективного оружия.

Как правило, такой нож имел клинок длиной 140–160 мм, обеспечивающий уверенное поражение противника в любой одежде и через снаряжение, имевший полуторную заточку, облегчавшую проникновение в преграду. Кроме того, такая заточка позволяла не заботиться об ориентации клинка, нанося удары сразу после извлечения из ножен. В то же время нож такого типа неплохо резал, то есть, имея полезные свойства кинжала, оставался полезным в хозяйстве инструментом.

Клинок с плоским хвостовиком изготавливался из одного куска металла. Это обеспечивало простоту изготовления и прочность ножа, хотя и увеличивало расход материала. Деревянные щечки рукояти крепились к хвостовику при помощи заклепок. Имея развитое ножевое производство, Германия в короткие сроки смогла снабдить армию простым, недорогим, в то же время довольно качественным и эффективным оружием для «окопной войны».

Субъективное впечатление от типичного «окопного ножа» трудно описать. Небольшой, ладный, в то же время неплохо сбалансированный и... «хищный». Взяв в руки немецкий «грабендольх», понимаешь его истинное предназначение и философию производителя — «ничего лишнего». Вероятно, наряду с более поздними «финками» (НР и традиционный пуукко) этот тип ножа наиболее приспособлен для роли ножа армейского — оружия и инструмента.

Вслед за коллегой по военному союзу Австро-Венгрия ощутила те же самые проблемы, что и остальные воюющие страны. Это потребовало изменения как тактики действий частей, так и создания новых образцов оружия, в том числе — холодного. Тяжелый тесак обр. 1915 года никак не подходил на роль «окопного ножа» — прежде всего из-за своих размеров и веса. Меж тем штурмовые части, уже начавшие формироваться, испытывали необходимость в массовом и простом «грабендольхе». Австрийцы пошли иным путем, не став на путь слепого копирования немецкого опыта. Оптимальным решением был признан простой по форме, довольно массивный нож с широким клинком.

Длина клинка была принята в 220 мм, ширина равнялась 30 мм, клинок толщиной около 5 мм имел полуторную заточку, облегчающую проникновение в преграду при колющем ударе. Подобно немецкому, австро-венгерский образец изготавливался в целом с рукояткой. «Окопник» австрийского производства очень прост, лишен абсолютно любых излишеств и являет собой оду функциональности.

Некоторое неудобство в плане габаритов, как и недостаток «окопных ножей», провоцировало стихийное «окопное творчество», часто в виде грубых эрзацев, но иногда вполне качественных подделок, в той или иной мере подражавших штатному оружию. Вариантов самоделок и переделок штыков существовало великое множество.

О том, насколько важным в период Первой мировой войны в экипировке солдата воюющих армий был боевой нож или кинжал (а также комбинированное с кастетом более узкоспециализированное оружие — траншейный нож (кинжал), говорит такой факт. До 10 августа 1917 года Нидерланды были нейтральным государством. Но, вступив в войну, сразу же приступили к работам по созданию боевого кинжала (наряду с разработкой противогаза и ручной гранаты). Уже к 20 августа 1917 года было предложено несколько конструкций боевого ножа, из которых выбрали модель,

своим обликом напоминающую бельгийскую. Это был переделанный из штыка кавалерийского карабина Маннлихера M1895 кинжал с укороченным клинком и стандартными ножами. К 1 февраля 1918 года было выпущено и поступило на вооружение армии Нидерландов 10 150 шт. таких ножей из 50 000 шт., оговоренных в государственном заказе.

Как известно, в старину в ходе повстанческих войн использовались боевые серпы и сечки для рубки хвороста. После долгого перерыва об этих предметах вспомнили вновь, тем более что подобные сечки во многих армиях числились в составе шанцевого инструмента. Например, в британской, французской и германской армиях они применялись как для рукопашного боя, так и для устройства проходов в проволочных заграждениях. Их массивное и широкое лезвие вполне позволяло рубить проволоку диаметром до 5 миллиметров!

Для аналогичных целей были приспособлены и тесаки «coupe-coupe», коими вооружались солдаты французских колониальных войск, в частности сенегалцы. На вооружении американских солдат состояли увесистые штыки-мачете образца 1909, 1910 и 1915 годов, и, кроме того, мачете типа «коллинз», предшественники которых были позаимствованы во время испано-кубинской войны на Кубе.

Что касается серпов, то их иногда использовали в атаках или при обороне траншей. Причем это могли быть не только крестьянские серпы, но и самодельные серпообразные ножи с широкими обоюдоострыми клинками.

Нелишне будет вспомнить и традиционные непальские ножи-кхукхри, состоявшие на вооружении гуркхов – непальских солдат на британской службе. Такие ножи изготавливались централизованно фабричным способом; модель ножа-кхукхри Mk1 выпускалась с 1903 года по 1915 год. Впрочем, встречались и образцы ручной работы, сделанные в Непале, особенно у офицеров, к которым они могли перейти по наследству от предков.

Если говорить о комбинированном оружии, то в качестве такового на фронтах Первой мировой войны чаще всего бытовали предметы, сочетавшие стилет или кинжал с кастетом и револьвер с кинжалом, причем как заводские изделия, так и окопные «самodelки».

В декабре 1915 года Жорж Дюбуа, интендант Парижа, предложил военному министерству разработанный им вариант подобного оружия, объединивший в себе кинжал с узким трехгранным лезвием и кастет. Рукоять имела защитную дужку с отштампованными по всему внешнему периметру короткими пирамидальными остриями. Но французское правительство отклонило проект, поскольку к тому времени уже было налажено производство боевых ножей, разработанных ранее, а внедрять новую модель нашли нецелесообразным. Считается, что французы не пользовались таким оружием. Однако в экспозиции Военного музея в Брюсселе, в разделе, посвященном французской армии, выставлен кинжал, рукоять которого снабжена закрывающим всю руку широким щитком, с расположенными вдоль него в ряд пирамидальными шипами. Возможно, это продукт полковой мастерской, а не штатное изделие.

Идею сочетания кинжала с кастетом, хотя и не сразу, подхватили англичане и американцы. В 1917 году на вооружение американской пехоты был принят траншейный нож-кастет M1917 «французского образца». Изготавливался он двух вариантов: либо с отштампованными на защитной дужке пирамидальными шипами, либо с отогнутыми наружу треугольными лепестками по бокам дужки.

Опыт боев, однако, выявил определенные недостатки этого оружия, которые надлежало устранить. Прежде всего это касалось конструкции клинка, которым можно было только колотить. К тому же он был слишком хрупким. Да и защитная дужка-кастет не всегда оправдывала свое назначение. Поэтому американским инженером Мак-Пери была разработана усовершенствованная модель траншейного кинжала-кастета, запатентованная в Англии в 1918 году. От «французского» прототипа он отличался обоюдоострым клинком (позаимствованным, к слову сказать, у французского траншейного кинжала) и конструкцией рукояти, которая теперь являла собою настоящий кастет, отливалась из латуни и, как у предыдущей модели, снабжалась шипами. Торцевая гайка, фиксировавшая клинок в рукояти, также имела пирамидальные шипы. Кинжалы в основном выпускались в США фирмами Landers. Frary Clark, Henry Disson Sons и Oneida Community Ltd. и частично – во Франции.

Британский кастет-нож был двух разновидностей. Одна модель отличалась от американского «собрата» главным образом конструкцией клинка, приспособленного только для колющего удара, а вторая имела плоский клинок, заточенный лишь с внутренней стороны, чтобы было удобнее перерезать горло вражескому часовому. Выемки для пальцев в рукоятке-кастете объединялись попарно.

Еще одним британским нововведением времен Первой мировой войны был колющий штык-нож модели Артура Притчарда, лейтенанта 3-го Королевского Беркширского полка, запатентованный им в 1916 году. Он предназначался для крепления к револьверу типа «веблей-скотт Mark VI». Изготавливался в Бирмингеме фирмой У. Гринера, почему и именовался часто как штык модели Притчарда-Гринера.

В США еще во второй половине XIX века, выпускались так называемые «pouch-dagger» – тычковые ножи, клинки которых располагались перпендикулярно к рукоятке. При удержании такого ножа в руке лезвие торчало между указательным и средним (или средним к безымянным) пальцами, удар наносился толчковым движением. Ножей такого типа бытовало на фронте множество модификаций, но в основном самодельные или кустарного производства.

Встречались и совсем уж диковинные образцы комбинированного оружия. Так, например, в том же Брюссельском военном музее экспонируется цельнометаллическая саперная лопата, трубчатая рукоять которой приспособлена в качестве ножен для французского штыка к винтовке Лебеда. А в лондонском Имперском военном музее, в разделе, посвященном окопному оружию Первой мировой войны, выставлено нечто, весьма напоминающее... средневековую латную рукавицу, скомбинированную с лезвием кинжала.

Траншейная дубина

В то время как над полем боя в шлейфах огня и дыма, в пересечении дымных трассеров сходились в бою летательные аппараты – воплощенные вековые мечты человечества о полете, артиллерия метала разрушительные многопудовые снаряды за горизонт, на десятки километров, или делала десятки выстрелов в минуту; по изрытому воронками и изрезанному траншеями полю боя ползли, огрызаясь огнем, первые гусеничные бронированные боевые машины, неуязвимые для «короля поля боя» – пулемета, – в узких траншеях, в газовом облаке, дыму и тьме, не на жизнь, а на смерть, дрались, отбросив свои дальнобойные винтовки, врукопашную люди... Дрались самодельными ножами, кастетами, дубинками... Наряду с натальной броней траншейные схватки Великой войны вернули к жизни еще один отголосок Средневековья – дубины, моргенштерны, торчи, палицы, булавы, кистени... А ведь еще недавно европейские военные, вооружившись скорострельными ружьями, артиллерией, пулеметами, насмехались над оружием «дикарей».

Рукопашная схватка

От некоторых образцов траншейного холодного оружия Великой войны явно веет новым Средневековьем... В принципе оружие этого класса никогда не выходило полностью из употребления, являясь оружием полиции или «лихих людей». Кистенек в России считался наиболее ходовым оружием разбойников. Попав к русским от степных соседей, он стал истинно народным оружием. Топорики – «балта», палицы – «батик», кистени были традиционным оружием кочевников Средней Азии. Встречалось оно колонизаторам и в их захватнических походах. Правда, в рукопашном бою «в чистом поле» европейская пехота в плотном строю, освоив до автоматизма лишь несколько приемов штыкового боя, обращала в бегство практически любых противников на всех континентах. А вот в узости траншей винтовка со штыком оказалась неудобна, как и сабля, и в европейской междоусобной бойне бойцы враждующих сторон взялись за самодельные, а потом и фабричные, ножи, кастеты, кистени, дубинки, заточенные саперные принадлежности...

Дубина – оружие солдата

Первая мировая война остро нуждалась в оружии, которое в России сейчас называют автоматом, а в иных местах – штурмовой винтовкой. Длинная винтовка типа русской трехлинейки хороша для неспешной стрельбы по удаленным целям и может сгодиться для одного-двух ударов штыком, когда солдат вот только-только добежал до вражеских позиций. Но если боец прыгнул в траншею, винтовка становится смертельно опасной обузой. И вот, в эту самую эпоху, когда винтовки уже устарели, а автоматы еще не появились, бойцы вспомнили об оружии своих предков – о дубье. Из глубины веков выплыли палицы, шестоперы, булавы, моргенштерны и т. п. Только назывались они теперь все траншейными дубинками.

Деревянная траншейная дубинка полицейского образца

Солдаты австро-венгерской армии стали, пожалуй, первыми, кто возродил из небытия средневековые моргенштерны. Особенно часто их применяли на австро-итальянском фронте. Оружие это представляло собой длинную деревянную булаву, рукоять которой переходит в навершие, усеянное железными шипами.

Название же его – живой образчик смачного средневекового юмора: ведь «моргенштерн» по-немецки – «утренняя звезда». Кстати, и в Англии подобные изделия имели не менее приятное прозвище – кропило (специальная кисть для разбрызгивания святой воды).

Траншейная дубинка, набалдашник которой сделан из массивной шестерни

Траншейная дубинка с шипами

В особой чести они были и у германских солдат. Бойцы немецких штурмовых групп, специализировавшиеся на захвате вражеских укреплений, были почти непременно вооружены траншейными дубинками, которые они зачастую делали из оболочек гранат, а если дубинок не было, штурмовики использовали вместо них пехотные лопатки.

Траншейная дубинка с навершием из корпуса гранаты

Траншейные дубинки часто выполнялись с деревянной ручкой и рабочей частью, отяжеленной оболочкой ружейной гранаты. Иногда снаряжался калечащими железками и тонкий конец дубинки. Шли в ход и «ночные палки», то есть полицейские дубинки. Поскольку полицейские дубинки были полностью гладкими, их «огрубляли» с помощью обычных гвоздей. То же проделывали и с бейсбольными битами. Существовали варианты с устрашающими шипами на ударном конце, но они не прижились, т. к. могли завязнуть в теле противника и оставить бойца безоружным.

Осознав, что фронт нуждается в дубье, его начали штамповать и фабричным способом. На некоторых железных дубинках можно рассмотреть надпись «PATENT APPLIED FOR». Но фабрики не справлялись, и за дело брались фронтовые мастерские. Брались всерьез.

Булавы

Сначала это было оружие индивидуального изготовления: если солдат считал необходимым его иметь, то мастерил булаву сам из подручных материалов. Благо для ее изготовления никакого дорогостоящего сырья не требовалось, хотя, впрочем, подходила древесина только твердых пород. Некоторые булавы представляли собою довольно грубо обработанные деревянные бруски в виде длинной рукоятки с цилиндрической ударной частью на конце, которую иной раз заливали свинцом и для повышения «убойности» оснащали металлическими остриями. В качестве острия мог сойти любой металлический предмет: большой гвоздь, снарядный осколок подходящего размера, кусок толстой проволоки или даже винтовочная пуля. Кроме того, устанавливали и навершие, используя обрезки труб, крупные шестерни или корпуса от неразорвавшихся гранат. На торце навершия нередко крепили длинный шип, с помощью которого булавой можно было нанести колющий удар.

Позднее для изготовления булав стали привлекать полковые столярные мастерские. Они выполняли их более аккуратно и могли оснастить этим оружием целое подразделение. Рукоятки обтачивали на токарных станках, ошкуривали, делали рифление и устанавливали упоры для удобного удержания, а также снабжали темляками. В конце концов производством булав занялись фабрики. В результате у булавы появилось литое навершие, стальное или чугунное, усаженное острыми шипами.

Распознать булавы по «национальному» признаку не так-то легко, особенно если речь идет об оружии кустарного изготовления. С фабричными булавами несколько проще. Некоторые из них имеют даже заводское клеймо. Например, на многих английских – клеймо в виде короткой и широкой стрелки. Правда, и в этом случае различить, скажем, немецкие и австрийские булавы можно лишь с трудом.

Известны, впрочем, несколько разновидностей булав с четко установленной «национальной» принадлежностью, в частности британские дубинки. Ими оснащались офицеры, предводительствовавшие колониальными войсками (в составе британских войск, сражавшихся на фронтах Первой мировой войны, было немало представителей народов, населявших некогда обширную Британскую империю). Такие офицерские булавы отличались округлым навершием и отсутствием шипов, ибо служили они не только в качестве оружия, но и как должностной знак. Офицер вполне мог огреть такой булавой и своего солдата-ослушника. Длина булавы в среднем составляла 14 дюймов, изготавливалась из дерева и обтягивалась кожей. «На месте, где мы прошлой ночью отражали атаку с фланга, лежали три трупа. Это были два индуса и

офицер-англичанин с двумя золотыми звездами на погонах, то есть старший лейтенант. Его ранило в глаз. Пуля, выходя, пробилла ему висок и раздробила край каски – она находится теперь в моем собрании подобных предметов.

В правой руке он еще держал обрызганную кровью булаву, левая сжимала большой шестизарядный «кольт», в барабане которого еще оставалось два патрона».

Коль скоро мы упомянули колониальные войска, стоит отметить, что солдаты из таких подразделений, помимо штатного вооружения, частенько брали на фронт всевозможное национальное холодное оружие. Перечислять образцы здесь, пожалуй, нет смысла, ибо это оружие достаточно подробно описывается в сочинениях ученых-этнографов.

В Англии выпускалась также булава типа «RC», разработанная специалистами Королевского инженерного корпуса (Royal engineering corps – отсюда и соответствующая аббревиатура), походившая по внешнему виду на старинный пернач. Ее цилиндрическое навершие снабжалось восемью радиально расходящимися ребрами. Общая длина булавы составляла 42 см.

В германской армии были популярны окопные дубины, похожие на бейсбольные биты. Изготавливали их целиком из дерева, а ударную часть усаживали острыми подковочными гвоздями.

Еще один весьма характерный тип – австрийская и немецкая «гибкая» булава. Деревянная 15-сантиметровая рукоятка соединялась с шарообразной, кубической или яйцевидной металлической ударной частью (как с шипами, так и без оных) посредством пружины или отрезка жесткого стального троса длиной около 25 см (навершие в виде куба было присуще как раз немецким булавам). Такая конструкция булавы способствовала нанесению сильных «хлещущих» ударов, гарантированно оглушавших даже защищенного шлемом противника. К тому же такая булава не ломалась по определению. Навершие могло крепиться к рукояти-тросу как жестко, так и шарнирно: в последнем случае это уже была не булава, а скорее кистень. Разумеется, изготавливали такое оружие фабричным способом. На ударных частях австрийских кистеней встречается клеймо в виде литер FKG.

Австрийцы, впрочем, активно применяли и булавы традиционной конструкции. Настолько активно и успешно, что со стороны государств Антанты против них, как и против немецких огнеметов, развернулась нешуточная пропагандистская кампания. Утверждалось, что австрийцы используют булавы исключительно с целью добивать раненых или отравленных газами. Поводом к таким утверждениям послужил случай, действительно имевший место. 26 июня 1916 года позиции итальянских войск в районе Мон-Сен-Микеле подверглись газовой атаке со стороны австрийцев. Вслед за газовым облаком в итальянские траншеи ворвались солдаты 7-го и 20-го венгерских полков, которые в завязавшейся рукопашной схватке активно орудовали дубинками. Поскольку итальянцы в большинстве своем были отравлены газом, то стали недееспособными и не смогли оказать должного сопротивления. Множество их было убито именно ударами дубинок.

Памятный знак солдата 20-го венгерского полка, участвовавшего в боях на Мон-Сен-Микеле и Мон-Сен-Мартино. Знак украшает характерная австрийская булава

Этот эпизод, разумеется, не прошел мимо прессы и был моментально подхвачен пропагандистами из стран Антанты, раздувшими его до крайности. Кроме того, 13 августа 1916 года был распространен приказ по итальянской армии, который предписывал расстреливать на месте вражеских солдат, оснащенных дубинками. Конечно, о том, что аналогичным оружием располагали англичане и французы, предпочитали не говорить. Да и итальянцы не остались в стороне: известны дубинки именно итальянского производства.

Например, в журнале «Нива» за 1916 год была опубликована пропагандистская заметка об австрийских булавах и палицах: «По признанию австрийского эрцгерцога Евгения, его войска на итальянском фронте имели в своем составе специальные отряды, вооруженные особыми палицами (дубинами с острыми гвоздями) для добивания итальянских солдат, обнаруженных в обморочном состоянии от отравления газами. Посетивший Горицу тотчас же после ее взятия итальянцами, известный английский журналист, издатель газеты «Таймс» лорд Норткилиф сам видел эти палицы, захваченные у австрийцев».

О систематическом применении булав в русской армии нам ничего не известно. Однако, учитывая простоту и дешевизну изготовления этого оружия, можно предположить, что в России, если не на фабриках, то, во всяком случае, индивидуально, вполне могли мастерить какие-то ее конструктивные аналоги. Более того, зафиксирован факт находки самодельной дубинки на месте русских позиций в Карпатах, в остатках блиндажа. Для нее была использована рукоятка малой саперной

лопаты, которую усилили четырехгранными подковочными гвоздями. К сожалению, это – единственный случай, более детальная информация по дубинкам в русской армии отсутствует.

Дубинками дело, понятно, не ограничивалось. В ход шли и уже упоминавшиеся лопатки, и саперные кирки, заступы и топоры. Не будем останавливаться на малой пехотной лопатке, ошибочно известной под названием «саперная», впервые примененной в качестве оружия немецкими штурмовиками и прославленной Ремарком. Полицейские дубинки «билли» были часто единственным оружием викторианских полицейских и их коллег в других странах. В схватках также применялся саперный топорик, «колотушка», подобная применяемой на скотобойнях, также палицы и боевые молоты из массивной шестерни.

Так что недаром изображение моргенштерна (не средневекового, а именно нового!) присутствовало на значке 20-й венгерской стрелковой дивизии, участвовавшей в боях за перевалы св. Михаила и св. Мартина. Для ее бойцов это был отнюдь не просто поэтический символ...

Кастет

«Нерегламентное» и комбинированное оружие.

Кастет изначально не был солдатским оружием. Пользовались им главным образом полицейские, сыщики, добропорядочные граждане, коим необходимо было оружие для самозащиты, а также их антиподы – уличные бандиты. Прежде на войне кастету не находилось должного места, ибо не было причин к его применению. Солдату, чтобы сладить с противником, вполне хватало приклада и штыка штатного ружья или винтовки. Все изменилось с началом окопного периода Первой мировой войны. Как и булава, кастет стал необходим для ведения рукопашного боя, особенно в траншеях. Кроме того, с его помощью можно было и «утихомирить» не в меру «шумного» языка. Он прекрасно для этого подходил в силу своей компактности, простоты и эффективности.

Сколь широко было распространено это оружие на фронте – неизвестно. Вполне можно допустить, что в войсках всех основных воюющих стран имелся сей предмет, хотя бы и самодельный. Достоверно лишь то, что в Австрии, в Граце, выпускался штатный образец кастета, предназначенный именно для военных, точнее, для штурмовых подразделений. Он отливался из стали или чугуна, оснащался четырьмя или шестью короткими конусовидными шипами и помечался клеймом «H. STEINBRUCK GRAZ» и заводским номером. В Австрии производились также кастеты, если можно так выразиться, модели «люкс», судя по всему, для офицеров по индивидуальным заказам. Они снабжались упором для ладони и даже декорировались простеньким орнаментом.

Кроме австрийцев, кастеты заводского изготовления бытовали и у итальянцев. Они были несколько «изящнее» и легче по сравнению с австрийскими литыми «болванками», имели упор для ладони и шипы, впрочем, существовали кастеты и без шипов.

Австрийские офицерские кастеты

Траншейная артиллерия

«Гладко вписано в бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить» – так прокомментировал действия генералитета в неудачном для русской армии бою 4 августа 1855 г. поручик 3-й легкой батареи 14-й артиллерийской бригады Л. Н. Толстой. И вот минуло почти шесть десятилетий, а генштабисты европейских армий опять подтвердили склонность «забывать про овраги». Несмотря на то что еще свежи были воспоминания о Русско-японской и Балканских войнах, где во весь голос заявили о себе пулеметы и скорострельные орудия, где боевые действия разворачивались не на просторном поле боя, а на изрезанной траншеями передовой, они по-прежнему полагали, что некоторым родам войск вовсе не обязательна собственная артиллерия. В частности, это относилось к кавалерии и пехоте, которым приходилось рассчитывать в основном на огневую поддержку артиллерийских подразделений. А ведь еще Петр Великий создал высокоманевренную, обладающую большой огневой мощью конную артиллерию, для нее в свое время создавались облегченные орудия, передки и зарядные ящики, притом орудия выполнялись так, чтобы их можно было транспортировать и в упряжке, и в разобранном виде.

Траншейная пушка

В начале минувшего столетия русские военные ограничились тем, что вооружили конную артиллерию новой армейской трехдюймовкой образца 1902 года с несколько облегченным и уменьшенным передком. Однако вскоре выяснилось, что эта отличная пушка для столь мобильного рода войск тяжеловата. И лишь в 1913 году конную артиллерию решили перевооружить более легкой и скорострельной пушкой того же калибра Путиловского завода. Увы, намеченному мероприятию помешала война, и уже в ходе ее конной артиллерии пришлось передать 76-мм горную пушку образца 1909 года, также разработанную инженерами Путиловского завода. В скорострельности она не уступала трехдюймовке образца 1902 года, оснащалась теми же снарядами, но дальность стрельбы была на 1,5 км меньше. По баллистическим же характеристикам она превосходила аналогичные по назначению французскую 65-мм и австро-венгерскую 68-мм пушки, хотя и была несколько тяжелее их.

Вскоре конные артиллеристы обнаружили весьма полезное свойство горных трехдюймовок. Если полевая обладала настильной траекторией и годилась лишь для обстрела открытых целей, то снаряды горной пушки летели по крутой траектории и были способны поразить объекты, находившиеся за склонами гор и в ущельях. Это свойство оказалось как нельзя более кстати для стрельбы по окопам, тем более что о лихих рейдах по тылам противника в условиях позиционной войны пришлось забыть, а конных артиллеристов спешить и отправить в окопы. Горную трехдюймовку несколько переделали – упростили и сделали разборным лафет, колесные ходы пушки, передка и зарядного ящика уширили, чтобы придать орудию большую устойчивость на марше. Надо сказать, что пример российских канониров подхватили и в других армиях.

Если конную артиллерию не успели обеспечить специальными орудиями, то артсистем, которые можно было бы разместить непосредственно в окопах, практически не имела ни одна армия. А они понадобились уже в 1914 году, когда война приняла позиционный характер и стрелкам стали нужны легкие орудия, из которых можно было бы вести прицельный огонь по пулеметам и другим огневым средствам. Фронтовики сформулировали основные требования перед конструкторами – подобные пушки должны быть компактными и подходящими для переноски двумя-четырьмя солдатами.

Первое время за неимением лучшего пехотинцев вооружили так называемыми ружейными гранатами. В Российской армии применялись уже упоминавшиеся выше ружейные гранаты, разработанные штабс-капитаном Мгебровым и полковником В. И. Рдудловским. Ружейные гранаты представляли собой снаряды калибром 25–50 мм, оснащенные длинным хвостовиком, вставлявшимся через дуло в ствол винтовки. Стрелок производил выстрел холостым патроном, и выброшенная порохом газами граната пролетала около 500 м.

Однако у ружейных гранат был существенный недостаток – слишком слабым был их разрывной заряд. Поэтому член Артиллерийского комитета полковник М. Ф. Розенберг (в советское время – один из создателей минометного вооружения) в 1915 году разработал 37-мм «траншейную пушку». Прицельная дальность стрельбы из нее не превышала 200 м, но этого было достаточно, чтобы при стрельбе прямой наводкой поражать огневые точки на передовой. Пушка Розенберга легко и быстро разбиралась на три части – ствол с верхним щитом (75 кг), лафет с нижним щитом (82 кг) и колеса (25 кг), а в собранном виде умещалась в пулеметных гнездах. Оснащенная стрелковым прицелом, пушка Розенберга могла обслуживаться любым солдатом. При всех положительных качествах «траншейной пушке» был присущ один недостаток – ее снаряды, летевшие по настильной траектории, не могли поразить противника в траншее. А там и сосредоточивались пехотинцы перед атакой.

3,7-см пехотная (траншейная) пушка M15

По ту сторону фронта тоже не дремали. Возможно, австро-венгерская 37-мм пехотная пушка образца 1915 года (37mm Infanteriegeschuetz M. 15) на первый взгляд и была похожа на игрушку, но на самом деле это было достаточно мощное траншейное оружие.

Не зря французская 37-мм пехотная пушка образца 1916 года была копией австро-венгерской – обе создавались в ответ на условия, продиктованные окопной войной: необходимо было уничтожать цели, хорошо защищенные от обычного артиллерийского огня как пушки, так и гаубицы, которые к тому же располагались на определенном удалении от передовых траншей. Нужно было обладать артиллерийским орудием, стреляющим прямой наводкой, способным пробить земляные укрепления и подавить пулеметные гнезда, оборудованные бронированными щитками. Часто для этого использовались горные орудия, но их очень трудно было перемещать на передовой линии и оборудовать для них огневые точки. А во время атаки они

вообще не могли сопровождать и поддерживать наступающую пехоту.

37-мм траншейная пушка. Италия

Решение было найдено в изготовлении легкого артиллерийского орудия, в котором высокая точность стрельбы компенсировала бы малый калибр снарядов. Граната, выстреленная из такого орудия, должна была бы попасть в амбразуру! В 1915 году австро-венгерское военное командование заказывает конструкторам предприятия «Шкода» такую пушку, и уже в ноябре опытный образец успешно проходит испытания на Юго-Западном фронте. Немедленно в начале 1916 года делается заказ на изготовление 1000 орудий этой системы, и вскоре 37-мм пехотная пушка начала поступать в войска.

Для транспортировки орудие разбиралось на три части: ствол (34,6 кг), станина (25,3 кг) и тренога (24,4 кг), которые могли транспортироваться как расчетом, так и вьючными лошадьми и собаками, впряженными в тележки. Боеприпасы укладывались по 15 штук в ящики, вес которых с укладкой составлял 26,5 кг. К орудию изготавливались три вида снарядов: граната, гранатно-шрапнельный и трассирующий.

Согласно новому штатному расписанию в составе каждого пехотного полка должно было существовать два взвода пехотных орудий. Каждый взвод насчитывал 1 офицера, 2 унтер-офицеров, 26 нижних чинов, 1 телегу, 4 вьючные лошади и 4 артиллерийских орудия. Но из-за нехватки вооружения большинство полков получили лишь по одному взводу. Часто эти малокалиберные пушки использовались именно в передовых линиях, даже во время обороны, из-за чего сами подвергались большой опасности.

Дальность стрельбы 37-мм пехотного орудия достигала 3000 метров. Но эффективную точную стрельбу можно было вести на дальность до 2200 метров, в чем был виноват слишком короткий (37,2 см) ствол. Также нарекание расчетов вызывали ударники гранат, из-за которых те не всегда взрывались, и слишком маленький калибр – естественно, как всегда, мечталось о большем.

37-мм пехотная пушка обр. 1916 года представляла собой орудие непосредственной поддержки пехоты. Нужда в орудиях такого типа появилась с переходом армий воюющих держав к позиционной обороне. Хорошо укрытые пулеметы было очень сложно разведать, а поразить огнем часто просто не представлялось возможным. Поскольку связь пехоты с артиллерийскими батареями часто отсутствовала или была ненадежной, указать положение точечной цели и выдать данные для ее поражения было проблематично, особенно при наступлении, когда всякая связь пехоты и артиллерии попросту прерывалась. Неподавленные огневые точки были опасны именно в момент атаки, так как, будучи не замеченными до ее начала, неожиданно открывали огонь с близких дистанций, нанося серьезные потери. Часто это было причиной срыва атаки, и понесенные потери становились напрасными.

Конечно, при малейшей возможности артиллерия боролась с укрытыми пулеметами противника, однако малоразмерность и хорошая маскировка таких целей часто не позволяли их подавить. Настильный огонь был малоэффективен против целей в окопах и блиндажах, навесной огонь нередко не достигал должных результатов – попасть в точечную цель было непросто, и расход снарядов был весьма велик. Пехота, ведя более точный огонь из винтовок и пулеметов, не могла подавить вражеские пулеметы из-за невысокой пробивной способности пули, которая была бессильна против пулеметного щита.

Итальянские войска в Альпах

Таким образом, сформировалось требование к пехотному оружию, которое, обладая маневренностью пулемета, имело бы более эффективный боеприпас, позволявший поражать точечные цели с высокой степенью точности и пробивать преграды типа пулеметного щита или бруствера. От орудия требовалась также способность в наступлении следовать за пехотой, оказывая ей поддержку. Применение бомбометов и минометов частично решало задачу, однако точность навесного огня была довольно низкой. Требовалось пехотное орудие с настильной траекторией полета снаряда.

Задание было выдано промышленности в 1915 году, и в следующем году в армию стали поступать 37-мм пехотные пушки. Эти пушки представляли собой небольшие артиллерийские орудия, стрелявшие со станка-треноги аналогично пулеметам, снабженные щитом для защиты от пуль и осколков, а также оптическим прицелом-перископом, дававшим возможность стрелку наводить орудие и наблюдать за полем боя, не подвергая себя опасности быть пораженным.

Орудие состояло из трех частей – станка-треноги (24,4 кг), ствола (34,6 кг), люльки со щитом (25,3 кг). Противооткатные приспособления простейшие, расположены под стволом и выступают вперед, за дульный срез. Затвор орудия в виде вертикального клина. Заряжание патронное, 37-мм патроном, аналогичным патрону пушки Гочкиса того же калибра. Патроны австрийского производства имели укороченную гильзу, снаряд был примерно вдвое длиннее самой гильзы.

Орудие могло применяться и без щита, к чему нередко прибегали, уменьшая массу пушки, что положительно сказывалось на маневренности. Применение пушки показало ее достаточную эффективность, учитывая малый калибр. Легкая и небольшая, пушка могла действовать из траншей, воронок, то есть вместе с пехотой, решая возникающие в бою задачи по поражению огневых точек. Эти задачи решались фугасной и трассирующей гранатой, последняя позволяла проследить траекторию полета и облегчала корректировку.

Однако снаряд малого калибра, вмещавший немного ВВ, не позволял пушке эффективно бороться с групповыми целями, пехотой. Хотя в боекомплект и входили шрапнельные снаряды, их малая масса и небольшое количество пуль в шрапнели показали сравнительно невысокую эффективность против пехоты.

Для примера приведем противоположное мнение об эффективности малокалиберных пехотных пушек (правда, германских) из книги А. А. Свечина «Искусство вождения полка»: «...у немцев выделялась одна скорострельная 37-миллиметровая пушка, прятавшаяся в кустах в 2000 шагах перед моим правым флангом и яростно метавшая свои безобидные гранаты в мои правофланговые роты; она расстреляла в течение 3 часов 2 или 3 сотни гранат, но никого не обидела. Эта пушка представляла в полном смысле слова профанацию артиллерии; слабый звук взрыва ее снарядов вызывал хохот стрелков, переживших за 3 дня перед этим упорное долбление их 40-килограммовыми гаубичными бомбами. Я проезжал неподалеку за фронтом, на линии ротных поддержек. Пушечка привязалась ко мне и долго преследовала меня своим огнем, пока я не уехал за пределы ее дальности. Иные гранаты падали в 6–7 шагах, лошадь иногда фыркала, а стрелки располагали неистощимым запасом остроумия для каждого нового плевка немецкой пушечки. После этого опыта я и по сей пор не являюсь сторонником 37-мм калибра для батальонной артиллерии».

Что ж, данный случай мало что показывает, так как о малой эффективности пехотных пушек по пехоте уже говорилось. И тем не менее, будь в боекомплекте австрийской пушки шрапнельный снаряд, автору приведенных строк вряд ли бы довелось их написать. В дополнение к тому немецкие артиллеристы выполняли далеко не основные для их оружия задачи, а вот стрельба по пулеметам или же амбразурам показала бы куда большую эффективность малокалиберной артиллерии.

Позднее с усилением защитных сооружений и появлением бронезаслонок проявилась и недостаточная энергия снаряда, выпущенного из короткого (372 мм) ствола. Теоретическая дальность прицельной стрельбы в 3000 метров практически была недостижима, так как на большой дальности затруднялось наблюдение за разрывами снарядов и резко падали точность стрельбы и энергия снаряда. Практически из пушки стреляли не более чем на 2200 метров.

Бомбомет

В Первую мировую применялись бомбометы в качестве оружия ближнего боя калибра 20–152 мм, похожие по устройству на миномет, но, в отличие от него, заряжалось с казны. Бомбомет – тип артиллерийского орудия ближнего боя: мортира, стреляющая разрывными снарядами.

Французская траншейная мортира

Опыт Русско-японской войны выдвинул особое значение орудий ближнего боя, стреляющих снарядами осколочного действия и служащих для подготовки и отбития атаки и поражения войск, находящихся за закрытиями. Этот опыт был учтен в войну 1914–1918 годов, когда был разработан целый ряд конструкций бомбометов и минометов, системы которых были усовершенствованы в течение войны.

В позиционный период (с 1915 года) во всех воюющих армиях потребность в бомбометах удовлетворялась сначала изготовлением самодельных орудий самими войсками из кусков железных и стальных труб с навинтным дном, укрепленных под углом на деревянной колоде, ракетных станков, артиллерийских гильз и т. п. Дальность таких бомбометов не превосходила 50–100 м. По мере расширения позиционной борьбы и роста потребности в бомбометах конструкции последних стали разрабатываться на артиллерийских заводах, причем в период 1915–1917 годов на русском фронте появились новые бомбометы.

Данные бомбометов, состоявших на вооружении на русском фронте (период 1915–1917 годов)

За 1915–1917 годы всего было передано на русский фронт 14 047 бомбометов, из них до конца войны «убыло» по разным причинам 6500 единиц. На бомбометы возлагались задачи: беспокойство противника постоянным обстреливанием его расположения и поражение его войск, находящихся в окопах.

Немецкий бомбомет

Бомбомет Аазена

Бомбомет типа Г.Р.

Появившиеся бомбометы разных систем близко походили по своему устройству на минометы, отличаясь от последних следующим: бомбометы, как уже отмечалось, заряжались с казны, имея снаряд преимущественно осколочного действия и малый разрывной заряд по сравнению с минометом, вследствие чего они были совершенно непригодны для разрушения искусственных препятствий и даже слабых блиндажей и убежищ. В силу этих причин к концу войны 1914–1918 годов бомбометы уступили место более мощным траншейным орудиям – минометам.

3,5-дюймовый (88,9-мм) бомбомет Аазена создан во Франции в 1915 году. В 1915–1916 годах он изготовлялся в России. Миномет выполнен по глухой схеме. Калибр миномета 3,5 дюйм (88,9 мм). Ствол миномета стальной. Заряжание производилось с казенной части. Затвор откидной, с оружейной коробкой для стреляющего механизма. Лафет рамного типа с опорными площадками. Подъемный механизм состоял из двух планок, прикрепленных к казенной части ствола, и стержня откидной стойки. Вес системы в боевом положении 24,6 кг.

Стрельба велась калиберными минами «эксцельсиор» со специальной детонационной трубкой. Вес мины со стабилизатором 1,1 кг. Длина мины со стабилизатором 358 мм. Вес взрывчатого вещества в осколочно-фугасной мине 401 г. Кроме того, имелась противопехотная (шрапнельная) мина с теми же массогабаритными характеристиками, но снаряженная 600 пулями диаметра 15,24 мм. Метательный заряд помещался в гильзе охотничьего патрона 8-го калибра. Порох охотничий дымный. Дальность стрельбы – 400 шагов (280 м.). Расчет – 3–4 человека.

Воздушная мина, выстреливаемая из ствола 58-мм пушки. Франция

Французский надкалиберный бомбомет

Немецкий бомбомет на позиции

Система имела существенный конструктивный дефект – боек ударника затвора выступал слишком далеко из стебля затвора. При попытке дослать гильзу затвором происходил преждевременный выстрел при не полностью закрытом затворе, поэтому гильзу приходилось досылать пальцами. «Аазены» применялись на русском фронте довольно активно. Позиции немцев под Двинском (ныне Даугавпилс) регулярно обстреливались минами именно этого типа.

Миномет

Бомбометы – мини-мортиры калибром 20–152 мм, стрелявшие 2,5–32-килограммовыми снарядами на дистанцию до 850 м – оказались недостаточно эффективными. Ведь

попасть в тот же окоп, находящийся в 50 м от огневой позиции, расчеты бомбометов не могли – цель оказывалась в «мертвой зоне». Поэтому потребовалось иное «траншейное оружие».

Миномет Гобято. 1904 г. Россия

А ведь оно было создано и проверено в боевых условиях за десять лет до Первой мировой войны! Речь идет о «минной мортيره», другими словами, миномете, который изобрел в 1904 году начальник артиллерийских мастерских Порт-Артура капитан Л. Н. Гобято. Оборона Порт-Артура во время Русско-японской войны 1904–1905 годов перешла в «траншейную» стадию, и окопавшихся японцев было трудно достать ружейным или пушечным огнем. Матросы забрасывали японцев самодельными бомбами, которые выстреливались из обычной флотской пушки. В этих условиях Л. Н. Гобято и изобрел миномет – орудие, стрелявшее оперенным снарядом по навесной траектории. В качестве первых снарядов использовались морские мины, что и дало новому оружию его название.

Мина к миномету Гобято. 1904 г. Россия

152-мм миномет Путиловского завода. 1914 г. Россия

Миномет Гобято был гладкоствольным и дульнозарядным, что обеспечивало расчетам высокую скорострельность, а благодаря тому, что стволу можно было придавать чуть ли не отвесный угол возвышения, это оружие практически не имело «мертвой зоны». Однако, уповав на скоротечную войну, артиллеристы не уделили должного внимания минометам. Правда, Германия оказалась предусмотрительнее – в 1914 году ее армия располагала 44 тяжелыми и 116 легкими минометами. Остальные же воюющие государства срочно занялись их выпуском только после начала войны.

Уже в 1914 году специалисты Путиловского завода создали 152-мм миномет, позже на вооружение поступили 20-мм и 47-мм минометы конструкции капитана Е. А. Лихонина, 58-мм миномет ФР образца 1915 года, 89-мм миномет Ижорского завода образца 1917 года. Обзавелись минометами и другие страны. К концу Первой мировой войны все воюющие государства располагали десятками тысяч минометов разного назначения, которые с тех пор стали единственным образцом высокоэффективной «траншейной артиллерии».

Minerwerfer. Германия

В Англии на вооружение был принят 81-мм миномет системы капитана Стокса. Это был первый миномет, созданный по схеме минного треугольника, ставшей впоследствии классической. Состоял он из гладкоствольной трубы с навинтным казенником, двуноги-лафета, опорной плиты и прицела, причем опорная плита имеет три шаровых гнезда. Это позволяет, переставляя в процессе стрельбы опору казенника, выравнять плиту на грунте без ее перемещения. Весной 1916 года англичане ввели на вооружение вновь изобретенный миномет Стокса калибра 102 мм, вскоре принятый на вооружение и французами, а в 1917 году и армией США, в которой он стал главным химическим оружием: американцами же были созданы специальные минометно-химические роты по 48 минометов в каждой.

Существенным недостатком миномета являлся ничем не стабилизированный полет мины. Миномет (газомет) системы Стокса времен Великой войны использовал мину, кувыркавшуюся в полете, что было сделано для лучшего разброса ядовитых газов в окопах неприятеля, находящихся в нескольких сотнях метров от минометной позиции. При попадании в цель такая мина разрывалась на поверхности, разбрасывая отравляющие вещества, вместо того чтобы зарыться в землю, как случилось бы со стабилизированной миной. Ничем не стабилизированный полет мины с сопутствующей такой конструкции небольшой максимальной дальностью стрельбы являлся существенным недостатком системы. Когда минометы стали применять в роли пехотной артиллерии, позволяющей пехотным подразделениям продвигаться по фронту под прикрытием минометного огня, оружейные конструкторы усовершенствовали мину Стокса, придав ей более аэродинамичную стреловидную форму, что позволило

значительно увеличить дальность минометов этого типа.

Мина Стокса представляла собой чугунную конструкцию цилиндрической формы диаметром 3 дюйма, заполненную взрывчаткой или отравляющими веществами. Однако диаметр крышек в передней и задней частях цилиндра составляет около 81 мм. Несоответствие между настоящим калибром миномета и его обозначением является конфузом и также имело место в стандартном «3-дюймовом» британском миномете конструкции Стокса, принятом на вооружение после Первой мировой войны. Он также имел диаметр 81 мм, что позволило британцам использовать трофейные итальянские мины, захваченные в Северной Африке во время Второй мировой. К донной части мины прикреплялась полая трубка меньшего, чем мина, диаметра – патронник с огнепередаточными отверстиями. В трубку вставлялся картонный охотничий патрон 12-го калибра (разумеется, без дробы). Сверху на патронник налагались дополнительные пороховые заряды кольцеобразной формы. Дальность стрельбы зависела от количества колец, хотя при стрельбе на минимальную дистанцию мина могла быть использована и без них.

Миномет Ливенса (англ. Livens Projector) был также принят на вооружение английской армией. Предназначался для поражения живой силы и заражения местности отравляющими веществами. Впервые был использован в битве на Сомме. Первоначально газовые атаки осуществлялись просто выпуском газа из баллонов в сторону противника. Этот способ имел большой недостаток – требовал надлежащих метеоусловий, а при смене ветра под ударом вместо противника могли оказаться собственные войска. Поэтому в 1916 году капитаном Уильямом Ливенсом из британского Королевского инженерного корпуса было изобретено новое средство доставки отравляющих веществ – миномет, названный впоследствии его именем.

82-мм пневматический миномет. Франция

Изобретение Ливенса представляло собой простую металлическую трубу 8 дюймов (около 20 см) в диаметре, вкопанную в землю под углом 45°. В трубу помещался электрический детонатор, пороховой заряд и баллон с газом или зажигательным составом. Дальность составляла порядка 1500 метров. При падении баллон разрушался и образовывалось плотное облако газа. Миномет Ливенса оказался весьма дешев и прост в производстве и применении. Электрический способ воспламенения позволял устанавливать крупные батареи этих орудий и производить массированные залпы. В использовании минометов для стрельбы химическими минами нельзя не видеть стремления сделать химическое оружие маневренным.

Во Франции «воевал» миномет системы Дюмезиля.

Применение минометов было предусмотрено Германией еще в мирное время для осады крепостей и разрушения проволочных заграждений. Позиционная война породила стремление усилить действие навесного артиллерийского огня искусным метанием взрывчатых веществ, для чего и были использованы гладкоствольные минометы. Если в отношении дальности минометы не могли соперничать с орудиями, то преимущества первых заключались в большой свободе выбора места установки. Минометы оказались весьма полезными в горной войне.

После того как минометы были впервые с успехом применены во время осады Порт-Артура, немецкое командование решило оснастить подобным оружием свои саперные части. К 1914 году саперы располагали тремя типами минометов (Minenwerfer): легкий 76-мм (масса мины 4,7 кг, дальность 1050 м), средний 170-мм (49,5 кг, 900 м) и тяжелый 210-мм (100 кг, 550 м). Тяжелый миномет первоначально предназначался для обороны крепостей и был самым смертоносным оружием на Западном фронте. Благодаря навесной траектории мины и мощному разрывному заряду мины обрушивали целые секции траншей! К этому следует добавить грохот выстрела и свист подлетающей мины, оказывавшие сильное деморализующее действие на пехоту противника. В 1916 году появились новые модификации всех трех типов минометов – новые образцы обладали большей дальностью и могли стрелять боеприпасами, оснащенными ОВ.

В 1914 году траншейные минометы передали в осадные взводы, но, поскольку номинально минометы продолжали числиться за саперами, взводы вскоре реорганизовали в отдельные минометные дивизионы. Личный состав этих частей набирали среди пехотинцев. К каждому пехотному полку придавался один *Minenwerfer Abteilung*. В каждом дивизионе было 12 шт. 76-мм минометов и 24 гранатомета. Более тяжелые минометы поступали на вооружение минометных рот, обычно в составе каждой пехотной дивизии была одна минометная рота. Каждая рота состояла из одного взвода тяжелых минометов (четыре калибра 240 или 250 мм) и двух взводов средних минометов (восемь калибра 170 мм). Кроме того, в резерве генштаба постоянно находилось как минимум 13 минометных дивизионов, перебрасывавшихся на

разные участки фронта, чтобы поддержать наступление или отбить атаку неприятеля. Минометный дивизион состоял из четырех рот, в каждой роте было шесть тяжелых и восемь легких минометов. Штурмовые батальоны, как правило, имели в составе минометную роту. Отдельные штурмовые роты обычно располагали четырьмя легкими минометами.

Новейшее оружие

Все, что может быть использовано как оружие, будет использовано как оружие.
Станислав Лем

Злоба людская не знает границ...

Затянувшаяся война озлобила всех. Никто уже не обращал внимания на международные обязательства, конвенции, нормы, законы. Стороны отказались от всех обычаев войны, считая, что ради достижения победы законны все средства. Никаких норм, никаких законов. Только победа. Любой ценой.

Первая мировая поставила на военную службу все современные достижения науки и техники. За короткий промежуток времени использование техники в армиях воюющих сторон полностью изменило стратегию и тактику боя. Слова, сказанные начальником штаба ВВС о Королевских военно-воздушных силах, можно отнести ко всей военной технике: «Нужды войны сотворили их за одну ночь».

В условиях позиционной войны успеха можно было добиться скорее лопатой, чем винтовкой. Когда Великая война начала захлебываться в грязи траншей, воюющие стороны стали искать новое оружие и вскоре убедились, что его может дать только промышленность. Однако война продолжалась, и каждая из воюющих сторон предлагала свои рецепты преодоления тупика в соответствии со своими преимуществами перед противником. Франция возлагала все надежды на артиллерию. Германия с ее высокоразвитой химической промышленностью (пользовавшейся до войны мировой гегемонией) решила применить химическое оружие – отравляющие вещества и зажигательное оружие – огнеметы. Страна машиностроения, Англия, и здесь предложила машину – танк. Англичанам принадлежит и честь первого боевого применения танка.

Любопытно, что противники сразу ответили созданием аналогичного оружия. В ответ на германские химические атаки союзники стали применять отравляющие вещества – и с гораздо большим размахом, чем Германия. После германских «огненных» атак» огнеметы быстро появились в армиях Антанты – как в английской и французской, так и русской армиях. В ответ на появление английских танков очень скоро были созданы аналогичные боевые машины в Германии. Любопытно, что большинство этих новейших средств войны было разработано и предложено изобретателями задолго до начала Первой мировой, но чертежи пылились в архивах как ненужные фантазии или их авторов просто считали ненормальными.

Следует отметить, что успех всякого нового военного изобретения всегда бывает временным, он длится, пока противная сторона не найдет надежных средств защиты. Военные изобретения, при появлении своем претендовавшие стать абсолютным оружием, не только разочаровывали своих создателей. Развиваясь, они постепенно меняли лицо войны.

Нарушение международных договоров и деклараций

Гаагской декларацией 17(29) июля 1899 года запрещено употребление снарядов, имеющих назначением распространять удушающие или вредоносные газы.

На 1-й мирной конференции в Гааге в 1899 году была принята международная декларация, запрещающая применение отравляющих веществ в военных целях. Франция, Германия, Италия, Россия и Япония согласились с Гаагской декларацией 1899 года, США и Великобритания присоединились к декларации и приняли ее обязательства на 2-й Гаагской конференции в 1907 году. Несмотря на это, случаи применения химического оружия неоднократно отмечались в дальнейшем, более того, как раз в дальнейшем, на полях мировой войны, химическое оружие стало применяться с огромным размахом!

Несколько слов о международном праве и о морали в войне. Широко известна доктрина итальянского генерала Джулио Дуэ неограниченной тотальной воздушной войны (в форме фантастического романа «Крылатая победа»), созданная им в мае 1918 года. Постараемся не давать теории Дуэ оценок морально-этического и нравственно-правового плана. Это делает каждый самостоятельно, исходя из своих нравственных установок, взглядов на жизнь и войну. Но можно согласиться с цинично-прагматичным высказыванием Дуэ:

«Ибо ребячеством было бы предаваться иллюзии: все ограничения, все международные соглашения, которые могут быть установлены в мирное время, будут сметены как сухие листья ветром войны. Тот, кто сражается не на жизнь, а на смерть, а в настоящее время иначе нельзя сражаться, имеет священное право пользоваться всеми средствами, какими он располагает, чтобы не погибнуть. Нельзя квалифицировать военные средства как цивилизованные или варварские. Варварской будет война, средства же, которые в ней применяются, можно различать одни от других лишь по их эффективности, по их мощи и по урону, который они могут нанести противнику. А поскольку на войне необходимо наносить противнику максимальный урон, всегда будут применяться средства, наиболее пригодные для этой цели, каковы бы они ни были.

Безумцем, если не отцеубийцей, можно было бы назвать того, кто примирился бы с поражением своей страны, лишь бы не нарушить формальных конвенций, ограничивающих не право убивать и разрушать, но способы разрушения и убийства. Ограничения, якобы применяемые к так называемым варварским и жестоким военным средствам, представляют собой лишь демагогическое лицемерие международного характера...»

Ниже в цитате следующего подзаголовка приведено мнение А. Фрайса и К. Веста, высказанное ими по аналогичному поводу в книге «Химическая война» (1924 г.): четко и жестко. Можно полагать, что любые военные конвенции документами, обязательными для исполнения, не являются и их никто и никогда в полной мере не выполнял и выполнять не будет. Тем более – в условиях борьбы не на жизнь, а на смерть! Эти конвенции лишь удобный инструмент информационно-пропагандистской войны, с помощью которого можно обвинять противную сторону в чем угодно и оправдывать любые свои действия.

В целом международное гуманитарное право вызывает весьма двойственные чувства. И трудно сказать, чего в нем больше: настоящего гуманизма или традиционного западного лицемерия и словоблудия.

Уже в самих дискуссиях о «гуманности» или «негуманности» отдельных средств массового убийства людей кроется какая-то психопатология. Странна сама идея деления оружия на гуманное и негуманное и все эти велеречивые рассуждения о том, каким способом убивать людей морально, а каким – нет. По нашему мнению, война и связанное с ней убийство людей сами по себе аморальны. И не важно, каким способом убивать – дубиной, ипритом или нейтронным излучением. Все равно это убийство. А конкретный способ убийства – это уже вопрос второстепенный, так сказать, технический...

Химическая война

Газы не могут быть изъяты из употребления. Что касается отказа от употребления ядовитых газов, то следует вспомнить, что ни одно могущественное боевое средство никогда не оставалось без применения, раз была доказана его сила, и оно продолжало существовать вплоть до открытия иного, более сильного.

А. Фрайс, К. Вест «Химическая война», 1924 г.

Человек, изобретающий ужасное оружие, делает для дела мира больше, чем тысячи кротких апостолов.

Т. Герцль «Каинов дым»

Первая мировая война явила миру множество новых средств уничтожения: впервые была широко применена авиация, на фронтах Великой войны появились первые стальные чудовища – танки, но наиболее страшным оружием стали все-таки ядовитые газы. Над развороченными снарядами полями сражений витал ужас перед газовой атакой. Мировая война породила новые термины – «химическая война» и «газовая война». Ее можно с полным основанием назвать «Войной газов». Нигде и никогда, ни до, ни после, боевые отравляющие вещества не использовались в таких огромных количествах, как в 1915–1918 годах: например, 12 тысяч тонн иприта, которым было поражено около 400 тысяч человек. Всего за годы Первой мировой было произведено 180 тысяч тонн боеприпасов различных типов, начиненных отравляющими веществами, из которых на поле боя было применено 125 тысяч тонн. Боевую проверку прошло свыше 40 типов ОВ. Общие потери от химического оружия оцениваются в 1,3 млн человек, из них до 100 тысяч со смертельным исходом.

В этой войне впервые в истории было применено первое оружие массового поражения. Инициатива в применении боевых химических веществ (БХВ) в широком масштабе принадлежит Германии. Как известно, уже в сентябрьских боях на реке Марне и на реке Эн обе воюющие стороны ощущали большие затруднения в снабжении своих армий снарядами. С переходом в октябре – ноябре к позиционной войне не

осталось никакой надежды, особенно для Германии, осилить укрытого мощными окопами противника с помощью обычных артиллерийских снарядов. БХВ же обладают мощным свойством поражения живого противника в местах, не доступных действию самых могучих снарядов. И Германия, обладая наиболее развитой химической промышленностью, первая стала на путь широкого применения БХВ.

Тотчас же после объявления войны Германия начала производить опыты в физико-химическом институте и институте имени Кайзера Вильгельма с окисью какодила и с фосгеном в целях возможности использования их в военном отношении. Затем в Берлине была открыта Военная газовая школа, в которой были сосредоточены многочисленные образцы материалов. Там помещалась особая инспекция. При военном министерстве была образована особая химическая инспекция А-10, специально занимавшаяся вопросами химической войны. Центром производства БХВ явился Леверкузен. Военная химическая школа имела 1500 человек технического и командного персонала и несколько тысяч рабочих в производстве. В ее лаборатории в Гюште постоянно работали 300 химиков. Заказы на отравляющие вещества были распределены между различными заводами.

Задолго до второй битвы на Ипре, с самого начала войны, британцы искали возможность применения химических веществ в боевых действиях. На начальном этапе войны они склонялись к несмертельному ОВ, способным вызвать слезотечение. В частности, химиками Imperial College в январе 1915 года было успешно продемонстрировано представителем армии слезоточивое действие этилидооацетата (ethyl iodoacetat). Неблагоприятное для британцев развитие войны заставило их искать более опасные химические соединения. Но никаких удачных идей у них не было, не было и людей, способных принимать решения в этой области.

Некоторыми исследователями было предложено в качестве удушающего ОВ использовать сульфурдиоксид (sulfur dioxide). Первый лорд-маршал Гораций Китченер (1850–1916 годы), возглавлявший тогда секретариат министерства обороны, предложил попытаться использовать сульфурдиоксид на флоте (но за всю войну не было ни одного удачного использования ОВ против кораблей).

Немцы были осведомлены об интересе Антанты к использованию химических средств поражения в войне. Технический уровень их химической промышленности, усиленный интеллектом профессоров университетов Берлина, позволил им выработать собственную стратегию наступательной химической войны. Поэтому правильнее было бы сказать, что Германии принадлежит не «инициатива», а «лидерство» в применении ОВ.

Первые опыты по применению БХВ в виде так называемого «снаряда № 2» (10,5-см шрапнель с заменой в ней черного пороха серноокислым дианизидом) были произведены германцами в октябре. 27 октября этот снаряд был применен на западноевропейском театре в атаке на Нев-Шапель в количестве 3000 штук. Хотя его раздражающее действие оказалось невелико, но, по германским данным, применение его облегчило взятие Нев-Шапеля. В дальнейшем он был снят с вооружения. В итоге на конец 1914 года приходится начало исследовательской деятельности в Германии по изысканию БХВ, главным образом артиллерийских огнеприпасов. Это были первые попытки снаряжения снарядов БХВ. Но в то время в производстве снарядов наступил кризис, кроме того, высшее командование сомневалось в возможности получения массового эффекта при изготовлении газовых снарядов. Тогда доктор Габер предложил применить газ в виде газового облака.

Первые попытки использования БХВ были проведены в таком незначительном масштабе и с таким незначительным эффектом, что никаких мер по линии противохимической защиты союзниками принято не было. В январе 1915 года германцы закончили разработку нового химического снаряда, известного под маркой «Т», 15-см артиллерийской гранаты с сильным бризантным действием и раздражающим химическим веществом (ксилилбромид), впоследствии замененным бромацетоном и бромэтилкетонном. В конце января германцы применили его на фронте в левобережной Польше в районе Болимова, но в химическом отношении безуспешно, вследствие низкой температуры и недостаточного массирования стрельбы.

В январе же французы отправляют на фронт свои химические 26-мм ружейные гранаты, но оставляют их пока без применения, так как войска еще не были обучены и не было еще средств защиты. В феврале 1915 года германцы производят удачную огнеметную атаку под Верденом. В марте французы впервые применяют химические 26-мм ружейные гранаты (этилбромацетон) и подобные им химические ручные гранаты, и те и другие без каких-либо заметных результатов, что являлось вполне естественным для начала.

2 марта в Дарданелльской операции была удачно применена английским флотом дымовая завеса, под защитой которой английские тральщики спаслись от огня береговой турецкой артиллерии, начавшей их расстреливать во время работы по вылавливанию мин в самом проливе.

В апреле же у Ньюпора во Фландрии германцы впервые испытали действие своих

гранат «Т», содержащих смесь бромистого бензила и ксила, а также бромированные кетоны.

Весной 1915 года в Ипре было испытано секретное оружие Габера. Облако удушающих отравляющих веществ уничтожило две французские дивизии и произвело опустошение среди англичан и канадцев. Затем направление ветра изменилось. Газовое облако надвинулось на немецкие войска. В результате погибли сотни немцев.

Союзники, со своей стороны, открыли другие газы. Началась газовая война.

Газобаллонная атака. Дебют нового оружия

Сражение у г. Ипра, начавшееся 22 апреля 1915 года, имело своим основанием исключительное желание с германской стороны испытать на фронте новое оружие – газ. Когда к концу января 1915 года необходимые приготовления в Германии были закончены и были завершены практические испытания на фронте, главное командование избрало для целей атаки участок XV корпуса, который занимал позицию против юго-западной части Ипрского выступа (канал Комик у дороги в Менин). В результате метеорологических наблюдений главное командование убедилось, что новое оружие лучше всего испытать в период приближающегося господства южных ветров; поэтому опыт был сделан на участке фронта, повернутом на север, чему соответствовало расположение фронта.

В ответе Главного командования XV корпусу, который потребовал большого количества боевых припасов для использования и закрепления возможного успеха, если таковой будет достигнут при опыте, было указано, что всякая мысль о широкой операции около Ипра совершенно не отвечает намерениям Главного командования. В просьбе XV корпусу было отказано, причем было указано, что корпус должен произвести исключительно испытание нового вида оружия. В случае, если испытание даст успех, необходимые боевые средства будут назначаться по мере того, как этого потребует обстановка.

Газовая атака была организована, принимая единственно во внимание время, намеченное для частной ограниченной атаки соседнего резервного корпуса, который перед этим намеревался улучшить свое положение ударом на линии Заннебек – Графенштафель.

Закапывание впервые испытываемых газовых цилиндров на секторе фронта было закончено в середине февраля. Сектор был позже несколько увеличен в ширине, так что к 10 марта весь фронт XV корпуса был подготовлен для газовой атаки. Время атаки, однако, постоянно откладывалось, так как необходимые южный и юго-западный ветры не дули. В течение этого периода газовые цилиндры, хотя и закопанные, были повреждены случайными попаданиями артиллерийских снарядов.

25 марта командующий 4-й армией решил перенести приготовления к газовой атаке на выступе Ипра на второй план и избрать новый сектор – Пелькаппеле – Штеенштрат. Местность к северо-востоку и к востоку от Ипра очень открытая и проходимость для всех родов войск. От возвышенности Ипра, по гребню которой находился Пашендайл местность постепенно падала к Ипрскому каналу.

Немцы на участке фронта в 8 км применили новое оружие – отравляющие газы. На фронте атаки были установлены газобаллонные батареи, но 20 газобаллонов в каждой, для наполнения которых потребовалось 180 т хлора. Всего потребовалось 6000 баллонов, из которых половина коммерческого образца была реквизирована. В добавление к ним было приготовлено 24 000 новых баллонов половинного объема. Из общего количества заготовленных 22 апреля баллонов было использовано 30 %. Действия на флангах усиливались стрельбой химическими снарядами. Выход газовой волны продолжался 5 минут. Закапывание баллонов было закончено 11 апреля, но пришлось ждать благоприятного ветра. Вечером 17 апреля англичане при помощи взрыва мины захватили холм 60 в секторе XVI корпуса. Опасения, что некоторые газовые цилиндры, закопанные в холме 60, попадут в руки противника, оказались неосновательными.

Оперативный приказ по корпусу говорил: «Цель – захват возвышенности, указанной у дороги Безинг – Пилькем – Лангемарк – Пелькаппеле. Как только цель будет достигнута, войска должны сразу окопаться, организовав взаимную фланкировку важнейших пунктов». При этом не было выработано никакой специальной тактики нового рода оружия, не вышло никаких норм, никаких тактических указаний. Действие газов считалось настолько сокрушительным, что согласно приказу пехота должна была следовать за газовым облаком с примкнутыми штыками и незаряженными ружьями!

Атака была, наконец, выполнена 22 апреля в 17 ч (по англ. времени). Согласно указаниям перед атакой, пехота была двинута вперед через 15 минут после выпуска газа. Атака встретила значительные затруднения у Штеенштрат. Здесь по невыясненным причинам вытекший из цилиндров газ не рассеялся. Результатом дня 22 апреля для атакующих явились продвижение и вклинение их в расположение союзников

к югу.

Схема первой газобаллонной атаки немцев под Ипром 22 апреля 1915 г.

Итак, 22 апреля 1915 года в 17 часов германские войска начали первую в мировой истории войн химическую атаку, применив новое и страшное оружие – отравляющий газ. Первое сведение о готовящейся газовой атаке поступило в британскую армию благодаря показанию одного немецкого дезертира. Он утверждал, что германское командование намеревается отравить своего врага облаком газа и что цилиндры с газом уже установлены в траншеях. Никто не обратил внимания на его рассказ потому, что вся эта операция казалась совершенно невозможной. Этот рассказ появился в сводке разведок Главного штаба и был причислен к сведениям, не заслуживающим доверия. Но показание дезертира оказалось правдивым, и утром 22 апреля, при идеальных условиях, был впервые применен «газовый способ войны». Подробности первой газовой атаки почти отсутствуют по той простой причине, что люди, которые могли бы рассказать о ней, лежат все на полях Фландрии.

В тот день германцы, дождавшись благоприятного направления ветра, выпустили хлор сразу из 5700 баллонов. Со стороны немецких позиций севернее бельгийского города Ипра на фронте 6–8 км между пунктами Бакштуте и Лангенмарк появился серо-зеленый туман, в течение 5–8 минут 168 тонн хлора густыми облаками накрыли опорные пункты французских войск – алжирские части французской армии. В дальнейшем бесцветная жидкость, представляющая собой протоплазматический яд, поражающий глаза, кожу, верхние дыхательные пути и легкие, получил название иприт в честь того места, где он впервые был испытан на людях в качестве экспериментального оружия. Алжирцы в панике бежали, многие скончались от удушья.

Французы от перебежчиков знали о странных цилиндрах еще в конце марта. 13 апреля немецкий дезертир рассказал о «контейнерах, содержащих удушающий газ, в батареях по двадцать цилиндров на каждые 40 м фронта». 22 апреля 1915 года в пять часов вечера тяжелые снаряды обрушились на бельгийский город Ипр и окружающие деревни. «В траншеях к северу от Ипра возникли два особенных призрака зелено-желтого дыма, движущегося вперед вплоть до превращения в бело-голубой туман. Этот дым повис над участком фронта, охраняемым двумя французскими дивизиями, одной алжирской, одной – территориальных войск, которые присоединились к англичанам... Вскоре пораженные офицеры за британской линией фронта увидели человеческий поток. Африканцы, ближайшие к англичанам, кашляли и указывали на свои глотки... Французские орудия еще стреляли, но в семь часов вечера они замолчали». Немцы продвинулись вперед примерно на 3 км. «Сотни людей, – пишет британский главнокомандующий сэр Джон Френч военному министру Китченеру, – впали в коматозное состояние, часть из них умирает». Наступающие немцы применили грубые респираторы, оказавшиеся эффективными. Но они сами не ожидали шокирующего эффекта от применения отравляющих газов. Германское верховное командование не верило в его эффективность. «Фалькенгайн пытался лишь испытать воздействие газа для подготовки использования этого средства против русских». Отсутствие необходимых резервов не позволило немцам развить успех.

Выбранный для атаки пункт находился в северо-восточной части Ипрского выступа, на том месте, где сходились французский и английский фронты, направляясь к югу, и откуда отходили траншеи от канала близ Безинге. Правый фланг французов составлял полк туркозов, на левом фланге англичан стояли канадцы. Аульд описывает атаку в следующих словах: «Попытайтесь вообразить себе ощущения и положение цветных войск, когда они увидели, что огромное облако зеленовато-желтого газа поднимается из-под земли и медленно двигается по ветру по направлению к ним, что газ стелется по земле, заполняя каждую ямку, каждое углубление и затопляет траншеи и воронки. Сначала удивление, потом ужас и, наконец, паника охватили войска, когда первые облака дыма окутали всю местность и заставили людей, задыхаясь, биться в агонии. Те, кто мог двигаться, бежали, пытаясь, большей частью напрасно, обогнать облако хлора, которое неумолимо преследовало их».

Естественно, что первое чувство, которое внушил газовый способ войны, был ужас. Потрясающее описание впечатления от газовой атаки мы находим в статье О. С. Уоткинса:

«После бомбардировки города Ипра, продолжавшейся от 20 до 22 апреля, среди этого хаоса вдруг появился ядовитый газ. Когда мы вышли на свежий воздух, чтобы отдохнуть несколько минут от душной атмосферы окопов, наше внимание было привлечено очень сильной стрельбой на севере, где фронт занимали французы. Очевидно, шел горячий бой, и мы энергично принялись исследовать местность нашими

полевыми биноклями, надеясь уловить что-нибудь новое в ходе сражения. Тогда мы увидели зрелище, заставившее остановиться наши сердца, – фигуры людей, бегущих в смятении через поля.

«Французов прорвали!» – вскричали мы. Мы не верили своим глазам... Мы не могли верить тому, что услышали от беглецов: мы приписывали их слова расстроенному воображению: зеленовато-серое облако, спускаясь на них, становилось желтым по мере своего распространения и опаляло на своем пути все, до чего касалось, заставляя растения гибнуть. Никакой самый мужественный человек не мог устоять перед подобной опасностью.

Среди нас, шатаясь, появились французские солдаты, ослепленные, кашляющие, тяжело дышащие, с лицами темно-багрового цвета, безмолвные от страданий, а позади их в отравленных газом траншеях остались, как мы узнали, сотни их умирающих товарищей. Невозможное оказалось только справедливым.

Это самое злодейское, самое преступное деяние, которое я когда-либо видел».

В официальном же описании этой атаки по английским источникам действия оборонявшихся выступ у Ипра англо-французских войск представляются в следующем виде. 22 апреля была прекрасная утренняя заря. Воздушная разведка заметила утром значительное оживление позади германских линий и некоторую деятельность в роше Гутгулет. Утром здесь был значительный артиллерийский обстрел Ипра 17- и 8-дм гаубицами и легкими орудиями, а к полудню – дорог, ведущих в город, но этот обстрел постепенно затих, и все вокруг стало спокойно.

Внезапно в 17 ч началась новая ужасная бомбардировка Ипра тяжелыми гаубицами. Деревни на фронте Ипра, в общем, до сих пор нетронутые, были также сильно обстреляны. Одновременно французские полевые орудия к северо-востоку от Ипра открыли несколько ускоренный огонь, хотя германская полевая артиллерия молчала (германская полевая артиллерия молчала от 17 ч до 17 ч 10 м согласно распоряжению не рассеивать газового облака, а потом открыть шрапнельный огонь. Пехота начала наступать в 17 ч 30 м и к 18 ч 15 м батареи начали бить по французским орудиям).

Сначала некоторые офицеры, слышавшие стрельбу, подумали, что недавно прибывшая Алжирская дивизия «расстреляла сама себя», но те, кто был на удобных для наблюдения пунктах, видели два любопытных зеленовато-желтых облака на земле, по другую сторону Лангемарка на фронте германских линий. Распространяясь в сторону, эти газовые облака поднялись кверху и, продвигаемые вперед легким ветром, становились голубовато-белым туманом, таким, какой можно видеть над мокрым лугом в морозную ночь. Позади тумана противник, под гром своего ураганного огня, продвигался вперед. Вскоре, раньше чем сообщение достигло штаба V корпуса, в замке Гольдфиш (2 км к западу от ж/д станции Ипр), был замечен особенный запах газа, вызывавшего жжение глаз и раздражение носа и горла.

Прошло, однако, некоторое время, прежде чем было установлено, что желтое облако было газом, о котором уже раньше было получено предупреждение. Почти одновременно французские цветные войска без офицеров начали устремляться назад по тыловым дорогам V корпуса. Вскоре затем было замечено, что французские территориальные войска переходили в беспорядке мосты через канал к северу от Ипра. Невозможно было понять, что видели африканцы, но по силе их кашля и острому раздражению горла было ясно, что они сильно страдали; деморализация была полная.

Запряжки и повозки французской полевой артиллерии, отступавшие в тыл, и толпы беглецов становились все гуще и беспорядочнее. Некоторые отдельные люди бежали до Вламертинга и дальше. Хотя огонь 75-мм пушек велся правильно, было очевидно, что случилось что-то очень серьезное, и это тем более обратило на себя внимание, когда около 19 ч огонь французских орудий внезапно прекратился.

Непосредственно за появлением облака последовала атака. Почти все алжирские и территориальные солдаты бежали, но правый фланг батальона 1-го стрелкового полка, непосредственно влево от канадцев, не пострадавший от газов, удержался на позиции так же, как и батальон 2-го полка зуавов, бывший в поддержке.

Катастрофическое положение на участке французских войск было скоро снова подтверждено двумя телефонными донесениями командующего французскими войсками генерала Путца, в которых он говорил: 1) что он узнал из донесений авиации о двух одновременных атаках на его войска, при которых был применен удушливый газ, и 2) что правый фланг французов был у Пилькема. Это привело к образованию прорыва около 3 км ширины между французами и канадцами. По донесению 3-й канадской бригады в канадскую дивизию от 19 ч 30 м, «оружейный огонь ослаблен и противник окопался». Офицер для связи сообщил, что на поле боя; исключая отдельные выстрелы, было тихо и спокойно. Некоторые английские офицеры высказывали мнение, что, после того, как германцы остановились, многие из них бежали от действия своего собственного газа. Это отчасти подтверждает в своей книге Шварте: «продвижение через местность, пораженную газом, протекало не без

препятствий». Пленные германцы, взятые в течение следующих дней, подтверждали, что они не имели ни масок, ни каких бы то ни было других защитных приспособлений и что газ причинял острую боль их глазам. Они утверждали также, что войска боялись продвигаться из опасения пострадать от плохого действия противогазов.

Эффект от химической атаки был потрясающим. Количество пострадавших было катастрофическим: около 5000 убитых и до 10 000 раненых. Именно это химическое нападение принято считать началом химической войны XX века. Но немцы провели лишь эксперимент и поэтому не были готовы к полномасштабным военным действиям. Вот почему и не попытались развить неожиданно достигнутый успех. В противном случае могла бы произойти страшная трагедия, и фронт бы полностью оголился, но подошедшие на помощь канадцы проявили необычайную находчивость: они начали мочиться в носовые платки и использовать их в качестве примитивных противогазов. Бои под Ипром в 1915 году продолжались около четырех недель, и лишь в самом конце этого периода начали поступать настоящие противогазы.

Действие нового оружия войны было явно недооценено. Для немцев такой блестящий результат оказался не менее неожиданным, чем для противника. Их генералы относились к затее «очкастого доктора», как к интересному опыту и потому толком не подготовились к широкомасштабному наступлению. И когда фронт оказался фактически проломленным – единственным подразделением, хлынувшим в образовавшуюся брешь, был пехотный батальон, который не мог, конечно, решить судьбу французской обороны. Происшествие наделало много шума, и уже к вечеру мир знал, что на поле боя вышел новый участник, способный конкурировать с «его величеством-пулеметом». На фронт бросились химики, а к следующему утру стало ясно, что впервые для военных целей немцы применили облако удушливого газа – хлора. Вдруг обнаружилось, что любая страна, обладающая даже зачатками химической промышленности, может получить в свои руки мощнейшее оружие. Утешало лишь то, что спастись от хлора несложно. Достаточно прикрыть органы дыхания повязкой, смоченной раствором соды или гипосульфита, и хлор не так страшен. Если же этих веществ нет под руками – достаточно дышать через мокрую тряпку. Вода значительно ослабляет действие хлора, растворяющегося в ней. Многие химические заведения кинулись разрабатывать конструкцию противогазов, но немцы спешили повторить газобаллонную атаку, пока у союзников не появились надежные средства защиты.

24 апреля, собрав резервы для развития наступления, германцы предприняли удар на соседнем участке фронта, который обороняли канадцы. Но канадские войска были предупреждены о «желтом тумане» и потому, заведя желто-зеленое облако, подготовились к действию газов. Свои шарфы, чулки и одеяла они мочили в лужах и прикладывали к лицу, закрывая рот, нос и глаза от едкой атмосферы. Некоторые из них, конечно, задохнулись насмерть, другие надолго были отравлены или ослеплены, но никто не тронулся с места. А когда туман уполз в тыл, и следом двинулась немецкая пехота, заговорили канадские пулеметы и винтовки, продельвая в рядах наступающих, не ожидавших сопротивления, громадные бреши.

Сражение у Ипра, начавшееся газобаллонной атакой 22 апреля и продолжавшееся до середины мая, имело своим результатом последовательное очищение союзниками значительной части территории Ипрского выступа. При этом союзники понесли значительные потери, среди которых одних отравленных газом было до 15 000, из коих умерло 5000. Но только этими тактическими достижениями германцев успех их и ограничился. Такая скромная эксплуатация удачного применения, не имевшего еще места в практике боевых действий химического оружия, объясняется неуверенностью еще в нем германского командования, не подкрепившего свое наступление сколько-нибудь значительными резервами. Первый эшелон германской пехоты, осторожно следовавшей за облаком хлора в значительном отдалении от него, опоздал для развития успеха, дав возможность англичанам своими резервами закрыть образовавшуюся брешь. Тактическая неожиданность при сосредоточении мощных резервов германцами могла обратиться для союзников в оперативную.

Несмотря на то что день 22 апреля 1915 года считается днем «премьеры» отравляющих веществ, отдельные факты его применения, как уже отмечалось выше, имели место и ранее. Так, еще в ноябре 1914 года немцы выпустили по французам несколько артиллерийских снарядов, снаряженных раздражающими отравляющими веществами), но их применение осталось незамеченным. В январе 1915 года в Польше немцы применили против русских войск какой-то слезоточивый газ, но масштабы его применения были ограниченными, а эффект – сглаженным вследствие ветра.

Эксперимент с новым отравляющим веществом – жидкостью иприт – удалось провести лишь летом 1917 года. Город Армантьер немцы буквально затопили ипритом, который растекся по улицам. И хотя город сдался без единого выстрела, германские войска смогли войти в него только через две недели...

Очень скоро с массированным применением нового оружия столкнулись и русские войска. 31 мая того же года в Польше (у Воли Шидловской, в районе Болимова)

германские войска выпустили на позиции двух русских дивизий более 260 тонн хлора и фосгена. И здесь погибло более тысячи человек и еще около 8 тысяч пострадало.

Обе эти атаки впервые в мировой войне с полной убедительностью показали всем участникам этой войны:

- 1) какой действительной мощью обладает новое оружие – химическое;
- 2) какие широкие возможности (тактические и оперативные) заложены в нем;
- 3) какое исключительно важное значение имеют для успешности его применения тщательная специальная подготовка и обучение войск и соблюдение особой химической дисциплины;
- 4) какое значение имеют средства противохимической обороны (ПХО).

Именно после этих атак командование обеих воюющих сторон занялось практическим разрешением вопроса боевого использования химического оружия в соответствующем масштабе и приступило к организации химической службы в армии. Лишь после этих атак перед обеими воюющими странами стал во всей остроте и широте вопрос о противогазах, который осложнялся отсутствием опыта в этой области и разнообразием БХВ, которые стали применять обе стороны в течение всей войны. Именно после этих атак началась «война газа с противогазом».

Химическая война требует высокой подготовки армии. Между тем германцы в начале 1915 года имели примитивную защиту от газов в виде подушечек из очесов, пропитанных гипосульфитным раствором. В соревновании газа с противогазом последним также был достигнут значительный успех. В начале этого года французы ввели на снабжение армии новый усовершенствованный противогаз «Маска М-2», защищавший от хлора, фосгена и дифосгена, и одновременно был принят на снабжение громоздкий коробчатый респиратор Тиссо. В 1916 году германский противогаз получил трехслойный патрон, поглощавший фосген. В России, помимо усовершенствованной влажной маски, вошел в употребление коробчатый противогаз Зелинского – Кумманта и несколько худший противогаз Горного института.

1916 год ознаменовался введением нового вида химического оружия – артиллерийских химических снарядов (французский – фосгеновый и германский – ди-фосгеновый – «зеленый крест»). Однако стрельба снарядами этого вида в 1916 году проводилась скорее в порядке опыта.

В 1916 году огромное развитие получил газобаллонный способ химического нападения, причем применять этот способ кроме германцев стали англичане и французы (менее удачно) и русские (еще менее удачно). Типичным газом атаки сделался хлор в смеси с фосгеном. Пытались также применять еще хлор с хлорпикрином. Первая газобаллонная атака со стороны русских войск была произведена 5–6 сентября 1916 года в районе Сморгони.

В связи с развитием газобаллонных атак в 1916 году получила начало своего развития и дымовая завеса, ставшая обычным спутником не только газобаллонных атак, но и всякой атаки пехоты, прикрытием которой и должна служить дымовая завеса.

В конце 1916 года появилось новое химическое оружие – «газометы», примененные англичанами.

Если в начале 1917 года первый и главный вид химического нападения – газобаллонный – достиг вершины своего развития, то вторая половина 1917 года характеризуется ослаблением этого вида химического нападения в силу, во-первых, повышения уровня химического обучения и, во-вторых, в результате появления более мощной и удобной его замены – газометанием и химической артиллерийской стрельбой. Чрезвычайно большая затрата сил на организацию газобаллонного нападения, возможность которой стояла в зависимости от такого капризного фактора, как метеорологические условия, значительная угроза потерь среди своих войск и главным образом отсутствие тактической гибкости и управляемости – вот причины, которые привели в конце 1917 года к полному отказу от применения газобаллонных атак. Нельзя еще раз не отметить, что это могучее вначале, благодаря неожиданности и отсутствию защиты, средство борьбы ни разу не вышло из тактической области, ни разу не сделалось фактором оперативного прорыва при полной к тому возможности. В 1917 году так же, как и в 1916 году, газобаллонные атаки служили средством для истощения противника и нанесения ему потерь. Но такие цели разумно было ставить как преддверие большой решающей операции; однако история не дает примеров этого. Таким образом, можно с полной уверенностью сказать, что газобаллонная атака, вернее ее могущество, как фактор прорыва, ни одной из воюющих сторон использована не была.

В 1917 году центр тяжести в области применения химического оружия переносится на артиллерийские химические снаряды. С одной стороны, технике дают больше силы новые поражающие химические вещества (иприт, арсины), с другой – вырабатываются уже как технические, так и тактические основания для применения химических артиллерийских снарядов в условиях боевой обстановки. По словам Брухмюллера, «не было ни одного случая стрельбы с цветным крестом, чтобы неприятельская

артиллерия, стоявшая на совершенно закрытых позициях, не была приведена к молчанию».

В 1917 году на фронте появляется новое средство химического нападения, тактически более подвижное, нежели баллонная атака, – газометы. Их предшественниками были минометы, из которых в 1915–1916 годах производили стрельбу химическими минами. Массовость применения, основанная на теоретических и практических опытах, придала новому виду химической борьбы – стрельбе химическими снарядами и газометанию – оперативное значение.

В июле 1917 года были впервые введены в употребление германцами арсины, раздражающие «чихательные» твердые вещества, применявшиеся в виде ядовитых дымов для пробивания противогазов. Наиболее типичным представителем этой группы БХВ являются твердые химические вещества: дифенилхлорарсин, дифенилцианарсин и адамсит. Снаряды с арсинами получили название «синий крест», они были впервые употреблены германцами в ночь с 10 на 11 июля против англичан близ Ньюпора во Фландрии.

В ночь на 13 июля 1917 года под Ипром для обстрела английских и, частично, французских окопов германцы вводят новое могучее БХВ – дихлордиэтилсульфид, названное английскими солдатами по запаху, напоминающему горчицу, «горчичный газ», а французами – по месту первого своего применения под Ипром – «ипритом». Артиллерийские снаряды, начиненные ипритом, были названы немцами «желтый крест».

В области усовершенствования защитных средств 1917 год оказался бессильным перед ипритом и арсинами, поставив проблему изыскания средств для защиты всего тела бойца. Одной и главной целью конференции, созывавшейся 16 сентября 1917 года в Париже с участием представителей от США, Англии, Бельгии, Италии и Франции, была выработка мероприятий по защите от иприта.

Германцы в трехслойный патрон своего противогаса в 1917 году ввели изменения с целью усиления защитной мощности по хлорпикрину, получив так называемый патрон 11-С-11. Также введен был в употребление германский кожаный противогаз. В том же году немцы первые ввели конские противогазы. Французы, англичане и американцы также создали конские противогазы. 8 апреля 1917 года малый английский коробчатый респиратор получил добавочный патрон, защищавший от газов кислотного характера и фосгена; наличие ваты защищало от дымообразующих хлористых соединений. В апреле же во Франции был введен в употребление противогаз Тиссо малого образца. В ноябре французы начали вводить на снабжение свой новый противогаз А.Р.С., мало отличавшийся по конструкции от германского.

В ноябре же американцы приступили к изготовлению противогаса (так называемой «маски Конеля»), сконструированного на основе английского коробчатого противогаса. Первые 1000 противогазов этого типа войска получили лишь в мае 1918 года.

1918 год является годом завоевания химическим оружием положения, равного другим родам оружия. Влияние химических средств, метаемых в неприятеля, не только из баллонов, но также из минометов, газометов и в виде артиллерийских снарядов, получило такое значение, что 26,4 % потерь американской армии были причинены химическими средствами. Из различных же видов химического оружия главным и преобладающим в 1918 году становится артиллерийский снаряд. Так, в течение 1918 года более 90 % израсходованных германской армией ОВ было использовано в артиллерийских снарядах.

Главнейшими способами химического нападения становится поражение противника парами и каплями иприта, заражение местности и пробивание противогазов при помощи арсинов. Помощниками артиллерии являются химические минометы. Артиллерийская химическая борьба становится обязательным фактором каждой большой операции, как германцев, так и союзников.

В феврале Франция перешла к коробчатым противогазам со специальными фильтрами против «синего креста», недостаточно оправдавшими, однако, возложенные на них надежды.

К 1918 году противогаз настолько был усовершенствован и заслужил доверие войск, что стал необходимым предметом боевого снаряжения бойца. По словам Фрайса, это заключение прекрасно иллюстрируется описанием предметов снаряжения, брошенного 10 000 отступавших солдат британской армии и подобранного во время большого германского наступления на Амьен в марте 1918 года: из них более 6000 побросали свои ружья; в несколько меньшем числе были оставлены шлемы, но противогаз бросили только 800 из 10 000 человек. Противогаз не является особо удобоносимым аппаратом, и английский тип его не представлял в этом отношении исключения; но солдат знал, что в случае газовой атаки у него не остается никаких шансов на спасение, если он потеряет свою маску. Вследствие этого он сохранял ее в то время, как побросал почти все остальное, что у него было. Боец осознал, что «не страшен газ – коли есть противогаз».

Только в одной американской армии от ОВ было из строя 70 752 человека, что составляет 29,3 % всех потерь, понесенных американцами во время войны 1914–1918 годов. Общие потери всех армий от ОВ достигали 1 009 088 человек.

Следует, однако, отметить, что первые огромные потери были вызваны отсутствием защиты против газа. На самом деле газовый способ войны далеко не является настолько страшным, если обе стороны подготовлены к защите и нападению. Медицинские отчеты показывают, что из 100 американцев, отравленных газами, умирало не более двух и, насколько можно судить по опыту четырех лет, очень мало лиц получило неизлечимые повреждения. Из всех американцев, пострадавших на войне от огнестрельного оружия, более 25 % умерло и от 2 до 5 % было искалечено, ослеплено, изуродовано на всю жизнь. Различные виды газов, как будет показано в следующих главах, действуют на зрение или отравляют легкие только тому, кто не носит масок, но они не убивают.

Таким образом, заключает неожиданно Фрайс, газовая борьба не только не является самой ужасной, но скорее должна считаться наиболее гуманным способом при условии соответственной подготовки обеих сторон.

За время европейской войны отмечено около 60 разных химических веществ и элементов в разнообразных соединениях, умерщвлявших человека или делавших его совершенно неспособным к продолжению боя. Среди применявшихся на войне газов следует отметить газы раздражающие, то есть вызывающие слезотечение и чихание, против которых были недействительны принятые в войсках противогазовые маски; затем газы удушливые, отравляющие и отравляюще-обжигающие, которые, проникая через обувь и одежду, вызывали ожоги на теле, подобные ожогам от керосина.

Обстрелянная и пропитанная этими газами площадь не теряла своих обжигающих свойств в течение целых недель, и горе человеку, попадавшему на такое место: он выходил оттуда пораженный ожогами, и его одежда до того пропитывалась этим страшным газом, что одно только прикосновение к нему поражало дотронувшегося человека частицами выделяемого газа и вызывало такие же ожоги. Обладающий такими свойствами так называемый горчичный газ (иприт) немцы прозвали «царем газов».

Количество химических снарядов, изготовленных во время войны во Франции за последние месяцы войны:

75-мм снарядов – 12 829 480

Снарядов других калибров – 4 044 459

Ручных гранат – 1 140 000

К моменту перемирия Франция продолжала изготовление химических снарядов.

Что касается изготовления химических снарядов в Германии, то известно, что 22 июня 1916 года немцы выпустили не менее 100 000 химических снарядов и столько же 11 июля того же года. В 1917 году, готовя оборону против французского наступления 20 августа, немцы применяли химические снаряды, начиненные «ипритом»; при этом на фронте шириной в 30 км и глубиной в 4 км было выпущено 300 тысяч снарядов.

Что же касается подготовки специальных химических войск, то к этому времени германцы увеличили количество газовых батальонов до 4, которые, сведенные в 2 полка, были переброшены на русский фронт под Болимов.

Первая газобаллонная атака на Восточном фронте в районе Болимова у Воли Шидловской

Объектом для первого газобаллонного нападения на Восточноевропейском театре были избраны части 2-й русской армии, которая своей упорной обороной преградила в декабре 1914 года путь к Варшаве настойчиво наступавшей 9-й армии генерала Макензена. В тактическом отношении так называемый Болимовский сектор, в котором была произведена атака, представлял выгоды для атакующих, выводя на кратчайшие шоссейные пути к Варшаве и не требуя форсирования р. Равки, так как германцы еще в январе 1915 года укрепились на восточном ее берегу. Выгода технического характера заключалась в почти полном отсутствии лесов в расположении русских войск, что и позволило сделать газ достаточно дальнобойным. Однако, оценивая указанные преимущества германцев, русские имели здесь достаточно плотную оборону.

В период 17–21 мая германцы установили в передовых окопах от Закржев до дома лесника на протяжении 12 км газовые батареи, по 10–12 баллонов, наполненных сжиженным хлором каждая – всего 12 000 газобаллонов. На участок протяжением в 240 м приходилось до 10 таких батарей (длина баллона 1 м, диаметр 15 см). Германцы в течение 10 суток выжидали благоприятных метеорологических условий. За это время среди немецких солдат велась пропаганда, что огонь русских будет полностью парализован газами, что газ не смертелен, а лишь вызывает временную потерю сознания. Однако, по словам одного из перебежчиков, пропаганда среди солдат, не веривших этому и даже отрицательно относившихся к самому факту

применения газов, успеха не имела. Этот случай еще раз подтверждает важность при использовании БХВ высокой подготовки армии вообще.

Пехотинцы в противогазах ждут газовой атаки

Показания перебежчиков о подготовке химической атаки остались без внимания и не были доведены до войск, а наблюдения за окопами германцев ничего существенного обнаружить не могли. Возможность применения БХВ противником требует особой бдительности и полной готовности к отражению нападения. 31 мая в 3 ч 20 мин после короткого обстрела из 105-мм орудий участка 55-й пехотной дивизии германцы выпустили хлор, открыв одновременно ураганный пулеметный и ружейный огонь по передовым русским окопам и сильный артиллерийский огонь по участку 14-й Сибирской стрелковой дивизии. Полная неожиданность и неподготовленность со стороны русских войск привели к тому, что солдаты проявили больше удивления и любопытства к появлению облака газа, нежели тревоги. Приняв облако газа за маскировку атаки, русские войска усилили передовые окопы и подтянули частные поддержки. Вскоре окопы, представлявшие здесь лабиринт сплошных линий, оказались местами, заполненными трупами и умирающими людьми. К 4 ч 30 мин хлор достиг меридиана Орышева, образовав в низинах газовые болота и погубив на пути всходы яровых и клевера.

Около 4 часов германцы при поддержке артиллерийского химического огня перешли в наступление и около 4 ч 30 мин атаковали на фронте Закржев, Суха и Волю Шиддовскую. Несмотря на вывод из строя 75 % состава людей в 1-й оборонительной полосе атака германцев к 5 часам была отбита сильным и метким ружейным и пулеметным огнем оставшихся в строю бойцов русских полков. Одновременно с ружейным и пулеметным огнем был открыт артогонь, как по атакующим, так и по их батареям. В 4 ч 45 мин комкор разрешил комдиву выдвинуть на усиление дивизии батальон из Камионка.

Одновременно с наступлением на участке 14-й Сибирской стрелковой дивизии германцы повели наступление на крайнем правом фланге 218-го пехотного полка несколько южнее дома лесника, что к западу от Нова Весь. Однако и здесь, несмотря на большие потери русских от БХВ, наступление было отбито, и германцы отошли в исходное положение с большими потерями. Огонь германцев стал стихать, и к 14 ч велась лишь редкая артиллерийская стрельба. После пятой атаки продолжалась лишь редкая ружейная перестрелка. Кроме того, германцы вели редкий артиллерийский огонь до 17 ч 15 мин. Потери, понесенные русскими в связи с газобаллонной атакой германцев 31 мая, исчисляются в 9146 чел., из них отравленных 9038 чел. и 1183 умерших от газов.

Несмотря на то что со времени первой германской газобаллонной атаки у Ипра прошло более месяца, русские войска в описанном эпизоде у Воли Шидловской оказались не только неподготовленными, но даже не имевшими представления о химическом нападении. Между тем командованию результаты атаки у Ипра известны были, и командование озабочилось даже заказать противогазы в Москве (по иронии судьбы, они были доставлены в дивизию 31 мая вечером, уже после атаки). Анализируя действия нападающей стороны, нельзя не прийти к тому же выводу, как и при разборе атаки у Ипра. Какие цели ставило себе германское командование? Проводя такую огромную работу по организации атаки (установка баллонов на линии длиной в 12 км), германцы и здесь, как у Ипра, не обеспечили развития атаки до размеров прорыва оперативного масштаба сосредоточением мощных резервов. Упорство германских атак было сломлено упорным сопротивлением русских войск, успевших закрыть начавший образовываться прорыв. Тактический успех германцев выразился в нанесении русским войскам потерь. По-видимому, и здесь германское командование все еще продолжало производить опыты в области организации газобаллонных атак.

Первые газобаллонные атаки германцев на французском и русском театрах войны дают возможность сделать следующие выводы.

1. При том отношении к новинкам, которыми обычно так бывает богата война, в данном случае к БХВ в виде газового облака, которое вызвало и во французских и в царских войсках больше удивления и любопытства, нежели боевой настороженности, – войска будут всегда нести тяжелые потери.

2. Недопустимыми являются легкомыслие, беспечность, инертность командования армий Антанты, и в первую очередь царской, в вопросах обеспечения войск защитными средствами.

Если ничем не оправдываемым является невнимание англо-французского командования к своевременно полученным сведениям о готовящихся приготовлениях германцев к газовой атаке, то особо преступным является халатность царского командования, имевшего более месяца времени после англо-французского кровавого опыта у Ипра и

все-таки не принявшего мер противохимической обороны (ПХО).

В обоих описанных случаях подчеркивается особенное значение в условиях химической войны наличия резервов. При этом действия русских резервов в отражении германских атак в особо тяжелых условиях являются положительным примером.

3. Если тщательность подготовки всякого боя в отношении точности расчетов и всестороннего обеспечения его является вообще обязательным для начальника и командира, то в отношении химического боя эти обязанности приобретают исключительное значение.

4. Во всех этих операциях с применением германскими войсками БХВ необходимо отметить необычайный для них разлад и нечеткость в организации и управлении самим боем, что сводило эти операции лишь к тактическим результатам.

Объяснением тому может служить, во-первых, новизна боевого средства, получившего лишь первые боевые испытания, и, во-вторых, что самое главное, слабость и несовершенство средств ПХО.

В 1917 году в нашей стране было издано «Наставление по газовой борьбе и сведения о противогазах и прочих средствах и мерах против удушливых и ядовитых газов». В нем, в числе прочего, говорилось:

«Помни, что Царю и Родине не нужна напрасная твоя гибель, а если тебе и пришлось бы принести себя въ жертву на алтарь Отечеству, то такая жертва должна быть вполне осмысленной и разумной; поэтому береги свою жизнь и здоровье от предательского «КАИНОВА ДЫМА» общего врага человечества по всему своему разумению и знай, что они дороги родине Матушке России для пользы службы Царю-Батюшке и на радость и утешение будущим нашим поколениям».

Первая газобаллонная атака со стороны русской армии в районе Сморгони 5–6 сентября 1916 года

Для газовой атаки с фронта 2-й пехотной дивизии был выбран участок неприятельской позиции от р. Вилии у д. Перевозы до Боровой мельницы, протяжением 2 км. Окопы противника на том участке имеют вид исходящего почти прямого угла с вершиной у высоты 72,9. Газ был выпущен на протяжении 1100 м с таким расчетом, чтобы центр газовой волны пришелся против отметки 72,9 и залил наиболее выступающую часть германских окопов. По сторонам газовой волны до границ намеченного участка были устроены дымовые завесы. Количество газа рассчитано на 40 мин пуска, для чего было подготовлено 1700 малых баллонов и 500 больших, или 2025 пудов сжиженного газа, что дает около 60 пудов газа на километр в минуту. Метеорологическая разведка на избранном участке началась 5 августа.

В начале августа приступили к обучению переменного состава и подготовке окопов. В первой линии окопов было устроено 29 ниш для помещения баллонов; для удобства управления выпуском газа фронт был разделен на 4 равномерных участка; за второй линией подготовленного участка 4 блиндажа (склада) для хранения баллонов, и от каждого из них к первой линии проведен широкий ход сообщения. По окончании подготовки, в ночь на 4 и на 5 сентября перевезены в блиндажи-склады баллоны и все специальное имущество, необходимое для выпуска газов.

В 12 часов 5 сентября при первых признаках благоприятного ветра начальник 5-й химической команды просил разрешения произвести наступающей ночью атаку. С 16 часов 5 сентября метеорологические наблюдения подтвердили надежду на то, что ночью будут благоприятные для выпуска газа условия, так как подул ровный юго-восточный ветер. В 16 ч 45 мин получено разрешение штаба армии на выпуск газа, и химическая команда приступила к подготовительным работам по снаряжению баллонов. С этого времени метеорологические наблюдения участились: до 22 часов они производились каждый час, с 22 часов – каждые полчаса, с 2 ч 30 мин 6 сентября – каждые 15 мин, а с 3 ч 15 мин и во все время выпуска газа контрольная станция вела наблюдения непрерывно.

Результаты наблюдения были следующие: к 0 часов 40 мин 6 сентября ветер стал затихать, в 2 ч 20 мин – усилился и дошел до 1 м, в 2 ч 45 мин – до 1,06 м, в 3 часа ветер усилился до 1,8 м, к 3 ч 30 мин сила ветра достигла 2 м в секунду. Направление ветра неизменно держалось с юго-востока, причем он был ровный. Облачность оценивалась в 2 балла, облака – высокослоистые, давление – 752 мм, температура 12 °С, влажность 10 мм на 1 куб. м.

В 22 часа приступили к переноске баллонов из складов в передовые линии при помощи 3-го батальона 5-го калужского пех. полка. В 2 ч 20 мин переноска закончена. Около этого же времени получено окончательное разрешение начальника дивизии выпускать газ, в 2 часа 50 мин 6 сентября были сняты секреты, а ходы сообщения к их местам заложены заранее приготовленными мешками с землей. В 3 ч 20 мин все люди надели маски. В 3 ч 30 мин был выпущен газ одновременно по всему

фронту выбранного участка, а на флангах последнего зажжены шашки дымовой завесы. Газ, вырываясь из баллонов, поднимался сначала высоко и, постепенно оседая, сплошной стеной от 2 до 3 м высотой пополз на окопы противника. Во все время подготовительных работ противник ничем себя не проявлял, и до начала газовой атаки с его стороны не было произведено ни одного выстрела.

В 3 ч 33 мин, т. е. через 3 мин после начала русской атаки, в тылу атакованного противника были пущены 3 красные ракеты, осветившие облако газа, уже надвинувшееся на неприятельские передовые окопы; в то же время справа и слева атакованного участка были зажжены костры и открыт редкий ружейный и пулеметный огонь, вскоре, однако, прекратившийся. Минут через 7–8 после начала выпуска противник открыл сильнейший бомбометный, минометный и артиллерийский огонь по русским передовым линиям. Артиллерия русских тотчас же открыла энергичный огонь по неприятельским батареям, и между 3 ч 35 мин и 4 ч 15 мин все 8 батарей противника были приведены к молчанию: некоторые батареи замолкли через 10–12 мин, наибольший же промежуток времени для приведения к молчанию был 25 мин. Огонь велся преимущественно химическими снарядами, причем за это время батареи русских выпустили от 20 до 93 химических снарядов каждая.

В 3 часа 42 мин неожиданным порывом восточного ветра газовую волну, достигшую левым флангом р. Оксны, сдвинуло влево, и она, перейдя Оксну, залила окопы противника северо-западнее Боровой мельницы. Противник сейчас же поднял там сильную тревогу, послышались звуки рожков, барабана и были зажжены в небольшом количестве костры. Тем же самым порывом ветра волну двинуло вдоль русских окопов, захватив при этом часть самих окопов на третьем участке, почему выпуск газа здесь был немедленно прекращен, и тотчас же приступили к нейтрализации попавшего в свои окопы газа; на остальных участках выпуск продолжался, так как ветер быстро выправился и вновь принял юго-восточное направление.

Боец и собака в противогазных масках

В следующие за этим минуты в окопы того же третьего участка попали две мины противника и осколки близко разорвавшегося снаряда, которыми были разбиты два блиндажа и одна ниша с баллонами – 3 баллона были совершенно разбиты, а 3 сильно повреждены. Вырвавшийся из баллонов газ, не успевая распыляться, обжигал находившихся вблизи газовой батареи людей. Концентрация газа в окопе была очень велика; марлевые же маски совершенно высыхали, а в респираторах Зелинского – Кумманта лопалась резина. Необходимость принять экстренные меры по очистке окопов 3-го участка заставила в 3 ч 46 мин прекратить выпуск по всему фронту несмотря на продолжавшиеся благоприятные метеорологические условия. Таким образом, вся атака продолжалась лишь 15 мин.

Наблюдениями выяснено, что весь намеченный для атаки участок поражен газами, кроме того, поражены газами окопы северо-западнее Боровой мельницы; в лощине северо-западнее отметки 72,9 остатки газового облака были вредны до 6 часов. Всего газа выпустили из 977 малых баллонов и 65 больших, или 13 т газа, что дает около 1 т газа в минуту на 1 км.

В 4 часа 20 мин приступили к уборке баллонов в склады, и к 9 часам 50 мин все имущество было уже убрано без всякой помехи со стороны противника. Вследствие того, что между русскими окопами и окопами противника оставалось еще много газа, на разведку были направлены лишь небольшие партии, встреченные редким ружейным огнем с фронта газовой атаки и сильным пулеметным огнем с флангов. В окопах противника была обнаружена сумятица, слышались стоны, крики и жгли солому.

В общем, газовую атаку следует признать удавшейся: она была для противника неожиданна, так как только через 3 мин началось зажигание костров, и то лишь против дымовой завесы, а на фронте атаки они были зажжены еще позднее; крики и стоны в окопах, слабый ружейный огонь с фронта газовой атаки, усиленные работы противника по очистке окопов на другой день, молчание батарей до вечера 7 сентября – все это указывает, что атака нанесла тот урон, который и следовало ожидать от выпущенного количества газа. Эта атака указывает на то внимание, которое должно быть уделено делу борьбы с артиллерией противника, а также с его минометами и бомбометами. Огонь последних может в значительной степени помешать успеху газовой атаки и вызвать потери отравленными у самих атакующих. Опыт показывает, что хорошая стрельба химическими снарядами значительно облегчает эту борьбу и приводит ее к быстрому успеху. Кроме того, нейтрализация газа в своих окопах (как результат неблагоприятных случайностей) должна быть тщательно продумана и все необходимое для этого приготовлено заранее.

Кавалерист и лошадь в противогазах

В дальнейшем газобаллонные атаки на русском театре продолжались с обеих сторон до зимы, причем некоторые из них являются весьма показательными с точки зрения того влияния, какое оказывают на боевое использование БХВ рельеф и метеорологические условия. Так, 22 сентября под прикрытием утреннего густого тумана германцы произвели газобаллонную атаку на фронте 2-й Сибирской стрелковой дивизии на участке к югу-западу от озера Нарочь. Пронесшиеся две волны удушливых газов, встретив на своем пути гряду возвышенностей с отметкой 92, устремились через них в более низкие места по дорогам и низинам. Задержавшиеся остатки газов в различных углублениях, окопах, а также в убежищах были нейтрализованы подогреванием при помощи костров и дымовых шашек, зажженных на дне окопов и в убежищах, согласно инструкции наштаверха.

Часть же газов проникла за линию деревень Узлы, Бруссы и Андрейки, выведя из строя 2660 чел.

25 сентября последовала газобаллонная атака германцев в районе Икскуля на реке Двине, а 24 сентября такая же атака в районе к югу от станции Барановичи. К северу от Барановичей в районе Скрובה 25 октября произведена была газобаллонная атака со стороны русских, характерная тем, что в ней пострадало значительное количество (115 чел., из них один смертельно) самих же русских войск. Причинами столь неудачной атаки были: а) повреждение баллонов и шлангов, б) вентили были заржавлены, и для выпуска газов баллоны выбрасывались за бруствер и их расстреливали, причем часть газа устремилась в русские окопы. Все отравленные были без масок.

28 ноября германцы произвели газобаллонную атаку на фронте гренадерского корпуса в районе Барановичи. Были выпущены три волны газов: две почти одновременно в 20 ч 20 мин, а третья около 22 ч. Вследствие сильного ветра газовые волны проходили в течение 10–20 мин и застаивались лишь в лощинах, где газ оставался даже на следующий день. Вследствие сильной концентрации газа распространение его в глубину было весьма значительно: сильный запах и даже действие на дыхательные органы ощущались в Несвиже, т. е. в 30–45 км от фронта, в районе расположения штаба армии. Благодаря своевременно принятым мерам ПХО потери сравнительно с предшествующими атаками были незначительны: 495 чел. отравленных (из них 253 легко и умерло 33 чел.), что составляло 2,5 % от общего количества людей, находившихся в районе действия газа.

Наконец, в декабре германцы произвели еще одно газобаллонное нападение на Северном фронте русских в районе г. Риги. Таким образом, за 1916 год газобаллонные атаки на русском театре были преобладающим видом химического нападения.

Австралийская пехота в траншеях под Ипром. 1917 г.

Во всех случаях этих газобаллонных атак нападающие задавались узкими тактическими целями, главным образом нанесения потерь противнику, а с германской стороны, кроме того, по-видимому, желанием частыми нападениями деморализовать русские войска, учитывая, что химическое оружие является особенно грозным и жестоким там, где политико-моральное состояние и боевая подготовка войск стоят не на должной высоте.

Насколько ограниченными целями при газопусках задавалось, например, русское командование, видно из следующего места приказа главнокомандующего армиями западного фронта генерала Эверта от 30 августа 1916 года № 851: «...достигнутое ныне полное обеспечение армии жидким газом позволяет смотреть на газовую атаку главным образом как на средство вывести из строя большое число бойцов противника независимо от тактических действий войск». Этот приказ в целом представляет интерес, как характеризующий взгляды русского командования на тактическое применение газовых атак.

Как готовилась и осуществлялась газобаллонная атака русской армии?

Газобаллонная атака заключалась в том, что, пользуясь ветром, дующим в сторону противника, из специальных газобаллонов, установленных на передовой линии, выпускалось большое количество ОВ, которое силой ветра сносилось к противнику, распространяясь в глубину и по фронту его расположения и покрывая, таким образом, большие пространства (несколько километров по фронту и десятки километров в глубину обороны противника).

Струя жидкого ОВ из отдельного баллона или коллекторной батареи выходила через выводные трубки (шланги) в мелкораспыленном состоянии и, быстро превращаясь в

газообразное состояние, образовывала вместе с воздухом подобие облака. Газопуск планировался таким образом, чтобы отдельные облака ОВ, получаемые из отдельных отверстий выводных шлангов, сходились в одно облако над позициями противника. Газопуск – весьма сложная в техническом отношении боевая операция. Для его выполнения требовалась специальная «газовая арматура», определенные смеси ОВ и использование тех приемов газопуска, которые в данных условиях будут эффективными для решения конкретной боевой задачи.

Распределение по фронту баллонов с ОВ, предназначенных для газопуска, производилось либо на равном расстоянии друг от друга, либо группами, состоявшими из нескольких батарей. Первый вариант установки использовался при тесном соприкосновении с противником. Второй – когда нужно было обеспечить дальность газовой атаки. Чем дальше в глубину обороны противника должно было проникнуть облако ОВ, тем более мощными и устойчивыми должны быть отдельные струи ОВ и тем большая концентрация и плотность ОВ должна создаваться в момент его выпуска из баллонов. Отсюда и исходили конструкторы оборудования, предназначенного для газопусков.

В условиях позиционной войны подготовка длительной газобаллонной атаки требовала больших фортификационных работ, больших технических средств для производства выпуска ОВ, транспортных средств для подвоза баллонов к позициям и выучки личного состава (пехоты и химиков).

Подготовка такой атаки начиналась с работ по оборудованию плацдарма. Вырывались необходимые ходы сообщений, строились блиндажи для передовых складов, ниши для установки баллонов (а иногда и блиндажи). Считалось вполне удовлетворительным, если на километр фронта выпуска имелось около 6 ходов сообщений и два блиндажа в исходящих точках ходов сообщений для помещения баллонов. Обычно подготовка плацдарма для газопуска занимала около недели.

После подготовки плацдарма ночью производился поднос баллонов. При наличии 6 ходов сообщения можно было поднести на один километр фронта не более 1200 баллонов в летнюю ночь и 3000 – в зимнюю. Если, например, нужно было организовать атаку продолжительностью в два часа чистого газопуска, то требовалось поднести на километр фронта примерно 5000 баллонов Е-70. Это занимало четыре ночи летом и две зимой. Тыловые склады размещались в 10–15 км от участков, намеченных для газопусков, и тщательно маскировались.

Французский солдат в противогазовой маске

Атака русской пехоты начиналась через 15–20 мин после прекращения газопуска. Иногда ее осуществляли вслед за дополнительно поставленной дымовой завесой или в ней самой. Дымовая завеса предназначалась для имитации продолжения газовой атаки и, соответственно, для сковывания действия противника. Для обеспечения атакующей пехоты от флангового огня и фланговых ударов ж ивой силы противника фронт газовой атаки делали не менее чем на 2 км шире фронта прорыва. Например, при прорыве укрепленной полосы на фронте 3 км газобаллонная атака организовывалась на фронте в 5 км.

Артиллерия использовалась для обеспечения успешности выпуска ОВ. Эта задача обеспечивалась путем обстрела батарей противника, особенно тех, которые могут поражать фронт газопуска. Артиллерийский огонь открывался одновременно с началом газопуска. Наилучшим снарядом для выполнения такой стрельбы считался химический с нестойким ОВ, который наиболее экономично решал задачу нейтрализации батарей противника. Длительность огня обычно составляла 30–40 мин.

Данную задачу артиллерия была готова решать уже с момента начала подноса баллонов. Период этот весьма опасен, т. к. в ходах сообщения скапливалось много людей с баллонами с ОВ. Поэтому все цели для артиллерии намечались заранее. Если в распоряжении войскового начальника еще имелись газометные части, то после окончания газопуска они могли осколочно-фугасными минами проделать проходы в искусственных препятствиях, сооруженных противником, что занимало несколько минут.

На Западном фронте

В течение мая 1915 года германцы произвели четыре газобаллонные атаки, сопровождавшиеся обстрелом англичан химическими снарядами в районе Лоос. По подсчетам английского генерального штаба, общие потери за все четыре атаки приблизительно выразились в числе 7000 чел., из коих умерло 350. Противогазы во время первых двух атак у англичан отсутствовали, в двух последних они представляли примитивную повязку. Все эти майские химические нападения германцев

Ardashev_Aleksej_-_Velikaya_okopnaya_vojna_Pozicio.fb2
на англичан преследовали лишь тактические цели.

Снаряжение минометов Ливенса

19 и 20 октября немцы произвели газобаллонное нападение (смесь хлора с фосгеном) на французов у форта Помпель к востоку от Реймса в Шампани, нанеся потери при первом газопуске – 1515 чел. (из них 253 умерших) и при втором – 3581 (из них 562 умерших). Во время атаки выпущено 500 т газа на фронте в 17 км. 19 декабря германцы напали на англичан во Фландрии под Ипром у Виельтье, выпустив смесь хлора с фосгеном. Так как англичане имели уже противогазы, то главное внимание было уделено внезапности, скрытности и скорости выпуска газов. Англичане потеряли 1069 человек (из них умерших 11,2 %). В конце 1915 года германцы предполагали послать газовые части в Галлиполи для производства газобаллонных нападений в Дарданелльской операции. Но так как англичане прекратили операцию и очистили полуостров, намерение это не было осуществлено.

Французский газовый миномет

25 и 27 сентября 1915 года во время большого наступления англо-французов в Артуа первая английская армия произвели свои первые газобаллонные атаки против германцев у Лоос. 13 октября англичанами было произведено второе газобаллонное нападение в том же районе. Первые облака хлора были выпущены в смеси с неядовитым дымом. Во время этих двух нападений англичане потеряли отравленными собственными газами 2911 чел., из них 550, по английским данным, пострадало от германских химических снарядов. Из этого количества впоследствии оказалось 10 умерших и 55 тяжело отравленных. Потери германцев не опубликованы. Дальнейшие английские газобаллонные нападения имели место зимой 1915/16 года.

Французские и русские войска в 1915 году не смогли производить газобаллонные нападения.

Первые газометы

С большими результатами для нападающей стороны начали снаряжать ОВ не только артиллерийские снаряды, но и мины, выбрасывая их в ограниченном количестве из специально устроенных газометов и образуя в желаемых районах расположения противника облака газа весьма густой концентрации.

Желание использовать большое количество газовых баллонов которые становились ненужными по мере отказа от газобаллонной атаки, привело капитана английской службы по сбору материальной части, Ливенса, к мысли снабдить баллон разрывным приспособлением и метать его из стальной трубы посредством порохового заряда. После нескольких неудачных попыток от применения баллонов отказались и заменили их стальными минами и снарядами. Представляя собою грубую форму миномета, сконструированного для выбрасывания больших количеств БХВ с целью создания высокой концентрации на удаленные цели, газомет Ливенса с дальнейшим усовершенствованием ствола развился в мощное химическое оружие, успешно применявшееся всеми воюющими странами до конца войны.

Центральная часть ливеновского газомета содержала небольшой взрывной заряд, который, детонируя, диспергировал ОВ. Обычно его вес в снаряде составлял 30 фунтов.

В сентябре, во время сражения на р. Сомме, англичане произвели первую стрельбу из газометов в районе Типваль и Амель. (По данным германцев, первая газометная атака была произведена 4 апреля 1917 года у Арраса.)

Применение англичанами в начале 1917 года мортир Стокса и газометов Ливенса заставило армии всех воюющих стран быстро перенять этот новый способ химического нападения. В конце 1917 года все участники войны, за исключением России, выведенной Октябрьской революцией из войны, имели свои газометы. В частности, германские газометы получили дальность метания в 1,5 км и с успехом были применены на итальянском театре в октябре 1917 года. Свои первые газометные нападения на Западном театре германцы произвели в декабре у Ремикура, Камбрэ и Живанши.

Миномет как химическое оружие

Весной 1916 года англичане ввели на вооружение вновь изобретенный 102-мм
Страница 115

миномет Стокса, вскоре принятый на вооружение и французами, а в 1917 году и армией США, в которой он стал главным химическим оружием: американцами же были созданы специальные минометно-химические роты по 48 минометов в каждой.

Применение минометов было предусмотрено Германией еще в мирное время для осады крепостей и разрушения проволочных заграждений. Позиционная война породила стремление усилить действие навесного артиллерийского огня метанием взрывчатых веществ, для чего и были использованы гладкоствольные минометы. Если в отношении дальности минометы не могли соперничать с орудиями, то преимущества первых заключались в большой свободе выбора места установки. Минометы оказались весьма полезными в горной войне.

Использование минометов для стрельбы химическими минами было вызвано исключительно стремлением сделать химическое оружие маневренным.

Артиллерийские химические снаряды

Хотя на западноевропейском театре мировой войны 1916 год продолжал быть годом газобаллонных атак, но все же в начавшемся соревновании между газопуском и стрельбой химическими снарядами уже определенно выявились тенденции к переносу центра тяжести на последние.

С этой стороны заслуживают внимания действия германской артиллерии под начальством полковника Брухмюллера на русском театре при атаке предмостного укрепления у Витонежа 1 ноября 1916 года, в результате которой германцы с очень незначительными потерями овладели предмостным укреплением и прикрывающей его позицией захватив весь гарнизон в плен.

Применение химического оружия в виде артиллерийского обстрела химическими снарядами к 1917 году получило достаточный боевой опыт и такое развитие, что, естественно, должно было вылиться в определенную систему. Таковой явился метод «газовых прямоугольников», примененный впервые австро-германцами на русском фронте. 3 апреля 1917 года по этому методу были применены химические снаряды австро-германской артиллерией (300 орудий и 100 минометов) под начальством германского полковника Брухмюллера при атаке русского предмостного укрепления на р. Стоходе у деревень Тоболя – Рутка Червше, или так называемого 1 «Червшценского плацдарма», занятого двумя дивизиями III армейского корпуса, располагавшего 103 орудиями. Результаты этой атаки увенчались исключительным успехом. Австро-германцы без больших потерь для себя овладели всем плацдармом, захватив более 10 000 пленных русских солдат.

В ожидании газовой атаки

В 1916 году Россия тоже стала применять химические артиллерийские снаряды, снаряжая последние хлорпикрином и получая снаряды с фосгеном и с синильной кислотой от Англии и Франции.

6 апреля 1917 года англичане на Скарпе произвели жесточайший химический обстрел германцев из 400 артиллерийских орудий. 9 апреля англичане произвели сильный артиллерийский обстрел германских окопов и артиллерийских позиций, прервав всякую подачу снарядов германской артиллерии, которая во время атаки не могла принять участие в обороне. По германским источникам, действие химических снарядов значительно деморализовало и германскую пехоту. Тогда же англичане дали образец постановки дымовой завесы на участке 9-й дивизии, где образовался разрыв фронта из-за замедления наступления соседней дивизии.

На протяжении всю лето и осени 1915 года русская армия пыталась сдержать натиск австрийских и германских дивизий. Черчилль с горечью и симпатией описывает этот период худших русских поражений; «Уже ослабленные в отношении качества и структуры нанесенными ударами, находясь в худшей фазе недостачи оружия и боеприпасов, армии царя на 1200-км фронте удерживали позиции от последовательных германских ударов то здесь, то там, осуществляя глубокий и быстрый отход. Следующие на всех направлениях удары поставили под вопрос само существование русской армии. Это было зрелище германского воинства, действующего с удивительной энергией и близкого к тому, чтобы обескровить русского гиганта... Это была сага одной из ужасающих трагедий, неизмеримого и никем не описанного страдания. Учитывая состояние их армий и их организации, русское сопротивление и твердость достойны высшего уважения.

Уже стало традицией, описывая химическое оружие в мировую войну, на чем свет стоит склонять немцев. Они, дескать, пустили хлор против французов на Западном фронте и против русских солдат под Перемышлем и такие они плохие, что дальше ехать некуда. Но немцы, будучи пионерами в вопросе применения химии в бою,

сильно отставали от союзников в масштабах ее использования. Не прошло и месяца с момента «хлорной премьеры» под Ипром, как союзники начали со столь же завидным хладнокровием заливать различной гадостью позиции немецких войск на окраинах упомянутого города. Русские химики тоже не отставали от своих западных коллег. Именно русским принадлежит приоритет в наиболее успешном применении артиллерийских снарядов, заполненных раздражающими отравляющими веществами против немецких и австро-венгерских войск.

За годы войны различными газами было поражено более миллиона человек. Марлевые повязки, так легко нашедшие себе место в солдатских заплечных мешках, стали почти бесполезными. Нужны были радикально новые средства для защиты от отравляющих веществ. В течение войны противоборствующими сторонами применено 125 тысяч тонн ОВ, унесших 800 тысяч человеческих жизней.

Взаимные газовые атаки

Изобретая боевые газы, немцы добавили еще одно измерение в ужас войны. Вскоре союзники наверстали упущенное и немцы тоже смогли на своей шкуре испытать, что такое газовая атака. Французы начали использовать снаряды с ОВ в 1916 году, англичане тоже решились на ограниченное использование газов на последних стадиях битвы на Сомме. К 1917 году немецкие солдаты регулярно подвергались газовым атакам, проводимым англичанами в качестве ответного удара. 19 марта 1918 года подобной атаке был подвергнут городок Сент-Квентин. В тот день в город как раз прибыли свежие немецкие части, предназначенные для наступления. В 10 ч вечера англичане обрушили на город 3000 снарядов с хлором – дома были окутаны густым зеленым облаком. Противогазы не помогали – концентрация газа была слишком высокой. Когда на следующее утро в город прибыло дальнейшее пополнение, солдатам представились улицы, усеянные людьми, выкашливающих вместе с кровью остатки своих легких. Один немецкий ефрейтор, уцелевший в Битве Кайзера, попал в газовую атаку и потом долго лечил последствия отравления горчичным газом. Не будь этого случая в его биографии, Адольф Гитлер наверняка бы решился использовать ОВ во Второй мировой войне. Но его удерживало то, что он опасался ответного удара со стороны союзников.

Любопытно отметить, что с известной долей фантазии можно посчитать отравляющие вещества катализатором зарождения фашизма и инициатором Второй мировой войны. Ведь именно после английской газовой атаки под Комином лежавший в госпитале временно ослепший от хлора немецкий ефрейтор Адольф Шикльгрубер начал задумываться о судьбе обманутого немецкого народа, торжестве французов, предательстве евреев и т. д. Впоследствии, находясь в заключении, он упорядочил эти мысли в своей книге «Майн кампф» («Моя борьба»), но на обложке этой книги уже стояла новая фамилия, которой суждено было прославиться, – Адольф Гитлер.

Огнеметы

И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь...
и ниспроверг города сии, и всех жителей городов сих, и произрастания земли...
И увидел Авраам: вот, дым поднимается с земли, как дым из печи.
Библия, книга «Бытие»

Боевой огонь в Первой мировой войне

В начале XX века на основе новейших достижений науки и техники зажигательное оружие получило заметное развитие. В Первую мировую на полях сражений появились струйные огнеметы. Они предназначены для поражения в обороне с целью нанесения непосредственных потерь в живой силе атакующему противнику, или при наступлении для уничтожения обороняющегося неприятеля, особенно засевшего в долговременных оборонительных сооружениях, а также для морального воздействия на противника и поджога различных возгораемых объектов и создания пожара на местности. С большим успехом огнеметы применяются в особых условиях боя (в населенных пунктах, в горах, в борьбе за речные преграды и др.), а также для очистки взятых окопов от присутствия в них оставшихся бойцов противника. Огнемет является, пожалуй, самым эффективным оружием ближнего боя, своего рода «абсолютным оружием» на pistolетных дистанциях.

Следует отметить, что русские ученые и изобретатели часто раньше, чем за рубежом, разрабатывали принципиально новые образцы вооружения, но поддержки со стороны царского правительства, как правило, не получали. Например, изобретатель капитан русской армии Зигер-Корн еще в 1898 году предложил военному министерству России легкий носимый огнемёт. Однако царские чиновники отвергли изобретение «как нереальное». Через три года, в 1901 году, огнемёт аналогичной конструкции, созданный берлинским инженером Фидлером, без колебаний был принят на вооружение немецкой армии.

Ранним утром 30 июля 1915 года немецкие подразделения впервые в истории военного искусства массированно ввели в дело огнемёты против английской армии. Эффект превзошел все ожидания. Английскую пехоту охватил страх, и она, бросая оружие, в панике бежала в тыл, хотя потерь непосредственно от огнемётов почти не имела.

На русском фронте армия Германии 9 ноября 1916 года впервые пустила в ход ранцевые огнемёты в бою севернее города Барановичи у Скоровского ручья. Однако русские солдаты 217-го и 322-го полков, предупрежденные о возможности появления огнемётов, не растерялись и сильным ружейно-пулеметным огнём сорвали атаку огнемётчиков и следовавшей за ними немецкой пехоты с большими для противника потерями.

Впоследствии огнемёты стали разрабатываться во многих государствах и были приняты на вооружение всех воюющих армий и использовались там, где действие ружейно-пулеметного огня оказывалось недостаточным.

В России усиленное конструирование огнемётов началось с весны 1915 года. В сентябре 1915 года прошли испытания первые 20 огнемётов профессора Горбова. В 1916 году был принят на вооружение ранцевый огнемёт конструктора Товарниченко, которым с осени 1916 года в пехотных полках русской армии оснащались огнемётные команды (по 12 огнемётов в каждой). Одновременно сформировались три батареи, вооружённые траншейными огнемётами конструкции Товарниченко. В середине 1917 года солдаты этих батарей закончили обучение и их отправили на Северный, Западный и Юго-Западный фронты.

Тяжёлый траншейный огнемёт. Германия. 1916 г.

В 1916 году впервые в мире русские инженеры Странден, Поварнин и Столица изобрели фугасный поршневого огнемёт, из которого горючая смесь выбрасывалась давлением пороховых газов. Русский огнемёт весил около 16 кг, в снаряжённом состоянии – 32,5 кг. Дальность действия достигала 35–50 м. В аналогичных огнемётах иностранных конструкций, обладавших худшими характеристиками, выталкивание огнесмеси проводилось обычно с помощью сжатого воздуха или водорода, азота и углекислого газа. В начале 1917 года фугасный огнемёт Страндена, Поварнина и Столицы прошёл испытания и под названием СПС (по начальным буквам фамилий конструкторов) поступил в серийное производство. Принцип использования в нем давления пороховых газов для выталкивания огнесмеси остаётся основным и до сих пор. За годы Первой мировой войны в России было изготовлено 10 тысяч ранцевых огнемётов, 200 траншейных и 362 СПС.

Огнемёты являются первым новым зажигательным оружием, разработанным в индустриальном XX веке. Интересно, что первоначально они появились не в качестве боевого оружия, а как оружие полицейское – для разгона буйных толп демонстрантов и прочих несанкционированных сборищ (довольно странный, надо сказать, способ усмирять беспокойных граждан – сжигать их дотла). Но огнемёты отлично зарекомендовали себя при подавлении Ноябрьской революции в Германии в 1919 году. Немецкие военные специалисты отмечали: «Моральное потрясающее действие огнемёта выгодно использовать для подавления бунтующей толпы и в уличных боях во время гражданской войны. Достаточно бывает легкой демонстрации огневой струей, чтобы неорганизованные массы рассеялись без потерь; в большинстве случаев было достаточно для такого же действия одной команды «огнемёты к огню готовы».

Начало первой мировой войны заставило мировые державы срочно искать новые боевые средства. И тут как нельзя более кстати и подошли струйные огнемёты. И хотя по конструкции они были довольно просты (даже по сравнению с их современником, танком), но сразу доказали свою огромную эффективность на поле боя. Единственное ограничение было в дальности огнемётания. Ведь при стрельбе на сотни метров требуется огромное давление в приборе, а свободно летящая и горящая струя огнесмеси может и не долететь до цели – она вполне может полностью сгореть в воздухе. И только на коротких дистанциях – в десятки метров – струйному огнемёту нет равных. Да и огромный огненно-дымный шлейф горячей струи производит

неизгладимое впечатление как на противника, так и на «своих»: противника приводят в состояние шока, «своих» воодушевляет.

Французская огнеметная атака

В 1901 году немецкий инженер Рихард Фидлер (Richard Fiedler) предложил военному министерству Германии огнеметный аппарат собственного изобретения, который после прохождения соответствующих испытаний был признан годным к употреблению и в 1905 году был принят на вооружение рейхсвера. Фидлер придумал оригинальный пиропатронный генератор давления. Он представлял собою насос, в котором пороховой заряд воспламенялся и толкал поршень, а тот в свою очередь, – огнесмесь. Последняя представляла собою смесь сырой нефти и солярки и поджигалась отдельной газовой горелкой на выходе.

Любопытно, что в это же время Фидлер предложил свой аппарат и российскому военному ведомству (нажива превыше всего!). В 1909 году в городе Усть-Ижора были проведены его испытания, показавшие весьма неплохие результаты. Но, несмотря на это, предложение Фидлера было отклонено. Впрочем, изобретатель не отступил и в 1910 году вновь повторил свое предложение России! На сей раз для проведения испытаний Главным инженерным управлением была сформирована специальная комиссия, в состав которой входил известный военный инженер-фортификатор профессор К. И. Величко, ратовавший за оснащение гарнизонов крепостей и фортвов новым оружием. Результаты испытаний (теперь они проводились в Германии) произвели на комиссию самое благоприятное впечатление. На основании ее отчета Инженерный комитет Главного инженерного управления признал необходимым закупить несколько аппаратов Фидлера для дальнейшего совершенствования и принятия на вооружение. Но военное министерство отказало в «приобретении средства сомнительного и даже третьестепенного значения». Отказ был мотивирован следующим: пока российские крепости не получают всего вооружения, необходимого им по штату, на огнеметы расходовать средства нельзя. Подобное пренебрежительно-высокомерное отношение к огнеметам сохранялось в России вплоть до конца 1915 года, то есть до тех самых пор, пока немецкие войска не начали применять их в массовых количествах на всех фронтах. Любопытно, что в Англии и Франции к огнеметам относились не лучшим образом и спохватились только в самый разгар боевых действий.

К началу Первой мировой войны Германия имела на вооружении три типа огнеметов: малый ранцевый «Вехс» (Wechs) средний ранцевый «Кляйф» (Kleif (Kleinflammenwerfer) и большой возимый (передвижной) «Гроф» (Grof (Grossflammenwerfer). За время Первой мировой войны немецкие огнеметчики приняли участие в 653 сражениях, причем около 523 атак было проведено ими с использованием ранцевых огнеметов.

Первым штатным образцом ранцевого немецкого огнемета, поступившим на передовую, был аппарат «Кляйф» (Kleif – сокращенно от немецкого kleine Flammenwerfer – малый огневыбрасыватель). В 1917 году на вооружение был принят более легкий ранцевый огнемет «Вехс» (Wechs – от немецкого Wechselapparat – сменный аппарат). Одновременно с ранцевыми «Кляйфами» был принят на вооружение тяжелый огнемет «Гроф» (Grof – от немецкого Grosse Flammenwerfer – большой огневыбрасыватель), который должен был применяться при обороне позиций.

18 января 1915 года был сформирован добровольческий саперный отряд для испытания нового оружия – огнемета. По иронии судьбы командиром Flammenwerfer Abteilung назначили майора Германа Реддемана, бывшего начальника лейпцигской пожарной охраны. Реддеман проводил эксперименты с огнеметами на протяжении нескольких предвоенных лет. В работе Реддеману помогал Рихард Фидлер (Fiedler), именно он довел до ума первый боевой огнемет. В боевых условиях проходили испытания два типа огнеметов: переносной (kleines Flammenwerfer), обслуживаемый расчетом из двух человек, и стационарный (grosses Flammenwerfer), способный метать огненную струю на расстояния до 20 метров, Расчет переносного огнемета состоял из человека, носившего баллон с горючей смесью, и оператора, направлявшего огнеметную трубу на цель. Метание смеси осуществлялось при помощи сжатого азота, а зажигание смеси производилось у трубы. В феврале 1915 года огнемет испытывали под Верденом против французов, а в июне против англичан. В обоих случаях огнемет вызвал панику в рядах вражеской пехоты, немцам удалось занять позиции противника с относительно небольшими потерями. Никто не мог остаться в траншее, когда за бруствер лился огненный поток.

3-й гвардейский саперный батальон переформировали в Flammenwerfer Abteilung. Батальон первоначально состоял из шести рот, но к 1917 году число рот увеличилось до 12. В каждой роте было 20 больших и 18 малых огнеметов. В составе каждого штурмового батальона был огнеметный взвод (Flammenwerfertrupp),

насчитывавший от четырех до восьми легких огнеметов.

Впервые в бою. Западный фронт

Впервые германские солдаты из команды Реддемана применили огнеметы в полевом бою в 1915 году на Западном фронте против французов. Это произошло в ходе боев под Верденом, а в июле того же года их использовали и против англичан в районе г. Ипр. Ранним утром 30 (по другим источникам – 29) июля 1915 года английские войска были ошеломлены небывалым зрелищем: со стороны немецких окопов внезапно вырвались громадные языки пламени и с шипением и свистом хлестнули в сторону англичан. Казалось, что запылало все крутом и ничто живое не может спастись в этом бушующем море огня. Страх охватил англичан. Бросая оружие, английская пехота в панике бежала в тыл, без единого выстрела оставив свои позиции, хотя почти не имела пострадавших от огня. Так вступили на поля сражений огнеметы.

Вот как на основе оперативных донесений описывал немецкую огнеметную атаку 30 июля 1915 года британский фельдмаршал Френч: «За время, истекшее после моей последней депеши, противник применил новое изобретение, состоящее в том, что на наши траншеи выбрасывают сильную струю горячей жидкости. При поддержке такого оружия противник произвел рано утром 30 июля атаку на траншеи 2-й армии у Гоота по дороге в Меиен. Почти вся пехота, занимавшая эти траншеи, должна была их оставить. Но это отступление было вызвано скорее неожиданностью и временным смятением при виде горячей жидкости, чем действительными потерями от этого оружия. Были сделаны ответные попытки повторными контратаками вернуть обратно потерянные позиции. Однако эти попытки оказались бесплодными и дорогостоящими».

А теперь приводим описание последствий той же атаки, сделанное очевидцем, британским офицером Оульдом, лично пережившим ее: «...совершенно неожиданно первые линии войск на фронте были охвачены пламенем. Не было видно, откуда появился огонь. Солдаты видели только, что их как будто окружило неистово крутящееся пламя, которое сопровождалось громким ревом и густыми облаками черного дыма; то там, то сям в окопы или на головы падали крупные капли горящего масла. Крики и вой раздирали воздух, когда отдельные солдаты, поднимаясь в окопах или пытаясь продвинуться на открытое место, ощущали на себе силу огня. Единственное спасение, казалось, было в том, чтобы бежать назад; к этому и прибегли уцелевшие солдаты. На небольшом пространстве пламя преследовало их, и местное отступление превратилось в местное бегство, тогда как от последовавшей за этим бомбардировки (артиллерийского обстрела), насколько известно, вернулся только один человек». Отступление превратилось в поражение.

Расчет немецкого ранцевого огнемета

Почему огнеметы появились именно в это время? Дело в том, что после первых успешных газобаллонных, «химических» атак, предпринятых немцами в апреле – мае 1915 года, применение отравляющих газов уже не достигало успеха, так как в войсках англичан и французов быстро появились средства защиты от них – противогазы, а также и ответ союзников немцам – боевые отравляющие газы. Стремясь сохранить инициативу, немцы использовали новое оружие – огнеметы, рассчитывая добиться успеха неожиданностью их применения и сильным моральным воздействием на противника.

В дальнейшем огнеметы уже вводили в действие систематически, в частности, они массово применялись германской армией при штурме фортов Вердена в 1916 году. Эффект был потрясающий: оказалось, что огнемет просто незаменим для уничтожения укрепленных огневых точек и в бою среди зданий. Ведь достаточно было пылающей струе проникнуть в амбразуру или в окно, как она уничтожала там все живое. Отлично зарекомендовали они себя и в уничтожении вражеской техники.

Во всех случаях действие огнеметов производило на противника ошеломляющее впечатление. И хотя это было отнюдь не сверхоружие и непосредственно от него погибло не так уж много солдат (во всяком случае, неизмеримо меньше, чем от газов или пулеметного огня), но психологический эффект был чрезвычайно велик.

На русском фронте

Когда впервые немцы применили огнеметы на Восточном фронте – точно неизвестно. Однако существуют достоверные свидетельства того, что уже в конце февраля 1915 года при обороне немецкие войска использовали это оружие против русских. Кроме того, их также применяли и австро-венгры, особенно во время майских боев в Карпатах в 1915 году.

На русском фронте армия Германии впервые массово применила огнеметы в бою севернее города Барановичи. Но если англичане в результате германской огнеметной атаки покинули свои позиции, то в России этот номер не прошел. На этой позиции русские и германские окопы местами сближались от 200 до 6 м, при этом на участке 217 пехотного полка проволочное заграждение совершенно отсутствовало. Подобное сближение окопов противников создавало благоприятные условия для употребления огнеметов. В русских войсках ротные командиры объяснили своим солдатам устройство огнеметов и сущность их действия и предупредили об опасности их использования неприятелем. Но неизвестность нового оружия создавала нервное настроение.

Утро 9 ноября 1915 года у Скробовского ручья, где российская и германская армии уперлись друг в друга мощными линиями траншей и переходов, начиналось как обычно. Перед атакой немцы провели многочасовую артподготовку, в ходе которой наши войска понесли значительные потери. С 12 ч утра до 2 ч дня германцы три раза бросались вперед, но ружейным и пулеметным огнем загонялись обратно в окопы. Через час немцы начали четвертую по счету атаку. Чем она отличалась от предыдущих, русские поняли сразу. Впервые в истории Восточного фронта в бой были введены ранцевые огнеметы! Первоначальный выход огнеметчиков из германских окопов и их наступление ничем не отличались от обыкновенного начала атаки пехоты, так что различить издали, идут ли это огнеметные части или гренадерные, было сложно.

На участке обороны 6-й роты 217-го полка Российской армии, а также 6-й роты 218-го полка горящие струи огнесмеси достигли окопов и вызвали в них пожары. Расстояние там между траншеями составляло всего 15–20 м, и немецкие огнеметчики действовали внезапно и ошеломляюще непосредственно из своих окопов. На остальных участках обороны немцы создали густую дымовую завесу, поливая землю перед собой горячей смесью, и под ее прикрытием подобрались вплотную. Пользуясь этой завесой, огнеметчики продвигались на несколько шагов, и потом снова повторяли то же самое, пока не доходили до русских окопов. Затем огнеметчики направились вдоль окопов и буквально залили траншеи горячей жидкостью – по сообщениям очевидцев, некоторые участки укреплений в результате сгорели полностью. Так, например, высота на правом фланге 217-го полка («Фердинандов нос») вся была в оранжевых языках пламени. Попадая на людей, а также на деревянные крепления крутостей окопов, струя продолжала гореть, зажигая их. По показанию некоторых свидетелей и участников этого боя, некоторые аппараты выбрасывали не горящую жидкость, а едкую жидкость (кислоту?), разъедающую платье в тех местах, куда попадали брызги.

Несмотря на то что накануне русские войска были предупреждены о возможности применения огнеметов и кое-где даже сделали запасы воды на случай пожаров, все равно атака частично достигла своей цели. Огнеметчикам хотя и не сразу, но все же удалось подойти вплотную к русским позициям и выкурить оттуда наших солдат. При этом огнеметчики двигались вдоль окопов и методично поливали их горячей смесью, так что на одном из участков линия русской обороны превратилась в сплошной костер. Российские офицеры, видевшие отступающих раненых, свидетельствовали о панических возгласах типа: «Немцы огонь пускают!» или «Все окопы горят!» Несмотря на то что обожженных было очень немного, а погибших от огня, похоже, не было вовсе, пришлось отступить. В ходе этой атаки во второй линии нашей обороны была окружена и пленена полурота русских солдат. Попытки отбить утраченные позиции (первую траншею) закончились для наших войск безрезультатно. Обе контратаки были отражены огнеметчиками.

Однако здесь германцам не везде на участке атаки удалось добиться решающего успеха. Русские солдаты 217-го и 322-го полков, неожиданно подвергшиеся действию нового для них оружия, не растерялись и упорно обороняли свои позиции, соблюдая дисциплину. Немецкая пехота, поднимавшаяся под прикрытием огнеметов в атаку, натолкнулась на сильный ружейно-пулеметный огонь и понесла большие потери. Атака была сорвана. Русская комиссия, расследовавшая результаты первой огнеметной атаки противника, сделала следующий вывод: «Применение огнеметов с успехом возможно только для довершения поражения потрясенного и расстроенного противника».

По показаниям участников боя впечатление, производимое огнеметами, ничтожно по сравнению с артиллерийским, минометным, пулеметным и ружейным огнем, в особенности после того, как все убедились, что струя достает всего лишь на 15–25 шагов и что огнеметчики могут двигаться только шагом. Решающего влияния на успех немецкой атаки они не оказали. Все сделала артиллерийская и минометная подготовка. Однако нельзя отрицать, что на степень упорства уцелевших защитников атакованных окопов, а также и ближайших резервов они оказали значительное отрицательное влияние.

В 213-м пехотном Горбатовском полку уходившие в тыл раненые кричали, что «немцы

пускают огонь», «все окопы горят» и этими возгласами сильно нервировали остальных людей...

Союзники

Впоследствии огнеметы были приняты на вооружение всех воюющих армий и использовались для усиления огня пехоты и подавления противника там, где действие ружейно-пулеметного огня оказывалось недостаточным. Армии Германии, Франции, Италии к середине войны имели штатные огнеметные подразделения. В русской, английской и других армиях также нашли широкое применение легкие (ранцевые) и тяжелые (траншейные и полутраншейные) огнеметы.

Конструирование огнеметов в России началось лишь с весны 1915 года (то есть еще до применения их германскими войсками – идея, видимо уже носилась в воздухе). В сентябре 1915 года прошли испытания первые 20 огнеметов профессора Горбова. 27 февраля 1916 года слушатель Провизорских курсов при Московском Императорском государственном университете В. С. Федосеев подал предложение воспламеняющейся жидкости (рецепт не представлен) и «насоса» для ее метания. При этом он ссылаясь на сообщение штаба Верховного Главнокомандующего от 23 января 1916 года, в котором говорилось о применении «австрийцами южнее Дубны... аппарата для отражения атак, выбрасывающего пламя на 30–40 м».

В конце 1916 года в Англии были заказаны только что разработанные огнеметы систем Ливенса и Винсента. В 1916 году был принят на вооружение русской армии ранцевый огнемет системы «Т» (т. е. конструкции Товарищского), которым с осени 1916 года в пехотных полках русской армии оснащались огнеметные команды (по 12 огнеметов в каждой). Одновременно сформировались три батареи, вооруженные траншейными огнеметами конструкции Товарищского. В середине 1917 года солдаты этих батарей закончили обучение и их отправили на Северный, Западный и Юго-Западный фронты.

Русский фугасный поршневого огнемет Страндена, Поварнина и Столицы по своей конструкции превосходил иностранные огнеметы, обладавшие худшими характеристиками. В начале 1917 года огнемет прошел испытания и поступил в серийное производство. Огнемет СПС успешно применялся Красной Армией и в годы последовавшей Гражданской войны. Инженерная мысль бурлила: огнемет Горбова был разработан уже в 1915 году, Товарищского – в 1916 году, СПС – в начале 1917 году. Всего было произведено около 10 000 ранцевых, 200 траншейных и 362 СПС. Из-за границы было получено 86 огнеметов системы Винсента и 50 огнеметов системы Ливенса. На 1 июня 1917 года русские войска получили 11 446 огнеметов.

Франция. Во время атаки под Верденом французские солдаты захватили несколько экземпляров Flammenwerfer. Первая демонстрация представителям французского и британского командования состоялась в марте 1915 года. После этой демонстрации британцы сомневались в эффективности огнеметов, но после инцидента в Нооде британское командование изменило свое мнение. Франция и Великобритания начали свои программы разработок огнеметов.

Французская армия приняла на вооружение огнемет Schilt. Он имел объем 15 литров. Schilt мог три раза выбросить струю на 27 м, или один раз на 100 м. Французские ранцевые огнеметы (№ 1 bis, № 2 и № 3 bis) состояли из резервуаров с горючей жидкостью и бутылей со сжатым воздухом. Вес снаряженного огнемета – около 23 кг, дальность струи – 25–30 м; продолжительность – от 8–10 до 25–30 секунд.

Великобритания. Британский Trench warfare Department разработал несколько прототипов, в основном на основе французских патентов. Они обладали дальностью до 30 м (33 ярда). Вес 40 кг. 30 л огнесмеси (6,6 имперского галлона). Время выброса струи – около 20 сек. Расчет – один оператор. Первые успешные испытания состоялись в декабре 1915 года. Было произведено всего несколько экземпляров, которые направили на Западный фронт для демонстраций солдатам. Применялись в бою всего один раз во время рейда Британского флота в Зеебрюгге в 1918 году.

Применение огнеметов в обороне

Великобритания производила два других образца огнеметов: средний с двумя бойцами боевого расчета и тяжелый с расчетом 8 человек. Средний огнемет имел дальность около 50 м (55 ярдов) и выбрасывал струю за 20 сек. Вес 100 кг. Объем 70 л (15 имперских галлонов). Уменьшенная версия с объемом 55 литров (12 имперских галлонов), разработанная британским инженером капитаном Ливенсом (Livenes), поставлялась во Францию – 24 экз.

Тяжелая версия британского огнемета имела объем 90 л (20 имперских галлонов).

Струя выбрасывалась за 50 сек. Он имел размеры примерно как современный автомобиль и весил около тонны. Прерывательный механизм позволял выбрасывать 16 порций огнесмеси на 80 м за 5 минут.

Шесть батарей огнеметов Ливенса (Livens) с 12 емкостями поступили во Францию в 1916 году. Британская армия продолжила дальнейшие разработки огнеметов после 1916 года.

У английского ранцевого огнемета системы «Лоуренс» сжатый газ (углекислота) помещался в особую емкость, откуда он подавался в резервуар с огнесмесью по короткой гибкой трубке. Воспламенение рабочей жидкости производилось путем смешивания ее у выхода из брандспойта со смесью кислорода и хлора (хлор и кислород также находились в отдельной емкости). Вес снаряженного огнемета – 28,8 кг, пустого – 17,6 кг. Дальность полета струи – 24–35 метров.

Английский тяжелый огнемет системы «Винсента» представлял собой батарею из 4 резервуаров, соединенных друг с другом посредством коротких медных гибких шлангов. От одного из резервуаров отходил длинный выбрасывающий шланг с брандспойтом на конце. Высота каждого резервуара – около 4 футов, рабочее давление – 16–18 атм. Сжатый воздух находился в отдельных емкостях, при помощи особых поясов присоединенных к резервуарам, и подавался в резервуары по медным воздушным трубкам. Вес одного пустого резервуара – 130 кг, наполненного жидкостью – 225 кг. Дальность полета струи горячей жидкости – 65–80 м. Огнеметание могло производиться и при одном резервуаре.

Английский огнемет системы «Ливенса» представлял собой очень громоздкий и тяжелый аппарат и мог применяться только в позиционной войне при обороне сильно укрепленной позиции. Вес огнемета – 2,5 т. Был рассчитан на три выпуска огнесмеси, следующих один за другим. При каждом выпуске (под давлением около 24 атм) выбрасывалось около 320 кг горючей жидкости. Дальность действия – 150–200 м.

Неджентльменское оружие

К огнеметам всегда было неоднозначное отношение – от восторженного (от его высочайшей боевой эффективности) до спесиво-брезгливого (как «неспортивного» и «неджентльменского оружия»). Например, венгерский изобретатель огнемета, Габор Сакач (Szakats Gabor), в 1920 году предстал перед судом за свое изобретение как военный преступник. Свое изобретение он патентовал в 1910 году; за год до этого во время маневров в Пола родилась идея огнемета, когда видел, как солдаты и матросы поливают друг друга водой.

В общем-то с ранцевым огнеметом вполне мог управиться и один человек. Но часто ситуация в бою складывалась таким образом, что одному человеку подобраться с огнеметом на плечах к вражеским позициям было просто невозможно. В таком случае в дело вступали наводчик и носильщик. Наводчик нес брандспойт, а носильщик – аппарат. Применяя подобную тактику, им удавалось, скрываясь за неровностями местности, приблизиться к неприятелю на небольшое расстояние, непосредственно у позиции носильщик с аппаратом прятался в воронке, а наводчик с брандспойтом подползал вплотную к противнику и производил пуск.

В качестве боевой единицы применялось соединение из двух огнеметных отделений (ударная группа), которому придавались и несколько солдат, вооруженных гранатами. В общем случае в состав такой ударной группы входили: командир, два отделения ранцевых огнеметов (по четыре человека в каждом) и четверо гранатометчиков.

С первых атак огнеметчики приобрели большую популярность среди своих солдат, но одновременно вызвали паническую боязнь и лютую ненависть противника. И если немецкие газеты всячески превозносили их, то пропаганда стран Антанты старалась опорочить как можно сильнее, чтобы ободрить своих солдат. В России использование огнеметов было приравнено к военному преступлению (правда, после появления их в Российской армии об этом предпочли забыть). А британцы всерьез утверждали, что в германских огнеметных подразделениях служат только штрафники!

Русские газеты писали:

«Петербургской Декларацией 1868 года признано, что употребление такого оружия, которое по нанесении противнику раны без пользы увеличивает страдания людей, выведенных из строя, или делает смерть их неизбежною, – противно законам человеколюбия.

Тем не менее, наши враги в боях на близком расстоянии обливают наших солдат горящими и едкими жидкостями, пользуясь для этой цели специальными аппаратами, состоящими из металлических цилиндров, наполненных под большим давлением смесью легковоспламеняющихся жидкостей, смолистых веществ или едких кислот. К цилиндру приделан кран, при открытии которого из него бьет на 30 шагов вперед струя пламени или жидкости. При действии огневыбрасывающих аппаратов струя у выхода из

трубки загорается и, развивая очень высокую температуру, сжигает на своем пути все предметы и превращает живых людей в сплошную обуглившуюся массу. Не менее ужасно действие кислот. Попадая на тело, хотя бы и защищенное одеждой, кислота причиняет глубокие ожоги, кожа немедленно начинает дымиться, мясо до костей распадается и кости обугливаются. Пораженные кислотами люди умирают в жесточайших страданиях и лишь в редких случаях остаются в живых».

В делах Чрезвычайной следственной комиссии имеется копия приказа по 2-й Германской армии от 16 октября 1914 года за № 32 с подробной инструкцией для употребления огневыбрасывающих аппаратов, в которой, между прочим, говорится, что «выбрасыватели огня будут употребляться преимущественно при сражениях на улицах и в домах и будут храниться в таких местах, откуда начнутся сражения, чтобы быть всегда готовыми к употреблению».

Чрезвычайной следственной комиссией установлены нижеследующие случаи применения неприятелем аппаратов, выбрасывающих пламя и кислоты, засвидетельствованные как донесением войсковых частей и свидетельскими показаниями, так и актами медицинского освидетельствования потерпевших.

Схема действия штурмовой группы при захвате траншеи

23 февраля 1915 года части С... полка, при атаке немецких окопов, близ деревни Конопницы, были облиты горячей смолистой жидкостью, причинившей нижним чинам тяжкие ожоги тела и лица; в ночь на 22 апреля, при атаке высоты 958 Макувки, чинами нашей пехотной дивизии были найдены около 100 обуглившихся трупов наших солдат, подвергшихся действию огневыбрасывателей, и у австрийцев захвачено 8 таких аппаратов. Кроме того, многие нижние чины получили тогда серьезные ранения от ожогов; в ночь на 17 мая в местечке Долины, в Галиции, огневыбрасыватели применялись против И... пехотного полка, которым несколько из таких аппаратов были отняты у неприятеля; 20 мая при атаке у Перемышля получили тяжкие ожоги несколько чинов О... пехотного полка; в мае же у немцев были отобраны несколько огневыбрасывающих аппаратов на р. Бзуре; 10 февраля у м. Едвабно пострадали чины лейб-гвардии П... полка, получившие ожоги серной кислотой, смешанной с керосином; 27 февраля, при взятии неприятельских окопов у Перемышля, чинами К... полка были найдены 3 аппарата, наполненные кислотой; в середине марта австрийцы применяли выбрасывающий кислоту аппарат близ деревни Яблонки при наступлении наших войск; 12 мая около местечка Долина при атаке австрийских позиций И... полком были облиты кислотой некоторые нижние чины, причем у одного из казаков была сожжена до кости щека, вследствие чего он вскоре скончался; 13 июня близ села Бобрика, в Галиции, 4 нижних чина Ф... полка были облиты жидкостью, воспламенявшейся во время прикосновения к одежде, причем два из них тогда заживо сгорели; 24 июля у Осовца были взяты в плен германский офицер и солдаты, при которых были обнаружены банки с едкой жидкостью, поражающей зрение. Помимо специальных аппаратов, неприятель прибегал и к бросанию в наших солдат обыкновенных бутылок, наполненных кислотами, как то установлено в боях на р. Равке и под Лодзью зимой 1914 года, и, наконец, 9 января 1915 года чинами И... полка были найдены оставленные австрийцами в своих окопах, близ деревни липной, горшки с кислотой, выделяющей удушливые пары.

1914 г., октября 16 (29). – из приказа № 32 по 2-й германской армии

2-я армия. Приказ № 32

Главная квартира, Сен-Кантен 16 октября 1914 г.

§ 4. Выбрасыватели огня или жидкости, выделяющей газы

Эти способы будут предоставлены в распоряжение отдельных частей армии главнокомандующим по мере надобности. В то же время части получат осведомленных лиц, весьма необходимых для обращения с этими приборами, причем когда части получат соответствующие указания, состав этих лиц должен быть усилен саперами, специально выбранными для этой цели, после надлежащей подготовки.

Выбрасывателями огня руководят специально обученные к тому саперы; приборы эти, выбрасывающие моментально воспламеняющуюся жидкость, похожи на огнетушители. Огненные волны применимы на расстоянии 20 метров. Действие их моментально и смертельно, они отбрасывают врага на большое расстояние в силу распространяющегося жара. Так как они горят в течение 1 1/2–2 минут и действие аппаратов можно по желанию прерывать, желательно выбрасывать пламя короткими отдельными вспышками, чтобы иметь возможность сразить одной дозой содержимого несколько объектов. Выбрасыватели огня будут преимущественно употребляемы при сражениях на улицах и в домах и будут храниться готовыми к применению в таких местах, откуда начнется атака...

В течение всей войны огнеметы применялись как вспомогательное средство, требующее для своего использования в позиционной войне особо благоприятных условий. Ранцевые огнеметы применялись почти исключительно при наступлении, причем тогда, когда это наступление велось на сравнительно узком участке фронта, имело характер стремительного удара «накоротке» (налета) и разрешало задачу захвата небольшого участка позиций. Если удавалось подвести огнеметчиков на расстояние 30–40 шагов от первой линии окопов, то успех атаки почти всегда был обеспечен. В противном случае огнеметчики расстреливались при своем движении с громоздким аппаратом на спине. Поэтому применение ранцевых огнеметов сделалось возможным исключительно в ночных атаках или на рассвете, если огнеметчикам удавалось подползти к противнику и занять воронки снарядов для своего укрытия.

В России применение ранцевых огнеметов при прорыве укрепленной позиции предполагалось для «очистки» от противника окопов и ходов сообщений. Огнеметы должны были использоваться для «прокладывания» дороги русским пехотным группам при их борьбе с противником в его окопах и ходах сообщения. Борьба в полосе обороны противника состоит из ряда коротких ударов от траверса к траверсу, от блиндажа к блиндажу. Поэтому предполагалось достичь полного сочетания работы огнеметов с действиями гранатометчиков и ударной группы.

В обороне ранцевые огнеметы располагались в районах взводов вторых эшелонов рот и даже батальонов – если второй эшелон батальона предназначен исключительно для обороны данного района и маневра производить не предполагает.

Танки

Наступит день, когда наука породит машину или силу столь страшную, столь беспредельно устрашающую, что даже человек – воинственное существо, обрушивающее мучения и смерть на других с риском принять мучения и смерть самому, – содрогнется от страха и навсегда откажется от войны.

Томас А. Эдисон

Как много дел считалось невозможными, пока не были осуществлены...

Плиний Старший

Накануне боев казалось, что эта война продлится недолго, каких-нибудь несколько недель, максимум несколько месяцев. Однако вопреки ожиданиям, после нескольких первых месяцев активных боевых действий, быстрая и освежающая война (как накануне войны писалось в патристических газетных очерках), превратилась в бессмысленную, изнуряющую бойню, растянувшуюся на долгие годы. Война подхлестнула разработки всевозможных машин, постепенно ставя армии воюющих держав во все большую и большую от них зависимость, а следовательно, и от того, что приводило их в действие, – от нефти.

Противоборствующие армии окопались по обе стороны линии фронта, началась продолжительная кровавая и бессмысленная траншейная война. За два следующих года боевых действий линия Западного фронта сдвинулась лишь на каких-нибудь десять миль. Командование Антанты и германский имперский штаб лихорадочно искали способ изменить ситуацию. В ход шли самые последние технические разработки.

Британский танк в наступлении. Рекламный плакат

С самого начала войны широкое применение автоматического оружия, траншеи и проволочные заграждения создали патовую ситуацию: долгие месяцы ни одна из сторон не могла существенно изменить линию фронта. В 1916 году Первая мировая вошла в стадию непрерывных позиционных боев. Пехота и кавалерия уже не могли прорвать насыщенные пулеметами позиции противника. Были необходимы новые военные машины, могущие легко преодолевать ряды колючей проволоки, рвы и траншеи. И, главное, неуязвимые для пулеметов. То есть сложились все предпосылки для появления танков. Сначала Англия, а затем и Германия, и Франция начали производство бронированных машин. В России тоже велись подобные разработки.

Изобретение бесконечных цепных колес (более известных сейчас как гусеницы), сделанное Холтом и Бестом в конце XIX века, имело вполне прикладное значение. Тяжелые колесные тракторы тонули в жирной рыхлой почве среднезападных штатов – житницы США. Спрос на технику по этой причине был невелик. Чтобы подстегнуть продажи своих компаний, Holt Manufacturing Company и Best Tractor Company, Холт и Бест предложили несколько изобретений. Наилучшим из них оказались гусеницы, надежно удерживавшие многотонные машины на поверхности даже там, где люди по

колено утопали в земле, а об использовании лошадей не могло быть и речи. Поначалу новое изобретение интересовало только производителей сельхозтехники. Ситуация изменилась вскоре после начала Первой мировой войны.

Изобретение инженеров Холта и Беста изменило ход мировой истории. Калифорнийские инженеры Бенджамин Холт и Дэниел Бест вряд ли могли подозревать, что их сугубо мирные эксперименты с сельскохозяйственной техникой повлияют на исход глобальных войн. Однако именно так и произошло. Холт и Бест изобрели гусеницы, англичане оснастили гусеницами танки и выиграли Первую мировую войну.

Невозможно ответить на вопрос, кто первый предложил саму идею танка. Честь авторства британского рецепта победы приписывают полковнику английской армии Эрнесту Суинтону, автору популярной военной фантастики. Именно он выдвинул идею бронированного экипажа, который приводился бы в движение двигателем внутреннего сгорания, передвигался с помощью траков, был неуязвим для пулеметного огня и без труда справлялся с проволочным заграждением. Когда в конце 1914 года война превратилась в неподвижное противостояние, многие задумались, как прорвать оборону противника. Мощь огневого поражения всех сторон стала столь высока, что любое наступление на подготовленную оборону превращалось в безжалостную бойню.

Одним из выходов из тупика траншейной войны могло стать некое механическое новшество, которое позволило бы войскам передвигаться по полю боя под более надежной защитой, чем мундиры. По выражению военного историка Бэзила Лиделла Харта, требовалось «особое лекарство от особой болезни». Первыми подобный механизм создали британцы. Поначалу это было нечто вроде бронированного трактора, не так давно изобретенного в Северо-Американских Соединенных Штатах. Первым из военных, кто «поставил диагноз и нашел лекарство», был британский полковник Эрнест Суинтон. Он уже в ходе своей предыдущей работы над официальной британской историей Русско-японской войны предвидел последствия появления автоматического оружия. Позднее он уделял особое внимание экспериментам с сельскохозяйственным трактором, недавно разработанным в Соединенных Штатах. В начале войны полковника направили во Францию в качестве официального наблюдателя в Ставке главнокомандующего. Как раз в это время он и выдвинул идею бронированного экипажа, который приводился бы в движение двигателем внутреннего сгорания, передвигался с помощью траков, был неуязвим для пулеметного огня и без труда справлялся с проволочным заграждением.

Один из первых английский танков. Пулеметная «Самка»

По замыслу Суинтона, необходимо было создать своеобразные сухопутные броненосцы, которые были бы неуязвимы для огня вражеской пехоты. Это должны были быть гусеничные трактора, защищенные листами бронестали и вооруженные пушками и пулеметами. Они должны были преодолевать колючую проволоку, рвы и траншеи, уничтожать губительные для пехоты пулеметные гнезда. И вскоре сначала англичане, а вслед за ними и остальные воюющие армии получили танки.

Германский танк

Однако необходимое – не всегда желаемое. «Окопавшиеся» в высшем командовании британской армии оппоненты полковника не восприняли его изобретение всерьез и сделали все, что только могли, для провала идеи. Она так и погибла бы, если бы не Уинстон Черчилль. Первый лорд Адмиралтейства по достоинству оценил военную инновацию и был возмущен отказом армии и военного министерства начать производство подобных машин. «Нынешняя война перевернула все военные теории о поле боя», – сказал он премьер-министру в январе 1915 года.

Чтобы продолжить работы по созданию машины вопреки сопротивлению, Черчилль выделил средства из фондов военно-морского министерства. По причине этой спонсорской поддержки новая машина получила имя «сухопутного крейсера» или «сухопутного корабля». Черчилль назвал его «caterpillar» («caterpillar» – «гусеница»). Из соображений секретности во время испытаний и перевозки новшеству дали и другие «имена» – так как новая машина смахивала на цистерну, сначала ее хотели назвать «водовозом», но из опасения вызвать насмешки название заменили на «танк» («tank» «резервуар», «цистерна» (англ.)). На заводе танки выполнялись как заказ русского правительства на цистерны, на каждом из них было написано по-русски: «Осторожно. Петроград». Первые модели перевозили на фронт по железной дороге под видом цистерн с водой для Ближнего Востока. В России это английское слово переводили и вовсе без затей – «лохань». И лишь значительно позже в нашей

Разрез тяжелого немецкого танка

Полигон, где проходили испытания английских машин, строго охранялся. Плакаты предупреждали население о минах. Ходили слухи, что там роется тоннель в Германию! Войска с нетерпением ждали новых машин. Говорили, что они могут карабкаться на деревья, переплывать реки и прыгать, как кенгуру.

В конце августа 1916 года во Францию было отправлено 60 танков, которые получили боевое крещение 15 сентября во время сражения на Сомме. Впрочем, результаты были достаточно противоречивыми. Первые английские модели были названы «Самец» (танк с артиллерийским вооружением) и «Самка» (с пулеметным). Французы охотно переняли изобретение англичан и вскоре изготовили собственные модели. Различие состояло в том, что англичане использовали танки для прямой поддержки пехоты, а французы относились к своим моделям «Шнайдер» и «Сан-Шамон» как к самоходной артиллерии. Первые танки отличались слабой подвижностью и ненадежностью механической части. Однако и французы, и англичане продолжали усовершенствовать свои модели, и вскоре был создан более мобильный и легкий танк «Рено» классической, как теперь принято говорить, компоновки. Именно он и стал впервые напоминать не допотопного динозавра, а нечто похожее на современную боевую машину.

15 сентября 1916 года у деревни Флер-Курслет во время битвы на реке Сомме появились они. Неуклюжие, ненадежные, не выделяющиеся красотой и скоростью, но навсегда изменившие мир. Среди первых шагов были и первые прыжки: традиционно блеснул сумрачный немецкий гений, на заводе «Рибо» собирали машины К с экипажем 22 человека. Германия не очень большая страна, а гигантомания – похлеще супердержав.

15 сентября 1916 года в бою у реки Соммы приняли участие первые 32 английских танка. «Танк движется по главной улице деревни Флер, и английские солдаты идут вслед за ним в хорошем настроении» – это сообщение британского пилота широко растиражировала пресса. Но традиционный британский консерватизм попортил немало крови английским солдатам. «Хорошее настроение» могло бы прийти к ним гораздо раньше, ибо в пыльных архивах военного ведомства после войны обнаружили проект танка, присланный в 1912 году и который был значительно совершеннее танков, вышедших спустя четыре года на поля сражений. На проекте короткая резолюция: «Человек сошел с ума». Даже во время демонстрации первого боевого танка один крупный военный деятель заметил: «Красивая механическая игрушка. Война никогда не будет выиграна при помощи таких машин».

Сначала предполагали сделать танк на огромных колесах. Это должна была быть платформа длиной в 30 м на четырех 12-метровых колесах, «мчащаяся» со скоростью 14 км/час. Считалось, что машина сможет форсировать реки с хорошим дном глубиной до 4,5 м. Такие препятствия, как рвы и траншеи, казались пустяковыми. Предполагали даже использовать танк для перехода через Рейн. Однако оптимизм иссяк, когда подсчитали, что вес танка в металле около 1000 т, а построенная деревянная модель показала, какой отличной мишенью станет он для артиллерии. Аналогичный проект танка весом в 7000 т, для которого и реки глубиной до 15 м не помеха, существовал в Италии. Его назначение – перебрасывать малые танки через реки, текущие параллельно фронту.

«Скелетон». САСШ

Новому виду вооружения суждено было вместе с авиацией и автоматическим оружием в корне изменить характер боевых действий, систему вооружения и организации армий. Военный корреспондент «Таймс» писал в статье «Сухопутный флот»: «Возможно, что прежде, чем окончится война, и мы, и германцы, и наши союзники будем строить новые чудовища, громаднее и страшнее этих; возможно, что мы увидим сражения целых флотов сухопутных дредноутов и мониторов; но несомненно, что в этом деле мы первые. Теперь эта дьявольская машина принадлежит нам и только нам». Впрочем, очень скоро на авторство в создании танка начали претендовать и другие страны, а в 1919 году вопросом о приоритете уже занималась специально утвержденная королем комиссия британского парламента. Она установила, что создателями танка все-таки являлись англичане.

Атака 15 сентября 1916 года к северу от реки Соммы и юго-западу от Бапома была последней попыткой англичан достичь успеха в крупной операции, начатой еще 1

июля. К началу сентября 3-я и 4-я английские и 6-я французская армии, наступавшие на фронте в 70 км, продвинулись в глубь немецкой обороны в среднем на 2 км, максимально – на 8. Только в первый день наступления англичане потеряли около 20 000 убитыми и 40 000 ранеными. С 3 по 7 сентября ценой больших потерь британские войска продвинулись на фронте 2 км на глубину 1,6 км.

Несмотря на возражения танковых командиров, считавших необходимым накопить большее количество машин и применить их не раньше весны 1917 года, английское верховное командование во Франции требовало присылки танков. 13 августа из Тэтфорда отправили первые 12 танков роты С, а к концу августа близ Абвиля скопилось 50 боевых машин. Танки распределили между корпусами 4-й и Резервной армий. В период с 7 по 10 сентября было направлено к передовой 49 машин. Движение происходило ночами, по изрытой местности, без разведки маршрута, и 17 танков застряли на марше.

Целью атаки 4-й армии против позиций 1-й германской армии был захват деревень Морваль Ле Беф, Гведекур и Флер. Танки планировали направить на наиболее укрепленные пункты группами по 2–3 машины. Пушечные против пулеметов противника, пулеметные – против живой силы. Танки должны были пойти в атаку на 5 минут раньше пехоты, дабы она не попала под огонь, который противник непременно обрушит на танки.

15 сентября в 5.30 утра 32 танка Mk I пошли в атаку: 9 – впереди пехоты, 9 – действовали отдельно, 9 – застряли, у 5 – отказали двигатели. На участках III и XIV корпусов и Резервной армии танки успеха не имели. В полосе XV корпуса 12 из 17 машин достигли германских окопов, 11 – преодолели их, 9 – с ходу захватили деревню Флер. Первым вошел в деревню танк-«самец» D17 «Диннакен» лейтенанта Хасты – видимо, его и увидел британский пилот, свидетельство которого приводилось выше. Один танк, встав над окопом, очистил его огнем. Следом двинулась пехота и вошла в Гведекур; один из прорвавшихся в селение танков уничтожил 77-мм орудие, но был сразу подбит и загорелся, из экипажа выжили только двое. В ходе боя по разным причинам вышли из строя 10 Mk1, 7 – получили незначительные повреждения.

Подбитый английский танк, оставшийся на поле боя

Внезапность применения новой техники принесла успех – за 5 часов с небольшими потерями англичане захватили участок в 5 км по фронту и до 5 км в глубину, были взяты пункты, которые до того безуспешно атаковали в течение 35 дней. Танки «протаранили» первую линию окопов и отвлекли на себя огонь германских пулеметов, Сообщения об их действиях стали сенсацией мировой прессы – пока не пришли первые фотографии, издания всех стран помещали самые фантастические рисунки «нового типа броневедомоля». Утверждение, что «новое боевое средство преждевременно раскрыли противнику», не совсем верно – германское командование долго не могло оценить его значение.

В следующий бой танки пошли 25 и 26 сентября у Гведекура и Ле Сара: 5 из них были приданы 4-й армии и 8 – Резервной. Из 13 машин 9 сразу застряли в воронках от снарядов, остальные помогли 110-й пехотной бригаде овладеть Тиепвалем. Удачно действовал танк-«самка» к юго-западу от Гведекура во взаимодействии с пехотинцами-гранатометчиками – это был один из первых важных шагов в формировании тактики танковых войск.

Танк и пехота менее чем за час захватили около 1350 м укрепленной траншеи и вынудили сдаться в плен 370 немецких солдат. В германской армии поселился стойкий синдром – «танкобоязнь».

Это красноречиво свидетельствует о том, что первое применение танков дало в основном психологический эффект. Вскоре он стал работать против англичан. На какое-то время фронтовые командиры решили, что танки должны способствовать успеху одним своим присутствием. Это привело к цепи неудач и разочарований.

В битве при Сомме в 1916 году танк был использован впервые. Он сыграл важную роль уже в ноябре 1917 года в битве при Камбрэ. Камбрэ (Cambrai), город в Северной Франции, на реке Шельда (департамент Нор), в районе которого во время Первой мировой войны 20 ноября – 6 декабря 1917 года произошло сражение между английскими и германскими войсками. Английские войска предприняли 20–29 ноября наступательную операцию против германских войск, впервые осуществив массированное применение танков. По замыслу операции, усиленная 3-я английская армия внезапным ударом танков, без артподготовки, при содействии пехоты, авиации и артиллерии должна была прорвать оборону 2-й германской армии на фронте 12 км (между каналами р. Шельда и Дю-Нор (Северный), овладеть К. и развивать наступление на Валансьенн. Для прорыва привлекались: в первом эшелоне армии 3-й

и 4-й армейские корпуса (6 пех. дивизий) и 3-й танк, корпус (3 танк, бригады по 3 батальона в каждой, всего 476 танков), во втором – 3-й кав. корпус (3-й кав. дивизии). Для арт. и авиац. обеспечения операции привлекалось св. 1000 ор. и ок. 1000 самолетов. 2-я германская армия в секторе прорыва имела 3 пехотные дивизии и 224 орудия. Германская оборона общей глубиной до 9 км состояла из 3 позиций, каждая в 2–3 линии траншей.

Английские солдаты празднуют победу

20 ноября в 6 ч 10 мин под прикрытием артогня английские танки в сопровождении пехоты атаковали германские позиции. Танки наступали треугольником группами по 3 машины: один танк (головной) впереди, два (главные силы) – в 100–120 м позади. На танки были погружены фашины, которые сбрасывались в германские окопы, чтобы танки могли преодолевать их. Пехота следовала за главными силами танковых взводов в трех линиях: первая для захвата окопов, вторая для их блокировки, третья для поддержки. Внезапная атака английских танков и пехоты деморализовала противника. К 11 ч 30 мин англичане захватили две, а к 16 ч – три германские позиции, продвинувшись на глубину 8–10 км по всему фронту, за исключением населённого пункта Флескьер, где танки попали под сосредоточенный огонь германской артиллерии. В первый день наступления англичане фактически прорвали германскую оборону, захватив при этом свыше 8000 пленных, 100 орудий и 350 пулеметов. Однако вследствие недостатков в организации взаимодействия танков и пехоты развить успех английские войска не смогли. Ввод в сражение (21 ноября) для развития успеха двух кавалерийских дивизий не дал положительных результатов. Немцы успели подтянуть свежие дивизии. Борьба приняла затяжной характер.

Против английских танков германские войска широко использовали полевые и зенитные пушки, перебрасывавшиеся на грузовых автомобилях на опасные направления. К 29 ноября продвижение английских войск приостановилось. 30 ноября – 6 декабря германские войска нанесли контрудар, нацелив против образовавшегося выступа до 12 пехотных дивизий, 1700 орудий и свыше 1000 самолетов. Контрудару предшествовала короткая артподготовка. В результате контрудара немцы вернули большую часть потерянной территории, захватив 9 тыс. пленных, 716 пулеметов, 148 орудий и 100 танков. Введя в бой 73 танка, английские войска сумели нейтрализовать контрудар и остановить продвижение противника. В операции у Камбрэ обе стороны понесли значительные потери в живой силе и технике и не добились преимуществ. Вместе с тем, являясь первым примером массированного применения танков, операция у Камбрэ оказала большое влияние на развитие военного искусства. С ней связано зарождение основ взаимодействия пехоты и танков, противотанковой обороны и метода артиллерийской стрельбы при полной подготовке исходных данных.

В марте 1917 года немцы отвели войска на линию «Зигфрида» (союзники именовали ее «линией Гинденбурга»). Чтобы повысить здесь темпы наступления, командование потребовало участия двух танковых батальонов, которые должны были помочь пехоте в прорыве позиций и расчистить кавалерии дорогу до Камбрэ. Наступление под Аррасом англичане повели привычным для позиционной войны способом – начавшаяся 7 апреля артподготовка длилась двое суток. Только 9 апреля войска пошли в атаку. В ней участвовали 60 танков Mk I, Mk II и Mk III. Плотность составляла 1,3 танка на 1 км фронта (на направлении главного удара 6–8 единиц). Танки действовали группами от 2 до 8 машин, нередко застревали, не доходя до исходных позиций. Так, накануне атаки несколько танков провалились в болото. На фронте 1-й армии танки завязли в 500 м перед германскими окопами. Те, что смогли преодолеть распутицу, выполнили свою задачу, но их местный прорыв не был развит. Танки прошли через немецкие окопы, но пехота либо не использовала их успех, либо продвигалась в другом направлении. Неудача была закономерна – дождь, слабый оттаявший весенний грунт, к тому же изрытый снарядами, крайне ограничивали проходимость, а двухдневная артподготовка лишила атаку внезапности. На один танк приходилось 10 германских орудий, кроме того, они поражались бронебойными пулями, попадали в ловушки – «волчьи ямы».

Не слишком удачной была и атака 11 апреля. Медленно двигавшиеся по заснеженной равнине английские танки становились легкой добычей немецкой артиллерии. Два из них германцы захватили. В этом бою танки работали не только как подвижной щит, но и как «штурмовая артиллерия»: 4 боевые машины, ведя интенсивный огонь, двинулись вдоль вражеских окопов, атаковали деревню Винкур, но, не поддержанные пехотой, вернулись на исходные позиции. Три танка вошли без сопровождения пехоты в деревню Монши, где были подбиты огнем своей же артиллерии – танкистов просто не предупредили, что начало артобстрела и атаки пехоты перенесли на 2 часа. К 28

апреля англичане в нескольких местах незначительно вклинились в «линию Зигфрида». Тем не менее командование отметило «отличную работу танков», которые «спасли много жизней».

Ранним утром 7 июня 1917 года 2-я британская армия начала наступление во Фландрии у Мессина и к западу от Куртре и Руле с целью «срезать» 15-км дугу германского фронта. Офицеры «тяжелого отряда» (так вплоть до 28 июня 1917 года именовался Танковый корпус) уже не один месяц вели здесь разведку местности. В этот район были переброшены 76 танков Mk IV и 14 танков снабжения Mk I. В сборных пунктах их маскировали под кронами деревьев и навесами, боронами уничтожали следы от гусениц. В первом эшелоне впереди пехоты шли 36 машин, средняя плотность составляла 6 единиц на 1 км. Они должны были атаковать последнюю линию окопов, подойдя к ней под прикрытием артиллерии. Во второй фазе боя участвовали 22 уцелевших Mk IV, которые отразили несколько контратак. Две машины, увязнув у фермы Джой, работали всю ночь как артиллерийские форты. Успех был достигнут, но не столько за счет танков, сколько за счет артиллерии и взрыва под передовыми германскими позициями 19 мощных минных горнов.

Развить наступление 2-й армии не удалось – 5-я английская армия нанесла главный удар только 31 июля (третье сражение на Ипре). Снова была долгая – 16 суток – артподготовка. И без того сложную для продвижения танков заболоченную местность изуродовало воронками от взрывов. В ряде мест движение было возможно только по насыпным дорогам и гатям. Артподготовка разрушила дренажную систему и окончательно превратила большую часть местности в грязное месиво. Атака, в которой участвовали 216 танков трех бригад, началась в 3.50 утра, но в середине дня остановилась из-за дождя – «сухопутные корабли» утопали в грязи по спонсоны, балки самовытаскивания не помогали. Продвигаясь в колоннах с черепашей скоростью, танки несли большие потери от артогня. Наступление захлебнулось. В ходе этого боя произошли два любопытных и еще не типичных на тот момент эпизодов в применении танков: командиру танка G7 пришлось снять пулемет «люйс» и открыть из него огонь по германским самолетам, пытавшимся обстреливать танк с малой высоты, а танк G26 того же батальона сыграл роль кабелеукладчика, помогая связистам проложить телефонную линию.

19 августа 11 танков совместно с 48-й пехотной дивизией под прикрытием дымовой завесы атаковали позицию, прикрытую бетонными блокаузами. 3 машины увязли, но 8 беспрепятственно обошли 4 блокауза и в упор обстреляли их входы. Успех был полным, причем здесь сказался и страх гарнизонов перед танками – немцы боялись, что танки вооружены огнеметами.

После фактического провала операции большинство танков отвели в тыл на ремонт. Оставшиеся Mk IV 1-й бригады участвовали в 11 боях с 20 августа по 9 октября, в основном на фронте XVIII корпуса. 22 августа у фермы Галлиполи один аварийный танк, действуя как форт, 8 часов сдерживал противника огнем, 4 октября танки помогли атаке пехоты на Поелькаппель, причем командир корпуса отмечал прежде всего их моральное воздействие на неприятеля.

Для обхода северного германского фланга планировалась десантная операция с участием танков вблизи Мидделькерке. Предполагалось морем доставлять Mk IV на больших (длиной до 200 м) паромах и высаживать их под прикрытием дымовой завесы и артогня кораблей. Для преодоления бетонного эскарпа на берегу на носовой части каждого танка должна была перевозиться сходня-аппарель с деревянным настилом, а на каждый второй трак гусениц предполагалось крепить деревянные бруски против скольжения. Танки-«самки» должны были нести лебедки. Экипажи прошли соответствующее обучение в Мерлимоне, но операция не состоялась из-за общего провала третьего сражения на Ипре.

Самым убедительным подтверждением эффективности применения танков стало сражение у Камбрэ. Осенью 1917 года Танковый корпус получил возможность применить новый вид боевой техники должным образом и преодолеть скепсис командования и «старых» родов войск. Участок наступления был еще летом указан в докладе начальника штаба корпуса полковника Фуллера. Район Камбрэ с выдающимся в сторону германцев фронтом располагал развитыми путями сообщения, местность в целом была проходимой для танков. Серьезным препятствием служил только канал реки Шельды.

Оборона немцев на «линии Зигфрида» была хорошо подготовлена. Так, главная позиция имела глубину 5–7 км, состояла из 2–3 сплошных линий окопов, прикрытых проволочными заграждениями до 50 м в глубину, гнезд сопротивления с хорошим обстрелом и блиндажей. Первая линия окопов в целях противотанковой обороны была уширена до 3,5 м. Опорными пунктами служили высоты, селения, участки леса.

Замысел английского командования состоял в том, чтобы внезапным ударом большого количества танков совместно с пехотой 3-й армии при мощной поддержке артиллерии и авиации прорвать фронт 2-й германской армии на узком участке между Сен-Кантенским и Северным каналами, а затем конницей и пехотой развить прорыв и

овладеть в оперативной глубине городом Камбрэ, лесом Бурлон, переправами через канал Сенси.

Англичанам удалось скрытно сосредоточить в намеченном районе сильную ударную группировку: восемь пехотных дивизий, один кавалерийский корпус, 1009 орудий, 378 боевых и 98 вспомогательных танков (фактически весь Танковый корпус), 1000 самолетов. Продвижение танков обеспечивал подвижной огневой вал. На 12-километровом участке прорыва удалось создать плотность до 85 орудий и 32 танков на 1 км фронта.

Союзники имели более чем двойное превосходство в живой силе, абсолютное в танках, 4,5-кратное в артиллерии. На одно германское орудие приходилось 2,1-2,5 английского танка, на 1 германский пехотный батальон – 12-25. Надеясь на эффект широкого применения танков, англичане вдвое увеличили фронт наступления пехотной дивизии – в среднем два км против одного на Сомме. Танки под предлогом «курса зимнего обучения» сосредоточили в учебных лагерях, где проводилась подготовка вместе с пехотными подразделениями. Во время совместных тренировок танкисты усаживали на крышу машины до полувзвода пехоты, но в боях «десанты на броне» не применялись. Из 98 специальных танков 9 было оснащено радиостанциями, 52 танка снабжения перевозили бензин и боеприпасы, 1 – телефонное имущество, 2 – мостовое оборудование, 32 машины, оснащенные кошками-якорями на четырехметровых стальных тросах, предназначались для расчистки проходов в заграждениях для кавалерии.

Танки должны были входить в состав всех волн и эшелонов пехоты. Первая волна выделялась для подавления выдвинутых вперед германских орудий. Главный эшелон танков должен был совместно с пехотой прорвать первую германскую позицию. Первый эшелон назначался для атаки второй укрепленной позиции, второй – третьей, а третий эшелон – для действий с конницей. Тактического резерва танков не предусматривалось, но 36 машин выделили в технический резерв. Задачи экипажам ставились простые и ограниченные, с учетом их возможностей. Командиры снабжались картами и аэрофотоснимками местности с указанием маршрутов и задач. Впереди взвода должен был двигаться пушечный танк, в 80-100 м за ним – пулеметные. Для преодоления широких окопов над рубкой боевых машин цепями крепили большую фашину диаметром 1,5 м и длиной 3 м (она собиралась из 75 стандартных фашин).

Прохождение трех линий окопов планировалось так. Первый танк, пройдя проволочное заграждение, поворачивал у первого окопа влево и обеспечивал огнем продвижение следующих. Левый танк подходил к окопу, сбрасывал фашину, переходил по ней и, ведя огонь, также поворачивал влево. Правый танк проходил по той же фашине, подходил ко второму окопу, сбросив фашину, преодолевал его и поворачивал влево. Первый танк разворачивался, проходил два окопа, с помощью своей фашины преодолевал третий. За ним продвигались оба пулеметных танка и выстраивались позади пушечного. Сброс фашины экипаж производил, не выходя из машины, а пехота обозначала ее края белым и красным флажками. Однако на практике фашина часто сама сваливалась впереди рубки и перекрывала обзор. Чтобы поправить ее, экипажу приходилось покидать машину под огнем.

Связь штабов в Танковом корпусе, помимо телефонов, осуществлялась с помощью голубей, верховых и мотоциклистов. В роты связи танковых бригад были введены по три радиотанка. Командирские машины оснащались семафором и сигнальной лампой. Уже в ходе наступления телефонную линию протянули до Маркуан с помощью танка, буксировавшего волокушу с кабелем и везшего на себе шести и аппаратуру.

На каждый танк пришлось запасти 318 л бензина, 22 л моторного масла, 182 л воды, 68 л тавота, 3 кг смазочного масла. Полевые склады Танкового корпуса снабжались полевой железной дорогой. Каждой роте придали 2 танка снабжения.

Минимум за две ночи до начала операции танковые подразделения выгрузили на железнодорожных станциях, и они своим ходом выдвигались в места сосредоточения в 4-8 км от германских позиций. Танки прятали под деревьями, накрывали маскировочными сетями и полотнищами, маскировали под стога. 19 ноября началось скрытное выдвижение на исходные позиции в 800-1000 м от передовых германских окопов. Шум двигателей заглушали беспорядочным артогнем. Пути движения были заранее разведаны и вплоть до немецких проволочных заграждений отмечены трассировочными цветными шнурами. Командир Танкового корпуса генерал Эллис лично командовал центром боевого порядка, находясь в танке «Хильда» (Мк IV-«самка») батальона Н, на котором он поднял свой флаг – дань традициям британского флота.

Наступление английских войск началось без артиллерийской подготовки – такой план внезапной танковой атаки предлагался еще 9 апреля у Бюллекура, но не был реализован. 20 ноября в 6.20 утра на германские позиции обрушился огневой вал, под прикрытием которого в атаку пошли танки и пехота. Боевые машины двигались в 200 м позади огневого вала, пехота – за ними, во взводных колоннах, по проделанным гусеницами проходам в проволочных заграждениях. Их выдвижение прикрывала дымовая завеса, так что заградительный огонь германской артиллерии оказался малоэффективным. С началом атаки английская авиация нанесла бомбовые

удары по пунктам управления, артиллерийским позициям и дорогам в тактической глубине обороны противника.

Внезапность атаки принесла желаемые результаты. К 8.00 англичане овладели первой германской позицией, к 13.00 – второй, а части 3-го корпуса достигли каналов Шельды. У Авринкура танки окружили и уничтожили пулеметным огнем несколько немецких батальонов. У леса Лато один танк батальона F получил прямое попадание снаряда 150-мм гаубицы, разворотившего спонсон, но сохранил подвижность и раздавил вражеское орудие гусеницами.

К 12.00 к пункту сбора южнее деревни Маркуан подошли танки снабжения. Здесь боевые машины, заправившись бензином и пополнив боекомплекты, снова пошли в бой.

Бой на всем фронте прекратился только в 18.00, с наступлением темноты. За 10 часов английские танки и пехота прорвали все три позиции германской обороны на фронте 12–13 км и продвинулись на глубину до 10 км, при этом было захвачено около 8000 пленных и 100 орудий. Часть тяжелых орудий-трофеев оттащивали в английский тыл с помощью танков. Успех операции обеспечило не столько массовое применение танков, сколько их рациональное взаимодействие с другими родами войск. Хотя не обошлось и без неудач: так, танки-растаскиватели (они несли на корме таблички «WC» – wire-cutter) проделали 3 прохода в проволочных заграждениях, но кавалерийский корпус не смог быстро преодолеть изрытое воронками и траншеями поле и развить наступление. В этом сражении танки оказались единственным родом войск, выполнившим все свои задачи. Это стоило потери 280 машин (около 60 %), причем только 60 из них (15–18 %) были подбиты артогнем, основная же часть вышла из строя по техническим причинам (лопнувшие гусеницы, сломанные шестерни бортовых коробок передач и т. д.). Из 4000 человек личного состава Танковый корпус потерял 74 убитыми, 457 ранеными, 39 пропавшими без вести.

На следующий день в бою смогли принять участие всего 75 боевых машин. Каждая танковая бригада выделила сводную роту. Атака вновь началась утром. 9 танков, пройдя по железнодорожной дамбе, прорвались у Фло-Ферме и вышли на дорогу к Камбрэ, 7 танков помогли 51-й дивизии занять Фонтен-Нотр-Дам, танки 1-й бригады захватили Аннэи, вошли в Бурлонский лес. Но измотанная пехота не успевала за машинами, и последние были вынуждены отойти. 25 танков оказались подбиты, 10 выбыли из строя по техническим причинам.

23 ноября англичане попытались возобновить наступление. Эффекта внезапности уже не было, массирования танков тоже. Новую атаку 51-й дивизии с 24 танками 2-й бригады на Фонтен-Нотр-Дам немцы отбили, подбив при этом 18 танков (11 из них – прямым попаданием снарядов). Не помогли и подошедшие 23 машины 3-й танковой бригады. На улицах селения танки поражались связками ручных гранат и огнем с верхних этажей зданий – уже тогда был сделан вывод, что «борьба в населенных пунктах менее всего благоприятна для танков».

27 ноября англичане предприняли последнюю попытку наступления, но немцы уже подготовили противотанковую оборону, и из 32 танков уцелели лишь 13.

Срочно подтянув к участку прорыва резервы, германские войска остановили англичан, а 30 ноября начали контрнаступление. Измотанный Танковый корпус в это время отводился в тыл. Тем не менее 30 ноября 2-я танковая бригада, готовившаяся к погрузке, получила приказ на выдвижение для контратаки. Уже к 16.00 в зону боев прибыли 73 танка, которые контратаковали германские части вместе со 2-й гвардейской и 2-й кавалерийской дивизиями. К 6 декабря немцы на всем 30-километровом фронте операции оттеснили англичан на 2–4 км, но не смогли окружить их и вернуть первые две позиции «линии Зигфрида».

В результате контрнаступления у Камбрэ рейхсвер захватил в качестве трофеев около 100 Mk IV, в основном неисправных. Операция у Камбрэ закончилась для Антанты неудачно, но при этом внесла много нового в военное искусство. Танки проявили себя уже как новый род войск. Операция показала, что правильное их применение позволяет быстро и с большой экономией сил прорвать укрепленный фронт и сделать вывод, что тактический прорыв сам по себе еще не обеспечивает успеха. Танковый корпус понес тяжелые потери, но одна только стоимость сэкономленных благодаря применению танков снарядов соответствовала стоимости почти 4000 боевых машин. После Камбрэ атака укрепленных позиций уже не мыслилась без танков. Это ускорило дальнейшее развертывание Танкового корпуса из 9 батальонов в 13.

После сражения у Камбрэ Танковый корпус стянули к Брей-сюр-Сом, где планировалось оборудовать лагерь для совместного обучения с пехотой и артиллерией. В январе 1918 года корпус отозвали из лагерей и рассредоточили вдоль 96-километрового фронта от Перона до Бетюна – имелись сведения о подготовке немцами большого наступления. Корпус на тот момент включал 5 бригад (13 батальонов), но располагал только 320 готовыми к бою тяжелыми Mk IV и 50 средними Mk A «Уиппет»; 200 танков находились в ремонте.

Прямое попадание в танк

21 марта началось германское наступление в Пиккардии. Англичане имели в это время 216 танков, но в боях приняли участие только 180. Остальные вышли из строя по техническим причинам. Не зная положения на передовой, командование постоянно меняло направление маршей, подвоз ГСМ не осуществлялся. Часть брошенных танков англичане успели эвакуировать.

А триумф новой машины состоялся 8 августа 1918 года в битве при Амьене, когда лавина из 456 танков прорвала германский фронт. Генерал Эрих Людендорф, помощник Верховного главнокомандующего Пауля фон Гинденбурга, назвал впоследствии этот день «черным днем германской армии в истории войны». Траншейной войне пришел конец. И когда германское высшее командование объявило в октябре 1918 года, что победа более уже невозможна, в качестве главной причины оно указало на появление танков.

«Танки, бывшие когда-то предметом насмешек, стали теперь грозным оружием. Надвигаясь длинной цепью, закованные в броню, они кажутся нам самым наглядным воплощением ужасов войны». Психологический эффект танков в Первую мировую был куда значительнее «прямого» боевого, однако как раз страх перед этими левиафанами и помог прорывать фронты, то есть в итоге задача была достигнута, при всем при том, что в ходе той же битвы у Камбрэ весьма удачно им противодействовали.

Английские танки вышли на поле боя в середине мировой войны. Нельзя сказать, что они решили исход войны, но роль их, действительно, оказалась значительной. Если самолет, пулемет, тяжелая артиллерия, автомобиль были освоены в производстве уже к началу военных действий, то танк стал принципиально новым и как боевое средство, и как технический объект. Мощный промышленный потенциал Великобритании, высококвалифицированные инженерно-технические кадры, а также последовательно реализуемая с первых же дней войны программа мобилизации промышленности позволили сравнительно быстро развернуть производство танков на различных предприятиях. Всего англичане в 1916–1918 годах построили около 2370 тяжелых танков десяти моделей и около 300 средних. Можно, впрочем, отметить, что Mk I заметно отставал от технического уровня своего времени. Сложная в управлении и ненадежная трансмиссия, примитивные топливная аппаратура и система выхлопа, жесткая подвеска и хрупкая гусеница стали результатом не столько новизны дела, сколько ограниченности времени на разработку.

Начало развития танков с тяжелых машин – естественно, так как они создавались в качестве «пехотного тарана», их задачи сводились к сопровождению пехоты, подавлению пулеметов, «затаптыванию» проволочных заграждений, переходу через передовые окопы противника. Они должны были «открывать дверь» прорыву пехоты и эту роль сыграли успешно.

До конца войны англичане в своих тяжелых машинах так и не смогли разрешить «формулу танка»: добиться более или менее оптимального сочетания подвижности, защищенности и огневой мощи. Бронирование защищало только от огня стрелкового оружия и не соответствовало малой скорости движения, при которой, как известно, уязвимость танка возрастала. Важным шагом поэтому можно считать защиту от бронебойных винтовочных пуль и комплекс мер по снижению пожароопасности, осуществленных в танках Mk IV и V. Вооружение тяжелых ромбовидных танков было даже избыточным, хотя огневая мощь в значительной степени снижалась неудобством работы наводчиков и заряжающих и невозможностью координировать огонь. Короткоствольные скорострельные пушки более соответствовали тогдашнему назначению танков, чем, скажем, 75-мм полевая пушка французского танка «Сен-Шамон».

Сильное впечатление оставило продемонстрированное танками «ударное действие» – много лет спустя среди главных характеристик танков указывали этот параметр, характеризуя его диаметром сваливаемого дерева или толщиной пробиваемой стены. Нельзя не признать, что всего за два года английские конструкторы решили ряд сложных по новизне и объему задач, существенно усовершенствовали танки. По сравнению с Mk I Mk V был уже новым танком, значительно более удобным в эксплуатации и живучим. Вершиной развития «ромбовидных» танков стали Mk VII и Mk VIII, но сама линия оказалась тупиковой – в том же 1918 году появился французский «Рено» FT17, представлявший собой куда более удачную и перспективную конструкцию, задавшую «классическую» схему танка. Причем французское машиностроение не опережало тогда по уровню технологий английское.

От «ромбовидной» схемы с основным вооружением в спонсонах после 1918 года фактически отказались. Английские средние Mk B и C, разработанные Вильсоном и

Триттоном, уже отходили от нее, зарубежные подражания ограничились опытными германскими A7V и K. Но в сочетании с вращающейся башней идея гусениц, обхватывающих корпус, несмотря на явные недостатки, еще долго привлекала к себе внимание – главным образом, при создании танков для «позиционных» боев: это и английские «Черчилль» и опытный TOG (созданный, кстати, конструкторами «призыва» Первой мировой), и французские 2С и В Ibis. Охватывающие корпус гусеницы оказались удобны и для дистанционно управляемых машин, на которых они встречаются до сих пор.

За два года войны английские танки приняли участие в 85 боях, существенно изменив тактику наступательного и оборонительного боя. Опыт использования своих тяжелых танков англичане сжато изложили в уставе полевой службы 1920 года: «Танк, давая укрытие своему экипажу, вооружению и механизмам от обыкновенного ружейного и пулеметного огня и шрапнельных пуль, сам способен развивать сильный и прицельный огонь во время движения и тем самым производить сильное моральное впечатление на противника... Танк способен двигаться по всякой местности, без дорог, переползать через окопы и проволочные заграждения, делая в них проходы для мелких партий пехоты».

Включение массы танков в боевой порядок позволило отказаться от длительной артиллерийской подготовки атаки. С самого начала применения танков планировалось их взаимодействие с «подвижными» частями – кавалерией, самокатчиками. Но реализовать это не удалось не только с тяжелыми «пехотными», но и с более маневренными средними «кавалерийскими» танками. Зачатков «глубокого боя» пока не было. Этому не способствовали и малый запас хода танков, и быстрое утомление экипажей, и «неприспособленность» других родов войск к продвижению в глубь обороны противника. Даже при хорошем взаимодействии с пехотой, артиллерией и авиацией танки обеспечивали лишь местный успех. Германская армия, почти не имевшая танков, сумела достичь в операциях 1917 и 1918 годов примерно таких же результатов. Кстати, как показал опыт, именно германская тактика глубоких прорывов штурмовых отрядов более соответствовала прообразу будущей танковой войны.

Тяжелые английские «ромбовидные» машины, открыв новый этап в истории военного искусства, сыграли заметную роль в подготовке не только английских, но и советских, американских и французских танкистов, став их своеобразной «школьной партией».

Таким представлял себе художник огнеметный танк недалекого будущего

Танк застал оборону врасплох. Он заставил лихорадочно работать умы военных теоретиков. Появилась идея малой механизированной армии без пехоты, однако успехи самолетостроения постепенно свели эту идею на нет.

Другой причиной победы союзников было развитие механизированного транспорта. На преимущество немцев в железнодорожном транспорте союзники ответили автомобилями и грузовиками. Высадившийся во Франции в августе 1914 года Британский экспедиционный корпус располагал 827 автомобилями (747 из них были реквизированными) и примерно 15 мотоциклами. К последнему месяцу войны автопарк британской армии состоял из 56 000 грузовиков, 23 000 автомобилей и 34 000 мотоциклов и мопедов. Кроме того, Соединенные Штаты, вступившие в войну в апреле 1917 года, доставили во Францию еще 50 000 машин с двигателями внутреннего сгорания. Весь этот транспорт при необходимости обеспечивал быстрое перемещение войск и снаряжения с места на место. Это сыграло решающую роль во многих сражениях. После войны кто-то совершенно верно заметил, что победа союзников над Германией была в некотором смысле победой грузовика над локомотивом.

Сталь и огонь

...солдаты в окопах «в особенности опасаются, как бы они (танки) не были вооружены огнеметами».

(Из показаний германских пленных в Первую мировую войну)

Можно сказать, что огнемет – почти ровесник танка: он начал использоваться в боях всего лишь за год до того, как танки получили боевое крещение. Особо отметим: огнеметы, впервые примененные немцами в массовом количестве в 1915 году на Западном фронте, достигли, пожалуй, большего морального эффекта, чем сухопутные «броненосцы». При этом огнемет оказался весьма полезным в окопной войне при поражении дзотов, укрытий и т. д. Впоследствии его установили и на танках. Но произошло это, впрочем, уже после войны.

Огнемётный танк, или самоходный огнемёт, как тип вооружения имеет три грани своей военно-технической сущности: бронированный носитель оружия (танк или бронемашина), боевая огнесмесь как средство поражения противника и огнемёт как средство доставки ее к цели.

Огнемёты уже зарекомендовали себя как эффективное средство в борьбе с укреплениями противника, но были еще весьма громоздки для ручного оружия. Радиус действия огнемёта был сравнительно небольшим, и, чтобы приблизиться к неприятелю на дистанцию выстрела, требовалась бронезащита оружия и расчета. Танк идеально подходил для нового оружия. Вездеходная бронированная машина казалась прекрасным средством доставки огнемёта на дальность эффективного прицельного огнемётания.

С осени 1916 года танкобоязнь стала типичной болезнью в германских окопах. Не случайно германские пленные сообщали, что солдаты в окопах «в особенности опасаются, как бы они (танки) не были вооружены огнемётами». То, что эта мысль осталась тогда нереализованной, можно отнести только на счет несовершенства и первых танков, и имевшихся огнемётов, которые, прежде чем поразить неприятеля, скорее превратили бы танк в крематорий для собственного экипажа.

Конструкторы лихорадочно разрабатывали проекты огнемётных танков. Но дальше опытно-конструкторских работ дело не пошло, и на полях сражений они появиться так и не успели. И состоялась премьера бронеегнемётов не так скоро – только в 1932 году.

В мае 1918 года итальянский офицер Джулио Дуэ обнародовал свои взгляды на будущую войну в форме фантастического романа «Крылатая победа». В книге он «снабдил» Германию двумя тысячами «колоссальных танков Круппа по 4000 т весом, с 6 дизелями по 3000 л.с. (из них 2 запасных), со скоростью 4 км/ч, разбрызгивающих на площади полукруга радиусом в 100 м зажигательную жидкость, экипаж – всего 2 человека». Разумеется, на самом деле подобных чудовищ в Германии строить не собирались, однако идея «подвижной крепости» все же нашла свое крайнее выражение в виде первого воплощенного в металл сверхтяжелого танка. Здесь стоит отметить, что после первых потрясений 1914 года от огня германской тяжелой артиллерии, газовых и огнемётных атак союзники вполне серьезно постоянно ожидали от Германии неких «технических чудовищ».

Конструкторы Джонсон, Рачецкий и Стерн разработали танк массой 50 т с паровым двигателем, вооружив его пулеметом и огнемётом, он был представлен на выставке в Бостоне в 1918 году. В том же году в США был разработан танк, основным оружием которого был огнемёт с дальностью выброса огнесмеси 80 м.

В России, не имеющей собственных танков, рассматривались варианты установки огнемётов на бронемашины и бронепоезда. Но в горячке войны дальше планов дело не пошло. В это же время появляется идея использования огнемёта в противотанковой обороне. Так, в России в марте 1917 года начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал-адъютант В. М. Алексеев утвердил проект «Наставления для борьбы с неприятельскими сухопутными броненосцами». К ранее перечисленным средствам для борьбы с танками в случае их появления на русском фронте здесь были добавлены огнемёты. Интересно, что немцы, начав несколькими месяцами спустя работы над легким танком LK-I, предполагали его герметизацию как раз для защиты от огнемётного оружия.

Подземно-минная война

Война кротов

Старые добрые минные галереи не ушли в прошлое вплоть до 1918 года. Длительное отсутствие продвижения вперед, переход войны в позиционную фазу вызвали активную работу всех противоборствующих сторон по обустройству своих позиций.

Из относительно неглубоких окопов начального периода войны довольно скоро стараниями пехоты и саперов стали получаться настоящие полевые крепости. Глубина окопов второй линии доходила до двух метров (а местами и метров до пяти!), а убежища нередко прикрывал защитный слой земли до 5–7 метров! Появились и капитальные огневые точки, защищенные бетоном и бронеплитами. Учитывая то, что на оборудованной таким образом позиции пехота чувствовала себя относительно безопасно, а на открытой местности атакующие цепи буквально выкашивались артиллерийско-пулемётным огнем, можно понять привязанность солдат к своим окопам. Окоп стал родным домом для солдата, там он нес службу, ел, спал... И покидать свою крепость солдат не хотел, да и командование после неудач 1915 года долго думало, прежде чем отдать команду на наступление.

Выбить же противника из такой земляной крепости ни артиллерией, ни пехотой не удавалось – от огня первой защищала не пробиваемая даже для тяжелых полевых калибров толща земли, от атак второй – насыщенность обороны искусно расположенными пулеметами. Потому и пришлось вспомнить о старой тактике, показавшей свою эффективность на протяжении веков, а также в относительно недавнем прошлом – Севастополе и Порт-Артуре. Да и во время франко-прусской войны 1870–1871 годов прусские саперы использовали динамит для подрыва французских фортификационных сооружений.

Подземная минная война – форма борьбы, типичная раньше только для крепостной войны, не нашла себе в мировую войну применения ни под одной из крепостей, но широко применялась на многих участках длинного позиционного фронта. Как борьба в узкоограниченных рамках за обладание каким-нибудь отдельным пунктом, – она нигде не имела решающего воздействия, однако же на соответствующих боевых участках оказывала значительное влияние на боевые операции.

Минные галереи применялись в качестве трудоемкого, но эффективного (конечно, при грамотном подходе) средства разрушения важных объектов в обороне противника. Ими могли быть огневые точки, а нередко просто участки окопов в направлении планируемой атаки.

Безусловно, иногда местность исключала применение этого вида борьбы (например, чрезмерно увлажненные грунты), но нередко и благоприятствовала применению мин. Например, на Буковине в междуречье Прута и Днестра минная война приобрела немалый размах. Зафиксировано минимум три подрыва горнов в районе высоты Довжок (ключевой пункт обороны австрийцев на отрезке Раранче – Топоривцы), применение мин в районе Самушина и Миткова, что на Днестре (предмостная позиция).

Не менее искусно велась и борьба с вражескими минами – велись контрминные галереи, подрывались заряды с целью обвалить галереи, ведомые врагом. Иногда под землей неожиданно сталкивались саперы противоборствующих сторон, и бой на глубине шел не на жизнь, а на смерть. Но чаще смерть оказывалась куда более жестокой – нередкими были обвалы, а взрыв контрминного заряда почти наверняка обваливал галерею, погребая под многотонной толщей работающих саперов. Задача их спасения, сложная даже в мирное время, чаще всего становилась невыполнимой в боевых условиях.

Немыми свидетелями подземной войны остаются огромные воронки, в которых обрывается едва заметная уже линия окопов, все еще зияющих в земле на высоте Довжок. Где-то тут, на пятиметровой глубине, лежат останки русских и австрийских саперов, ведь этот взрыв удался не с первой попытки, а предыдущие натолкнулись у австрийцев на обвал и подрыв русской мины (саперы, работавшие в галерее, погибли). А попытка русских саперов подорвать австрийский ДЗОТ на северном склоне высоты оказалась для них фатальной – работы были обнаружены, и подрыв австрийского заряда застал саперов за подготовкой к подрыву горна.

Возрождение подземной войны

Началом минной войны, первоначально не планировавшейся, послужила закладка атакующим в голове сапы подрывного заряда в отделявшую его от противника земляную стенку с тем, чтобы достичь неприятельского окопа, ближайшей следующей ступенью была поверхностная узкая галерея (штольня), идущая под неприятельские окопы, и, в ответ на это, более глубокая, проходящая ниже противника, оборонительная галерея.

Главной целью минной атаки было разрушение неприятельской позиции на поверхности земли; средством для достижения этой цели и побочной целью являлось сбитие с пути подземного противника. В качестве технического и тактического средства для осуществления этого развились взрывы горнов, дающих изрытие на поверхности земли, равно как и камуфлетов; вспомогательным средством для этого служили минные галереи и служба прослушивания.

Так, мало-помалу, возникали целые минные системы, состоявшие из расположенных рядом и одна над другой, направленных к неприятелю, боевых и слуховых галерей, которые соединялись между собой идущими параллельно траншее галереями, расположенными вне сферы воздействия противника.

Условия грунта решающим образом влияли на возможность и способ ведения работы и, чем глубже шли, тем это влияние было больше. Для слуховых разведок часто не имелось возможности, времени и соответствующих приборов, геология приняла участие только позже. Минирование велось во всех родах грунтов от наносного песка до природной скалы. Главным отправным пунктом при всех работах было условие не вызывать внимания противника, так как весь успех действия зависел от внезапности.

Поэтому находили себе применение все технические вспомогательные средства, которые выполняли это условие или ему содействовали.

В мягких грунтах работали двузубой мотыгой или фрезерной машиной, в твердом – сверлами и бурами с зубчатым наконечником, буровыми машинами для каменных пород и буровыми зарядами; в дюнном песке – при помощи передвижных щитов, в наносном песке – при помощи опускающих колодцев и насосов.

Все галереи и колодцы, кроме как выделанные в скале, приходилось одевать для предохранения от обвалов грунта при стрельбе вражеской артиллерии. При умеренных давлениях достаточно было применение голландских рам, при сдвигах в гористой местности – тех же рам, но из более толстых досок или брусьев, которыми одевались и колодцы. В наплавном и наносном песке с успехом применялись солидные железные и бетонные опускающие колодцы.

Требуемой глубины достигали соответственно: во влажном грунте – при помощи минного ступенчатого колодца, в твердом – минным спуском, при больших глубинах пользовались опускающими колодцами. Для последнего рода работ, оказавшихся единственно надежными при влажном грунте, или, особенно, в наносном песке, применялись железобетонные кольца. Достигнув опускающим колодцем твердого грунта, дальнейшую работу углубления продолжали при помощи деревянных пялец.

Американский пехотинец в противогазе английского образца

Над входами в опускающие колодцы устраивались прикрытия, по возможности в виде безопасных от выстрелов убежищ, в которых позже устанавливались машины для удаления земли, для вентиляции и отвода воды.

Удаление земли производилось почти исключительно земленосными мешками, которые тащились вручную, или при помощи минных тележек, или посредством подъездных путей до поверхности земли или отверстия колодца. В минных спусках удаление земли производилось при посредстве висячих или скользящих дорог, в колодцах – при помощи каната с бадьей.

Для вентиляции первоначально служили ручные вентиляторы с зубчатой передачей, позже проводимые в действие электричеством, непосредственно сцепленные с мотором. В качестве воздухопроводных труб лучшими оказались картонные, обернутые непромокаемой материей. Зачастую превосходную услугу оказывали всякого рода шлемы, защищающие от огня и дыма, приборы для дыхания и спасательные аппараты.

Прислушивание к неприятельским минным работам производилось ухом или особыми слуховыми аппаратами – звуковыми или с приводимыми в колебание телами (геофон, телегеофон, мембранный микрофон). Последние превращают колебание почвы в звук. Однако привычное к грунту ухо опытного минера остается лучшим прослушивательным прибором. Аппараты с электрическим приводом, подобно телефону, имели то преимущество, что давали возможность одному человеку одновременно нести службу прослушивания в нескольких пунктах.

При производстве взрывов новинкой оказалась укладка проводов в газовых трубах, которые могли одновременно служить и в качестве слуховых труб, а также забивка с воздушными прослойками, то есть с промежутками длиной от 1 до 3 метров, оставляемыми в материале забивки, что давало, во-первых, экономию в забивочном материале, а во-вторых, хорошо распирая самую забивку, затрудняло истекание газов, уменьшая тем действие взрыва на собственные галереи.

Новое германское наставление по подрывному делу стало результатом данных, добытых опытом минных боев в мировую войну, сводит к следующим словам: «Только неизбежная необходимость овладения тактически или стратегически важным пунктом может оправдать начало минной войны, если недостаточны надземные боевые средства. Постоянно следует помнить, что она потребляет в огромных размерах силы, материалы и время».

И противники, и наши союзники также придерживались той же точки зрения: «Минные работы следует предпринимать только в том случае, если это неминуемо, то есть если дело идет о том, чтобы разрубить неприятельское укрепление, которое не может быть захвачено никаким другим способом. Это понадобится против прочных долговременных укреплений, для обратного ими овладения, и командование должно предписывать их применение только, если оно взвесило последствия каждого удара лопатой, который противник услышит» (Генерал Кабо, «Revue du Genie militaire»).

Началась минная война применением малых зарядов весом от 6 до 10 кг, а окончилась зарядами в несколько тысяч килограммов. 19 мин которые англичане взорвали весной 1917 года на Витшаэтской дуге, составляли, в общем, около миллиона английских фунтов, а на Монте-Пазубио две камеры, после 1,25 года минной работы, были заряжены в общем 50 тоннами ВВ.

Начавшаяся в 1914 года Великая война почти сразу принесла с собой в области подземной войны сюрприз, который выразился в том, что минная война, в силу известных особых условий, стала развиваться не под крепостями, а на полевых позициях, когда фронты стабилизировались и началась позиционная война.

В такой форме почти никто не предполагал столкнуться с минной войной, хотя предостерегающий опыт уже имелся в Русско-японскую войну 1904–1905 годов, когда аналогичная форма минной войны дала о себе знать во время знаменитого «Шахэйдского сидения». Под этим названием известен период Русско-японской войны, когда с окончанием в первых числах ноября 1904 года большого наступательного со стороны русских сражения и до середины февраля 1905 года, т. е. в течение четырех месяцев обе враждующие армии, истомленные этим сражением и остановившиеся на линии р. Шахэ, сохраняя тесное соприкосновение, не проявляли никаких активных действий и, постоянно усиливая свои позиции, вели типичную «позиционную войну».

На участке передовой позиции одной пехотной дивизии, тянувшейся от железнодорожного моста через р. Шахэ до деревни Линшинпу и далее, русские окопы и укрепления подходили к японским очень близко, а именно: от головы моста всего на 140 м, а от занятой японцами у опушки деревни Линшинпу кумирни на 280 м. В этих двух пунктах завязалась минная война, впрочем, в весьма скромных размерах (в каждом из этих пунктов воюющими сторонами велось всего по одной галерее с отвлечением, причем русским удалось взорвать удачно горн сбоку японской галереи, шедшей из кумирни, и повредить ее). Борьба продолжалась здесь немного более 1,5 месяца, но ни к чему серьезному не привела (русскими приказано было свои позиции оставить). Однако этот пример показывал, что минная борьба может возникать и в условиях позиционной войны. Но на это никто серьезного внимания не обратил, и по-прежнему минная борьба считалась только спутницей войны крепостной.

Как это часто бывает, опыт этот прошел незамеченным, и потому-то в империалистическую войну появление минных работ и минных войн на позиционных фронтах было совершеннейшим сюрпризом. Притом не только для русских, но особенно для немцев, которые к этому оказались весьма слабо подготовленными, невзирая на все к тому возможности благодаря более значительному развитию техники. По выражению германского писателя Шварте, давшего очерк минной борьбы на западноевропейских фронтах в книге «Техника в мировой войне» («Die Technik im Weltkrieg»), «минная война пребывала в мирное время в забвении, а с нею тактические и технические приемы и средства ведения ее; во всем пришлось начинать сначала, возвращаясь как бы инстинктивно к первобытным приемам борьбы. Таким образом, для достижения состояния современной техники минная война развивалась как в отношении своих средств, так и их применения так же, как в течение нескольких столетий... Технического характера выводы из опыта минной войны во многих случаях были бы не нужны, если бы с самого начала воспользовались применением широко развитой техники мирного времени».

На русском фронте в войну 1914–1918 годов было до 50 случаев применения минных работ, но почти нигде они не получили такого развития, как на западноевропейских фронтах. Обширное применение всевозможных технических средств, производимых гражданской промышленностью, широкая подготовка в тыловых районах новых кадров минеров с привлечением для этого преимущественно людей из числа бывших горнорабочих создавали здесь такие условия, что мощные войны велись на очень протяженных участках, отличались необычайной длительностью, упорством с обеих сторон, но, в конце концов, «решительных результатов» крупного масштаба не давали, что и является причиной того, что по настоящее время многие военные люди с большой неохотой говорят о минах и снова мало верят в возможность их широкого применения в будущей большой войне. Но это неверно: нет такой войны, в которой не появлялись бы те или иные старые приемы и средства.

Операция в Борэне

В феврале 1915 года французы провели операцию в Борэне, к юго-западу от Араса. В ней участвовали артиллерия, саперы и пехота. Потери французов были незначительны, достигнутые же результаты несомненны. Задачей операции было разрушить кирпичный завод в Борэне и разведать оборонительную систему неприятеля.

Подземной сапой французы добрались сначала до здания завода и заложили под ним пять сильных горнов. Затем французская артиллерия открыла огонь, чтобы побудить противника заполнить свои окопы. К вечеру заложенные горны были взорваны, и от них рухнул один дом и обвалилась часть здания завода. Все защитники этого участка фронта были погребены под руинами здания. После этого немцы не посмели

взяться за ремонт своих разрушенных проволочных заграждений – они опасались новых взрывов других подкопов.

Минная борьба под Каранси

В секторе Каранси минная борьба началась с января 1915 года. Французские подкопы направлялись под выступ неприятельских линий. Но взрыв в начале февраля одного германского горна между двумя французскими подкопами обнаружил существование целой системы встречных сап, которые угрожали опередить французские. Через несколько дней пленные подтвердили существование этой угрозы. Французы провели перед своими передовыми окопами целый ряд оборонительных подземных галерей, при помощи которых постепенно взорвали все разветвления направленных в их стороны немецких подкопов. Так опасность была устранена.

Французам был известен размах немецких работ; они знали о наличии в Каранси шести немецких саперных рот по 300 человек каждая. Поэтому ими было решено свои работы пустить вглубь, чтобы оказаться под немецкими подкопами. План этот удался, и в начале мая они заложили под немецкими линиями 17 горнов, заряженных 300 кг взрывчатых веществ каждый. С этого момента превосходство французских саперов было обеспечено. Они так вели свои подкопы, что неприятель ничего не мог с ними поделать. Взорванные тем временем немецкие горны не задержали серьезно их дальнейших работ. Чтобы оценить размах их работ, достаточно сказать, что с 6 марта до начала мая общая сеть их подкопов и разветвлений в одном этом секторе достигла длины в 2,5 километра; а количество использованных взрывчатых веществ превзошло 28 тонн.

Перед большинством германских укреплений устроена была целая система оборонительных подкопов, благодаря которым противник всегда мог взорвать площадь, занятую атакующими и бороться с французским подземным наступлением.

В 06.45 утра 9 мая, в разгар начатой бомбардировки, на фронте сектора Каранси сразу было взорвано 17 горнов. Гром пушек заглушил шум от этих взрывов. Проволочные заграждения и рогатки были разрушены ими почти сплошь. Часть окопов были засыпаны на пространстве 50–80 м в длину. Многие фланговые укрепления с пулеметами и бомбометами были разворочены. Этот хаос почвы и края воронок послужили для наступающих естественным прикрытием. Сообщение противника с его тылом было прервано. Многочисленные германские солдаты оказались отрезанными в своих окопах и должны были сдаться.

Все подземные работы противника были уничтожены. Его заряженные или приготовленные горны были засыпаны или же обезврежены. Его землекопы оказались погребенными под землей.

Подкопы у Каранси можно считать образцом подземных работ. Взрыв французских подкопов дал превосходные результаты и на других пунктах, например, в секторе Лорэт.

Подземная война вокруг Алжирской фермы, к востоку от Реймса

Здесь борьба шла уже несколько месяцев. Сапы и контрсапы пробирались с той и другой стороны вплоть до того момента, пока не взрывались заложенные мины. Преимущество здесь бывает на стороне того, кто действует быстрее. Французские саперы дали в этой операции доказательство своего хладнокровия, технической сноровки и храбрости.

Когда находившиеся в одном из разветвлений сапы «слухачи» убедились в близости неприятельской галереи, то было устроено гнездо для мины. При этом немецкие работы производились в слоях почвы, расположенных ниже французской сапы. Неожиданно сапер, копавший гнездо для мины, встретил пустоту; он попал на немецкую сапу.

Тотчас же были погашены все огни и был принесен заряд для взрыва. Двое инженеров-офицеров с двумя саперами, с револьверами в руках отправились по неприятельской галерее. Убедившись по расслышанному на небольшом расстоянии шепоту, что в этой галерее есть люди, они вернулись к своему колодцу, закупорили его досками и немедленно приступили к укладке заряда.

Операция эта была очень трудная, т. к., чтобы не привлечь внимания противника, остановлены были вентиляторы; и свечи стали то и дело гаснуть от недостатка кислорода. Тем временем немцы насторожились, и было слышно, как они били по доскам колодца своими лопатами и ломом. Но французские саперы их опередили. И раньше, чем противник смог что-либо предпринять, заряженная 650 килограммами шеддита мина взорвалась и, разрушив неприятельскую галерею, задушила работавших в ней немцев.

Саперы в Аргони

В Аргони французские и немецкие окопы находились зачастую на таком близком расстоянии один от другого, что вся борьба велась ручными гранатами и бомбами. Ни один из противников не мог безнаказанно показаться над бруствером главного окопа.

Выигрыша пространства здесь можно было добиться только сапой. Подкопы разбегаются под землей. Сапы и контрсапы скрещиваются и встречаются. Тут все зависит от того, кто первый пустит в ход заряд своей мины и устроит «камуфлет» противнику. Французские саперы работали день и ночь. Работа их тяжелая и опасная: кто даст застать себя врасплох – тот погиб. Саперы неустанно рыли и ковыряли землю. На пространстве между Фур-де-Пари и рекой Эо инженерными ротами было прорыто три километра подземных ходов, взорвано 52 горна и истрачено 7200 кг взрывчатых веществ.

Одна атака была направлена под германские окопы Куртшоса. Заготовлено было семь подкопов. Четыре под самым окопом, а остальные – в нескольких метрах впереди и позади его. Один из них находился в галерее, откуда уже несколько дней слышен был заглушённый шум какой-то немецкой сапы.

Однажды утром расслышали, как там посвистывал и напевал немецкий сапер; потом пришел немецкий унтер-офицер сделать промер хода сапы; слышно было, как он разносил своих солдат за медленную работу и заявил что мина должна быть закончена к следующему дню.

Схема сапы и контрсапы

А в этот день и у французов была назначена атака. Заряд был положен на свое место; но вечером атаку отложили, и мину разрядили. На следующий день в немецкой сапе не слышно было никакого шума; их подкоп, должно быть, был закончен. Тем не менее французские саперы не задумываясь вернулись к своему горну, так как их атака теперь была назначена на следующий день.

Они только что успели закончить бурение и удалиться, как взорвался немецкий подкоп. Один подпоручик сразу спустился в галерею, чтобы проверить действие вражеского взрыва. Он убедился, что благодаря природным расщелинам в почве там образовался сильный сквозняк. Газы не отравили атмосферу галереи, и французский шеддит не взорвался. Произведя расчистку подкопа, офицер все привел в надлежащий порядок. А наутро, в назначенный час, этот горн был взорван одновременно с шестью другими, и неприятельские позиции перешли во французские руки.

Подземная гонка

Много дней французские саперы работали в подземной галерее поблизости от Боланта. Их сапа пришлась как раз под наблюдательным постом немецкого «слушателя». Отчетливо были слышны шаги наблюдателя. В то же самое время французский «слушатель» мог различать шум неприятельских рабочих, которые со своей стороны вели сапу под французские укрепления. Обе галереи оказывались на таком близком расстоянии между собой, что французы решили зарядить свой горн.

Как вдруг в конце их сапы обвалилась земля. Немецкий сапер, работавший впереди, при виде французского сапера стремительно убежал. Раньше чем у немцев забила тревогу, командование дало приказ забить эту галерею мешками с землей и наскоро зарядить горн. Было слышно, как немцы вернулись в большом числе, таща в свою сапу ящики со взрывчатыми веществами. Но французы уже закончили свой заряд и очистили галерею.

Взрыв французского подкопа застал немецких саперов с разгаре работы; их мина взорвалась одновременно с французской. Было видно, как взлетели на воздух их рабочие и солдаты подземного наблюдательного пункта.

Удачное дело под Эпаржем

Под Верденом, в долине между холмами и высотами Мезы, расположилось небольшое селение Эпарж. Передовые окопы немцев находились к востоку от этой деревни. Гребень же холма был оборудован ими в очень сильное укрепление, вроде большого редута с двумя бастионами на западном и на восточном концах и с двойной линией окопов в промежутке. Укрепление это закрывало два перевала.

Французская атака была подготовлена заранее методически веденной сапой. Подкопами они подошли со дна долины под самые неприятельские траншеи, где и заложили мины. Утром 17 февраля 1915 года эти мины были взорваны, и цепь воронок перервала весь гласис, предоставив в то же время штурмующим войскам первое

прикрытие, пока пушки расчищали им дальнейший путь. Французские мины произвели такой страшный взрыв, что им удалось занять перволинейный германский окоп без единого ружейного выстрела. Немцы были ошеломлены.

Один взятый в плен офицер 8-го баварского полка говорил, что он был не в состоянии предупредить панику своих людей, и большинство их бежали; те же, которые удержаны были им на месте, погибли; так что когда французы пошли в штыки, то застали их в живых больше двадцати пяти человек, которые и сдались в плен. Штурмующие французы двинулись на западный бастион. Сначала они заняли воронки от взрыва мин, затем первую и вторую линии окопов. И весь западный бастион перешел в их руки.

Бой за лес Аий

Между Вевром и Сан-Миалем находятся заросли большого Апремонского леса. С северо-запада от него расположен лес Аий. В апреле 1915 года здесь развернулись упорные бои за овладение этой позицией. Французская атака 23 апреля развивалась по типовому сценарию того времени: сначала мощная артподготовка, затем были взорваны заложенные под германским бруствером и по соседству с вражеским фортом мины; они похоронили под собой весь гарнизон укрепления и вызвали панику в соседних окопах. Это послужило сигналом к штурму.

Пехота быстро поднялась из своих траншей. Без единого выстрела, со штыками наперевес, солдаты тремя последовательными волнами бросились на неприятеля. Многие немецкие солдаты пытались спастись в подземных убежищах, но обвалы от подземных взрывов похоронили под собой всех этих людей. Во взятых окопах мертвые были навалены в три яруса. Весь гарнизон укрепления погиб. В итоге весь участок немецкой обороны оказался в руках французов. Правда, от леса Аий уцелело лишь несколько изувеченных пней.

Саперы Ля-Фотнели

В Вогезах близость французских и немецких позиций и их сильные оборонительные средства принудили обоих противников, где только это позволяли местные грунтовые условия, прибегать к способам осадной войны – к сапе и к подкопам. Хотя все веденные в апреле 1915 года работы имели местное значение и носили медленный и методический характер, но привели к крайне решительным действиям.

К востоку от Ля-Жонтели французы соорудили на вершине холма с отметкой 627 мощную оборонительную линию. Немцы повели правильную осаду этого холма. Они подвели свои траншеи на расстояние 20–25 метров от французских линий и завязали подземную борьбу. Отказавшись от захвата укрепления высоты 627 открытой атакой, противник решил подточить их изподволь подкопами. Но очень твердый каменистый грунт тяжело поддавался бураву и лому, и французы опередили своего противника в разветвлениях своей контрсапы.

Первая стычка. 6 апреля немецкий сапер проломил своим заступом тонкий слой скалы, отделявший его от одного из французских разветвлений. Французы немедленно взорвали всю промежуточную перегородку. Противник же взорвал один свой горн, испортив первую французскую галерею.

Затем была обнаружена другая германская сапа, которая в каких-нибудь 2 метрах проходила бок о бок с французской. Тогда французы заложили сильный горн в 200 кг пороха; его взрыв образовал воронку до 14 метров диаметром, где исчезли и разветвления немецкой сапы, и укрепленный пункт, от которого они вели свои работы.

Борьба за выдвинутый подкоп. Тогда самая живая борьба началась вокруг французского, ушедшего далеко вперед подкопа, перед которым французам удалось устроить «камуфлет» немецкой сапе. Германцы заложили на уровне земли сильнейший заряд. 10 апреля два взрыва опрокинули и похоронили под обвалившимся бруствером всех защитников укрепления. Через образовавшуюся брешь, осыпая все перед собой гранатами и взрывчатыми снарядами, германцы ворвались в траншею.

В секторе Пэрта

В лесистой местности между Суэном и Пэртом происходили очень ожесточенные бои. Немцами была создана мощная сеть окопов, по своей форме образовывавшая почти треугольник и прозванная французами Карманом. Здесь целый год велась подземная война. Эта взрытая воронками, изрезанная и перерезанная окопами и ходами сообщения местность была весьма затруднительная для атаки.

Расцвет подземной войны

Сложность и опасность ведения подземной войны приводила к ее некоторому ограничению в 1917 году. Достигнув своего апогея в 1916 году, подземная война (только в июне этого года немцами было взорвано 126 горнов, англичанами – 101 горн) в 1917 году пошла несколько на убыль.

Всего же за два года войны на Западном фронте было взорвано горнов со стороны союзников: 1916-й – 750 горнов, 1917-й – 117 горнов (всего 867); со стороны немцев: 1916-й – 696 горнов, 1917-й – 106 горнов (всего 802). Итого – 1669 горнов с обеих сторон. Эта довольно внушительная цифра свидетельствует о стремлении как англичан, французов и итальянцев, так и немцев и австрийцев решать некоторые проблемы наступления и обороны за счет подземных действий. С учетом стремительного развития авиации и более широкого ее применения для решения различных задач в операциях, борьба в Первой мировой войне стала приобретать воздушно-наземно-подземный характер.

Витшаэтская дуга.

Подрыв германского фронта

От конца минных боев Великой войны нас отделяют почти 100 лет, и тем не менее за это время специалисты еще не успели подробно изучить все то, что проделано было по части минных войн на западноевропейских фронтах. Необходимо остановить внимание на самом крупнейшем, поистине классическом примере, которым является минная война на участке англо-германского фронта южнее Ипра, в Мессинском районе, на Участке, известном под названием «Витшаэтская дуга».

Это был самый крупный взрыв в военных целях в доядерную эпоху. Во время Первой мировой войны 7 июня 1917 года англичане на Витшаэтской дуге взорвали в подкопах под немецкими позициями 40 железнодорожных вагонов динамита. Установить число погибших немцев оказалось невозможным. Взрывом были выведены из строя две дивизии и четыре отдельных полка, около 7000 выживших солдат противника были почти без сопротивления захвачены в плен.

Это самый грандиозный по объему и характеру исполненных работ пример, оставляющий далеко позади себя и Севастополь, и все другие, известные до сего времени примеры минных войн.

Обратим внимание на технические детали этих выдающихся работ. Этот пример особенно поучителен тем, что как раз выдвигает новые факторы, имевшие место в этой замечательной минной борьбе; к таковым следует отнести громадное значение для минной борьбы геологии, техники ведения минных работ в слоистых грунтах и на больших глубинах, расчетов и закладки на больших глубинах весьма крупных зарядов дробящих ВВ.

Однако следует оговорить, что под Витшаэтской дугой, собственно, крупной минной борьбы в тактическом смысле, такой, как, например, под Севастополем, а также на различных участках западноевропейского фронта в Аргоннах, в Пикардии, в Артуа у Гивенши, на Гогенцоллернском редуте, южнее канала Ля-Бассе и пр., такой борьбы целиком на всем протяжении данного участка не было. На Витшаэтской дуге минные работы были растянуты на протяжении около 15 км, но велись в нескольких определенных пунктах сравнительно небольшим числом галерей и рукавов.

Общая схема подземной борьбы у Сент-Элуа на Витшаэтской дуге в 1916–1917 гг.

Особенность борьбы здесь заключалась в том, что пришлось иметь дело со слоистым грунтом, причем не во всех слоях можно было выводить галереи; так, например, со стороны англичан, у которых была очень хорошо организована геологическая служба, самые трудные работы пришлось выполнять в местности между Вульвергэмом и Мессинном, где немцами был укреплен очень сильный участок. Здесь велись галереи к ферме Онтарио. Над синей глиной, в которой можно было прокладывать галереи, залежали водоносные аллювиальные наносы, состоящие из песков и песчаных глин; они залежали мощным слоем в 28,5 м. Сначала были сделаны две безуспешные попытки провести колодцы через плывучие пески, но затем на основании данных разведочных буровых скважин нашли более удобные места, и работа пошла успешнее. В новых пунктах английской наступательной галереи через аллювиальные наносы были опущены стальные трубы в синюю ипрскую глину. Однако здесь, после того как со дна колодца вывели вперед галерею на длину 146 м, потолок в галерее сделался сырым и в последнюю начала проникать вода с песком; тогда конец галереи быстро закупорили и стали производить тщательное геологическое исследование при помощи ряда буровых скважин. Оказалось, что галерея своим концом подошла к самому дну древнего аллювиального русла; ее углубили дополнительно на 2 м, после чего над

галереей оказался слой глины, вполне способный противодействовать просачиванию воды. Из отчета геолога, руководившего работами, узнаем, что выведение галереи в указанном направлении и заряжение на их концах камер с общим зарядом в 27,24 т (что продолжалось, в общем, 4,5 месяца) было закончено как раз к моменту атаки – 7 июня 1917 года, причем результат взрыва был весьма удовлетворителен.

В другом пункте – у Сент-Элуа – англичане вели галерею на глубине 38 м и на длину 500 м и заложили горн 43,4 т.

Из всего этого видно, сколь трудны и новы были в техническом отношении минные работы на Витшаэтской дуге и насколько значительны показатели этих работ: 7 июня 1917 года англичанами было взорвано 19 горнов, заключавших в себе 425 т ВВ; на работах было занято до 25 000 уэльских рудокопов. Англичане имели крупный тактический успех: немцы очистили весь выступ у Витшаэте – Мессины и отошли на хордовую позицию. Немцы в этой минной борьбе оказались не на высоте: они с большим опозданием привлекали к работам своих геологов и не обнаружили своевременно глубоких английских галерей. Таким образом, значение геологии для минной войны выявилось здесь с полной силой, а трудные условия грунта заставили применять оригинальные приемы и средства.

Витшаэтская дуга – это последний пример крупной подземной войны, из которой, несомненно, можно черпать опыт для совершенствования приемов и средств минной борьбы.

Что бы ни говорили скептики о малых результатах, достигаемых минными войнами, этих последних избежать едва ли удастся и в современных войнах, где преобладают маневренные действия и такие факторы, как авиация, танки, ОВ и пр. Современные средства поражения заставляют оборону располагать свои сооружения на значительной глубине под землей, и добраться до них атаке можно будет только при содействии мин, если, конечно, сооружения эти не потеряют силу вследствие одержания победы указанными выше новыми средствами борьбы, а поручиться за это никто не может.

Разрез по германским контрминам у Сент-Элуа («Анна» – галерея № 8)

Тоннель, ведущий к победе

В 1917 году была проведена уникальная воздушно-наземно-подземная армейская наступательная операция.

Если в начале Первой мировой войны боевые действия носили в основном маневренный характер, представляя собой встречные сражения, то затем противоборство приобрело позиционные формы. Попытки с ходу взломать оборону противника раз за разом терпели неудачу. Начался поиск решения проблемы «позиционного тупика».

Создавались так называемые инженерные плацдармы, на которых сосредотачивалось большое количество тяжелой артиллерии, огромные массы пехоты и колоссальные запасы материальных средств. После этого начинались длительные артподготовки, затем – пехотные атаки, которые завершались в лучшем случае прорывом тактической зоны обороны неприятеля. Позже в наступательных операциях стали применяться танки, самолеты, отравляющие вещества, однако все было бесполезно.

Другой способ опробовал известный русский военачальник генерал Брусилов. Войска Юго-Западного фронта, которым он командовал, нанесли тринадцать рассекающих ударов (4 армейских и 9 корпусных) одновременно и достигли успеха, хотя и несколько ограниченного в оперативно-стратегическом масштабе. Однако англо-французские союзники России поступили точно так же лишь в 1918 году. А в кампании 1917 года на Западе продолжалось опробование новых методов вооруженной борьбы. И тут, как некогда при осаде крепостей, в ход пошли подземные минные галереи, которые подводились под чрезвычайно развитые в инженерном отношении вражеские позиции, заграждения, узлы сопротивления, укрепленные районы.

Выступ у Мессина

Активизация подземных боевых действий и их разноплановость привели к тому, что в обиход вновь вошло понятие «подземная минная война», выдвинувшая определенные тактические правила, которых необходимо было придерживаться как при подземной атаке, так и при обороне. Наряду с отдельными минными атаками и контратаками (контрминами), имевшими цель нанести поражение какому-то отдельному объекту противника, применялись минные атаки узким, а иногда и широким фронтом. Причем они уже проводились не как самостоятельные боевые действия, а по единому замыслу и плану с наземными с тем, чтобы прорвать неприятельскую оборону и развить успех

в глубь обороны неприятеля. Более того, англичане с 7 по 15 июня 1917 года провели уникальную армейскую наступательную операцию, которую Лиддел-Гарт назвал шедевром осадной войны.

Это была в некотором роде всеобъемлющая операция – воздушно-наземно-подземная. Руководил ею командующий 2-й английской армией генерал Пламер. Свое кодовое название «Messines» («Мессин») операция получила по месту проведения – в районе г. Мессин в Западной Фландрии в период с 7 по 15 июня 1917 года. Но пришли к ней не сразу. Этому предшествовали частные подземные атаки и контратаки.

После упорных боев 1914 года во Фландрии сложился англо-германский фронт оригинальной конфигурации: от Ньюпорта, на берегу Ла-Манша, на Ипр он шел почти по прямой линии, в окрестностях же населенных пунктов Витшаэте и Мессин изгибался, а потом опять тянулся практически по прямой линии на Аррас. В окрестностях Витшаэте и Мессин немецкий фронт вклинивался в оборону англичан на 15 км. Этот выступ был назван Витшаэтской дугой. Вся ее площадь составляла около 50 км². Она была насыщена крестьянскими дворами (около 60), превращенными немцами в маленькие форты. Помимо этого было создано несколько линий окопов, усиленных густыми полосами проволочной сети, большим числом ходов сообщения, убежищ и наблюдательных пунктов, огромным количеством пулеметных, минометных и других установок. На выступе германские войска имели много орудий тяжелой артиллерии, часть которой была выдвинута вперед для ведения флангового огня по английским позициям у Ипрского канала и севернее Армантьера.

То обстоятельство, что в районе Витшаэте находились командные высоты, на которых немцы располагали артиллерию, командные пункты, а также пересечение многочисленных дорог, осложняло положение британцев. Этот выступ в немецкой обороне создавал им серьезные проблемы. Вот почему английское командование неоднократно пыталось «изгнать злой дух Витшаэтской дуги». Однако все испробованные способы, в том числе артиллерийский огонь, неоднократные штурмы, применение танков, самолетов не привели к успеху. Тогда генерал Пламер решил провести комбинированную наступательную операцию.

Замысел

По применению авиации ограничений не имелось. Местность в целом позволяла использовать танки на всех направлениях. Британская пехота была довольно хорошо подготовлена и могла атаковать врага практически на любом участке данного отрезка фронта. Что касается подземной атаки, то условия грунта были неодинаковы на протяжении всей дуги и несколько осложняли действия английских минеров. Тем не менее, несмотря на это теория и практика ведения подземной минной войны позволяли англичанам надеяться на успех. Британцы, готовя данную операцию, опирались на опыт осады Севастополя в 1854–1855 годах, а также проведения частных минных атак на этом и других участках англо-германского фронта.

Пробные минные атаки проводились здесь как англичанами, так и немцами начиная еще с 1914 года. Успеха добивались обе противоборствующие стороны попеременно. Никто не хотел уступать как на земле, так и под землей.

Грунт в районе Мессин и Витшаэте был в основном слоистым (как при обороне Севастополя 1854–1855 гг. русскими войсками). Под верхним наносным и водопроницаемым слоем песка залегал слой жирной ипрской глины различной толщины на глубине от 20 м до 60 м от поверхности земли, что требовало тщательного его изучения и учета исследований при создании минной системы.

С самого начала подземной войны в районе Витшаэтской дуги (с 1914 года) англичане широко привлекали для создания галерей специалистов по подземным работам. По прибытии на место горняки тщательно изучали структуру грунта, определяли объем работ, график отрывки галерей и приступали к созданию минной системы. В целях сокрытия подготовки минной атаки, а также чтобы обезопасить минную систему от атак противника, англичане входы в галереи располагали глубоко у себя в тылу. Они входили минными колодцами в слой глины на глубину 20 м, но которому впоследствии вышли под первую траншею немцев. Учитывая сложную структуру грунта в районе немецких позиций, а также выход пласта глины ближе к поверхности земли, расстояние между верхней частью минной галереи и дном немецких окопов составило около 5–10 м. Однако ввиду плохо организованной немецкой службы прослушивания, англичане смогли незаметно подобраться к неприятелю. Немцы оказались в невыгодных условиях и вынуждены были под землей лишь обороняться. Германским минерам пришлось в ответ на подземные атаки противника стараться быстро организовать контрмины. Для этого нужно было ускоренными темпами проходить через водопроницаемые, перемешанные с наносным песком слой грунта при помощи особых, сначала деревянных, а затем железных и железобетонных опускных колодцев. Это значительно затрудняло и замедляло работу. Несмотря на трудности немецким минерам летом 1915 года все же удалось удачно

взорвать несколько камуфлетов, благодаря чему англичане вынуждены были отступить от Альтвега, Голяндшшура.

Британцы, в свою очередь, на этом не успокоились и в течение зимы 1915 года при помощи бурения вывели глубокие мины под высоту у С. Элоя, а также между Майдельштедом и Бакхофом.

В 1916 году минная борьба велась с переменным успехом. Получив богатый опыт подземного противодействия на других участках фронта – у Лоретта и Вами, в Аргоннах, Вогезах и Карпатах, – немецкие минеры стали успешнее справляться со всеми техническими трудностями создания минных и контрминных систем, что позволяло им одерживать частные победы в минной борьбе. Так, например, им удалось разбить сравнительно неглубокие английские галереи у ручья Дувэ, отбросить неприятеля назад у Франзекихоф, создав контрминную систему на глубине 40 м. Не менее удачны были немецкие минные атаки у Шпанброкской мельницы. Подземные атаки у высоты С. Элоя, а также у Майдельштеда и у Бакхофа на глубине от 50 до 60 м позволили им отбросить англичан от своей второй линии окопов.

В ходе ведения наземной и воздушной контрминной борьбы для разрушения галерей противника применялись орудия различных калибров, минометы, бросающие «бутыли», воздушные мины (бомбы), гранаты (особые заряды детонирующего вещества в жестяных коробках с деревянными рукоятками – «calendriers»), а также небольшие вращающиеся бомбочки, бросаемые как плоский камень, – «жабы». Иногда для поражения минеров противника в галереях использовались удушливые (отравляющие) газы и насосы, выбрасывающие горящую жидкость (огнеметы).

Несмотря на переменный успех в подземной минной войне англичане все-таки решили выбить немцев с Витшаэтской дуги. Теперь успех был поставлен в зависимость от совместных действий в трех измерениях: в воздухе, на земле, под землей.

Замыслом операции предполагалось нанесение ударов по выступу с трех направлений: в центре и на флангах. Таким образом, англичане хотели одновременно рассечь, окружить и уничтожить группировку противника на Витшаэтской дуге. Оперативное построение 2-й армии было в один эшелон. Корпуса также строили свои боевые порядки в один эшелон с выделением мощного резерва. Это позволяло наносить мощный первоначальный удар, а также своевременно наращивать усилия на тех направлениях, где намечался успех.

На правом (южном) фланге наступал 2-й корпус «Анзак» в составе 3-й австралийской, новозеландской и 25-й пехотных дивизий; 4-я австралийская пехотная дивизия была в резерве. В центре действовал 9-й корпус. В него входили 36, 16, 19-я пехотные дивизии. 11-я пехотная дивизия была в резерве. На левом фланге наносил удар 10-й корпус. В первом эшелоне наступали 41, 47, 23-я пехотные дивизии; в резерве находилась 24-я пехотная дивизия. Пяти дивизиям первого эшелона, действовавшим на направлениях главных ударов, назначался узкий участок прорыва, в то время как остальным четырем (на сковывающих направлениях) – широкий. После захвата дивизиями первого эшелона первого рубежа в бой вводился резерв («перепрыгивал» через атакующих) для овладения рубежом Ооставерн – конечной целью операции. Одним из основных требований, предъявляемых генералом Пламером, было выполнение поставленных задач с минимальными потерями.

Командующий 2-й английской армией для захвата господства в воздухе, ведения разведки и нанесения поражения наземным войскам противника создал мощную по тем временам авиационную группировку в количестве 300 самолетов. Воздушные удары применялись и для разрушения немецкой контрминной системы. Для эффективного огневого поражения немецких войск, разрушения их оборонительных сооружений, подавления и уничтожения германской артиллерии генерал Пламер сосредоточил в районе дуги 2200 орудий, в том числе 756 тяжелых. Чтобы прорвать оборону противника в высоком темпе, он для поддержки действий 12 пехотных дивизий выделил 90 танков. Чтобы достичь высоких темпов прорыва тактической зоны обороны противника на направлениях главных ударов, были созданы высокие плотности артиллерии. Только в полосе наступления 9-го армейского корпуса имелось 718 пушек и гаубиц, 192 окопные мортиры, 198 пулеметов, что позволяло создавать довольно высокие плотности: одно орудие на каждые 7 м фронта или 240 орудий на милю.

Командующий 4-й немецкой армией генерал фон Арним на Витшаэтской дуге мог противопоставить неприятелю 5 пехотных дивизий и около 350 орудий. Однако германские войска занимали господствующие высоты, контролирующие подступы к обороне. К тому же в инженерном отношении немецкая оборона практически была лишена изъянов.

Подготовка

Операции готовилась самым тщательным образом в течение почти 15 месяцев. При этом ограничений в средствах практически не было. Для снабжения армии всем

необходимым привлекались многие британские заводы, месяцами работавшие для обеспечения наземных войск и минеров. Англичане хорошо оборудовали исходный район для наступления. Были созданы главные и отсечные линии окопов, извилистые ходы сообщения, группы убежищ. Склады запасов напоминали собой пчелиный улей. Густая, разветвленная по разным направлениям сеть широко- и узкоколейных железных и обыкновенных дорог напоминала собой хорошо оборудованную трамвайную сеть большого европейского города. По этим дорогам постоянно доставлялись боеприпасы, продовольствие и другие грузы к складам и окопам. Очень искусно располагалась артиллерия. Для ведения наблюдения за полем боя и корректировки стрельбы артиллерии были оборудованы два великолепных наблюдательных пункта на высотах Кеммель и Россиньоль.

Важнейшими условиями достижения успеха готовящейся операции считались умелая организация и эффективное ведение разведки. Все данные от допросов пленных, наземной и воздушной разведки, аэрофотоснимки, перехваченные радиосообщения, работа звукометрических аппаратов – все стекалось в армейский разведцентр. Обобщение и анализ полученной информации позволяли правильно спланировать и увязать между собой воздушные, наземные и подземные действия.

Серьезно относились и к борьбе с германским шпионством. Факт ведения минных работ англичанами был известен немецкому командованию. В тыловых районах этого участка фронта буквально роились германские шпионы. Но даже вынутый из подземных штолен грунт вывозился англичанами в тыл в мешках, так что даже по цвету грунта противник не мог определить хотя бы примерную глубину заложения минных камер.

Фронтные рудники

Особое место занимала подготовка подземной минной атаки. К декабрю 1916 года в район проведения операции прибыло значительное количество опытных минеров и более 25 000 уэльских рудокопов которые сразу же приступили к созданию грандиозной системы, напоминавшей разработку рудников. В целях повышения скорости и надежности работ англичане применили механизмы, которые работали при строительстве Лондонского метрополитена.

Минеры в голове «мины»

Используя уже ранее выведенные галереи, а также отрывая новые, англичане 22 магистральными галереями с целой сетью разветвлявшихся от них рукавов охватили практически всю Витшаэтскую дугу от высот 59 и 60 – на севере и до селения Сен-Ивон – на юге. Основная часть галерей шла на глубине 50–60 м под вторым уровнем грунтовых вод. Лишь некоторые из них проходили на глубине 24–36 м. Они подводились под первую и кое-где под вторую линии немецких окопов. Общая протяженность английских галерей в этой операции достигала 7300 м (по данным Лиддел-Гарта, – 8000 м).

Германские саперы всячески противодействовали подготовке неприятелем минной атаки. Создавалась разветвленная контрминная система, проводились подрывы камуфлетов, разрушавших некоторые английские галереи. Нужна была огромная выдержка английского командования, чтобы до конца вести все намеченные галереи. Так, например, за несколько месяцев до атаки Пламеру доложили, что германцы находятся в 45 см от мины, проводимой под высотой 60, и что необходимо предупредить противника и мину взорвать. Однако Пламер был непоколебим – важно дожидаться момента начала минной атаки и одновременно подорвать все горны.

Землетрясение!

Предварительная артиллерийская подготовка атаки началась еще 15 мая 1917 года. Одной из главных ее задач наряду с поражением живой силы и укреплений немцев было скрыть подземные работы, которые по мере приближения к первой линии окопов становились все более отчетливо слышны противником. 21 мая саперы принялись скрытно проделывать проходы в немецких заграждениях, что было сделать весьма трудно.

Главная артиллерийская подготовка со стороны англичан началась 27 мая и продолжалась 10 дней. В ходе ее тяжелая артиллерия вела огонь по немецкому тылу, уничтожая артиллерийские батареи, разрушая склады боеприпасов, узловые пункты дорог и др., а минометы наносили урон живой силе противника на переднем крае и в ближайшей тактической глубине. При этом применялись мины, как в обычном снаряжении, так и химические. После разрыва таких мин отравляющие вещества в виде тумана стелились по всей местности и уничтожали все живое. Особое внимание

в ходе артиллерийской подготовки было уделено Витшаэте и Мессину, которые занимали восточные пруссаки и саксонцы. Эти населенные пункты практически сровняли с землей.

С первых дней июня артиллерийский огонь стал вестись с перерывами, чем была сделана попытка выманить немцев из укрытий на боевые позиции и там их уничтожить. Однако германское командование, предвидя штурм англичан и боясь подземных взрывов, в первых двух траншеях оставило минимально необходимое количество солдат и офицеров. Вообще же по ходу Первой мировой войны, особенно начиная с 1916 года, боязнь подземных минных атак среди личного состава обеих воюющих сторон стремительно возрастала. Другим поводом для проведения артиллерийской подготовки различными методами, в том числе и огневыми валами, была проверка готовности и способности английской артиллерии к надежному подавлению и уничтожению противника в ходе проведения операции.

7 июня 1917 года в 3 часа 10 минут (по другим данным, в 4 часа утра) в небо взвилась зеленая ракета. По всему фронту Витшаэтской дуги раздался сильнейший взрыв, от которого, как говорили немцы, содрогнулись земля и небо. Это был произведен взрыв 19 горнов по 23 тонны ВВ в каждом – около 437 тонн (из 22 не сработало 2 заряда, один горн был уничтожен немецкой контрминой). По данным фельдмаршала Хэйга, общий вес заряда составлял свыше 1 миллиона фунтов (27 500 пудов) динамита. По другим источникам, величина заряда равнялась 454 т (28 000 пудов), то есть грузу 30 товарных вагонов, а по Лидд, ел-Гарту – 600 т. Взрыв был настолько силен, что глухие сотрясения почвы ощущались в глубоком немецком тылу – до 25 км и были приняты за землетрясение. Некоторые германские военнослужащие в страшном испуге и без оглядки бежали в тыл своих позиций, наводя страх и ужас, сея панику среди своих войск. В некоторых источниках указывается, что взрыв был слышен даже в Лондоне, где заранее оповещенный Ллойд-Джордж специально выехал на Темзу, чтобы лично проверить результаты работы английских минеров.

Внешний эффект был потрясающим. Вслед за раскатами грома от взрыва горнов в небо поднялись огромные, высотой в многоэтажный дом столбы дыма и пыли, в которых просматривались клубы пламени и летящие обломки. Весь передний край, а местами и вторая линия немецких окопов превратились в груды земли с воронками, достигавшими 60 м в глубину и 120 м в диаметре. Более кучно воронки расположились в центре дуги напротив Витшаэте и на ее флангах – в районе Циллебэка и ручья Дувэ, а также у Сен-Ивона, где намечалось тремя ударами расцезь немецкую оборону и затем охватить ее с флангов.

Вслед за взрывом англичане открыли ураганный огонь по тыловым позициям немцев. Сквозь густые клубы дыма на врага двинулись танки, за которыми следовали штурмовые подразделения. Авиация также наносила удары по германским позициям. Эффект от взрыва позволил англичанам достигнуть внезапности, нанести поражение противнику и на плечах оставшихся в живых немецких солдат почти беспрепятственно ворваться в первую и во вторую линию германских траншей.

Сначала атака развивалась довольно легко. Затем, по мере вклинивания британцев в немецкую оборону, сопротивление противника стало усиливаться. Вскоре наступающие достигли населенных пунктов Витшаэте и Мессин. С ходу их взять не удалось. Тогда новозеландская пехота попыталась очистить укрепления, прикрывающие подходы к Мессину, чтобы впоследствии было легче овладеть самим населенным пунктом. Но атака развивалась медленно. Высокому темпу наступления препятствовала довольно низкая скорость движения огневого вала. На этом участке она составляла всего 100 м за 15 минут, в то время как на других участках то же расстояние преодолевалось за 3 минуты. До конца дня Мессин взять так и не удалось.

Меньше продержался Витшаэте. Он был захвачен довольно быстро. Части 36-й и 16-й (Ирландской) дивизий стремительной атакой сломили ожесточенное сопротивление немцев. Труднее пришлось 47-й (2-й Лондонской) дивизии, которая выполняла задачу не только по захвату сильно укрепленной позиции у Хуайт-Шато, но форсировала канал Ипр – Комин. Тем не менее дивизия успешно справилась с поставленной задачей и к 10 часам захватила участок канала. Этим была достигнута цель первой фазы операции.

В то время когда войска первого эшелона закреплялись на достигнутом рубеже, вперед выдвинулись 40 артиллерийских батарей, которые своим огнем должны были поддержать ввод в бой резерва.

В 15 часов 10 минут резервные дивизии и танки британцев прошли сквозь боевые порядки передовых частей и, используя результаты огневого поражения противника, устремились на германские позиции. Совместными усилиями артиллерии, танков, пехоты на некоторых участках они смяли сопротивление врага, и через час отдельные части 2-й армии вышли на рубеж, который являлся конечной целью наступления.

На этом атаки временно прекратились. Первый день операции для англичан закончился довольно успешно. Они взяли в плен 7200 солдат и 145 офицеров. В качестве трофеев англичанам досталось 94 окопные мортиры, 294 пулемета и другое имущество.

На следующий день английское командование решило обойти узлы сопротивления, окружить их и продолжать развивать наступление. 8 июня британцы передовыми отрядами отрезали немецкой пехоте пути отступления и атакой с нескольких направлений овладели Мессингом. К вечеру 8 июня немцы под натиском английских танков и пехоты были вынуждены также оставить позиции на флангах дуги: на юге – между ручьем Дувэ и рекой Лис, у канала и железной дороги – на севере. Вслед за отходом последовали контратаки немцев. Накал борьбы не ослабевал до 15 июня, когда германское командование решило отойти на заранее подготовленную так называемую хордовую позицию. Дальше англичане, сколько ни пытались продвинуться, но так и не смогли этого сделать.

Результаты

Итогом операции явилось улучшение положения британских войск в районе Ипра и обеспечения флангов для предстоящего сражения во Фландрии. Итак, цель была достигнута. Победа англичанам досталась сравнительно небольшой ценой. Тем не менее, несмотря на тщательную подготовку, англичане потеряли 16 тыс. человек, в то время как немцы – 25 тыс. Для сравнения: потери французов в 1915 году в Шампани и Артуа составили 192 тыс. человек, а немцев – 120 тыс. Еще более грандиозный урон понесли противоборствующие стороны в борьбе за Верден в 1916 году. Там на участке фронта в 20 км погибли, получили ранения и попали в плен 2 млн французов и германцев. Из них 400 тыс. были убиты, причем 300 тыс. павших опознать не представлялось возможным. Под Мессингом основные потери немцы понесли в начале операции от подземной атаки и огня артиллерии неприятеля, а англичане – в ходе развития наступления в глубине и отражении контратак противника.

Опыт Первой мировой войны (операции «Мессинг» в том числе) позволил сделать некоторые выводы для совершенствования теории и практики подготовки и ведения подземной войны. Прежде всего было уделено большое внимание подготовке кадров для организации и осуществления подземных действий. Саперы стали целенаправленно обучаться отрывке галерей, закладке и подрыву пороховых зарядов. Была создана школа слухачей, с помощью которых велась разведка чужих и охрана своих минных систем. Преобразовывалась организационно-штатная структура саперных частей и подразделений. Создавались новые подразделения (например, минные и тоннельные роты). В штаты мирного времени в тоннельные (минные роты) теперь приписывались метростроевцы, шахтеры. Совершенствовались механизмы, позволявшие более быстро и бесшумно рыть галереи. Конструировались и использовались новые приборы для прослушивания. Шел поиск более совершенных способов создания минных систем. В целях лучшего проветривания в землю входили двумя колодцами и направляли навстречу друг другу галереи, которые затем составляли единую галерею. По одному рукаву по железнодорожной колее скрытно вывозили землю, по другому – подавали свежий воздух. В интересах введения противника в заблуждение относительно места, времени и характера производимых подземных работ, а также вообще сокрытия таковых, применялся методичный огонь артиллерии, создавались дополнительные отводы от главной галереи. Иногда организовывались ложные подземные шумы, ложные взрывы.

В кампаниях 1915–1916 годов выработалась тактика совместных действий минеров, пехоты и артиллерии. Первыми начинали работу «боги войны». Они наносили поражение личному составу, артиллерии и контрминной системе противника. Следом за ней минеры проводили подземную минную атаку. Затем в дело снова вступала артиллерия, нанося массированный удар, под прикрытием которого пехота занимала воронки, образовавшиеся от подземных взрывов. Таким способом достигался частный тактический успех.

К концу Первой мировой командеры различных степеней стали приходить к выводу, что целесообразнее проводить подземную атаку на широком фронте, увязывая подземные действия с наземными и воздушными. Опыт подземных боевых действий того периода, несмотря на изменившиеся условия, средства вооруженной борьбы и способы их применения, актуален и сегодня.

Человек на самом деле должен лично испытать тяготы войны, чтобы полностью ощутить ее гнет; но годы проходят и забывается то, что пережитое нами в юности, в 1914 году, было таким же ужасным испытанием, как и участие в событиях 1939-го и последующих за ним лет. К 1918-му все мои близкие друзья за исключением одного были мертвы.

Дж. Р. Р. Толкиен, предисловие к «Властелину колец»

Окопная война начала постепенно диктовать свои условия и влиять на психологию людей. Кампании 1914–1915 годов привели к огромным потерям в кадровых армиях. На смену профессиональным военным пришла армия массовая, которая начала жить по закону больших чисел. Этот закон предполагал жизнь по инерции и стремление устроиться, приспособиться к любым условиям, ибо, как сказал Ф. М. Достоевский: «Ко всему-то подлец человек привыкает». Так, мирная жизнь проникла в войну, лишив ее романтической героики и сделав будничной, а война приобрела в сознании людей перманентный характер. До 1914 года война в европейском сознании была возведена на некий пьедестал. Она была отгорожена от простой повседневности ореолом жертвенности и небывалого героизма, на который были способны лишь исключительные личности в силу своих особых душевных качеств. Сейчас же военным мог стать любой. Просто у обыкновенного человека не оставалось никакого выбора.

И люди погибали, чтобы захватить десяток метров чужой территории, сменить одну траншею с болотной грязью на другую. И каждую новую траншею надо было обживать как собственный дом, как единственное надежное прибежище в этом сумасшедшем мире. Такое ведение войны оскорбляло здравый смысл и достоинство человека, превращая его в червя.

Э. М. Ремарк в своем романе «На Западном фронте без перемен» таким образом описал чувства простого солдата: «фронт представляется мне зловещим водоворотом. Еще вдалеке от его центра, в спокойных водах уже начинаешь ощущать ту силу, с которой он всасывает тебя в свою воронку, медленно, неотвратно, почти полностью парализуя всякое сопротивление...

Когда мы выезжаем, мы просто солдаты, порой угрюмые, порой веселые, но как только мы добираемся до полосы, где начинается фронт, мы становимся полулюдьми-полуживотными...

Мы превращаемся в опасных зверей. Мы не сражаемся, мы спасаем себя от уничтожения. Мы швыряем наши гранаты не в людей, – какое нам сейчас дело до того, люди или не люди эти существа с человеческими руками и в касках? В их облике за нами гонится сама смерть...

Мы укрываемся за каждым выступом, за каждым столбом, швыряя под ноги наступающим снопы осколков, и снова молниеносно делаем перебежку. Грохот рвущихся гранат с силой отдается в наших руках, в наших ногах. Сжавшись в комочек, как кошки, мы бежим, подхваченные этой неудержимо увлекающей нас волной, которая делает нас жестокими, превращает нас в бандитов, убийц, я сказал бы – в дьяволов...»

Происходил страшный процесс разрушения самого понятия личности. Именно в этой огромной гангренозной ране, называемой Западным фронтом, и развивалась бактерия, которая должна была в недалеком будущем обрушиться на мир в виде эпидемии немецкого фашизма.

Французское пехотное укрытие в передовой траншее

«У нашего поколения не осталось великих слов», – обращался Д. Лоуренс к современникам. Эмиль Верхарн говорил с болью о «человеке, которым он был...». Смысл великих слов и светлых идеалов был окончательно потерян вместе с 1914 годом. Изменилась сама природа человека. Выражаясь терминологией Э. Фрейда, человек из страха перед чем-то огромным, воплощающим результат коллективного труда безликой массы, например, перед полутонными снарядами Круппа и, вообще артиллерии, решил пойти по пути «идентификации себя с агрессором».

Гигантская оружейная корпорация Круппа, несмотря на мировую войну, была теснейшим образом связана нерасторжимыми деловыми обязательствами с английской оружейной компанией Альберта Веккера. Дело в том, что фирма «Фридрих Крупп» считалась основным поставщиком бронированных щитов и пластин, как для артиллерии Ее Величества, так и для королевского флота. Так, в бумагах английской фирмы «Виккерс» значились особые статьи расхода с краткой пометкой «К». По этим документам выходило, что Густаву Круппу англичане должны были платить приблизительно 60 марок за каждого погибшего немецкого солдата. Мужество, страдания, кровь – все превращалось в сухие цифры бухучета. По закону больших

величин, человек становился в буквальном смысле числом.

Должно было неизбежно настать время окончательного расхристианизания европейского мира, время всеобщего возвращения к древним забытым языческим культам, ибо только язычество способно в полной мере воплотить тайные бессознательные страхи коллективного начала перед неведомыми темными силами. Но именно германский фашизм, его идеология базировались на язычестве, отрицавшем всякое личностное начало и утверждавшем лишь власть безликой массы, слепо поклоняющейся одному жрецу или медиуму, напрямую связанному с этими тайными, темными силами.

Раз личность в этих условиях потеряла хоть какую-то значимость, и всемогущим стал упомянутый уже закон больших чисел, то эта форма титанизма могла вдохновить любого окопного червя на самые фантастические мечтания, порожденные вконец искаженной психикой простого солдата, для которого массовая гибель товарищей стала повседневностью.

Французский траншейный перископ

Именно этот урок больших чисел, урок титанизма год за годом прекрасно усваивал капрал 16-го баварского резервного полка Адольф Гитлер. В своих письмах, адресованных другу, он не только рассказывал о присуждении ему очередной награды, но и о том, что потом станут называть «окопной правдой».

«Я не мог, к сожалению, спать, – откровенно признается будущий фюрер. – В четырех шагах от моей охапки соломы лежит мертвый конь. Судя по внешнему виду, он лежит здесь уже минимум две недели. Он уже наполовину разложился. Наконец, сразу за ним расположена немецкая батарея, и каждые 15 минут две мины пролетают над нашими головами в черную ночь. Сначала они летят с воем и шипением по воздуху, а потом вдали слышны два глухих удара. Каждый из нас прислушивается. Ведь это слышишь первый раз в жизни. И в то время, как мы, тихо перешептываясь, лежим там, тесно прижавшись друг к другу, и смотрим на звездное небо, вдали слышится какой-то шум, сначала далеко, потом все ближе и ближе начинает грохотать, и отдаленные залпы пушек становятся все чаще, пока в конце концов не превращаются в постоянный грохот. Каждый из нас вздрагивает. Говорят, англичане совершают одну из своих атак. Со страхом мы ожидаем худшего, не зная ничего о том, что, собственно, происходит. Но потом становится спокойнее, и наконец адский шум прекращается полностью, только наша батарея с грохотом выпускает в ночь каждые 15 минут свой железный привет. Утром мы видим огромную воронку от мины. Через пятнадцать минут мы в пути...

Мы ползем вперед до опушки леса. Над нами с воем и свистом проносятся пули и снаряды, в клочья разлетаются вокруг нас стволы деревьев и сучья. Потом снова разрываются мины на опушке леса, и кучи камней, земли и песка взмывают вверх, огромные деревья с корнями вырываются из земли, и все задыхается в желто-зеленом, отвратительном, вонючем газе. Мы не можем лежать здесь вечно, и если уж нам суждено погибнуть, то уж лучше подальше отсюда...

Снова продвигаемся вперед. Я вскакиваю и бегу через луга и свекольные поля, перепрыгиваю через окопы, переползаю через проволоку и живую изгородь... Длинный окоп вижу перед собой, прыгаю в него, передо мной, сзади, слева и справа в окоп прыгают другие. Подо мной мертвые и раненые англичане. Теперь я понял, почему я прыгнул на что-то мягкое.

Мы начали атаку... Мы молниеносно продвинулись вперед по полям и после кровавого рукопашного боя выбили англичан одного за другим из окопа. Многие сдаются. Кто не сдается, того уничтожают. Мы очищаем окоп за окопом. Наконец мы добрались до большой дороги. Слева и справа от нас молодой лес. Итак, вперед, в лес. Доходим до места, где кончается лес и дальше идет открытая дорога. Слева – несколько усадеб, которые пока еще не заняты, и на нас обрушивается страшный огонь. Наши один за другим падают».

Когда начинаешь сопоставлять исторические факты, то первое, что бросается в глаза, так это случайность, или странное стечение обстоятельств, обладающих особым, почти мистическим значением. Создается впечатление, что в общем потоке исторического времени существуют провалы, сродни космическим черным дырам, где всякий здравый смысл отступает, а сама история сплетается тонкими женскими пальцами по воле невидимой капризной богини Судьбы. Как завяжется узелок, так и будет. И пусть гадают историки, что бы это все могло значить.

К таким провалам в общем историческом потоке времени можно отнести и следующий весьма примечательный эпизод. В ноябре 1980 года лондонский дом аукционеров Сотби с выставил на продажу за 70 000 марок в пересчете с фунтов стерлингов «Крест Виктория» бывшего британского ефрейтора Генри Тэнди, который утверждал,

что он в окопной схватке один на один из жалости оставил в живых Гитлера в одном из сражений на Ипре. Генри Тэнди стало жалко «полуслеплого, шатающегося, отравленного газом» будущего фюрера. Уже намного позднее brave английский солдат узнал во всемогущем диктаторе с характерными усиками и зачесом на левую сторону своего изможденного врага. Получается, что один ефрейтор мог спасти мир, но не сделал этого из соображений гуманности, а другой решил погубить этот мир и почти добился своей цели. Так в окопах Первой мировой, в буквальном смысле, сплелись судьбы всего человечества.

В ожидании атаки врага. Русский фронт

А пока солдаты убивали друг друга, не подозревая, что среди них находится будущий всемогущий диктатор, штабная война продолжала набирать силу, и в декабре 1915 года был подготовлен проект плана боевых действий Антанты на следующий 1916 год. Союзники надеялись предпринять одновременное наступление как на Западе, так и на Востоке. Они рассчитывали также и на помощь Италии, которая вступила в войну в мае 1915 года на стороне Антанты.

Очень ярко описал траншейную войну Л. Д. Троцкий в своей статье «Траншея»: «Несмотря на тяжелую артиллерию, аэропланы, телефоны, прожекторы, в этой затяжной и неподвижной войне ручные гранаты Густава-Адольфа и саперные работы Вобана дополняются, по меткой формуле «Figaro», нравами и картинами военного быта, почти что списанными с осады Трои.

Траншея тянется от Дюнкирхена до Бельфора. Она проползает по дюнам Фландрии, чернеющей полосой вьется по меловым пространствам Шампани, змеится в сосновых лесах Вогезов – линией в 800 километров. В этой щели скрывается французская армия, делающая усилия, чтобы устоять на месте. Французская траншея – не временный окоп, какие возводились не раз в разных местах и в разные моменты борьбы. Это решающая межа, малейшее передвижение которой в ту или другую сторону оплачивается неисчислимыми жертвами.

Когда затихает на секторе артиллерия, ничто не говорит о битве. Поле пустынно и мертво. Не видно солдат, не видно пушек. Ничто не говорит о том, что на этом небольшом пространстве идет своими таинственными путями жизнь нескольких тысяч человек. В черных норах сидят, спят, едят, перевязывают раны, умирают; по кулуарам или в соседних кустах передвигаются с места на место, – на поверхности ничего не видно и не слышно. Траншейная война есть прежде всего кровавая игра в прятки. Война кротов, столь противная «галльскому темпераменту»...

Лес после продолжительной артподготовки. Западный фронт

«Отвратительная свалка в подземелье навязана нам немцем», – жалуется и теперь еще подчас французская пресса. Но самобытность национального гения стерлась еще в одной области: французы сидят в траншеях, как немцы, как русские, как итальянцы. Траншея оказалась могущественнее «галльского темперамента».

Многие месяцы стоит траншея. Если бы знать, что в ней придется прожить так долго, ее бы сразу оборудовали иначе... А, может быть, и вовсе не хватило бы духу строить ее. Но предполагалось, что окопы – только пункты опоры для нового движения вперед. Их подправляли, постепенно обстраивали: укрепляли столбами, насыпали парапет, совершенствовали и маскировали бойницы. На оборудование шло все, что попадалось под руку: ствол дерева, ящик, мешки с землей, шинель убитого немца... Солдаты почти разучились относиться к траншее, как к временному убежищу. Они говорят о ней, как раньше о границе Франции, только понятие фронта для них гораздо более содержательно, ибо в нем – год борьбы и страданий.

Жизнь в траншеях стоит посередине между жизнью на «квартирах» второй линии (cantonnements) и между прямым боевым столкновением, атакой. Траншея дает солдату близкое соприкосновение с неприятелем. Даже когда нет вылазок, неприятель чувствуется непрерывно, в виде постоянной артиллерийской пальбы и ружейной стрельбы; часто слышатся немецкие голоса и шум подземных работ, иногда над парапетом подымается неприятельская голова, по вечерам раздается песня, нередко, особенно в разгар перестрелки или перед атакой, – ругательства и проклятия.

Траншея сразу подтягивает свежих солдат. Едва он перешел из своей стоянки в непосредственную зону военной опасности, где над ним и вокруг него повизгивают пули, он вдруг подтягивается, его энергия самосохранения сосредоточивается, он стремится теснее примкнуть к своему отряду, строже соблюдает нормы дисциплины и

порядка, которые предстоят перед ним теперь не как внешние, навязанные и произвольные установления, а как целесообразные приемы для ограждения своей жизни от опасности. Дисциплина устанавливается сама собою и без тренировок.

«До сего момента, – рассказывает французский офицер о первом огненном крещении своего батальона, – я упрекал своих солдат в безразличии и непонимании важности положения. Но в эту ночь их глаза горят, все внимательны. Они выслушивают мои приказания, как голос оракула, одобряют их словами «да, да», несколько раз повторяемыми тихим голосом»... Что настроило их так? Общая идея? Нет, близкая опасность, первый контакт с немецким ядром. «Однажды, – рассказывает наблюдательный унтер-офицер, – мы отправились сменить людей в траншеях... Нам пришлось пройти пять километров. Люди шли кое-как, вразвалку и непринужденно болтали. Вдруг в стороне от нас упал снаряд. Немедленно же отряд остановился и после нескольких секунд ошеломления двинулся вперед в превосходном порядке и в молчании, с легкой поспешностью, которая сказала в том, что от обычного походного шага перешли к ритмическому».

Немецкий пулеметчик. Перекур между боями

Смена в траншеях обычно совершается ночью. Свежие войска иногда только наутро имеют возможность убедиться, как близки они от неприятеля и какой опасности подвергались на пути в траншею. Они сами изумлены, как удалось им избежать в этих условиях смерти, и задним числом испытывают острый прилив страха. Солдаты сразу преисполняются благодарностью по отношению к защитнице-пещере, наблюдая пули, которые бьются в парашет или свистят над их головами. Инстинкт самосохранения на первых порах совершенно подавляет другие, подчиненные жизненные инстинкты, в том числе потребность в комфорте. Если для сторонних посетителей жизнь в траншее представляется совершенно чудовищной, то в глазах солдата траншея возмещает все свои мрачные стороны тем, что дает ему надежное убежище.

В дальнейшем у солдата устанавливается по отношению к траншее большая фамильярность. Он смотрит на нее уже не только как на защиту, но и как на квартиру. Вместе с тем он становится требовательнее, он начинает свое новое водворение в ней после каждого отдыха с критики того состояния, в котором оставил помещение предшественник. Уже по пути в траншею начинаются догадки насчет того, достаточно ли другая смена позаботилась о том, чтобы убрать следы своего пребывания в общем убежище. В полной силе проявляются при этом те трения, которые имеются между различными родами оружия. Горе, если артиллеристы занимают пехотную траншею: нет тогда конца издевательствам по адресу грязной пехтуры.

Обосновавшись, солдат хочет ориентироваться. Он стремится определить положение своей траншеи по отношению к неприятелю, соседство ее с другими траншеями, связь с тылом. После первых приливов страха он склонен переоценивать свою безопасность. Молодые солдаты норовят высунуть голову поверх парашета, чтобы получше осмотреться, и только окрики более опытных товарищей заставляют их держать себя в порядке. Смена за сменой, солдат принаравливается, узнает, что можно, чего нельзя, привыкает к местности, научается различать каждую на ней кочку, потому что из каждой кочки ему может грозить смертельная опасность. Малейшая перемена обманчивой поверхности теперь не ускользнет от него. Но поле наблюдений убийственно однообразно. Страшная бритва войны сотни раз прошла вдоль линии траншей и срезала все дочиства. Вот эта траншея находилась раньше в лесу. Снаряды вырвали и искалечили большинство деревьев. Остальные были затем устранены людьми и употреблены на внутреннее оборудование траншеи. Дерево у окопов – опасность. Ударившись о него, снаряд взрывается раньше срока и дает неприятелю возможность точнее урегулировать прицел. Пуля, стукнувшись о ствол, убивает рикошетом. В конце концов, вокруг каждой траншеи, которая долго находится под обстрелом, – а таковы все нынешние французские траншеи, – образуется угрюмая пустыня, и сквозь бойницы глаз всегда упирается в один и тот же пейзаж разрушения. «Мы опять в траншеях, – рассказывает в письме русский волонтер, – и опять в центре наших позиций, т. е. над минами и под «крапуйю», как называют наши солдаты миненверферы. В сорока пяти – пятидесяти метрах от нас немцы. Кругом, в долинах и на горах, заманчиво-богатая зелень, а на нашей позиции, как проклятой, ни единого живого кустика: камень, взрытая земля, ямы, пыль. А был городок. Ничего не осталось... И так повсюду».

Какая-нибудь сотня метров, иногда гораздо меньше, отделяет неприятельские рвы. Враги не видят друг друга почти никогда. Но отсюда следят по едва уловимым признакам за всем, что происходит там, знают все распорядки, даже малейшие привычки неприятельской траншеи. Необходимость приспособляться к незримому врагу

заставляет распознавать его по его действиям. А какое главное действие врага? Стрельба. Один методически выпускает выстрел из своей бойницы каждые пять минут. Это – педант, без злобы, без определенного намерения вредить. Другой палит зря по парапету, не целясь и не считая зарядов. Третий сводит свои обязанности к минимуму, – его кредо самое спокойное, он посылает пулю, как редкий подарок. Четвертый стреляет вкось, норовя убить рикошетом. У каждого своя манера и повадка. Этот злой и меткий стрелок, подстерегающий каждую тень, тот заведомый лентяй, или спортсмен, или шут... При смене эти исчезают, появляются новые, и опять начинается взаимное приспособление и распознавание. Снова смена – возвращаются старые знакомые.

Часовые бодрствуют на своих постах. Остальные заняты, кто чем. Кто дремлет, кто шьет, кто пишет... Эти подчищают кулуар; те играют в карты. В пещере пулеметчиков ювелир выделывает кольца, для которых медь и алюминий доставляются немецкими снарядами. Все тихо, почти мирно. А между тем враг близок, гораздо ближе, чем можно подумать. Эта траншея была отнята у немцев. Она соединена со второй линией, куда теперь передвинулись немцы, поперечным кулуаром. Его забили посередине стеной из мешков с землей. По одну сторону пограничной стены французский часовой, по другую – немецкий. Так стоят они, подстерегая дыхание друг друга. У обоих винтовка между колен, в обеих руках по ручной гранате и куча гранат на мешках, на уровне руки. Малейшее угрожающее движение с противной стороны – и адская музыка начнется...

Враги-соседи живут одной жизнью, переживают общие события и одни и те же чувства. Неприятель приспособляется к той же глине или к тому же песку, страдает от того же дождя, задыхается от той же жары и вдыхает тот же запах трупов, разлагающегося посередине, между обоими рвами. В непрестанной борьбе они подражают друг другу: вводят перископ против перископа, гранаты против гранат, телефон против телефона и ведут навстречу друг другу минный ход, равно неуверенные, кому судьба сулит первым взлететь на воздух.

Но вот неожиданный при всей своей естественности факт, июньский ливень, врывается в жизнь обеих траншей и выгоняет солдат на поверхность. «10 июня, – пишет с фронта другой русский доброволец, – у нас затопило дождем траншеи. Залило все землянки; в самой траншее воды было по пояс, а в более низких местах – по горло. Людей вымыло на насыпь. У немцев та же история. Как бы в молчаливом соглашении ни те ни другие не считали возможным открыть пальбу по удобным мишеням... Все, что только можно было, пустили в дело для выкачивания воды. Мармиты, ведра, сослужили свою службу. Составили цепь и начали на виду у немцев работу. Вода не убывает. Ищем причину. Оказывается, что выброшенная вода возвращается через кротовые норы в траншею. Наконец, наладили, воду выкачали, вернулись на места, и – перестрелка возобновилась»...

25 человек тянут тяжелую пушку. Ну и дороги в Европе!

Когда отряд долго занимает одну и ту же траншею, а неприятельский огонь не причиняет слишком больших опустошений, тогда жизнь в траншее устроивается, как в депо или в cantonnements: возобновляются перебранки, шутки, издевательства, которые должны заполнить пустоту сознания.

Ярким выражением замкнутой психической жизни является выработка особого языка: факт, который наблюдается в пансионатах, казармах и тюрьмах. Известные факты и явления, новые или старые, предстают перед солдатами под их собственным траншейным углом зрения, и это свое особое отношение к факту требует закрепления в новом слове. Целый ряд таких слов уже перебрался из траншей в обиходную французскую речь и вошел в литературный язык. Молодые солдаты последнего набора, как и столетие тому назад, называются Marie-Louise, по имени той австрийской принцессы, которая стала французской императрицей и требовала от сената призвать под знамена набор 1814 года. Обстрелянные солдаты называются poilus. «Стариков-резервистов» с полуиронической лаской именуют pereges, нечто вроде папаш. Слово marmite, горшок, служит для обозначения больших неприятельских снарядов. Пушка в 75 миллиметров называется «Евгенией», а штык носит сладковатое имя: «Розалия»...

Утомленное однообразием сознание отталкивает всякую постороннюю работу, которая грозит выбить его из того состояния неустойчивого равновесия, в котором оно держится. Солдаты как бы забывают в траншеях о своей профессии, редко вспоминают о семье и в большинстве уклоняются от выполнения всяких мелких ручных работ, для которых траншейная жизнь оставляет достаточно времени. Чтобы воспользоваться невольным досугом или имеющимся под руками материалом и дать выход своей творческой энергии в каких-нибудь поделках, нужны уже незаурядная воля или особо

благоприятные условия.

Здесь, в траншее, очень мало думают об общих задачах войны и, хотя это может показаться парадоксом, меньше всего думают о враге. Неприятельская траншея, которая посылает смерть, как неприятельская пушка, которая бросает свои губительные снаряды, конечно, стоят перед солдатом всегда, приковывая его внимание. Но здесь дело идет не о Германии, не о планах императора Вильгельма, не о немецком вызове, не об историческом враге, – дело идет о кусках свинца или чугуна, которые несут гибель и от которых нужно спасаться, посылая чугун и свинец по направлению неприятельской траншеи. О неприятеле говорят более живо, когда ждут атаки или когда сами готовятся к ней, но как говорят? – в терминах физического столкновения.

Солдаты с напряжением ждут писем, с тревогой читают их, но после прочтения остаются всегда неудовлетворенными. Письмо пробуждает полузабытые, крепко придавленные воспоминания, мысли и чувства и, порождая тревогу о другом мире, не дает ей разрешения. Но траншея сейчас же заявляет о себе, подчиняет себе, – впечатление письма быстро изглаживается. Напрягая инстинкт самосохранения, траншея настраивает сознание эгоистически. Когда ро́и́л думает о своих, он почти всегда слышит в своей душе припев: «Они там, а я здесь; я бьюсь за них, я защищаю их, я могу быть убитым»...

В конце года войны солдат стали отпускать с фронта на 4 дня в отпуск. Они покидают группы свой сектор и потом растекаются по родным местам. У окон вагона солдаты-крестьяне с жадностью глядят на колосющийся хлеб и толкуют об осенних работах. Траншея позади. Все говорят или думают о семье, предвосхищают чувство встречи, беспокоятся... Многое могло измениться за год... Но в семье, в родном селе или городе пермиссионеры (отпущенные на побывку), несмотря на радость встречи и безопасность, чувствуют себя не по себе. Между ними и домашней средой нет прежнего равновесия. Оборванный психический контакт не восстанавливается сразу. Рождается чувство неудовлетворенности, которое принимает у иных бурные и даже трагические формы. Были случаи, когда пермиссионеры уезжали до срока или стреляли в жену и себя... Четыре дня проходят скоро. В вагоне, на обратном пути, возвращающийся солдат встречает своих товарищей. Бегло делятся впечатлениями с побывки. Но мысль уже захвачена траншеей. Говорят о ней, вспоминают, предвидят. Замкнутая среда снова поглощает их психически, прежде еще, чем они физически погрузились в нее.

Такая атмосфера царила на всем Западном фронте. Например, условия в траншеях при Сомме были ужасающими. Чтобы выйти на поле боя, солдатам приходилось под покровом ночи проходить в обход за линиями укреплений, затем пробираться сетью ходов сообщения и вспомогательных траншей до тех пор, пока они не попадали на передовую. Траншеи на передовой были заболоченными и неудобными. Для того, чтоб насколько возможно защититься от германского обстрела, солдаты между атаками укрывались на дне траншей и окопов. Со дна траншеи они могли видеть только небо и укрепленные мешками с песком стенки. Огневые точки были снабжены площадками и бойницами для ведения огня.

Нейтральная полоса – пространство между германскими укреплениями и передовой линией союзных войск – была заболоченным месивом из обломков зданий, серой грязи и щебня от меловых утесов в окрестностях Соммы, с воронками – отметинами от разорвавшихся снарядов, перетянутым колючей проволокой. Повсюду лежали трупы с лицами, почерневшими под солнцем и дождем. Крысы отъедались на незахороненных телах. Ничто не росло на нейтралке. Немногие уцелевшие деревья были лишь стволами, лишенными артобстрелом ветвей и листьев. Сама земля была разворочена. Эта сухая, задыхающаяся пустошь, изрытая воронками от снарядов, нейтральная полоса, если не считать вражеских солдат, лишена жизни. Почти ничего не растет и не живет там. Природа уничтожена могуществом людей, современное оружие практически уничтожило все живое на Западном фронте.

Атаковать – означало подняться из траншеи и пересечь нейтральную полосу, чтобы достичь германских позиций. Приблизиться к расположению противника мешали проволочные заграждения и немецкие пулеметчики, косившие скопления англичан у прорезанных проходов в колючке. Солдаты использовали любые доступные им укрытия – воронки, затопленные канавы и рвы.

Страшно в этих пейзажах то, что они не были созданы природой, а появились в результате разрушительного воздействия техники. Подобных полей боя просто не существовало до Первой мировой войны. В более ранних войнах армии приходили на поле битвы, сражались и покидали его. Настало время, когда создание нового, более разрушительного оружия (в частности, артиллерии) и новая тактика ведения войны все изменили. Поля сражений Первой мировой войны непрерывно укреплялись и подвергались артобстрелу. Эти пейзажи одинаково противоестественны.

Мертвецы, лежащие в грязных лужах, – это потрясающая человеческое воображение картина траншейной войны на Западном фронте. Когда начались осенние дожди, поле

боя на Сомме превратилось в зловонную топь – болото, усеянное разлагающимися трупами людей и животных.

Ужасный голод и жажда напоминают страдания солдат в окопах, когда вода и провиант не могли быть доставлены. Обычно солдаты не имели при себе большого запаса пищи и воды. Доставка снабжения могла быть прервана артобстрелом и часто была невозможной на передовых позициях, таких, как наблюдательные посты на нейтральной полосе. В летнее время жажда была особенно мучительна, поскольку на поле боя зачастую не было питьевой воды.

Клубы пепла и испарений напоминают об использованных в траншейной войне ядовитых газах. Британские противогазы были надежны, но неудобны и затрудняли ведение боя. Газ скапливался в низинах – траншеях и окопах, именно там, где люди укрывались от обстрела и бомбардировки. Хотя многие ядовитые газы были смертельны или опасны для здоровья, некоторые их типы были предназначены исключительно для того, чтобы сделать условия невыносимыми для противника.

Траншеи – это эхо фронтовых полей Первой мировой войны, которые смердели химикалиями и смертью. Ужасный запах был пыткой для солдат, сражающихся в окопах. Тягловых животных (лошадей и мулов), убитых вражеским огнем, обычно оставляли гнить просто потому, что не было времени избавиться от них. Тела убитых в бою, особенно если они погибли вблизи вражеских линий, часто не могли быть собраны и захоронены. Многие были разорваны на куски артиллерийскими снарядами, и собрать их тела было невозможно. Смердящая трясина напоминает места боевых действий во Фландрии, где люди буквально тонули в грязи.

Голубиная почта. Переносная голубятня

Эрнст Юнгер в своей книге «В Стальных Грозах» так описывает окопный быт небольшого участка Западного фронта:

«Боевая позиция полукругом огибала деревню, соединяясь с ней рядом траншей. Она была разделена на два участка – Монши-Юг и Монши-Запад. Эти участки, в свою очередь, подразделялись на шесть рот от А до F. Дугообразная форма позиции давала англичанам хорошую возможность фланкировки, и, ловко используя ее, они приносили нам большие потери. В этом им помогало спрятанное сразу же за их линией оружие, стрелявшее мелкой шрапнелью, вылет и попадание которой сливались в один звук. Как молния среди ясного неба вспыхивал вдоль окопа сноп свинцовых пуль, что требовало особой бдительности постового.

Пройдемся теперь по самой позиции, какой она была в то время, чтобы усвоить некоторые ходовые выражения.

Чтобы проникнуть на передовую, для краткости называемую окопом, мы сначала должны ступить на один из многочисленных подходов путей, назначение которых – прикрытие подхода к боевой позиции. Таким образом, эти окопы, протяженностью часто в целые километры, ведут к вражескому стану, но, чтобы их нельзя было обстрелять по всей длине, их прорыли зигзагообразно или слегка искривленно.

После пятнадцатиминутного марша мы прорезаем параллельную первой вторую линию, где продолжается сопротивление, если боевой окоп взят.

Передвижная голубятня на базе автобуса

Сразу видно, что сам боевой окоп отличается от примитивных сооружений, возникавших в начале войны. Это уже не просто окоп; его подошва тянется на глубине в два или три человеческих роста в нетронutom грунте. Защитники, таким образом, ходят по ней, как по основанию шахты; чтобы осмотреть местность и открыть по ней огонь, они должны подняться по ступеням или широким деревянным лестницам к постовому входу, имеющему вид длинного бруствера, который так врыт в землю, что стоящий на нем возвышается над грунтом на высоту своей головы. Каждый стрелок стоит на своем посту в более или менее укрепленной нише, пряча голову за пакет с песком или стальной щит. Собственно обзор осуществляется через крошечные амбразуры, куда просунут ружейный ствол. Большие массы земли, извлеченные из окопа, сложены за линией в виде вала, служащего одновременно тыловым прикрытием; в этот земляной вал встроены возвышающиеся над ним пулеметные площадки. С лобовой стороны окопа землю, наоборот, тщательно расчищают, чтобы освободить пространство для стрельбы.

Перед окопом и вдоль него тянется, часто изломанно, заграждение, – сеть туго сплетенной колючей проволоки, которая позволяет спокойно расстреливать захватчика из постовых ниш.

Заграждение опутано высокой травой, которая уже заселила опустелые поля новой и инородной порослью.

Дикорастущие цветы, обычно поодиночке разбросанные среди злаков, теперь завладели всем пространством; повсюду буйно разрослись низкие кустарники. Затянулись травой и тропы, но они пока еще четко выделяются стелющимися по ним круглыми листьями подорожника. В этой чаще птицам привольно, – будь то куропатки, чей странный призывный клич часто слышен по ночам, или жаворонки, чье многоголосое пение оглашает пространство вместе с первыми лучами солнца.

Чтобы уберечь окоп от фланкировки, он проведен меандрически, то есть как бы отскакивает назад равномерными излучинами. Эти отскакивающие назад участки образуют поперечины, которые принимают на себя снаряды, поступающие сбоку. Таким образом, боец со спины прикрыт тыльным траверсом, с боков – поперечинами (поперечными траверсами), а наружная стенка окопа называется бруствером.

Для отдыха предназначены блиндажи, из простых земляных ям постепенно переросшие в настоящие замкнутые жилые помещения с балочным перекрытием и дощатыми стенами. Высотой блиндажи – в человеческий рост и так встроены в землю, что их пол лежит вровень с подошвой окопа. Над балочным перекрытием находится, таким образом, еще один, достаточно массивный, земляной слой, выдерживающий легкие и средние попадания. Но при тяжелом обстреле эта земляная крышка легко берет на себя ту же роль, которую в мышловке играет кирпич, и лучше спрятаться куда-нибудь поглубже в штольню.

Собаčky упряжки на Западном фронте

Штольни укреплены надежными деревянными рамами: первая вставлена на высоте подошвы в переднюю стенку окопа и образует вход в штольню; каждая последующая расположена на тридцать сантиметров ниже, так что вскоре достигает укрытия. Так образуется лестница, ведущая в штольню; на уровне тридцатой ступеньки, таким образом, уже девять, а с учетом глубины окопа – даже двенадцать метров земли над головой. Рамы несколько большего размера приделаны к лестнице под прямым углом; они образуют жилое помещение. Поперечные соединения создают подземные переходы; ответвления, ведущие в сторону вражеской позиции, используются для прослушивания и подрывных работ.

Все вместе можно себе представить как мощную, снаружи кажущуюся вымершей земляную крепость, внутри которой идет регулярная постовая и трудовая служба и где в считанные секунды после боевой тревоги все стоят на своих местах. Не следует, однако, тамошнее настроение рисовать себе слишком романтическим; там, скорее, царят сонливость и инертность – следствия близкого соседства земли.

Меня причислили к шестой роте, и через несколько дней после прибытия во главе отделения я выступил на позицию, где был тут же встречен огнем английских гранатометов. Это были ручные гранаты из ломкого железа, форму которых лучше всего сравнить с одним из шаров, отрезанных от стофунтовой гантели. Их взрыв был глухим и невнятным и часто маскировался под пулеметный огонь. Жуткое чувство испытал я, когда вдруг, совсем рядом, что-то загорелось, ярко осветив окоп, и нас сотрясла зловещая взрывная волна. Люди быстро втащили меня в блиндаж нашего отделения, к которому мы как раз приблизились. Сидя внутри, мы еще раз пять или шесть ощутили удары тяжелых мортирных снарядов. Мина, собственно говоря, не попадает, она «садится»; этот осмотнительный способ разрушения весьма неприятно действует на нервы. Когда на следующее утро я проходил по окопу, то повсюду видел большие, разряженные ручные гранаты, развешанные перед блиндажами, как сигнальные гонги.

Участок С, где располагалась рота, более других выдавался вперед. Наш ротный командир, лейтенант Брехт, в начале войны спешно прибывший из Америки, был человеком, как раз наиболее подходящим для такой обороны. Его бесшабашная натура постоянно искала опасности и привела его в конце концов к героической смерти.

Наша окопная жизнь протекала размеренно. Вот каким был распорядок дня, неизменный в течение восемнадцати месяцев, если только обычная перестрелка не перерастала в атаку с воздуха.

Французский солдат позирует у брустверной бойницы

Окопный день начинается с наступлением сумерек. В семь часов человек моего отделения подымает меня от послеобеденного сна, идущего мне в запас в преддверии ночного бдения. Я застегиваю ремень, засовываю ракетницу и ручные гранаты в

портупею и покидаю сравнительно уютный блиндаж. При первом прохождении хорошо знакомого участка проверяю, все ли часовые на своих местах. Шепотом обмениваемся паролями. Тем временем наступает ночь; серебрясь, ввысь поднимаются первые осветительные ракеты, и напряженные глаза всматриваются в нейтральную полосу. Между консервными банками, набросанными на укрытие, шурша, пробегает крыса. К ней со свистом присоединяется другая, и вскоре уже повсюду кишат шныряющие тени, хлынувшие из разрушенных деревенских погребов или простреленных штолен. Охота за ними – излюбленное развлечение во время одинокой постовой службы. В качестве приманки кладешь кусочек хлеба и на него нацеливаешь ружье, или же в норы насыпаешь порох из неразорвавшихся снарядов и поджигаешь. Визжа, крысы с опаленной шкурой прыскают оттуда. Это отвратительные существа, у меня все время перед глазами их блудливое мародерство в деревенских погребах. Однажды, когда теплой ночью я прохаживался по руинам Монши, они таким неправдоподобно могучим потоком извергались из своих засад, что земля походила на живой ковер, на котором точками высверкивалась белая шкура альбиносов. В окопах приютились и кошки, потянувшиеся сюда из разрушенных деревень, – им приятна человеческая близость. Большой белый кот с простреленной передней лапой, как привидение, шныряет по ничейной земле и, по-видимому, водит дружбу и с теми и с другими.

Возвращаясь к рассказу об окопной службе. Отклонения от темы тут неизбежны, легко становись разговорчивым, чтобы скоротать темную ночь и бесконечно тянущееся время. В тех же целях я захожу к какому-нибудь бывалому вояке или унтер-офицеру и со вниманием слушаю их ничем не примечательную болтовню. Часто меня, как фенриха, втягивает в благодушную беседу дежурный офицер, которому так же одиноко и неуютно. Он снисходит даже до приятельского тона, говорит доверительно и с жаром, вытаскивая на свет заповедные мечты и желания. И я охотно вступаю в беседу, потому что и на меня давят тяжелые, черные стены окопа, и я в этом зловещем одиночестве тоскую по человеческому теплу и участию. Ночью от земли веет каким-то особым холодом; это холод духовного рода. Точно так же тебя начинает бить дрожь, едва ты пересекаешь незанятый участок окопа, куда полагается ступать только патрулю, и, когда по ту сторону колючей проволоки попадаешь в ничейную страну, дрожь переходит в легкий озноб, так что слышно, как зубы стучат. Манера, в которой романисты описывают этот озноб, часто неверна; в нем нет ничего насильственного, скорее он похож на слабый электрический ток. Его так же мало замечают, как и говорение во сне. И он тотчас проходит, едва начинается действительно что-то серьезное.

Беседа становится вялой. Мы устаем. Сонно прислоняемся к поперечине и неподвижно смотрим на сигарету, горящую в темноте.

Французские передовые наблюдатели

На морозе приплясываешь, переминаясь с ноги на ногу, чтобы не замерзнуть, так что твердая земля от топота гудит. В холодные ночи слышен непрерывный кашель, разносящийся далеко вокруг. Когда пробираешься по нейтральной полосе, то кашель – первый признак вражеской линии. Иногда часовой насвистывает или тихо напевает что-нибудь, создавая зловещий контраст, если крадешься к нему со смертоносными целями. Часто идет дождь, тогда печально стоишь, подняв воротник шинели, под козырьком у входа в штольню и прислушиваешься к однообразному падению капель. Едва услышишь шаги начальника, идущего по мокрому дну траншеи, – быстро проходишь чуть-чуть дальше, резко поворачиваешься, щелкаешь каблуками и докладываешь: «Унтер-офицер стрелковой службы. На участке без перемен!» ибо стоять у входа в штольню запрещено.

Мысли блуждают. Глядя на луну, думаешь о чудесных, уютных днях, проведенных дома, или о большом городе там, далеко, где в этот час выходят из кафе и фонари освещают оживленную ночную суету центральных улиц. Кажется, что когда-то видел все это во сне – в какой-то неправдоподобной дали.

Вдруг перед самым окопом что-то зашевелилось, две проволоки звякнули, коснувшись друг друга. Вмиг улетучиваются мечтания, чувства обостряются до боли. Взбираешься на пост, посылаешь ракету: ни единого звука. Наверно, это был заяц или куропатка.

Иногда слышишь, как противник копошится у своего заграждения. Тогда посылаешь ему целую очередь, пока не разрядишь весь патронник. И не только потому, что приказ есть приказ, но и удовольствия ради. «Теперь они там прижаты. Может, и уложил кого-нибудь». Мы тоже каждую ночь тянем проволоку, и у нас частенько бывают раненые. Тогда эти гнусные свиньи, англичане, достаиваются нашей отборной ругани.

В некоторых местах позиции, например у взрывных камер, посты расположены не

далее чем в тридцати метрах друг от друга. Иногда здесь завязываются личные знакомства; Фрица, Вильгельма или Томми узнаешь по его манере кашлять, свистеть или петь. То и дело слышатся короткие оклики, не лишённые грубоватого юмора: «Эй, Томми, ты еще здесь?» – «Да!» – «Спрячь голову, приятель, стреляю!»

Вдруг следом за глухим выстрелом раздаётся свистящий, вибрирующий звук. «Внимание, мина!» Все устремляются к ближайшему входу в штольню и прислушиваются. Грохот от разрыва мины совсем другой, он действует на нервы гораздо сильнее, чем граната. В нем вообще есть что-то хищное, хитрое, что-то от личной ненависти. Мины – коварные существа. Ружейные гранаты по сравнению с ними – миниатюрные изделия. Как стрелы вылетают они из вражеского окопа и несут с собой боеголовки, изготовленные из красно-бурого металла, который, дабы производить более эффективное разрывное действие, разграфлен наподобие плиток шоколада. Когда в определенных местах ночного горизонта появляются их всполохи, все часовые вскакивают с постов и исчезают в укрытии. По своему долгому опыту они точно знают, где стоят орудия, направленные на участок С.

Подземный город на передовых позициях

Наконец светящийся циферблат показывает, что два часа прошло. Скорей будить смену – и в блиндаж. Может быть, подносчики еды принесли письма, посылки или газеты. Испытываешь удивительное чувство, читая вести из родного дома с его мирными заботами, пока тени от мигающих свечей скользят по низким, неотесанным балкам. Соскоблив щепкой грубую грязь со своих сапог и вытерев ее о ножку грубо сколоченного стола, я ложусь на койку и натягиваю на голову одеяло, чтобы часа четыре «всхрапнуть», как говорится на здешнем жаргоне. Снаружи с монотонной повторяемостью по укрытию хлопают снаряды, мышь пробегает по лицу и рукам, не нарушая сна. Не беспокоит меня и более мелкая живность – за несколько дней до этого мы основательно прокурили блиндаж.

Еще дважды меня вырывают из сна, и я иду справлять службу. К концу последнего дежурства светлая полоска на востоке возвещает о наступлении нового дня. Очертания окопа становятся резче; в серых рассветных сумерках он производит впечатление несказанной заброшенности. Жаворонок поднимается ввысь; я воспринимаю его трели как раздражающее меня навязчивое противоречие. Прислонившись к поперечине, без малейшего восторга, тупо смотрю на мертвое, оцепленное колючей проволокой предполье. Нет, последние двадцать минут никогда не кончатся! Наконец в траншее гремят котелки вернувшихся раздатчиков кофе: 7 утра, ночное дежурство закончилось.

Я спускаюсь в блиндаж, пью кофе и моюсь в жестянке из-под бисмарковой селедки. Это меня бодрит, и у меня пропадает желание спать. В 9 часов я уже снова должен построить и распределить свое отделение на работу. Мы – настоящие мастера на все руки, окоп ежедневно предъявляет нам тысячу требований. Мы роём глубокие штольни, строим блиндажи и бетонные убежища, готовим провололочные препятствия, создаём мелиоративные устройства, обшиваем, укрепляем, устраним, удлиняем и срезаем, засыпаем выгребные ямы – короче, со всем управляемся сами. А почему бы и нет, разве не все сословия, профессии и сферы деятельности послали сюда своих представителей? Чего не может один – может другой. Вот совсем недавно, когда я ковырялся в штольне нашего отделения, один горняк взял у меня из рук мотыгу и сказал: «Все время загребайте снизу, герр фенрих, сверху грязь полетит сама!» Странно, что такой простой вещи я до сих пор не знал. Но здесь, среди пустынной местности, когда ты с железной неотвратимостью вынужден искать защиты от снарядов, укрываться от ветра и непогоды, мастерить себе стол и постель, строить печи и лестницы, скоро научаешься использовать и свои руки. Привыкаешь ценить работу руками.

Английская пехота на марше

Ровно в час дня из кухни, устроенной в одном из погребов Монши, в больших котлах, молочниках и ведрах из-под повидла приносят еду. Питание отличается военным однообразием, но его хватает, если, конечно, раздатчиков не «припудрит сверху» и они не расплескают половину по дороге. После еды остается время для сна или чтения. Незаметно приближаются и те два часа, которые предусмотрены для дневной службы. Они проходят намного быстрее, чем ночные. Наблюдаешь за хорошо знакомой вражеской позицией в бинокль или стереотрубу и время от времени постреливаешь из оптического ружья по головам, торчащим, как мишени. Но будь

осторожен, у англичанина тоже острые глаза и хорошие бинокли.

Вдруг кто-то из часовых падает, обливаясь кровью. Выстрел в голову. Товарищи отрывают от его мундира пакет и делают перевязку. «Не имеет смысла, Вилли». «Эй, да он не дышит!» Потом приходят санитары и оттаскивают его на перевязочный пункт. Носилки резко натываются на угловатую поперечину. Едва они исчезают из виду, как все снова становится на свои места. Несколько бросков земли на алуя лужу – и каждый идет заниматься своим делом. Только новичок еще стоит с бледным лицом, прислонившись к обшивке. Он старается уразуметь, что же произошло. Так неожиданно, так внезапно, эдакий зверский налет... Этого не может быть, это невероятно! Бедняга, тебя поджидают еще и не такие штучки.

Но зачастую все не так уж плохо. Некоторых обуревают настоящий охотничий азарт. Не без злорадства следят они за попаданиями собственной артиллерии во вражеский окоп. «Во дает!» «Черт, гляди, как поливает! Бедняга Томми! Придется ему поплакать!» Не без удовольствия посылают на ту сторону ружейные гранаты и легкие мины, раздражая пугливых. «Эй, ты, прекрати шуточки, нам и так хватает перца!» Но это не мешает придумывать, как с помощью катапульты собственного изобретения лучше запустить ручную гранату или с помощью какой-нибудь адской машины поразить ничейную территорию. А иногда прорезают узкую улочку в заграждении перед своим постом, заманивая какого-нибудь доверчивого разведчика в эту удобную лазейку, или же, прокрывшись на ту сторону, привязывают к проволоке колокольчик и из собственного окопа дергают его за длинную веревку, чтобы взбудоражить английского часового. Война для них – веселая затея.

Час послеобеденного кофе проходит иногда очень приятно. Фенрих часто составляет компанию одному из ротных командиров. Все идет по чину; тон и форма беседы не переходят за рамки, определенные служебной иерархией.

Французская пехота поднимается в атаку

На скатерти из мешковины даже матово поблескивают две фарфоровые чашки. Затем денщик ставит на шаткий стол бутылку и два стакана. Разговор становится интимней. Любопытно, что и здесь отыгрываются на ближнем. Сплетни цветут пышным цветом, во время же послеобеденных визитов они расцветают еще пышней. Почти как в небольшом гарнизоне. Начальники, товарищи по оружию и подчиненные подвергаются обстоятельной критике, и новый слух за какое-нибудь мгновение уже обежал блиндажи взводных командиров всех шести боевых участков от правого до левого фланга. И наблюдающие офицеры, которые через подзорную трубу, вооружившись блокнотом, прощупывают всю полковую позицию, вносят сюда свою лепту. Позиция роты наглухо не закрыта; все время идет сквозное сообщение. В тихие утренние часы появляются штабные и распространяют вокруг себя деловую суету, – к большому неудовольствию солдата, улегшегося, наконец, после ночного дежурства, и на устрашающий клич «Герр дивизионный командир в окопе!» снова в положенном облачении выбегающего из штольни. Следом приходят офицеры – саперы, строители и мелиораторы – и ведут себя так, будто окоп только для того и создан, чтоб было где выполнять их распоряжения. С меньшим радушием встречают офицера-корректировщика, устраивающего репетицию заградительного огня, ибо едва он удаляется вместе со своей стереотрубой, которую он деловито, как насекомое щупальца, высовывает то там, то сям, как сразу же дает о себе знать английская артиллерия, и за все отдувается пехотинец. Затем являются командиры передовых отрядов и шанцевых подразделений. Они допоздна просиживают в блиндаже командира взвода, пьют грог, курят, играют в польскую лотерею и под конец, как полчища крыс, убирают все подчистую. Перед наступлением ночи по окопу шарит некий человечек, подкрадывается к часовым, крича им в самое ухо: «Газовая атака!» – и отсчитывает, сколько секунд занимает натягивание противогаза. Это – офицер противохимической защиты. Среди ночи – снова стук в дощатую дверь блиндажа: «Не спите еще, приятель? Быстро распишитесь в получении двадцати рогаток и шести рам!» Пришли ответственные за материальную часть. И такое хождение туда-сюда, по крайней мере в спокойные дни, не прекращается ни на минуту, исторгая у несчастного обитателя штольни вздох: «Постреляли бы, что ли, а то никакого покоя нет». И действительно, несколько увесистых попаданий разряжают обстановку; во всяком случае, никто больше не пристает, и нет этой нудной бумажной возни.

– Герр лейтенант, разрешите идти, у меня через полчаса служба!

Снаружи в заходящих лучах солнца блещут глиняные валы насыпей, окоп уже погрузился в тень. Скоро взлетит первая осветительная ракета и ночной дозор займет свои посты».

А вот как описывает траншейную жизнь Восточного фронта русский офицер:

«За время моей болезни немцы, преследуя 1-ю армию, успели местами проникнуть

довольно далеко в Литву, почти до Гродно. Это была с их стороны грандиозная и рискованная демонстрация, с целью отвлечь внимание и силы русских от Варшавского фронта. Но они натолкнулись здесь на энергичный отпор со стороны 10-й и нашей 1-й армий. Генералы Флуг и Ренненкамф искусными маневрами и упорными боями заставили немцев уйти, а местами почти бежать обратно в Восточную Пруссию. Бои эти проходили в течение сентября и октября.

Вспоминается тот прекрасный сентябрьский солнечный день, когда мы с подполковником Красиковым подъехали на подводе к линии фронта. Издали видно было, как красиво в синем небе в виде светлых облачков рвались снаряды. Мы явились в окоп командира полка. Приветливо, с улыбкой встретил он нас. «А я думал, что вы дольше будете лечиться! Ну, что в Вильно?» Я передал ему письмо и посылку от его семьи. Узнал про успешное продвижение опять к границе, после удачного боя под Красно, где отличились наш и 105-й полки. В полку уже многими ротами командовали младшие офицеры, взамен убитых или раненых ротных командиров. Теперь наступление приостановлено и идет «окопная война».

Затишье на фронте. Можно посидеть

В сумерки пробрался я в окопы своего батальона и моей роты. Роте я привез много табаку, чему чрезвычайно обрадовались мои солдаты, кутившие, за отсутствием махорки, просто траву. Когда наступала полная тишина, солдаты вылезали из окопов размяться, «оправиться» и т. д. Окопы немцев были очень близко. Обидно было, что у нас строжайше запрещено было разводить в окопах огонь, в то время, как у немцев мы видели и огни и дым.

Словно по взаимному соглашению, с темнотой совершенно прекращался ружейный и артиллерийский огонь. Слышно было, как к немцам подъезжали полевые кухни.

Окопы наши были самого примитивного устройства, местами на болоте, т. к. окопались там, где немцы остановили наше наступление.

Временно командовавший моей ротой мл. офицер 15-й роты подп. Жук, рассказал мне о всех новостях в полку, о последних боях, о наградах и т. д. Фельдфебель Нагулевич доложил мне подробно о службе роты за мое двухнедельное отсутствие, об убитых и раненых. Оказалось, по счастью, что все унтер-офицеры были живы и налицо, кроме подпрапорщ. Карпенко, командированного в штаб корпуса за запасными, и вольноопределяющегося Наумченко, командированного в школу прапорщиков: уже чувствовался недостаток в кадровых офицерах и принимались меры к замещению их.

Утро было пасмурное. Наша полевая артиллерия первая открыла огонь по висевшей высоко за немецкими окопами «колбасе» – аэростату с корзинкой, где сидел корректор-наблюдатель, дававший знать своим о малейшем нашем движении. Видно было, как близ этой «колбасы» на фоне темной тучи красиво вспыхивали ватные облачка нашей шрапнели. Немцы в ответ посылали «чемоданы».

Я никогда в жизни не забуду впечатления от разрыва этих «чемоданов». Сидишь себе в этом грязном, холодном окопе. Слышишь где-то у немцев тупой звук далекого выстрела, потом ухо улавливает звук приближающегося снаряда, режущий воздух и хрипящий звук «хрр-о-о...», где-то высоко в небе все увеличивающийся, ближе, ближе и все ниже!.. На мгновение этот звук замирает... с ним вместе замирает наш слух и наше дыхание... и затем: «тра-а-ах!» – взрыв! Трясется земля! Дух захватывает от сотрясения воздуха! Видишь огромный столб земли, дыма и огня, высоко поднявшийся к небу, разрушивший все, что было живого и неживого на месте взрыва...

Впечатление от рук, ног и прочих частей человеческого тела, разбросанных после взрыва этого снаряда, – невыносимо для человека, оставшегося в живых. Душу раздирающие крики и стоны тяжело раненных снарядами людей завершают его страшный эффект!

Дозорный в передовом окопе. Франция

Правда, бывали случаи, когда разрывом «чемодана», попавшего в окоп, никто не был убит, а только потом находили иногда несколько людей, засыпанных землей, с почерневшими лицами, причем из земли торчали только руки и ноги... Их быстро откапывали и приводили в чувство. Но вообще моральное влияние на психику бойцов от этих разрывов было очень сильное!

Вспоминается по этому поводу один эпизод. Штабс-капитан нашего полка А. И. так боялся этих разрывов, что иногда падал в обморок. Один раз, на ночлеге в хате, где он спал, стукнули дверь. Приняв этот стук за разрыв «чемодана»,

штабс-капитан, как безумный, вскочил с кровати и опрометью выбежал из хаты и только на дворе, увидев денщиков, мирно поджаривавших себе на ужин у костра индюка, опомнился.

Но недаром он так боялся, вероятно, у него было роковое предчувствие, и он погиб именно от «чемодана!» Уже в месяце декабре в одно морозное раннее утро, когда еще не открыт был огонь, неожиданно, откуда-то с фланга немецких окопов, раздался одинокий выстрел, прилетел «чемодан» и буквально разорвался на несчастном штабс-капитане. Он в этот момент, высунувшись из своего окопа, кричал – «разносил» за что-то одного солдата! Все мы были поражены этой смертью!

Роковое предчувствие сбылось! Как было обидно, что немцы могли нас прямо «засыпать» своими снарядами, а у нас в первых же боях с ними не только не было тяжелой артиллерии, но и легкая – полевая все время «экономила» снаряды.

Вообще, громадное огневое превосходство было на стороне немцев, именно благодаря их более многочисленной артиллерии. Вот почему мы проигрывали бои в Восточной Пруссии под Уздау и Бишофсбургом (13/26–15/28 августа) и, особенно, в бою под Сольдау 15–28 августа.

В этих боях, как теперь стало известно и по немецким источникам, у немцев участвовало число батарей в 4 раза более, чем у нас, например, в бою у Бишофсбурга на наши 8 батарей – 40 немецких, а в бою под Сольдау на наши 6 батарей – 39 немецких!

Началась «окопная» война. До сих пор мы вели наступательные бои против немцев, стараясь скорее вытеснить их из нашей территории. Немцы, упорно сопротивляясь, наконец, остановили наше наступление. И та и другая сторона на месте боя (наша дивизия у м. Капсодзе, недалеко от границы) окопались, зарылись в землю.

Какое это унижение для воина зарыться в землю! Какая подавленность духа от сознания, что ты обратился в крота!

Приказы свыше продолжать наступление «тихой сапой»... мало воодушевляют. Малейшее наше продвижение вперед ночью, при помощи выкопанных окопов, сейчас же замечалось немцами...

Вновь вырытые окопы с переползшими туда русскими, с рассветом, буквально засыпались немецкой артиллерией на таком близком расстоянии, с большими для нас потерями.

Германский командный пункт

Каждый вечер, с темнотой, посылали мы к немецким окопам разведку. Уже было выяснено, что у немцев двойные окопы: в передних окопах ночью только полевые караулы по 5–6 человек от роты и пулеметы, а сзади в окопах – полки. Видна забота о сохранении сил для боя! У нас же – все впереди, все в напряжении, – почти никаких резервов, – нет заботы о сбережении сил.

Напрягая память и не могу отличить день от дня этого сидения в окопах, так однообразно оно было! Подавленность духа вследствие огневого превосходства немецкой артиллерии и чувство плена... Чуть высунул – свистит пуля, да еще разрывная, вопреки всякой Женевской конвенции, подписанной немцами! Эта пуля издает двойной звук: от удара и от разрыва, а рана от нее ужасная! Наши солдаты, обозленные этим, потихоньку от начальства начали спиливать острую пулю, чтобы тупым концом наносилось большее ранение!

На одну «очередь» нашей батарее немцы отвечают десятью: шрапнелью и гранатой по нашим окопам, а «чемоданами» по резервам и штабам. Но иногда тяжелый снаряд попадал и к нам. Мы научились сразу по звуку узнавать «чемодан», летящий к нам, а не в резервы. Какой бы крепости блиндажи мы ни строили для своей защиты, «чемодан» все пробивал и воронка после него годилась для помещения 20–30 чел.! Но зато какой восторг и смех вызывал у солдат «чемодан», если он, ударяясь, «чмокал». Это значило, что он почему-то не разорвался, попав, например, в болото.

Иногда немцы, буквально засыпав нас снарядами, выходили из окопов и начинали наступление, но каждый раз мы своим огнем ружейным и пулеметным (патронов для пехоты тогда еще не жалели) их отбивали...

С наступлением ночи огонь прекращался, и мы тут же, недалеко от окопов, хоронили своих убитых. Невысокий холм – братская могила, общая для всех убитых за день и деревянный, а иногда и можевелевый, крест над ней! Из резерва прибывал ночью батюшка с церковником и отпевал их в каждом батальоне.

Тихая ночь покрывала все! Кротко мерцающие звезды, иногда луна, освещали эту скорбную картину! Пение «со святыми упокой рабов твоих», «их же имена ты, Господи, веши» – (потому что не всегда роты успевали дать знать батюшке эти имена) – грустно разносилось в темноте... Каждый из нас, кто слышал это пение,

думал: быть может, завтра и моя очередь?...

В начале октября вернулись в роту мои младшие офицеры: из госпиталя пор. Бадзен и из командировки – подпор. Врублевский.

И вот, наконец, по соображениям начальства «свыше» 17 окт. последовал приказ нашей дивизии, в ночь на 18 октября перейти в наступление, в частности нашему полку дана задача: взять впереди лежащее им. Капсодзе, занятое немцами.

Нужно сказать, что наши окопы от немецких разделяла речка, протекавшая среди болота. По ночам уже были заморозки, но все-таки это болото и глубокие на нем колодцы-«ямы» не замерзали.

Получив этот приказ, полк засветло выслал вперед офицерскую разведку наметить пути наступления к им. Капсодзе в этом болоте.

Ночью в 2 ч полк, соблюдая тишину, вышел из окопов, построился в штурмовую колонну: 4-й и 3-й батальоны впереди, в 4-м батальоне головная рота – моя 16-я. 2-й и 1-й батальоны во 2-й линии.

Ближний разрыв вражеского снаряда

Начальником всей штурмовой колонны полка назначен был георгиевский кавалер, командир 1-го батальона подполк. Борзинский. В приказе было сказано начать наступление всей дивизии ровно в 3 ч ночи. Устно передано было, что по сигналу ракетой наша артиллерия предварительно откроет усиленный огонь для подготовки этого штурма, 4-му батальону, как головному, приказано держать связь направо со 107-м Троицким полком.

Около 3 ч ночи явился из штаба дивизии подполковник Борзинский. Проверили часы – остается 10 мин до трех, а соседа справа – 107-го полка нет! Послали туда ординарца. Наконец – 3 часа, а никакой ракеты нет! 10 минут четвертого, а наша артиллерия – ни звука! Наконец, явился посланный из 107-го полка и доложил, что полк застрял, потому что командир штурмовой колонны подполковник Н. (фамилию его забыл) среди болота попал в окошко и утонул! Полк же скоро выступит. Подполковник Борзинский по телефону узнает от командира полка, что подготовка атаки артиллерийским огнем отставлена, дабы ночной штурм явился для немцев неожиданностью.

Команда шепотом: «На молитву, шапки долой!» Все молчаливо молятся. – «Шагом марш!» – Темная-темная ночь! Проводники-разведчики идут впереди, указывая дорогу. Тихо... только шуршит мерзлая трава под тысячами ног... Все команды передаются шепотом. Строгий приказ «не открывать огня до самого штыкового удара» напоминает всем ротам.

Вдруг – близко-близко одиночный выстрел и с жалобным, тонким звуком пролетела куда-то пуля! Эх! Это – немецкий секрет, лежавший около наших окопов, успел выстрелить, очевидно, желая дать знать своим об опасности. И, действительно, сейчас же тревожно забегали лучи немецких прожекторов, нащупывая врага... а затем затакал и их пулемет, но пули летали высоко куда-то назад...

Инстинктивно все увеличиваем шаг и, слава богу! Только что спустились вниз по откосу к ручью, как немцы сразу открыли сильный огонь из многих пулеметов и из ружей залпами... Забухали и их пушки... Сзади во второй линии 1-го и 2-го батальонов слышались крики раненых... Рой ружейных и струи пулеметных пуль пронизывали ночной воздух своим жужжанием и воем над самыми нашими головами... Жуткое чувство страха и опасения, что еще немного ниже возьмут немцы траекторию, и смерть начнет косить свои жертвы и в наших рядах...

Мы спускаемся все ниже к речке... опасность миновала... Проходим выше пояса вброд речку... Режущий холод пронизывает все тело от ледяной воды с запахом гнили и навоза... Потом мы узнали, что в эту речку немцы по ночам сбрасывали трупы убитых в ночных стычках русских разведчиков... Несколько таких разлагающихся трупов роты 3-го бат. нашли у самой речки. Долго-долго потом воняла моя шинель этим трупным запахом.

Совершенно мокрые, в хлюпающих водою сапогах, двигаемся мы вперед, несмотря на ураганный огонь над нашими головами. Все потери убитыми и ранеными несет вторая линия, не успевшая спуститься к речке.

Но вот и у нас начинается подъем местности вверх от речки, и сейчас же и у нас убитые и раненые... Крики и стоны тяжелораненых резко нарушают дисциплину молчаливой атаки...

Немцы взяли нас под перекрестный огонь: пулеметы их расположены подковой... Наше наступление окончательно остановлено!.. А казалось – цель, т. е. их окопы, уже так близко! Неожиданность штурма пропала совершенно...

Ясно слышны их тревожные голоса и команды...

Мы залегли за невысокими кучами собранного для поля удобрения, так как

окопаться в мерзлой земле очень трудно. Пули летят уже совершенно низко, нельзя и головы высунуть, но все-таки они летят выше и дальше туда, где резервы.

Случайно за одной мерзлой кучей очутились вместе: полк. Борзинский, я и офицеры 15-й роты. Набежав потом сзади, поруч. Бадзен повалился на нас с хохотом: «А я всех вас давил!»

Наблюдатель

– Где же троицкие? – спрашиваю я полк. Борзинского. – Правый наш фланг открыт, почему наша артиллерия не отвечает на их огонь?

Полковник Борзинский ругается, что прервана телефонная связь со штабом дивизии, а главное – вся неожиданность атаки пропала: немцы встречают нас во «всеоружии», и скоро начнет рассветать...

Немного спустя полковнику Борзинскому удастся связаться со штабом дивизии: оказывается, уже полчаса тому назад отдан приказ прекратить ночную атаку и вернуться в свои окопы. Чувство досады на неудачную и неумелую организацию этого штурма заглушается эгоистической, чисто животной радостью: штурм отставлен... Ужасы штыкового боя в ночной темноте, тревожившие мое воображение, понемногу рассеиваются.

Но за это малодушие судьба сейчас же наказывает: как только мы двинулись «враспынную» назад к своим окопам, немцы открыли ураганный огонь, словно угадывая в темноте наше отступление... Опять купание в вонючей «трупной» речке, но теперь нам было не холодно, а даже «жарко»!.. Главные потери убитыми и ранеными понесли мы буквально «у себя». Очевидно, немецкие пулеметы и ружья заранее были нацелены на линию самых наших окопов. Скорей бы открыть против них огонь, мелькает в голове, чтобы не ринулись они сами на наших плечах в атаку!..

Но вот, к счастью, заговорила в этот критический момент наша артиллерия, понеслись милые, родные звуки: «ту-у, ту-у»...

Еще одно усилие, и мы – в своих окопах, сейчас же открыли сами ружейный огонь – и пора: совсем рассвело. Таким образом очутились мы в старой обстановке и возобновилась «окопная война»!.. Слово никакой ночной атаки и не было, а только пригрезилась она в нашем воображении... Но – нет, это не сон! Вот сколько раненых отправляют в тыл в полевые госпитали, а убитые остались лежать там, почти у самых окопов противника... Упокой, Господи, их души!

Немецкая штурмовая группа изготавилась к броску

Мы же, оставшиеся живыми, когда утром затих огонь, переобувались и переодевались, потому что были совершенно мокрые после ночного купания в вонючей речке. И долго еще пахла моя шинель мертвечиной!..

Только на другой день мы узнали, почему немцы сами не выступили из своих окопов и не преследовали нас. Оказывается, наши пулеметы, заняв ночью один домик и горку вблизи немецких окопов, при попытках немцев выступить из своих окопов для преследования нас открыли такой убийственный, почти фланговый огонь, что немцы сейчас же спрятались. И только благодаря этому не ворвались они на наших плечах в наши окопы.

Героем этой пулеметной обороны явился поручик П. Н. Нечаев, забравшийся со своим пулеметным взводом во фланг немцам. Спасая наш отход своим огнем, он сам со своими пулеметами едва не попал в плен к немцам, целый день отстреливался и только вечером, с темнотой, вернулся в свои окопы, понеся большие потери убитыми и ранеными пулеметчиками.

Через несколько дней получаем грозный приказ командира корпуса генерала Епанчина (бывший директор Пажеского корпуса), с карандашом в руках, чисто арифметически подсчитав число убитых и раненых в этой неудачной ночной атаке, он нашел это число недостаточным. «Малочисленность убитых и раненых, – говорил приказ, – доказывает, что не было проявлено надлежащей энергии и упорства в этом бою», и он приказывает завтра, 24 октября, с рассветом возобновить наступление и взять во что бы то ни стало позицию Капсодзе. О плохой организации и подготовке ночной атаки 17 октября в приказе не было ни слова.

Невесело стало на душе: если мы не смогли ночным неожиданным штурмом взять Капсодзе, то что же мы сделаем днем?! Немецкая артиллерия и пулеметы своим перекрестным огнем сметут нас, как только мы выйдем из окопов и ступим в это болото. На нашу же артиллерию с ее «экономией снарядов» стало мало надежды. Прямо зеленые (а не бледные), бродили мы с пор. Бадзеном ночью по окопам, зорко

оглядываясь в немецкую сторону. Не хотелось говорить, сон улетел... Мое мрачное настроение еще увеличивалось от полученного в тот день от жены письма с извещением об опасной болезни (воспаление легких) моего младшего сына Валентина. Мой денщик Иван под сильным артиллерийским огнем в этот день пробрался из обоза II разряда ко мне в окоп (за 15 верст!) с этим печальным известием. Полное отчаяние овладело мною! Я не мог в ту ночь даже и молиться. Я был почти уверен, что этот бой будет проигран.

Вот и даже унтер-офицерам я нарочно ничего не говорил о предстоящей атаке; пусть хоть они выпянутся, думал я. В эту ночь, не выдержав нервного напряжения от ожидания этой атаки, застрелился у себя в окопе командир 3-й роты капитан Кемпинский.

Траншея после артобстрела

В бинокль видел я у немцев обыкновенные костры и на фоне их редкие фигурки часовых. Перед рассветом, 24 октября, подняли мы роты. Объяснили им задачу. Серьезно и пытливо смотрели на меня глаза моих унтер-офицеров. Чуть рассвело, мы выслали вперед разведку, чтобы вслед за ней начать наступление. Я не отрывал глаз от бинокля.

Но что это у немцев?! Необыкновенное явление: галки и вороны садятся на самые их окопы! Неужели ушли?! И вот, смотрю и глазам своим не верю: разведчики моей роты первые дошли до немецких окопов, вскочили, пляшут на окопах и на штыках машут мне фуражками! Я бросился к телефону и донес, что окопы немцами оставлены и что я сам с ротой двигаюсь вперед! За моей ротой двинулись и другие роты... Когда мы подошли к их проволочным заграждениям, то увидели много уже разложившихся трупов наших солдат и нескольких офицеров, убитых в ночной атаке (17 окт.) им. Капсодзе. Они лежали в разных позах, все уже без ружей, отобранных у мертвецов немцами. Лежали совершенно близко от их окопов, причем некоторые убитые повисли на самых проволочных заграждениях... Страшные гримасы их сильно тронутых разложением лиц производили ужасное впечатление! Воздух насыщен был трупным запахом. Я подумал: какие невыразимые мучения претерпели эти герои, первыми бросившиеся на окопы врага в ночной атаке, пока смерть не прекратила их страдания! Ведь вполне возможно, что немцы подобрали ночью только близлежащих и стонавших раненых. Но почему они не сняли и не похоронили трупы вот этих мертвецов, висящих и запутавшихся в колючей проволоке у самых окопов?! Вероятно, для устрашения нас, живых...

Итак, мы двигаемся вперед. Немцы отступили! Какая это была радость перейти опять границу и перенести бои на их территорию. Я жадно глотал воздух, гарцуя на своем янусе впереди роты.

Тяжелое состояние нудного окопного сидения под снарядами сменилось приятным сознанием наступления и свободы!.. Это было чувство непередаваемой радости. Между прочим, когда мы подходили к бывшим немецким окопам, издали увидели на самой дороге лежащего здесь без движения нашего солдата. Все мы думали и сожалели, что это – убитый. Но, когда рота к нему приблизилась, «убитый» вдруг поднялся и, шатаясь во все стороны, начал плясать и петь! Он был совершенно пьян.

Оказалось, это был солдат из разведки. В немецких окопах он набрел на целую бутылку с крепким «шнапсом...» Обрадовавшись такой находке, он ее всю выпил и сразу опьянел! Вся рота хохотала что приняли пьяного за мертвого.

В имении N... где был у немцев штаб корпуса, мы нашли целый склад подарков, одежды и вкусных продуктов, присланных из «фатерланда» для офицеров и солдат... В этом же имении мы нашли в одной хате смертельно раненую, красивую молодую девушку-литвинку. Старик отец рассказал нам следующее: немецкий унтер-офицер из отряда у Капсодзе все время добивался ее любви и вот, потерпев неудачу, в последний момент, когда его рота ночью уже уходила, прибежал в хату к его дочери и с руганью выстрелил в нее!

Скорбная картина умирающей, такой молодой и красивой девушки, взволновала нас всех! Родители ее горько плакали, умоляя нашего полкового врача спасти ее, но, по словам доктора, – надежды было мало. Пуля застряла вблизи сердца. Девушку эту, в сопровождении ее отца и фельдшера, отправили в полевой лазарет.

Двинулись дальше на Герритен. С чувством особой гордости смотрю на пограничные столбы; вот и горка с тремя соснами, свидетельницами нашего первого боя под Сталупененом. Казалось, что здесь ничего не изменилось. Только вместо цветущего лета стоит глубокая осень. А сколько пережито, перечувствовано за это короткое время! Как часто радость боевых успехов сменялась унынием и малодушием от наших ошибок и потерь!

Ведь только сегодня утром мы, уфимцы, ожидали поражения у Капсодзе, и вот, все опасения рассеялись... Кто же выручил нас?! Оказалось, 25-я дивизия сделала прорыв, дело дошло до штыкового боя, которого немцы вообще не выдерживали, и они очистили нашу территорию. Мы их преследуем».

Трудности с эвакуацией

Эвакуация раненых с передовых позиций была сопряжена с большой опасностью. Даже если пехота противника не вела прицельный огонь по санитарам, всегда был риск получить шальную пулю или угодить под артобстрел. Густав Эбельхаузер (Ebelhauser) выносил своего раненого товарища по изрытому воронками полю боя на Сомме: «Каждая воронка, каждая щель, каждая дыра в земле разворачивали неприкрытую картину человеческой смерти. Мы прошли мимо солдата, чье тело было все разворочено, а головы не было вовсе... Ноги другого трупа были опутаны кишками, вывалившимися из вспоротого живота еще одного погибшего». Эбельхаузер все же добрался до медицинского поста, но его товарищ умер на операционном столе.

Не менее 80 % потерь было вызвано артиллерийским огнем. При взрыве оболочка снаряда раскалывалась на большое количество острых осколков, причинявших ужасные раны. Хотя солдатам выдавали обезболивающее, часто раненых было невозможно эвакуировать с поля боя, превратившегося в море раскисшей грязи. И все же раненых было так много, что медицинские пункты не успевали с ними справиться, и многие умирали, так и не дождавшись своей очереди.

Часть 8

Пропаганда

Пропаганда имеет цель направлять мысли людей в нужную сторону и руководить ими, играя на их чувствах.

Йозеф Геббельс

Несомненно, слова – самый сильный наркотик, используемый человечеством.

Редьярд Киплинг

С первых же дней августа перед правительствами воюющих стран встали не только неотложные задачи по бесперебойному пополнению действующих армий людскими ресурсами и боевой техникой, но и не менее насущные политико-идеологические проблемы.

Российское руководство взывало к патриотическим чувствам сограждан с первых же дней войны. 2 августа император Николай II обратился к народу с Манифестом, в котором традиционное миролюбие России противопоставлялось неизменной агрессивности Германии.

Американский пропагандистский плакат военных времен

8 августа на заседании Государственной думы верноподданнические чувства императору, а также веру в правоту его действий и готовность, отложив внутренние разногласия, поддержать солдат и офицеров, оказавшихся на фронтах, выразили представители большинства политических партий и объединений. Общенациональный лозунг «Война до победного конца!» был подхвачен даже либерально настроенными оппозиционерами, которые еще совсем недавно ратовали за сдержанность и осторожность России во внешнеполитических решениях.

«Обилие снарядов – залог победы». Русский плакат, агитирующий за военный заем

На волне подъема национального патриотизма с особой яркостью проявились антинемецкие настроения, выразившиеся и в переименовании ряда городов (и прежде всего Петербурга, ставшего Петроградом), и в закрытии немецких газет, и даже в погромах этнических немцев. Духом «воинственного патриотизма» прониклась и российская интеллигенция. Многие ее представители активно включились в антинемецкую кампанию, развернутую в прессе в самом начале августа, десятки тысяч добровольно ушли на фронт.

Во Франции парламент в первых же числах августа, без всяких обсуждений, принял

серию законов, обеспечивавших интересы национальной безопасности: о приостановлении свободы печати и собраний, о введении цензуры и других ограничений на политическую деятельность и распространение информации. В сложившейся обстановке совершенно неожиданно повели себя французские анархо-синдикалисты и революционные социалисты. Даже самые ярые из них «антимилитаристы» поддержали курс на войну. Таким образом, в руках военного командования Франции сосредоточилась огромная власть. Но, как оказалось, большинство граждан страны и членов политических партий готовы были принять подобного рода «диктатуру» ради одной цели – достижения скорой победы над противником.

Английская пехота захватывает немецкие позиции. Британский пропагандистский плакат

В свою очередь, в странах Центрального блока, и прежде всего в самой Германии, развернулась контрпропагандистская кампания. Мощный ура-патриотический подъем охватил все слои немецкого общества. Ведущие деятели крупнейшей в рейхстаге Социал-демократической партии Германии (СДПГ), традиционно считавшейся «национально неблагонадежной», в военном вопросе целиком встали на сторону правительства. В немецких документах, датированных августом 1914 года, говорилось о начале «войны духа» и об отождествлении немецкого государства Гете и Канта с Германской империей Бисмарка и Гинденбурга.

Словно в ответ на это на страницах российской периодической печати активно проводилась мысль о том, что в войне с Германией отразилось историческое столкновение славянства с германизмом, высокой русской духовности и добросердечия – с тевтонским варварством и агрессивностью.

«Про трусость турецкую да удаль молодецкую». Русский лубок

Вообще периодическая печать воюющих стран (в том числе центральные, фронтовые, армейские газеты и листовки, адресованные непосредственно солдатам) вносила свою солидную лепту в создание образа врага. Используя реальные факты и непроверенные слухи, обе воюющие стороны старались «предъявить» друг другу как можно больше взаимных обвинений и претензий. Каждая из них представляла другую в качестве истинного виновника развязывания войны, а себя – в качестве невинной жертвы. В прессе обеих враждующих коалиций обсуждались и всячески подчеркивались нарушения противником законов и обычаев войны. Собственные «нелигитимные» действия такого рода либо категорически отрицались, либо квалифицировались как адекватные меры в ответ на аналогичные акции неприятеля. Именно так оправдывались убийства немцами пленных русских казаков, расправы над гражданскими лицами на оккупированных территориях Франции и Бельгии, а также бомбардировки бельгийского Реймского собора и уничтожение библиотеки католического Лувенского университета, насчитывавшей 230 000 книг, 950 манускриптов и 800 инкунабул. Этот варварский акт, названный «Сараевом европейской интеллигенции», использовался в качестве яркой иллюстрации «натиска гуннов и варваров», то есть немцев, против западноевропейской культуры.

«Австро-германские варвары с дубинками». Итальянский пропагандистский плакат

факты, полученные в ходе боев, выявили всю лживость немецкой пропаганды: в то время как официальные источники утверждали, что противник уже почти встал на колени и что в Великобритании, обложенной со всех сторон немецкими U-Boot, царит голод, солдаты, захватившие в мае английские склады, обнаружили там в избытке такие продукты, как кофе, шоколад, сигареты и даже ром. Поэтому немецкие пехотинцы не могли устоять перед искушением разграбить все это богатство, и темпы наступления резко замедлились. Отличное состояние в войсках противника отмечали даже не привыкшие много размышлять штурмовики. Один из них записал в своем дневнике, что англичане все делают из меди и латуни, словно в насмешку над немцами, испытывавшими острый голод в цветных металлах.

В то время русские газеты писали:

№ 19 Выстрелы в спину

1914 г., августа 26-го. – Из описания боевых действий лейб-гвардии 2-го

стрелкового царскосельского полка у фольварка Калишаны – Камень – д. Войцехов Люблинской губернии

...2-й батальон бросился в атаку на поддержку рот 1 – го батальона, двигался 400 шагов под губительным артиллерийским и ружейным огнем и овладел левофланговым участком позиции противника. Неприятель, забравшийся под блиндажи (окопы были почти сплошь блиндированы) и стрелявший в упор из бойниц, частью стал выскакивать из окопов; некоторые подняли белые флаги.

У поднявших белые флаги были испуганные и искаженные ужасом лица; руки подняты вверх; на устах – мольба о пощаде.

Роты проходили мимо, не трогая добровольно сдавшихся; было несколько случаев, что поднявшие белые флаги стреляли в спины нашим офицерам и стрелкам...

Эпилог

Войны начинают, когда хотят, но заканчивают – когда могут.
Никколо Макиавелли

Целое поколение жителей большей части Европы прожило в мире до наступления 1914 года. Европейцы добились выдающихся успехов в науке и искусствах. Социалисты проповедовали единение рабочего класса. Прогресс представлялся правильным и неизбежным. Потрясающие новые технологии должны были принести новые блага человечеству. Первая мировая война принесла крушение этому миру. По мере того как война становилась все кровопролитнее и целые народы вовлеклись в боевые действия, европейскому обществу были навязаны новые порядки. После войны Европа уже никогда не была прежней. Оказалось, что наука и техника легко могут быть использованы во зло, для военных нужд. Германия, Россия и Австро-Венгрия потерпели поражение, их правители не были прощены своими народами, чьи сыны были скормлены Молоху индустриальной военщины. Большая часть некогда прекрасной Европы лежала в руинах. Миллионы молодых мужчин, которые могли бы так много сделать для общества, были убиты или искалечены, их семьи пытались справиться с понесенными утратами. Мирное население серьезно пострадало. Горе было повсюду – каждый оплакивал смерть близких и печалился об ушедшей былой жизни. Новые времена казались во многом хуже прежних.

С Февральской революцией регулярная война на 1400 километрах русского фронта почти закончилась. Последнее сражение Первой мировой войны закончилось под Маас-Аргонном 11 ноября 1918 года, в тот же день в Компьенском лесу было подписано перемирие, а 29 июня 1919 года страны-победительницы (США, Британская империя, Франция, Испания и др.), с одной стороны, и Германия – с другой, подписали Версальский договор, официально завершивший эту войну.

В 1919 году немцы были вынуждены подписать Версальский мирный договор, который был составлен государствами-победителями на Парижской мирной конференции.

Мирные договоры с:

Германией (Версальский мирный договор 1919 года)
Австрией (Сен-Жерменский мирный договор 1919 года)
Болгарией (Нейский мирный договор 1919 года)
Венгрией (Трианонский мирный договор 1920 года)
Турцией (Севрский мирный договор 1920 года).

Итогами Первой мировой войны стали ликвидации четырех империй: Германской, Российской, Австро-Венгерской и Османской, причем две последние были разделены, а Германия и Россия, перестав быть монархиями, были урезаны территориально и ослаблены экономически. Реваншистские настроения в Германии фактически привели ко Второй мировой войне.

В результате Великой войны карта Европы оказалась полностью перекроена. Возникли новые государства: Австрия, Венгрия, Югославия, Польша, Чехословакия, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия. Противоречия между новыми государствами, сохранившийся промышленный потенциал Германии и ее ущемленное положение делали новую мировую войну неизбежной. В 1918 году орудия смолкли, но политическая конфронтация и порожденная вражда между народами не исчезли, что привело к еще более разрушительной Второй мировой войне. Обе войны – звенья одной цепи. Несмотря на то что Первая мировая война велась в цивилизованных рамках, она нанесла сильнейший удар по европейской цивилизации и государственности.

В этой войне впервые в истории всех войн нашли широкое применение танки, самолеты, подводные лодки, зенитные и противотанковые орудия, минометы, гранатометы, бомбометы, огнеметы, сверхтяжелая артиллерия, ручные гранаты, химические и дымовые снаряды, боевые отравляющие вещества. Общие потери всех воевавших стран составили порядка 9,5 млн человек убитыми и 20 млн человек ранеными.

В результате войны Германия потерпела полное поражение и была вынуждена капитулировать. Однако, несмотря на продолжительность боевых действий, а также существенные материальные и людские потери стран, участвовавших в ней, в результате так и не удалось разрешить те противоречия, которые привели к ее развязыванию. Наоборот, антагонизмы в международных отношениях лишь углубились, что создавало объективные предпосылки для возникновения новых кризисных явлений в послевоенном мире.

Победа стран Антанты в Первой мировой войне была закреплена дипломатическим путем. Победители навязали побежденным странам Центрального блока неравноправные мирные договоры (Версальский, 28 июня 1919 года, Сен-жерменский, 10 сентября 1919 года). На Парижской мирной конференции 1919–1920 годов была учреждена Лига Наций.

При всем трагизме произошедшего Первая мировая война послужила отправной точкой для кардинальных изменений в политике, экономике и общественной жизни целых континентов.

четыре года кровавой бойни

Самое ужасное, не считая проигранного сражения, это выигранное сражение.
Герцог Веллингтон

11 ноября 1918 года на всех фронтах раздались звуки труб, игравших сигнал отбоя: умолкли пушки, Первая мировая война окончилась... В общей сложности Первая мировая война продолжалась 1568 дней. В ней участвовали 38 стран с населением свыше 1,5 млрд человек (что составляло 87 % населения земного шара). Вооруженная борьба велась на фронтах общим протяжением 2500–4000 км.

В своих бедствиях люди склонны винить судьбу, богов и все, что угодно, но только не самих себя.

Платон

Общие потери всех воевавших стран составили порядка 9,5 млн человек убитыми и 20 млн человек ранеными. Несмотря на то что Первая мировая велась в цивилизованных рамках, она нанесла сильнейший удар по европейской цивилизации и государственности, разрушила сложившийся порядок в мире. В надвигающемся грядущем мир ждали великие потрясения...

Наступления, похожие на бойню, когда сотни и тысячи людей гибли, чтобы захватить десяток метров чужой территории, сменив одну траншею с болотной грязью на другую, оскорбляли здравый смысл и достоинство человека. Каждую осень говорили, что этот ужас кончится к зиме, но наступала весна, а войне по-прежнему не было видно конца; армии и народы сражались лишь с одной надеждой – человечество извлечет из всего этого хороший урок.

Война наконец кончилась, последствия ее были многообразны и бесчисленны, но над всем преобладало одно: разочарование.

Использованная литература

Юнгер Эрнст. «В Стальных Грозах». Будни позиционной войны (Первая мировая война).

Троцкий Л. Д. «Война и техника». 1915.

Троцкий Л. Д. «Крепость или траншея?»

Троцкий Л. Д. «Траншея».

Шелавин Н. «Германские позиции 1915–1918 гг. на Западном фронте». «Война и Революция». 1920.

Веремеев Ю. Сайт «Анатомия армии». Army.armor.kiev.ua.

Веремеев Ю. Г. «Сапер». web.etel.ru/-saper «Туннели Первой мировой войны открывают свои секреты»,

Фрайс А., Вест К. «Химическая война». 1924.

Саундерс Антоний. «Оружие траншейной войны», УК, 1999.

Juenger Ernst. «Storm of Steel». London, 1929.

Русский фортификационный сайт, www.fortification.ru.

Гудериан Г. «Внимание, танки!».

Эдвард Спирз (Spears) «Liason 1914». London, 1968.

Де-Лазари А. Н. «Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 г.».

Ремарк Э.-М. «На Западном фронте без перемен».

МакБрайд Г. В. «Солдат ушел на войну».

Свечин А. А. «Искусство вождения полка».

- Шварте М. «Крепостная война и укрепление полевых позиций».
- Шварте М. «Военная техника современности». 1927.
- Шварте М. «Техника в мировой войне» (Die Technik im weltkriege).
- Ардашев Алексей. «Зажигательное и огнеметное оружие». Москва: «Яуза», «Эксмо», 2009.
- «Французские рассказы с фронта», издание Т-ва А. С. Суворина. Петроград.
- Яковлев В. В. «Краткий очерк истории подземной минной войны», издание ВИАРКА. Москва, 1938.